

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт философии

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Ответственный редактор Г.Л. Белкина
Редактор-составитель М.И. Фролова

Москва
издательство
КАНОН-ПЛЮС
2022

УДК 172
ББК 87.6
Ч 39

Ч 39 **Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы.** – М.: КАНОН+, 2022. – 496 с.
ISBN 978-5-88373-712-0

Книга посвящена глобальным изменениям социально-антропологической реальности, связанным с применением новейших биотехнологий и последствиями коронавирусной пандемии в современном мире. Авторы статей обсуждают вопросы взаимодействия человека и технологий, обновление экономического устройства мира в условиях биотехнологической стадии НТР, антропогенные вызовы глобальной экосистеме, последствия и уроки короновирусной пандемии, биоэтические проблемы экспериментов на человеке и редактирования генома человека, этические вызовы генетических технологий в клинической практике, проблемы статуса эмбриона человека в эмбриологии и генетике, состояние мира в эпоху глобального дисбаланса, ответственность современного человека перед будущим планеты и родом человеческим. Методологической основой дискуссии ученых и философов стал комплексный междисциплинарный подход к исследованию человека, разработанный в трудах академика Ивана Тимофеевича Фролова (1929–1999).

Для философов, социологов, биологов, специалистов по междисциплинарным исследованиям и для всех интересующихся судьбами человека и человечества в современном мире.

ББК 87.6

ISBN 978-5-88373-712-0

Содержание

Contents

Предисловие

В центре внимания авторов настоящей книги – философские, социальные, научные и этические проблемы разработки и применения новейших технологий. Основной акцент делается при этом на те возможности и те риски, которые эти технологии открывают для человека как в плане освоения окружающей природы, так и в отношении «улучшения» своей собственной природы.

Лейтмотивом книги стали слова, сказанные академиком Иваном Тимофеевичем Фроловым в 1993 г. в лекции на XIX Всемирном философском конгрессе в Москве: «Конечно, сегодня новая реальность заставляет по-новому оценить многое из того, что утверждалось ранее в неоправданно категорической форме. Это относится к философским вопросам перспектив человека и человечества в условиях глобальных проблем и угроз»[1]. Фактически, философ несколькими словами определил переломную суть нашего времени: наступление новой реальности в условиях глобальных проблем и угроз для человека и человечества. Давно замечено, что мысли И.Т. Фролова не утрачивают, а набирают актуальность с течением времени. Приведенному высказыванию почти тридцать лет. Но все говорит за то, что оно в еще большей степени относится к следующим десятилетиям XXI в. Мы слышим многочисленные высказывания о том, что человечество вступает в новую эпоху цифровизации и НБИКС-технологий, когда сложнейшие связи социальных, научных и технологических процессов коренным образом изменят жизнь людей. Мы должны быть готовы встретить перемены. Важно, в какой мере процессы развития науки и техники подконтрольны обществу. В наши дни новая реальность превращается из прозрения выдающегося философа в повседневность, обволакивающую человека во всех его отношениях к миру. Но ощутимость ситуации новой реальности не снижает ее грозности и непредсказуемости. Вмешательство человека становится глобальным вызовом экосистеме. Способность биосферы к авторегуляции в условиях роста антропогенных вмешательств снижается, а реакция ее становится труднопрогнозируемой. Технологии искусственного интеллекта начинают выходить за границы понимания создавшего их человека. Результаты нашего воздействия на такие системы

---

1 *Фролов И.Т.* К постижению человека, разумного и гуманного // Свободная мысль. 1993. № 13. С. 79.

предсказать точно невозможно, что усиливает неопределенность будущего для человека. Человеку еще предстоит освоиться в новой эпохе, адаптироваться к ней с приобретениями и потерями.

И.Т. Фролов проводил мысль о том, что правильный путь освоения новых технологий – это разумный реализм. Человечеству вредит как технократический оптимизм, так и технофобия. Они одинаково опасны, ибо, несмотря на свою противоположность, приводят к сходному результату: утрате способности к своевременному и всестороннему контролю человека над продуктами его собственной деятельности. И.Т. Фролов говорил, что сегодня от того, сможет ли человек избавиться от целого ряда иллюзий и стереотипов, зависит, продолжится или катастрофически завершится развитие земной цивилизации. Комплексный подход И.Т. Фролова включает сочетание научного, социального и этического аспектов. Подобный комплексный подход может служить методологическим ориентиром в осмыслении общественной ситуации с пандемией коронавируса 2019–2021 гг.

«Блага, которые мы получаем от генной инженерии – например, “зелёная революция” в сельском хозяйстве, – сопряжены со страшными опасностями. Как в атомной энергетике, – только ещё коварнее. Всё так может расползтись, что в один “прекрасный” день, проснувшись, мы вдруг ни одного листочка, ни одного дерева не увидим. Оказывается, что всё сожрали какие-то рекомбинантные организмы, которые выскочили из лабораторных пробирок. А потом эти организмы возьмутся за нас. Я не раз призывал учёных: давайте констатировать эти опасности не постфактум. Давайте их упреждать. Иначе будет поздно»[2].

Эти поразительные по точности предвидения слова были сказаны И.Т. Фроловым в 1989 г. в ходе беседы с участниками молодежной организации Пагуошского движения ученых. Он говорил тогда собеседникам, что общество вправе требовать от учёных такого мудрого подхода в условиях, когда простая небрежность, не говоря уже о злой воле или «научном» самомнении, может иметь непоправимые последствия. Общество должно получить информацию о возможных опасностях не постфактум, а заранее, и именно в своевременном осмыслении проблем и информиро-

[2] *Фролов И.Т.* На радость или на горе? // Комсомольская правда. 1989. 27 июля.

вании общества состоит долг ученых. Слова философа сбылись спустя тридцать лет в разгар пандемии коронавируса.

Сбылись в полном соответствии с его же учением о глобальных проблемах современности. Эпоха глобализации, о которой И.Т. Фролов писал в теоретическом плане, стала реальностью буквально через год после его смерти в 1999 г. Локальные действия приобретают сегодня глобальную значимость. В этом, возможно, главная тайна современной эпохи. В эпоху, когда человечество охватило своей деятельностью всю планету, действия отдельных людей, влияющие на будущее, волнами расходятся по всей планетарной цивилизации. В особенности это касается ученых. Глобальные проблемы научно-технической революции не существуют где-то помимо конкретных ученых. Практически каждый, кто раздвигает сегодня границы неведомого, стоит перед риском породить проблему, которая может приобрести общечеловеческий характер.

Что же касается предостережений И.Т. Фролова относительно биотехнологических опасностей, приходится поражаться ясности его предвидения. В своих работах он писал, что проблемы, с которыми столкнулось человечество в результате высвобождения атомной энергии, могут показаться «детскими игрушками» перед угрозами биологической стадии научно-технической революции. Исследования И.Т. Фролова в области глобальных проблем и в области этики биотехнологий развивались синхронно, стимулируя друг друга. Подобный комплексный подход позволил ему еще в середине 1970-х гг. сформулировать положение о «глобальном характере возникших здесь опасностей»[3]. И.Т. Фролов поставил вопрос об этическом регулировании биотехнологий в 1975 г. в статье «Перспективы человека», которая печаталась в двух номерах журнала «Вопросы философии»[4]. Он исходил из того, что в сфере генной инженерии этические регулятивы, критерии допустимости и недопустимости должны определяться в зависимости от понимания исходных философских принципов гуманизма. Познание, которое оборачивается во вред человеку, является социально и гуманистически неприемлемым. Посколь-

3 *Фролов И.Т.* Социально-этические проблемы генетической инженерии // Природа. 1976. № 1. С. 27.

4 *Фролов И.Т.* Перспективы человека: критика современного социал-биологизма и неоевгеники; социально-этические проблемы генетической инженерии // Вопросы философии. 1975. № 7. С. 83–95; № 8. С. 127–138.

ку вмешательство в природу человека сопряжено с угрозой выживанию человеческого рода, оно приобретает статус глобальной проблемы. Необходима «выработка глобальных критериев в отношении экспериментирования на человеке, которые могли бы быть сведены в единые кодексы, имеющие общемировое значение»[5]. Кодексы должны быть закреплены «системой международных соглашений, регулирующих биологическое (генетическое, медицинское и пр.) познание человека»[6]. За истекшие 45 лет развитие биотехнологий шло семимильными шагами. По ряду оценок под вопросом будущее человека как вида. Но и сегодня мы по-прежнему далеки от единой для всего человечества международной системы правового регулирования биотехнологий.

Ещё в 1976 г. И.Т. Фролов прозорливо замечал, что о возможностях, открываемых генетической инженерией перед человечеством, «сейчас много пишут, не всегда, правда, соблюдая разумную осторожность и научную обоснованность в прогнозах и не придавая особого значения опасностям, которые нас подстерегают на этом пути»[7]. Мы хорошо знаем сегодня, сколь высока степень необоснованных утопических надежд и неоправданных страхов в перманентных дискуссиях о биотехнологическом будущем человечества. И.Т. Фролов подчеркивал, что в таких серьезных вопросах необходим не сциентистский оптимизм и не алармизм, а разумный реализм, в основе которого должны лежать ответственность и понимание общей судьбы человечества.

В 1980-е гг. И.Т. Фролов выступил с идеей формирования специальной дисциплины: социологии и этики познания жизни и человека. Она должна была иметь философский статус и вместе с тем носить комплексный характер. Свою идею И.Т. Фролов обосновал в апреле 1982 г. на Всесоюзной конференции «Философские и социальные аспекты взаимодействия современной биологии и медицины». Он сказал, что пока человек оказывается «расчлененным объектом» познания, в то время как в познании жизни и человека необходима «действительная комплексность»[8] [6, с. 36].

[5] *Фролов И.Т.* Перспективы человека: критика современного социал-биологизма и неоевгеники; социально-этические проблемы генетической инженерии // Вопросы философии. 1975. № 7. С. 88.

[6] Там же. С. 87.

[7] *Фролов И.Т.* Социально-этические проблемы генетической инженерии // Природа. 1976. № 1. С. 27.

[8] *Фролов И.Т.* Социология и этика познания жизни и человека // Природа. 1982.

Комплексный подход, о необходимости которого говорил И.Т. Фролов, не всем был понятен. Междисциплинарный подход – это понятно, системный – тоже. Между тем, суть комплексного подхода выступает обнаженно в глобальных проблемах, важнейшей из которых становится проблема человека, пытающегося управлять жизнью, к которой он сам принадлежит. К таким проблемам необходимо подходить в единстве социального, научного и этико-гуманистического аспектов. Если брать один из этих аспектов, или даже два, но не все вместе, выводы будут неточны, а иногда это может иметь решающее значение. В 1998 г. на заседании бюро Отделения философии, социологии, психологии и права РАН в ходе обсуждения доклада академика А.С. Спирина «Современная биология и биологическая безопасность» И.Т. Фролов констатировал, что биотехнология становится основной технологией в современном производстве, но наше моральное сознание отстает от обретённого нами могущества. Биотехнологические исследования опутывает паутина секретности, а прогресс науки и прогресс оружия пока идут рука об руку. Практически каждый шаг по пути познания, по пути освоения новых видов реальности сопряжен сегодня с экологическими, демографическими, биомедицинскими рисками и угрозами. И человеку нужно вовремя понять, где ему необходимо применить свой разум, чтобы вовремя остановиться. Наступило время, говорил И.Т. Фролов, когда «надо охранять человека».

После смерти И.Т. Фролова прошло больше 30 лет. Проблемы рисков биологической технонауки, о которых тогда говорил ученый, возросли многократно. «Звоночки» наступавшей новой реальности уже прозвучали. Достаточно вспомнить случай рассылки в 2016 г. Пентагоном по ошибке спор сибирской язвы по почте во все концы планеты. Тогда в рассылке по халатности живых спор сибирской язвы обвинили пять сотрудников лаборатории Министерства обороны США в штате Юта. Расследование установило, что опасные инциденты в этой лаборатории имели место, начиная с 2007 г. Оказалось, что сибирская язва была не единственным опасным материалом, который рассылала лаборатория. Так, лаборатория минимум три раза по недосмотру отправляла в другие исследовательские центры сильнейший яд ботулотоксин, который вызыва-

№ 9. С. 36.

ет тяжелое поражение нервной системы – ботулизм. При этом выяснилось, что не было одного-единственного факта, человека или группы людей, которые привели к случайной отправке спор сибирской язвы. Последний вывод весьма существен для понимания природы биотехнологических рисков в эпоху новой реальности.

Пандемия коронавируса 2019–2021 гг. стала, в каком-то смысле, конкретным воплощением прогностического высказывания И.Т. Фролова о «рекомбинантных организмах». Пока не установлено, как они «выскочили из лабораторных пробирок». Резонно звучат соображения о том, что в возникновении в геноме COVID-19 последовательности вируса иммунодефицита должен участвовать сотрудник лаборатории. Причем прогресс науки приводит к тому, что подобные действия может осуществить уже не только специалист высшей квалификации. Есть версия о естественном происхождении этого коронавируса. Но и в этом случае ситуация развивается не по типу средневекового чумного бедствия, а по сценарию современной глобальной проблемы. Для философского анализа нет необходимости входить в обстоятельства и подробности возникновения пандемии. Важна общая оценка ситуации. А она не будет верна без применения комплексного подхода.

Возьмем, к примеру, взаимные обвинения американских и китайских микробиологов и представителей властей, взаимные попытки найти виновных в другой стране, угрозы вменить тому или другому государству денежные иски за заражение людей со всей планеты. Представители властей США называют уже конкретные суммы, и трагедия людей становится инструментом «большой» политики и геополитики. Однако политики продолжают мыслить категориями старого мышления. Наука сама по себе давно уже глобальна. При этом глобальность науки имеет локальный центр в США, где финансовое и иное обеспечение лабораторий осуществляется на необходимом для прорывного развития уровне. В китайских микробиологических лабораториях, в том числе и в Ухане, работали американские консультанты и кураторы. США оказывали этим лабораториям различную поддержку. Наши российские микробиологи высшего класса годами работают в американских лабораториях просто потому, что у нас таких исследовательских возможностей нет. Само существование этих лабораторий немыслимо

без государственной поддержки и государственного регулирования. Правительство США то вводит, то отменяет моратории на финансирование тех или иных микробиологических исследований. Налицо сложный клубок глобального взаимодействия при сохранении национальных и иных локальных интересов. Продуктивным в этих условиях может быть только комплексный подход, опирающийся на принцип приоритета общечеловеческих ценностей.

Еще одной проблемой является изготовление в лабораториях вирусов-мутантов и вообще химер[9], то есть продуктов скрещивания генетического материала человека и животных. К подобным экспериментам нельзя подходить как к чисто научным. Сама работа по получению опасного для человека вируса-мутанта уже вызывает этические сомнения. Раньше вопросы ценностного, этического регулирования научных исследований относили только к сфере применения научных достижений. Сегодня от вопросов научного познания нельзя оторвать вопросы этической ответственности. Они встают перед учеными уже на стадии постановки исследовательской задачи, а тем более при выборе средств её решения.

Член-корреспондент РАН П.М. Чумаков считает, что в Уханьском институте вирусологии на протяжении более десяти лет активно занимались разработкой различных вариантов коронавируса не с целью создания болезнетворных вариантов, а для изучения их патогенности, в частности в попытке создать вакцину от ВИЧ. Предварительно ослабленный коронавирус использовали в качестве носителя для антител вируса, вызывающего СПИД[10]. Благая цель – избавить человечество от беды, а заодно и поднять престиж страны. Если так, налицо, по меньшей мере, сциентистское самомнение. Между тем известно, что, как отмечал академик Н.П. Бочков, избавление человека от груза патогенных мутаций может негативно сказаться на работе генов, коррелятивно связанных с патогенными, и вообще привести к снижению генетического разнообразия вида «человек». Ограниченность этих знаний – вот о чем нужно помнить при вмешательстве в природу.

---

[9] *Кожевникова М.* Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии. М.: ИФРАН, 2017. 151 с.

[10] *Чумаков П.М.* Кто выпустил вирус из бутылки? // Московский комсомолец. 2020. 24 апр.

В данной конкретной ситуации наглядно выступает комплексная природа глобальных проблем. Спусковой механизм глобальной проблемы – самоуверенность научного разума, не сдерживаемого этическими запретами. Иллюзия подконтрольности оборачивается прогрессирующей неуправляемостью. Научное самомнение – демон, с которым человечество не научилось пока справляться, но осознало его уже давно, со времен «Франкенштейна» Мэри Шелли. Соблазн посмотреть, «что там, в Зазеркалье», велик для «чистого разума».

Философия, как Кассандра, предупреждает человечество, но оно не очень-то прислушивается к философам. Одним из любимых философских писателей И.Т. Фролова был, наряду с Ларошфуко и Кантом, Эразм Роттердамский. Иван Тимофеевич неоднократно цитировал мысли великого гуманиста в своих работах о мифологии века НТР и смысле жизни и смерти человека. Как будто сказанными для нашего времени звучат слова, написанные Эразмом ровно пятьсот лет назад:

«– Против этого столь пагубного недуга должно было принять хотя бы те же меры, какие принимаются против проказы. А если и этого чересчур много, пусть никто не дается брить бороду и не ходит к цирюльнику.

– А если бы оба не раскрывали рта?

– Зараза выходит через ноздри.

– Ну, этой беде можно помочь.

– Каким образом?

– Надевать маску, как у алхимиков: глаза будут прикрыты стеклянными оконцами, а дышать – через рог, который под мышкою протянется к спине.

– Хорошо бы, если только можно не бояться прикосновения пальцев, простыни, гребня и ножниц.

– Стало быть, всего лучше – отпустить бороду до колен.

– Видимо, так. И затем надо издать указ, чтобы никто не совмещал в одном лице цирюльника и хирурга.

– Ты обрекаешь цирюльников на голод.

– Пусть сократят расходы, а плату за бритье немного повысят.

– Дельно.

– Далее, нужен закон, чтобы каждый пил из своего стакана.

– Англия едва ли примет такой закон.

– И чтобы двоим в одной постели не спать, за исключением лишь супругов.

– Верно.

– Кроме того, чтобы постояльцу в гостинице не стлали простыню, на которой уже кто-то лежал.

– А как быть с немцами, которые стирают белье едва ли не в год два раза?

– Пусть зададут работу своим прачкам. Наконец, следует отменить приветственный поцелуй, хотя обычай этот старинный.

– Даже в храмах божиих?

– Пусть каждый касается оскулария рукой.

– Что скажешь о беседах?

– Надо избегать гомеровского αγχι σχων κεφαλήν[11]. А кто слушает, пусть крепко сжимает губы.

– Столько законов, что и на двенадцати таблицах не уместятся!

– Но что бы ты все-таки посоветовал несчастной девушке?

– Что бы я ей посоветовал? Чтобы она была несчастна по своей воле – так легче переносить несчастье. И чтобы супружескому поцелую подставляла не губы, а руку, а в супружескую постель ложилась вооруженной.

– Куда ты отсюда направляешься?

– Прямо к своему столу.

– Зачем?

– Напишу эпитафию – вместо эпиталамы[12], которой от меня ждут»[13].

Ирония Эразма современна, потому что вооруженная знаниями человеческая глупость, «похвалу» которой писал гуманист, за прошедшие пятьсот лет не извлекла для себя уроков. Парадокс сциентистского мышления в том, что иллюзия полного знания и контроля скрывает под собой невежество, а решения принимаются на основе неполной информации. Познание, в которое не встроены социально-этические, гуманистические регулятивы, – разрушительно. Когда же его последствия вторгаются в ткань социальной жизни, завязывается узел конфликтов и противоречий, горестный для его участников.

Социальные факторы играют каталитическую роль в возрастании масштабов глобальной проблемы. Сами социальные

---

[11] Близко главу преклонив (греч.).

[12] Свадебная песня у греков и римлян, которую юноши и девы пели перед невестой или в спальне новобрачных.

[13] Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. М., 1969. С. 479–480.

факторы неоднородны. Совместная работа китайских и американских специалистов над коронавирусами – составная часть международного разделения труда в мировой экономике. Попытки возложить ответственность за возникшую проблему на другую сторону означают, что в действие вступает такой фактор, как международное экономическое соперничество. Обострение глобальных проблем вызывает сомнения в способности рыночного общества с ними справляться. Один из уроков нынешней пандемии в том, что крупные фармацевтические компании препятствуют использованию неподконтрольных им лечебных технологий в угоду своим коммерческим интересам.

Важное значение имеет качество социального субъекта. Мыслители-гуманисты Дж. Хаксли, Ч.П. Сноу, А. Печчеи, И.Т. Фролов давно выявили феномен своего рода «ножниц» между стремительным ростом технологического могущества человека и недостаточной готовностью людей к управлению новейшими технологиями. Техническая неподготовленность стоит здесь на последнем месте. Гораздо важнее степень социально-этической зрелости тех, кому мощная и сложная техника попадает в руки. В результате прогресса технонауки уровень человеческого фактора становится ниже уровня применяемых технологий, что неизбежно приводит к росту аварий и катастроф.

Наконец, в дело вступает такой социальный фактор, как технократизм. Технократизм в политике и в сфере принятия решений – это уже социальная болезнь. Всегда найдутся геополитические, экономические, политические, технические соображения, приоритет которых для тех, кто принимает решения, будет несомненен. Значит, гуманитарные, экологические и тому подобные запросы могут подождать? И.Т. Фролов последовательно проводил в своих публикациях и выступлениях мысль о том, что игнорирование гуманистических потребностей недопустимо. Нет и не может быть никаких «высших» интересов, ради которых гуманитарная проблематика откладывается на потом. В этом – важнейший практический вывод нового мышления для капитанов политики и экономики. К сожалению, принцип этот прививается с трудом, встречает либо явное сопротивление, либо лицемерное отношение.

Авторы настоящей книги объединены мыслью о том, что в нашу эпоху, когда человек оказался разъят на отдельные аспекты, изучаемые теми или иными частными науками, насущной

стала необходимость целостного видения человека. В особенности теперь, когда человек стал объектом воздействия как биотехнологий, так и социальных технологий. Развиваются технологии, для которых человек стал объектом изменения и «улучшения». Поэтому исходными становятся не технологические, а смысловые и культурные вопросы: что мы можем считать «улучшением» для человека? В поиске ответов на эти вопросы решающее слово должно принадлежать философии. Между тем, ведущим трендом философии за последний век стала утрата человека. Аналитическая философия просто потеряла антропологическую проблематику. Ее антипод в диапазоне философских позиций – постмодернизм – провозгласил «смерть человека». Сегодня философия должна вспомнить о своем долге перед человечеством и не бежать за когнитивными науками и нейронауками, подстраиваясь к ним, а выполнить собственную задачу и вернуть человека в пространство мысли как синтетическое существо. В статьях сборника говорится об «императиве Фролова»: человек должен стать в центр всей структуры науки при объединяющей роли философии. Реализация этой идеи требует интенсивной разработки междисциплинарных методологий. К их числу авторы книги относят социобиологию, синергетику, биофилософию, комплексный подход И.Т. Фролова.

Ряд статей сборника посвящен проблемам биоэтики. Их авторы помнят о том, что благодаря усилиям И.Т. Фролова биоэтические исследования в нашей стране начали проводиться синхронно с мировым фронтом этих исследований и что И.Т. Фролов возглавил работу по формулированию основных этических принципов гуманитарной экспертизы биомедицинских проектов. В современных технологиях редактирования человека этические проблемы возникают как в отношении безопасности применения технологий, так и философском плане, когда затрагивают вопросы идеалов, справедливости и равноправия. Ведь парадокс развития современной медицины состоит в углублении ее ориентации не столько на воссоздание нормы, сколько на проектирование человека. Происходит кризис рациональной модели автономии субъекта. Поскольку автономия субъекта – один из основных принципов биоэтики, новое понимание субъекта получает биоэтическое измерение. Человек рассматривается не как целостный субъект, а как набор генетических характеристик и мутаций, подлежащих редактированию. Возникает методологическая опасность генети-

ческого редукционизма, когда характеристики человека, относящиеся к культурному и физиологическому уровням, объясняются лишь генетически.

В сборнике поставлены различные проблемы современных биотехнологий. Мы являемся свидетелями стремительного прогресса биомедицинских технологий, который неизбежно сопровождается возникновением все новых этических и правовых вопросов. Возникает этическая и правовая проблема статуса эмбриона человека: когда он становится Human being? Спектр нарушений развития плода, подлежащих внутриутробной коррекции, с каждым годом расширяется. Но статус эмбриона по-прежнему не определен. Речь идет в книге и об этических вызовах применения генетических технологий в клинической практике. Генетические технологии применяются при доклиническом и дородовом тестировании и открывают возможности раннего диагноза и соответственно раннего лечения. Но недопустимо нарушение автономии и информированного выбора, а также социальное неравенство в доступе к технологиям, дискриминация людей с ограниченными возможностями. Сегодня подходы к определению целей редактирования генома эволюционируют от задач корректировки к задачам улучшения. В этих условиях особую актуальность приобретают мысли И.Т. Фролова о том, что излишняя торопливость в попытках «фабрикации человека» может принести человеку не улучшение, а новые беды, ибо пока что природа человека недостаточно познана для столь радикального вмешательства. Здесь непоправимый вред может принести не только злой умысел, но и невежество, основывающееся якобы на науке, а потому крайне опасное.

Философы – авторы сборника – делают вывод, что человек как субъект творчества не может быть превращен в функциональный придаток развивающихся биогенетических технологий. Биологическое измерение человека становится предметом рыночных отношений. Вызов, пока не имеющий ответа, это возможное техногенное биологическое неравенство, обусловленное разной степенью доступности биотехнологий. Оборотной стороной этого может стать генетическое неравенство людей. Возможно также использование генетического и медицинского профиля человека работодателями в целях манипулирования.

В сборнике обсуждаются психологические проблемы человека в условиях «новой реальности». В информационном обществе сама локальность становится относительной. Размывание всяких социальных границ и снижение уровня разнообразия в глобальном обществе создает новую угрозу самоидентификации. Глобальные риски нестандартно влияют на психологическое самочувствие людей. Они не подтверждаются обыденным опытом, но при этом легко подрывают веру человека в свою способность влиять на будущее. Поэтому они существенно повышают коллективные тревожные состояния. Сокращение разнообразия контактов сказывается на психологическом самочувствии. Угроза невидима, она провоцирует страхи и ксенофобию. Пандемия, например, рождает массовые настроения страха, ставшие испытанием для патерналистской модели отношений врача и пациента. Поставлен в книге вопрос и о социальном и человеческом вызове пандемии: человек совершает выбор между солидарностью и конкуренцией. Пандемия обострила социальное неравенство: у людей нет денег на лечение и негде их взять в условиях локдауна. Выбор сегодня: равный доступ к технологиям излечения или социальная сегрегация.

Создается новая реальность: нано- и биотехнологизированная среда может неузнаваемо изменить привычный способ бытия. Население государств разобщено и находится во власти цифровых технологий. Личность утрачивает способность творить свой персональный мир. Решения принимаются без учета мнения ученых и во многом определяются теми, кто контролирует информационные потоки. Складывается благоприятная ситуация для постепенного ограничения гражданских прав, ввода в строй информационных систем слежения. Мир попал в ситуацию неопределенности тенденций дальнейшего развития. Очевидно, что пандемия коронавируса – глобальная проблема, требующая комплексного подхода, включающего научный, социальный, экономический, психологический, этический и другие аспекты.

Пандемия коронавируса сделала явным наступление новой эпохи – эпохи века биотехнологий. Вопрос сейчас в том, останется ли этот век веком человека. Адекватный анализ ситуации и выработка разумных рекомендаций возможны только на основе комплексного подхода, при учете научного, социального и этического аспектов в их взаимосвязях.

Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков, М.И. Фролова

А.В. Смирнов

Вступительное слово

Аннотация. **В своем вступительном слове директор Института философии РАН академик А.В. Смирнов сказал об актуальности идей И.Т. Фролова для современной философии человека. Главное в творчестве И.Т. Фролова – гуманистический пафос его концепции комплексного изучения человека. В современной философии человек рассматривается как агрегат НБИКС-технологий. Между тем, сами технологии – результат деятельности человеческого духа. Человек не может быть лишь артефактом, но сохраняет свое творческое начало.**

Ключевые слова: **И.Т. Фролов, современная философия, социальные технологии, гуманизм**

Для меня большая честь открыть юбилейные XX Фроловские чтения. Уже двадцать лет они проходят в Институте философии РАН. Академик Иван Тимофеевич Фролов затрагивал многие темы в своем творчестве. О многих из них будет идти речь. Но я бы хотел обратить внимание на следующее. Проблема человека, человек как целостный предмет исследования – это наиболее важные моменты в творчестве И.Т. Фролова.

Философское творчество И.Т. Фролова в наше время приобретает особое значение. Человек за последние несколько веков оказался разъят на отдельные аспекты, на некоторые составляющие, которыми занимаются отдельные дисциплины. Возьмем, к примеру, психологию. Психология, казалось бы, наиболее близкая к философии дисциплина, изучающая человека. Если судить по названию, уже сегодня устаревшему, психология должна заниматься душой. Но как раз душой она не занимается. И психология стала наукой именно тогда, когда про душу перестала говорить. Человек как целостное существо, человек как целое – вот такой человек исчез из научного познания.

Человек оказался для познания одним из предметов внешнего мира. Человек стал как бы вещью, стал объектом манипуляции. Это еще одна очень тревожная тенденция. Мы привыкли говорить о том, что прогресс естественных наук привел к созданию ядерного оружия и поставил человечество на грань уничтожения. Вот, мол, последствия науки! Но, мы должны признать и огром-

ную ответственность гуманитарных наук – психологии, социологии и, наверное, и философии за то, что, начиная с XIX века, и в XX веке, и сейчас человек перестал быть самоцелью, а стал объектом манипуляции и технологии. Ведь сейчас такие выражения, как «социальные технологии», не вызывают отторжения. Но это и означает, что человек, подобно куску железа, – такой же предмет, который подвергается технологическому воздействию.

Сегодня человек перестал быть индивидуальным субъектом. В наше время информационные технологии оперируют «большими данными». Человек берется в массе, и этот человек манипулируем. Очень хорошо известно, как воздействовать на большие массы людей, на общество, на его различные страты. Технология того, как именно воздействовать и как манипулировать обществом – это «заслуга» (я не знаю в кавычках или без кавычек), заслуга общественно-гуманитарных наук. Заслуга психологии, социологии и так далее.

Как вернуть человеку его место? Новое время, которое пришло на смену средневековью, выдвинуло идеологию гуманизма, которая ставила человека в центр картины мира, отодвигая Бога на периферию, отодвигая его в сферу частной веры и частных убеждений, но не научного мировоззрения. Человек был в центре научного мировоззрения. А сегодня разве человек в центре научного мировоззрения? Конечно, нет. Сегодня аналитическая философия сознания и другие направления фактически потеряли человека, человек стал философским зомби. Человек – это тело. Вспомним название известного произведения Ламетри «Человек-машина» – это и есть сегодняшний человек.

В чем состоит задача философии в этой ситуации, которая складывалась веками, которая не случайна, которая не является результатом чьего-то злого умысла или злого плана, но которая объективно складывалась в результате развития наук, в том числе социогуманитарных и в том числе самой философии? Задача философии – не пытаться бежать за когнитивными науками, за нейронаукой и, так сказать, как-то пристраиваться к ним и предлагать свою помощь. Мы им не поможем, они прекрасно без нас справятся со своей задачей. Но задача философии – выполнить собственную задачу: вернуть человека именно как синтетическое или, если хотите, синергийное существо, как то, что не сводится ни к какой из вещей мира.

Вот общеглобальная задача, стоящая перед философией. В этом смысле наследие академика И.Т. Фролова будет для нас предметом вдохновения и какой-то путеводной нитью. Ведь именно человек в его целостности был одним главным предметом его размышлений. Я хочу пожелать всем нашим участникам успехов в работе этой конференции.

A.V. Smirnov

Introductory Word

Abstract. In his opening speech, the director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Academician A.V. Smirnov, spoke about the relevance of I.T. Frolov's ideas for modern human philosophy. The main thing in the work of I.T. Frolov is the humanistic pathos of his concept of a comprehensive study of man. In modern philosophy, a person is considered as an aggregate of NBICS technologies. Meanwhile, the technologies themselves are the result of the activity of the human spirit. A person cannot be just an artifact, but retains his creative beginning.

Keywords: I.T. Frolov, modern philosophy, social technologies, humanism

И.Т. Фролов

К постижению человека разумного и гуманного[14]

Аннотация. **В своей вступительной лекции на XIX Всемирном философском конгрессе И.Т. Фролов говорил о важности обращения к антропологической проблематике, особенно в условиях, когда новые технологии вторгаются непосредственно в повседневную жизнь человека, угрожая ему опасностью утраты человеческой индивидуальности. Докладчик подчёркивал, что современный учёный должен стать мудрым, чтобы он, работая с природным и человеческим материалом, руководствовался не частными и узкокорыстными интересами, а исходил из позиции человечества в целом, чувствовал ответственность за человека, человечность, человечество. То же должно относиться и к современному политику, хотя он ещё меньше, чем учёный, соответствует сегодня этим императивам. Чтобы подобное отношение становилось реальностью, необходим диалог культур, облагораживающий человека не только интеллектуально, но и нравственно, и не совместимый с чувством какого бы то ни было социального или национального превосходства.**

Ключевые слова: **глобальные проблемы, человек, диалог культур, гуманизм.**

Когда в 1988 г. Москва была избрана местом проведения очередного, XIX Всемирного философского конгресса, мы восприняли это как знак признания и доверия со стороны мировой философской общественности. Мы знали, что нас ожидает много трудных проблем, но мы получили необходимую поддержку от тогдашнего руководства страны и были полны решимости выполнить свой долг и оправдать доверие философов мира. Затем появились новые, казалось, неразрешимые проблемы в связи с распадом Советского Союза, кризисной ситуацией, возникшей у нас в материальной и духовной сферах, которые поставили под вопрос саму возможность проведения конгресса в Москве, но благодаря позиции, занятой Международной федерацией фило-

[14] Вступительная лекция на XIX Всемирном философском конгрессе, состоявшемся в Москве в августе 1993 г.

софских обществ, работа эта была завершена и конгресс состоялся.

Основная его тема – «Человечество на переломном этапе: философские перспективы». Но на переломном этапе оказалась в эти годы прежде всего та часть человечества, которая населяет нашу страну, и та философия, которой мы вдохновлялись.

Тогда Москва была столицей могущественной сверхдержавы – СССР, в которой началась и набирала темпы перестройка, то есть коренное, качественное преобразование общества, называвшего себя социалистическим, и его самосознания, включая философское, внутри которого интенсивно развивались идеи плюрализма и гуманизма.

Наступило время решающих перемен, и оно обещало стать Ренессансом для гуманистической философии. Так мы их и восприняли, так мы в них и участвовали. И так я говорил об этом в 1988 г. в своем заключительном выступлении на XVIII Всемирном философском конгрессе в Брайтоне (Англия).

Но возможности перестройки для человека и общества, науки и культуры, для философии не были использованы до конца. Встреченная вначале с энтузиазмом, она вызвала противоречивые оценки как «справа», так и «слева», и вообще-то, как я считаю, не была правильно понята и поддержана ни народом, ни правящей партией. К власти рвались новые силы, цели которых были противоположными перестройке, хотя они и прикрывались «ультраперестроечными» лозунгами. К тому же углублялись собственные ошибки и заблуждения ее инициаторов и творцов, сопровождавшиеся в ряде случаев извращением ее социалистической сути, а то и прямым предательством. Это и привело к поражению перестройки, хотя было сделано или начато много такого, что, я уверен, будет иметь продолжение. В философском смысле для нас самое главное состояло в утверждении идеи плюрализма, диалога, инакомыслия, в обращенности к вопросам человека и гуманизма, к глобальным проблемам человечества и перспективам новой цивилизации.

Когда перестройка оборвалась, мы вступили в новый этап преобразований, который обозначается сейчас как «посткоммунистический», а по существу – переходный к новым рыночным отношениям западного, скорее же слаборазвитого – восточного, азиатско-африканского и латиноамериканского, но в общем-то, неповторимо российского образца.

Не буду здесь более конкретно анализировать, что это такое. Для нас важно, что мы оказались в другом обществе, утверждающем другие духовные и политические ценности, и это стало определяющим в нашей научной жизни.

Итак, «Человечество на переломном этапе...». Тема эта логично продолжает общую линию мирового философского процесса последних десятилетий и лет: обращенность к человеку, проблемам гуманизма, общечеловеческим ценностям и глобальным проблемам и угрозам, к будущему мировой цивилизации и самого человека.

Quo vadis? Куда идешь? Вопрос этот, обращенный к современному человеку и человечеству, является основным, главным вопросом жизни и смерти. Он, с одной стороны, фиксирует цели исторического прогресса человечества по пути разума и гуманности, с другой – угрозы и альтернативы цивилизации глобального масштаба и характера.

Как избежать опасности термоядерной катастрофы, решить экологическую, энергетическую, продовольственную, демографическую и другие проблемы, выросшие до масштабов общечеловеческих, общепланетарных, глобальных? Как преодолеть неравенство народов в мире, экономическую и социальную отсталость, сохранить и развить культуру, науку, наконец, генофонд человечества и свободу личности везде и всюду?

Все это я обозначаю как философию глобальных проблем, внутри которой глобальная триада: «человек – природа – общество» смыкается с другой: «человек – человечество – человечность (гуманизм)». Но всюду – и «точкой отсчета», и «центром всего», и «мерой всех вещей», как говорил Протагор, является человек. А потому и философия, всегда обращенная к человеку, оказывается и сегодня ключевой в познавательных усилиях человечества определить его перспективу в условиях обостряющихся глобальных проблем и угроз. По выражению Ларошфуко (Максимы, 22), «философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией». Да, «сова Минервы» вылетает в сумерки, но «звездный час» для философии наступает, когда человек и мир переживают время угроз и надежд. Конечно, философия сама по себе не может спасти мир, но он не будет спасен и, если не получат глубокого философского осмысления и острого выражения те угрозы и надежды, которые доминируют в нем.

Современные философы, как бы их ни упрекали в «отрыве от жизни» и прочих грехах, одними из первых обратились к глобальным проблемам и угрозам, альтернативам человеческой цивилизации и перспективам человека в новых условиях. Они делали это вместе с другими учеными и деятелями культуры, обсуждая глобальные прогнозы, модели и сценарии, проблемы и дилеммы современной футурологии, технократические и антропологические проекты и утопии, концепции выживания и альтернативные поиски. В особенности интенсивно этот процесс пошел в мировой науке и философии с середины 1960-х гг., что нашло свое отражение в деятельности многих футурологических организаций, «Римского клуба» и др.

Конечно, немало было высказано не оправдавших себя прогнозов и суждений и не все имело глубокое научное и социальное обоснование. Но мир был встревожен, люди задумались, и уже хотя бы в этом огромное положительное значение общемирового интеллектуального движения, в которое были вовлечены и философы.

Этот процесс, хотя и не столь интенсивно, как ранее, развивается и сегодня. И он затрагивает теперь деятельность как правительственных, так и неправительственных организаций – ООН, ЮНЕСКО и др. К сожалению, философы не участвуют столь активно, как ранее, в этой и подобных ей акциях.

Между тем в 1960–1980-е годы такая социальная и гуманистическая активность набирала силу в науке, а также философии и в нашей стране – что бы ни говорили о ней сейчас ее противники и недавние почитатели, причем последние – в особенности. По существу, у нас происходил интенсивный, хотя и очень противоречивый, процесс развития нового оригинального направления гуманистической философии, которое, не порывая с методологией и постулатами марксизма, в упорной и опасной борьбе стремилось преодолеть доктринерские рамки официально утверждавшегося «марксизма-ленинизма», приобщиться к общим принципам мировой философской мысли, историческим традициям русской философии. При этом делался акцент на методологии, теории познания, учении о человеке и гуманизме, идеях интернационализма.

Этому была посвящена жизнь и философская деятельность целого поколения ученых, которых называют «шестидесятниками». Они теперь ушли или уходят с исторической сцены, да и из

самой жизни, к сожалению, по большей части не понятые, недооцененные и даже поруганные. Но дело их не пропало!

Уже в конце 1950-х – начале 1960-х годов их усилиями в особенности интенсивно стали развиваться новые подходы в сфере логики, методологии и философии науки, философских вопросов естествознания и техники, истории философии и культуры. То, что началось именно с этих сфер философии, вполне понятно, так как они в наибольшей степени были удалены от сковывавших философию догм политики и идеологии, хотя, например, борьба против лысенковщины прямо смыкалась с ними. Затем все больше стали развиваться исследования проблем человека и гуманизма, философия глобальных проблем войны и мира, экологических, демографических, научно-технических и других проблем настоящего и будущего человечества, мировой цивилизации. Они по-своему стали влиять даже на господствующие политику и идеологию, что также надо учитывать.

Конечно, сегодня **новая реальность** заставила нас по-новому оценить многое из того, что утверждалось ранее в неоправданно категорической форме. Это относится и к философским вопросам перспектив человека и человечества в условиях глобальных проблем и угроз.

Вот круг вопросов, которые приобрели у нас первостепенное значение в 1960–1980-е гг. и которые, как я думаю, не потеряли своего значения сегодня:

Человек и человечество на рубеже III тысячелетия;

Глобальные проблемы, новое мышление и новый гуманизм;

Приоритет общечеловеческих ценностей и национально-патриотические движения;

«Русская идея» в мире: история и современность, принципы интернационализма;

Гуманистическая культура: кризис и пути выхода из него;

Наука и гуманистические ценности: новый синтез;

Комплексное исследование человека и философская антропология;

Проблемы смысла жизни и смерти человека;

Перспективы человека и нравственно-гуманистические проблемы личности;

Проблемы перехода к новой цивилизации и глобальному единению человечества на принципах нового гуманизма и демократии.

Довольно трудно в рамках краткого выступления охарактеризовать все особенности философского решения этих проблем в многочисленных работах, появившихся у нас в те годы. Отмечу лишь, что, несмотря на чрезмерную, быть может, идеологизированность некоторых из них, сама их гуманистическая ориентация говорит о многом – и прежде всего о том, что наше философское развитие проходило в рамках единой мировой философии, хотя и сохраняло свои специфические особенности. Складывающийся плюралистический и гуманистический подход мы выразили в большом коллективном труде «Введение в философию», изданном в 1989 г.

При этом, естественно, марксисты, как и почти все западные футурологи-немарксисты, исходили из реальности существования (по крайней мере, на длительную перспективу) социалистической системы и ее сосуществования с системой западных социально-экономических ценностей, из наличия «двухполюсного» мира.

Теперь эти представления существенно корректируются, хотя многое здесь остается пока неопределенным. Не могу согласиться с теми, кто говорит просто о «крахе» социализма и марксизма, не анализируя глубинные процессы в их исторической динамике и перспективе, в частности усиливавшееся в 1960–1980-е гг. доминирование общецивилизационных (технологических и пр.) процессов над формационными («социализм – капитализм» и пр.).

Я горжусь тем, что вместе с другими учеными и политиками имел ко всему этому самое непосредственное отношение!

Конечно, наши разработки философии глобальных, общечеловеческих проблем в то время отражали первоначальный уровень их понимания. Однако они логично вели к тому, что потом стали называть «новым политическим мышлением», получавшим свое развитие и практическое воплощение у нас в ходе перестройки.

Однако новое мышление – не изобретение творцов перестройки. В опубликованном еще в 1955 году Манифесте Рассела–Эйнштейна говорилось: «В том трагическом положении, перед лицом которого оказалось человечество… мы должны научиться мыслить по-новому». И далее: «Широкая общественность и даже многие государственные деятели еще не понимают, во что выльется война с использованием бомб… Люди едва ли представляют себе, что опасности подвергаются они сами, их дети и

внуки, *а не туманно воспринимаемое человечество*. Они с трудом могут заставить себя осознать то, что над каждым из них и их близких нависла угроза погибнуть мучительной смертью». Наконец – апогей развития мысли великих мудрецов: *«Мы обращаемся как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому, и забудьте обо всем остальном»*.

Вот из чего мы исходили и вот что было положено в основу нового политического мышления, утверждающего приоритет общечеловеческих ценностей. Я знаю, каким противоречивым и трудным был путь, приведший к признанию этой колоссальной важности философской идеи, которая теперь подвергается сомнению. Но дело не только в самой по себе идее.

Глобальной угрозе человечеству была противопоставлена глобальная мирная стратегия, в осуществлении которой предполагалось участие всех народов и государств, независимо от того, в какой части мира они расположены, к какой социально-экономической системе принадлежат, какими мировоззренческими или философскими идеями вдохновляются.

Это могло бы означать начало нового этапа в развитии человечества, когда речь идет уже не только о росте его материальной и научно-технологической мощи, но – главное – о его мышлении и психологии, ценностных ориентациях и гуманистических устремлениях. Новое мышление предлагало вспомнить простые и вечные истины, на которых зиждется жизнь человеческого рода, истины, которые не измеряются мегатоннами злой и неразумной, разрушительной силы, но только и могут противостоять ей. Это – разум, соединенный с гуманностью, добрый разум, который во все времена назывался мудростью, так необходимой нам сегодня.

Что это? Утопические грезы, идеализм с его верой во «всемирный разум»? Наверное, это было бы так, если бы за всем этим не стояли научные исследования мировой ситуации и конструктивные предложения, в общем и целом составляющие глобальную мирную стратегию, рассчитанную и на эволюцию нашего мышления и политической психологии, их адаптацию к новым условиям и их динамике, адаптацию, связанную, в первую очередь, с развитием сотрудничества и ростом международного доверия, воспитанием в духе мира. Но это значит, что данная стратегия и сама предполагала культивировать почву, на которой произрастала. Значит, это разумный реализм созидающей силы, противостоящей губительной для человечества злой неразумности.

Где теперь все это? И что предложено взамен? Философы мира, я думаю, вправе спросить и у нас об этом. К сожалению, трудно ответить на эти вопросы. И такое уже не раз было в истории. Но я уверен, ответы будут даны, и они развеют злые вымыслы и клевету, за которыми угадывается все, кроме чистого поиска истины. Как говорил Гойя, «сон разума порождает чудовищ», но ведь за сном разума неизбежно наступает его пробуждение!

Не думаю, что в угоду конъюнктуре разумно забывать то полезное, что было в недавнем прошлом в нашем интеллектуальном и нравственном развитии. Поэтому я хотел бы подчеркнуть непреходящее значение идей, касающихся приоритета человека, важность акцента на человеке, его сохранении и развитии как глобальной проблеме, центральной при анализе всех остальных технологических, экологических, ресурсных, демографических и прочих проблем мирового масштаба и характера.

Исследования этого комплекса проблем учитывали, что новые условия существования и развития человечества порождают технологические формы мировой цивилизации, от которых в существенной степени зависят также ее социальные, человеческие и экологические характеристики. Но в какой именно степени и как сами социальные факторы влияют сегодня на магистральные направления развития мировой цивилизации? Вот решающий, на мой взгляд, вопрос, без ответа на который невозможно эффективно вести научный поиск путей развития мировой цивилизации во взаимодействии общества, человека и природы, где как раз и проявляются основные ее характеристики. Но это и вопрос, ответ на который определяет поиск путей влияния на судьбы мировой цивилизации.

Мы знаем, что огромную роль в решении глобальных проблем играют (и могут в еще большей мере играть) наука, научно-технический прогресс человечества. Однако мы знаем также, что эта новая социальная функция мировой науки предполагает международное сотрудничество и солидарность самого мирового сообщества, возрастание социальной и гуманистической ответственности ученых, отказ от всяких форм научно-технического обслуживания милитаристских программ, военно-промышленного комплекса. *Наука для человека и человечества, наука в целях решения глобальных проблем современности – вот истинная гуманистическая ориентация, которая должна вдохновлять ученых всего мира.*

Это предполагает не только более тесное единение науки и практики, но и разработку фундаментальных проблем будущего человечества. Это предполагает укрепление и развитие единства и взаимодействия наук, укрепление их мировоззренческих и нравственных оснований, соответствующих условиям глобальных проблем. Сегодня ни один научно-технический проект не может рассматриваться в изоляции от социальных и человеческих условий его реализации. Чисто сциентистский и технократический подход неизменно приводит к негативным или даже трагическим последствиям. И мы знаем многие из них. Это относится и к мирному использованию энергии атома, и к освоению космоса, и к генной инженерии и биотехнологии, и, наконец, к самому человеку, поскольку он во все большей мере становится не только субъектом, но и объектом науки, а значит – оказывается беззащитным перед всякого рода манипуляторством, нарушающим права личности.

Будущее в этом смысле открыто, и надо только приветствовать, что уже сегодня происходит развитие не только того, что мы называем этикой науки, но и более строгое регламентирование, регулирование научных исследований человека, в том числе введение того, что можно было бы обозначить как определенные запреты, как это имеет место, например, в биоэтике. Пусть они будут временные, но до тех пор, пока мы не узнаем человека лучше, мы не должны безумно вторгаться в некоторые особенности его физиологического функционирования, генетики. В противном случае мы можем нанести ему, как считают многие ученые, непоправимый вред – просто по невежеству, которое неизвестно кто и как будет оправдывать. И как бы ни называлась такая позиция, я лично не знаю, что ей можно противопоставить в гуманистическом плане.

Это относится, в частности, и к экспериментированию на человеке, причем в разных формах. Надо сказать, что в определенном смысле всякое такое экспериментирование означает вторжение в область неотъемлемых прав и свобод человека.

Возможности изменения человеческой индивидуальности с помощью генетических методов, пересадки или регенерации органов, нейрохирургии или нейрофармакологии ставят перед наукой и обществом в острой форме вопрос о гарантиях сохранности будущих поколений. Для этого следует установить допустимые пределы манипулирования основным генетическим

материалом человека как биологического вида, вообще всякого воздействия на его индивидуальные качества.

Это в особенности касается любых манипуляций с мозгом и психикой человека, его сознанием и поведением, которые могут привести к «кризису идентичности», то есть к утрате человеком представления о своем месте в обществе, о самоценности собственной личности.

Наша задача, мне кажется, заключается сейчас в том, чтобы, привлекая внимание к новой проблематике, стараться делать все для того, чтобы осознание угрозы опасности ряда исследований возникло не постфактум. Может быть, у всех нас достанет разума упредить эту опасность. Хотя, изучая литературу и зная настроения в мировом научном сообществе, я вижу очень мало обнадеживающих признаков. Движение началось, оно необратимо, но оно воспринимается пока как нечто внешнее по отношению к науке, якобы сковывающее свободу научного познания, способное затормозить научно-технический прогресс. Это непонимание, замешанное, так сказать, на профессиональном эгоизме, приобретает очень опасные формы сциентистского самодовольства.

Идеи, о которых идет речь, в очень сильной степени затрагивают то, что мы называем «сферой духовной жизни человека», – сферу нравственности. И, может быть, на ближайшее будущее – основная наша деятельность в этом плане должна быть обращена именно к данной проблематике. Нам не могут быть безразличны сущность и человеческое значение получаемого знания, то есть нравственное, этическое начало в науке.

В связи с этим возникают более общие вопросы, заставляющие нас говорить о необходимости нового синтеза науки и гуманизма. Дело в том, что сегодня во все большей степени обнаруживается «человеческий разрыв», который пронизывает современную «техницистскую» цивилизацию. В очень сильной степени этот разрыв обнаруживается в науке, которая в значительной степени «отслаивается» от определенных культурных и гуманистических связей и проблем. И она, по существу, оказывается тем, что во многих случаях называют «научным производством», участники которого якобы вообще не должны задумываться, каков конкретный, а тем более – отдаленный результат их деятельности, что это дает людям, к каким социальным и моральным последствиям это приведет и т. д. Поэтому и нужен

новый синтез, преодолевающий этот «человеческий разрыв», нужно тесное взаимодействие разных наук и науки с культурой в целом, их новое воссоединение.

С большим опозданием приходит осознание того, что сегодня уже практически возникает настоятельная необходимость формирования нового типа науки, в которой исследовательские подходы не были бы отслоены от ценностных, от своих социально-этических оснований, а результаты исследований и сами их направления все-таки получали, как мы говорим сейчас, «человеческое измерение».

Сделанная в середине нашего века и имевшая много причин и оснований ставка исключительно на науку и технику (в особенности это было характерно для 1960-х гг.), причем иногда с забвением всего, что находится рядом, что связано с взаимодействием техники, технологии с обществом и человеком прежде всего, – такая ставка дала много негативных результатов. В частности, это проявилось и в чернобыльской трагедии. Можно как угодно трактовать уроки пережитого, есть масса объяснений, в том числе субъективного порядка, тех или иных фактов и поступков. Но тут явно присутствует и стереотип сознания, который, к сожалению, пока не изжит: чисто технократическое понимание развития науки и техники.

В свое время мне приходилось участвовать в работе нескольких экспертных комиссий в связи с проектом переброски северных рек неевропейской части России. Невозможно было доказать разработчикам, что сам по себе этот проект не является чисто научно-техническим, что он затрагивает судьбы миллионов, огромные территории, культурные ценности и по одному этому должен рассматриваться прежде всего как проект социальный. Практика подтвердила, что как раз неучет этого важнейшего компонента привел к тому, что и сама по себе научная разработка проекта оказалась просто несостоятельной и была впоследствии отвергнута.

Резюмируя, можно сказать, что полностью подтвердилась высказываемая в ходе дискуссий мысль о том, что мы не можем и дальше продолжать размахивать «флагом Галилея», исходить из принципа «ничего кроме…» (имеется в виду – кроме «чистого» исследования) и т.п.

И нужно, я думаю, только приветствовать развивающиеся в современном мировом научном сообществе тенденции гума-

низации науки, ее подчинения целям человека и общества, соединения исследовательских и ценностных подходов, развития ее социально-этических основ, ее органическое включение в общую систему гуманистической культуры. Становится все более ясным, что социальная, этическая и гуманистическая ответственность ученых не является альтернативой свободы научного поиска. Эта важнейшая философская идея является, так сказать, «категорическим императивом» переломного этапа развития человечества. От этого зависит, быть или не быть ему на Земле.

Будущее не определено с фатальной неизбежностью. Оно создается самим человеком, приводящим в движение колоссальные материальные силы, огромный духовный потенциал, заключенный в его культуре и, в частности, в науке. По каким путям пойдет реализация материальных и духовных возможностей человеческого развития – в значительной степени зависит от правильного выбора общей стратегии социального и научно-технического прогресса человеческой цивилизации, его гуманистической направленности.

Если попытаться коротко определить главную социальную проблему данного этапа, прямо связанную с требованиями новой, «высокой», как ее называют, технологии, то ответ может звучать так: «высокое соприкосновение». Эта терминология из лексикона компьютерной технологии получает, таким образом, более широкий смысл: чем выше уровень технологии производства и всей человеческой деятельности, тем выше должна быть и ступень развития общества, самого человека в их взаимодействии с природой, новая цивилизация и новая гуманистическая культура, исходящая из того, что человек, как говорили И. Кант и К. Маркс, – «самоцель» общественного развития. «Высокое соприкосновение» новой технологии с передовым обществом, с человеком и природой становится сегодня уже не просто жизненной необходимостью, но и непременным условием как эффективного применения этой технологии, так и самого существования человека, разума, самой жизни на нашей планете. Все это ставит новые проблемы перед современной цивилизацией, побуждая изменить в ней существующие приоритеты. Это выдвигает новые проблемы и перед философией.

Лейтмотивом перемен, происходящих ныне в нашей философии, а вместе с тем, как вполне обоснованно можно предпола-

гать, и стержнем философских размышлений в обозримой перспективе является и будет оставаться проблематика человека и гуманизма.

Наши философы в комплексном исследовании этой темы опираются на сотрудничество со специалистами из самых разных отраслей гуманитарного, социального и естественнонаучного познания. Философия, как считают многие наши ученые, можно сказать, обречена все время возвращаться к проблеме человека. В современных условиях она особенно актуальна прежде всего потому, что впервые в истории под вопросом оказывается само выживание человечества как биологического вида.

Другой аспект развития современной цивилизации, привлекающий самое пристальное внимание со стороны многих наших философов, – это сложные и противоречивые процессы взаимодействия культур. Здесь действуют и тенденции движения к единому человечеству, стремления к сохранению самотождественности собственной культы, доходящие порой до самоизоляционизма.

Уникальное положение нашей страны как моста между Западом и Востоком открывает возможность, требующую основательного философского осмысления, – стать не просто участником во взаимообогащающем диалоге культур, но и сыграть в нем особую, во многих отношениях, может быть, ключевую роль.

Конечно, я отвергаю всякого рода националистические шовинистические идеи, которые, к сожалению, распространяются сейчас у нас, о мнимой «исключительности» России и русских, о «русской идее», противопоставляемой духовным устремлениям других народов. Нет, судьба России тесно связана с тем, что Ф.М. Достоевский обозначал как «*великую потребность человечества во всемирном и всеобщем единении*». А это значит, что наша философская обращенность к общечеловеческим, глобальным проблемам будет иметь продолжение и практическое воплощение. Россия, русский народ не обречены быть вечно в альтернативной ситуации, так ярко нарисованной гением Ф.М. Достоевского в легенде (поэме) о Великом инквизиторе: либо свобода, которая превыше всего, либо хлебы, то есть материальные блага. Россия, идущая по пути реформ, встанет прочно на широкую дорогу прогресса, ведущего к новой цивилизации.

Сохраняющая свое национальное достоинство и патриотизм «всемирная отзывчивость» русской души и русской культуры,

«всеединство» и новый, глобальный гуманизм – вот, пожалуй, в философском плане путь, по которому мы будем идти. И он не противоречит, как я думаю, той общечеловеческой, гуманистической направленности, которая все более, выразительно проявляла себя в нашей философии в 1960–1980-е гг., в концепциях гуманного, демократического общества, реального гуманизма, которые мы развивали. На этом пути и будут достигнуты единство человечества и великий синтез гуманистической философии.

Правда, в настоящее время они существуют лишь как регулятивная идея и цель, организующие и направляющие наши устремления и усилия, обращенные в будущее. Эта идея и эта цель могут на этом или ином отрезке истории отодвигаться на второй план, или даже, как это происходит в наши дни, вообще дискредитироваться и провозглашаться ложными. Но человек исторический, находящийся, по выражению К. Маркса, «в абсолютном движении становления», может существовать, лишь обладая этими идеями и этими целями. И человечество будет иметь перспективы только тогда, когда человек остается человеком, даже не имея перспектив!

Трудно быть оптимистом, обращаясь сегодня к перспективам человечества, находящегося на переломном этапе. Трудно даже просто отвлеченно-философски оценивать эти перспективы, имея в виду, как говорил Б. Рассел, «туманно воспринимаемое человечество». И о каком единстве рода человеческого, которому, по словам Н.А. Бердяева, еще предстоит стать человечеством, можно говорить сейчас, когда люди разделены на враждующие национальные популяции (причем более сильные из них огнем и мечом «учат жить» менее сильных, а тем более просто слабых), когда 10 процентов населения Земли эксплуатируют около половины ее природных ресурсов и отравляют весь мир, когда от голода и болезней умирают миллионы детей в бедных регионах планеты, когда над всеми нами по-прежнему висит смертельная угроза термоядерного или экологического уничтожения, когда под угрозой сам человек как представитель вида Homo sapiens.

Но в человеке и человечестве существует неистребимая способность видеть впереди себя высокие цели и идеалы, соответствующие его сущности и предназначению, не угасает иррациональная по своей природе Надежда, которая живет, как говорил Гёте, даже у самых могил. Поэтому гуманистическая философия,

как я думаю, не должна отбрасывать перспективу нового человечества, осознавшего себя как действительную общность и целостность. И это будет новый Ренессанс человека и гуманизма, воплощение надежды на будущее для исстрадавшегося, но не разуверившегося человечества.

И это будет Ренессанс философии, достигающей высшего, великого синтеза в постижении человека разумного и гуманного!

I.T. Frolov

Towards the Comprehension of Man Reasonable and Humane

Abstract. In his introductory lecture at the XIX World Philosophical Congress, I.T. Frolov spoke about the importance of addressing anthropological problems, especially in conditions when new technologies invade directly into the daily life of man, threatening man with the danger of losing human individuality. He emphasized that a modern scientist should become wise, so that when working with natural and human material, he is guided not by private and narrow-minded interests, but proceeds from the position of humanity as a whole, feels responsible for man, humanity, mankind. The same should apply to a modern politician, although he even less than a scientist meets these imperatives today. For such an attitude to become a reality, a dialogue of cultures is necessary, which ennobles a person not only intellectually, but also morally, and is not compatible with a sense of any social or national superiority.

Keywords: global problems, man, dialogue of cultures, humanism

Человечество и цивилизация на пороге нового тысячелетия [15]

Аннотация. **Публикуются материалы «круглого стола», проведенного академиком И.Т. Фроловым в журнале «Коммунист» в 1989 г. В дискуссии участвовали математики, физики, демографы, психологи, писатели, богословы, историки, философы. Участники «круглого стола» говорили о возможностях междисциплинарного познания человека. Особую обеспокоенность вызывало будущее человека в условиях глобальных проблем. Ученые выразили надежду, что эпоха перемен породит новое мышление, с помощью которого человечество сможет успешно решать глобальные проблемы.**

Ключевые слова: **новое мышление, глобальные проблемы, человек, гуманизм, духовность**

Журнал «Коммунист» совместно с журналом «Вопросы философии» провел «круглый стол» по проблемам перспектив настоящего и будущего человека и человечества, проблемам, которые все более и более волнуют как ученых-обществоведов, представителей естествознания, так и широкие слои населения. В обсуждении этой многоаспектной темы приняли участие: Э.А. Араб-Оглы – доктор философских наук, член редколлегии журнала «Коммунист»; Д.И. Валентей – доктор экономических наук, руководитель Центра по изучению проблем народонаселения при МГУ; Е.П. Велихов – академик, вице-президент АН СССР; А.Г. Вишневский – доктор экономических наук, зав. отделом Института социально-экономических проблем народонаселения АН СССР; А.И. Володин – доктор философских наук, профессор АОН при ЦК КПСС; А.А. Галкин – доктор исторических наук, проректор Института общественных наук при ЦК КПСС; Д.А. Гранин – писатель; В.П. Зинченко – член-корреспондент АПН СССР, директор-организатор Института человека АН СССР; Кирилл – доктор богословия, архиепископ Смоленский и Калининградский; В.А. Лекторский – доктор философских наук, главный редактор журнала «Вопросы философии»; Н.Н. Моисеев – академик, консультант Вычислительного центра АН СССР;

15 «Коммунист» № 15, 1989

И.Т. Фролов – академик, президент Философского общества СССР.

Ниже мы публикуем фрагменты состоявшейся дискуссии. Надеемся, что публикация побудит наших читателей к самостоятельному осмыслению этой не только интересной теоретической, но и насущной практической проблемы современного общественного развития.

Новое мышление – мышление гуманизма

И.Т. Фролов. Новое мышление есть мышление нового гуманизма. Именно под этим углом зрения мы подходим к прогнозированию будущего, и не просто к прогнозированию, а к реальному планированию, скажем, до 2005 г., которое, как сейчас всем стало ясно, является актуальной проблемой в практическом плане.

Исследование перспектив цивилизации на качественно ином уровне, в частности картины будущего и состояния общества на рубеже эпох, в канун третьего тысячелетия, было начато в 1960-е гг. и исходило во многом от марксистов, сотрудничавших с представителями немарксистской мысли. Оно было связано с анализом мирового развития в аспекте обострения глобальных проблем, о чем с тревогой писали западные ученые-экологи, с тем, что окрасило в последние десятилетия становление нового мышления.

Хочу особо подчеркнуть, что постановка вопроса о будущем человеческой цивилизации в аспекте угрожающего нарастания глобальных проблем исходила от поколения советских ученых – естественников, философов и социологов, воспринявших идеи XX съезда КПСС. Это позволило нам если не вырваться вперед, то остаться, по крайней мере, на мировом уровне развития научной и философской мысли. Причем своеобразие марксистской постановки вопроса заключалось в конкретном социальном подходе ко всему комплексу проблем, что помогло более реалистически взглянуть на ситуацию в целом, анализировать и решать общечеловеческие глобальные проблемы с учетом существования социализма и капитализма.

Более того, мы говорим, что социализм должен больше определить себя как неразрывная часть единого процесса развития мировой цивилизации. Именно в рамках новой целостности он

призван выявить свои преимущества и в то же время использовать те формы организации современного общества, которые хотя и не характеризуются сегодня как социалистические, но тем не менее дают что-то позитивное, ведут вперед. Например, в развитых капиталистических странах это бурный рост авангардной, или, как ее называют, высокой технологии, создающей ряд не встречавшихся ранее ситуаций. Они могут рассматриваться как определенные модели и нашего будущего. Мы сейчас изучаем такие модели и стремимся использовать полученные знания в своих прогнозах.

Анализ современного движения общества показывает, что новая авангардная технология должна прийти в высокое соприкосновение с развитием цивилизации, культуры и самого человека. Только на этом пути возможно дальнейшее развертывание прогрессивных процессов. Обращенность к культуре, человеку, его духовному миру диктуется необходимостью изменения самих производительных сил, а не просто какими-то традиционными гуманистическими соображениями. Она становится доминантой современной эпохи. Поэтому становление мышления, связанного с представлениями о целостности мира, взаимозависимости его частей, о приоритете человека и общечеловеческих ценностей, неизбежно предполагает и новую в истории форму гуманизма. Переход к гуманному обществу очень сложен. Каждому из нас приходится «сдирать» с себя старую, загрубевшую кожу. Мы вынуждены коренным образом многое менять в наших взглядах на действительность, даже в самом способе мышления. Хотя еще совсем недавно мы кичились своей свободой научного творчества, нельзя забывать, что даже какие-то небольшие ее крупицы достигались ценой борьбы, навлекали иногда на себя гонения. Сейчас положение изменилось. Неоправданное давление на науку исчезает, отодвигается назад, поскольку масштаб, задающийся современному мышлению, несопоставим с тем, что было ранее. Но время поставило трудную задачу, грандиозную, требующую напряжения всех интеллектуальных сил.

А.И. Володин. Хотелось бы обратить внимание на эволюцию самого исходного понятия предмета нашей дискуссии – понятия «человечество». У мыслителей далекого прошлого оно означало человеческий род и не являлось предметом специального самостоятельного исследования. Во всяком случае, то содержание, которое вкладывалось в него, было предельно абстрактно. Это

либо натуралистические представления о человечестве как о совокупности всех людей, всего населения, либо фразеологические трактовки того же самого порядка.

Ключевое значение этому понятию придавалось в теоретических представлениях утопических социалистов. Стремясь исправить историческое развитие, они полагали, что история, какой она была до сих пор, искажала природу человечества. По их мнению, оно будет жить по своим собственным правильным законам только тогда, когда мы его облагодетельствуем, направим на истинный путь. Ибо реально действующие законы ведут человечество лишь к несчастью. Обрести счастье возможно только при каком-то особом состоянии. Последнее утописты связывали с достижением цивилизованности. Тем самым они, по существу, исключали из мирового человеческого сообщества многие народы. Иными словами, исходное понятие было по содержанию антиисторично. Человечество уподоблялось малому ребенку, еще не зрелому, не воспитанному, не знающему, как нужно нормально жить.

По сравнению с социалистами-утопистами в философии Гегеля осуществляется соединение понятий «человечество» и «история». Для него история человечества является историей действенной. Народы суть то, чем оказываются их действия. Он подчеркивает многоликость человечества, которое есть живой организм, организм сложный и противоречивый. Человечество, по Гегелю, – это процесс его развития.

Если говорить о Марксе, то нельзя не заметить, что он весьма осторожно подходил к рассматриваемому нами понятию. Маркс неоднократно подчеркивал, что предметом его изучения является не человек вообще, тем более не человечество в целом, а конкретный период истории общества, отношения основных классов, определяющих лицо того или иного отрезка истории. Но вот что характерно. Скептически относясь к самому понятию, не включая его в основной инструментарий анализа современного ему общества, он рассматривает капитализм как строй, создающий общие материальные предпосылки общества, когда становятся возможными подлинная свобода человека, его универсальное развитие. Само представление Маркса об универсальном человеке выступает здесь как учет результата исторического восхождения, предпосылки которому дает капитализм, ограничивающий локальное развитие отдельных частей челове-

чества и тем самым способствующий его становлению как целостности.

Сейчас, с учетом новых реалий, обществоведам предстоит обогатить марксистский инструментарий, наш мыслительный аппарат и метод, поскольку слово, термин существовали, но понятия, категории как инструмента научного исследования не было. Новая реальность актуализирует эту задачу. Во-первых, в современную эпоху происходит становление действительно всемирной истории, где все со всем связано. Речь идет о формировании человечества как единого целого, о процессах интернационализации жизни: экономической, информационной и т.д. Во-вторых, все больше дает о себе знать проблема общечеловеческого интереса, проблема диалога, партнерства, поиска баланса, определенного равновесия различных, подчас противоречивых и даже антагонистических интересов. И наконец, интенсифицируется развитие самосознания человечества, оно ставит практическую цель выработки у каждого индивида представления о принадлежности не только к своей семье, нации и государству, но и к единой планетарной семье, человечеству как новому сообществу людей.

Таким образом, речь идет о возникновении какого-то духовного образования, которое сделает, в конечном счете (такова тенденция), человечество подлинным субъектом исторического движения, активно действующим субъектом в условиях сложной структуры отношений разных стран, регионов, партий, общественных движений и т.д. и т.п., но при этом все-таки субъектом, имеющим свой специфический интерес и действующим в каких-то определенных границах.

Архиепископ Кирилл. Да, действительно необходимо искать какие-то определенные формы диалога, соотнесения несовпадающих взглядов, убеждений, которые мы могли бы достойно и достаточным образом переводить в реальную жизнь нашего сегодняшнего дня. Как верующий человек, я убежден, что Бог является творцом истории, но Он действует, не нарушая внутренние законы свободы личности. Поэтому если мы говорим о будущем как верующие люди, то в понятие «воля Божья и Божий промысел» мы должны вложить понятие человеческой свободы. Будущее в значительной мере определяется тем, что будут делать люди, как они будут поступать и как мыслить.

Свобода мышления на принципах приоритета общечеловеческих ценностей, по моему мнению, является фундаментальным принципом нового мышления. Его необходимо всемерно внедрять в нашу внутреннюю жизнь. И поскольку на основании этого этического принципа мы будем строить наше общество, мы быстрее продвинемся вперед.

Д.И. Валентей. Мне хотелось бы поддержать мысль о том, что проблемы нашего будущего – это проблемы нашего настоящего. Осознание целостности, непрерывности развития истории, общества является существенной особенностью складывающегося мышления. Хотя до конца века осталось около 10 лет, мы уже вступили в новое столетие, ибо многие волнующие нас проблемы будут еще долго оставаться актуальными. Конечно, втягиваясь в третье тысячелетие, никто из нас не рискнет точно прогнозировать течение социальных, национальных и демографических процессов, развитие культуры и религии как мирового явления из-за их чрезвычайной динамичности. Но поставить проблему и осмыслить ее хотя бы в первом приближении необходимо. В этой связи следует отметить, что в наших философских словарях и энциклопедиях до сих пор нет статьи о человечестве, а понятие «цивилизация» раскрывается крайне скупо и неудовлетворительно. Чаще всего цивилизация трактуется как синоним культуры, уровень общественного развития, следующий за варварством. Но что же такое цивилизация, если и на пороге нового тысячелетия мы наблюдаем многочисленные элементы бескультурья, варварства в различных сферах общественной жизни как в нашей стране, так и в странах других регионов мира?

Э.А. Араб-Оглы. Многие марксисты, даже в преобладающем своем большинстве, еще несколько лет назад считали: проблемы, которые мы называем сегодня глобальными, будут решены только после победы социализма во всемирном масштабе. Теперь обществоведы пришли к выводу, что это не так. В рамках нового мышления утвердилось понимание, что их следует решать не откладывая, в условиях сосуществования различных социальных систем, когда на Земле существуют полтораста различных государств, сотни не похожих друг на друга наций, тысячи народностей. К тому же нельзя обольщаться уровнем достигнутого знания. Но главное, не следует позволять, как часто было прежде, тем или иным идеологам уверять общественность в своей абсолютной мудрости. В конечном итоге истина, муд-

рость принадлежат не отдельному человеку. Они принадлежат истории.

Вместе с тем мы должны иметь в виду, что новое мышление не требует ни от кого отречения от своих взглядов и убеждений. Это касается не только марксистов, но и всех думающих людей. В противном случае оно не завоюет значительного числа поборников. Разумеется, новое мышление совместимо и с марксистским классовым анализом истории, и с классовым подходом к общественным явлениям. Однако ссылки на классовость, партийность не могут ни в коем случае оправдать посягательств на общечеловеческие интересы и ценности, на гуманистические идеалы, на демократические права человека. Если мы будем с общечеловеческих позиций определять основной критерий, цель развития общества, основной интерес человека, нам удастся избежать многих просчетов и не очень увлекаться вопросом, какая дорога ведет к храму.

А есть ли какой-то храм, который нам нужно сообща возвести, или он уже где-то находится и нас поджидает, и человечество должно либо пробить к нему просеку в наших напряженных отношениях, либо соорудить через болото невежества какую-то дамбу, либо проложить посредством научно-технического прогресса автостраду к нему? Вообще храм – это человечество. Другого храма на Земле нет для человечества, кроме него самого. А дорога – это история. И всякая попытка насильственно свернуть историю со своего пути всегда обходится очень дорого. Мне хотелось бы обратить на это особое внимание и еще раз подчеркнуть огромное значение проблемы свободы для человека и для человечества.

Мы обязаны признать: человек обладает, должен обладать свободой. Собственно говоря, она состоит в том, что именно он выбирает, что истинно, красиво, что является добром или злом, и никто не имеет права посягать на свободу человека. Если какая-то власть или идеология берут на себя всю ответственность за человеческое поведение и монополизируют право решать, что есть добро, истина, красота, то они исторически не оправданы и могут причинить человеку только ущерб. Личность остается личностью, человек человеком до тех пор, пока они остаются свободными арбитрами в своих суждениях. Поэтому будущее человека и человечества зависит от того, в какой мере ему удастся сохранить за собой свободу совести, суждений, мнений, высказываний.

И.Т. Фролов. Что касается перспектив человечества, то, по-видимому, имеет смысл, основываясь на понимании совершающихся сегодня процессов, таких, например, как интернационализация, развитие нового, в том числе политического мышления, больше внимания сосредоточить на будущем облике мировой цивилизации. Речь, в частности, идет о предмете наших рассуждений относительно возможности какого-то единого, демократического и гуманного мирового сообщества, в котором будут сосуществовать разные формы собственности – и общественная, и частная, – неодинаковые формы общественных отношений. Но при одном условии. Это должны быть общества демократии, общества, где человек оказывается центром всех отношений. Необходимо продумать и разработать модель нового мирового сообщества, как некоторой конкретной цели складывающегося сегодня политического мышления и действия. Ведь развивая сейчас в данном направлении какие-то общественные процессы, практически реализуя принципы гуманизма, нам необходимо иметь представление о том, к чему мы идем.

Человек как самоцель истории

И.Т. Фролов. Рассматривая проблемы формирования новых форм гуманизма как реакции на обострение глобальных проблем, целесообразно вспомнить важную мысль, высказанную А. Печчеи. Вопрос о новом гуманизме он связывал с проблемой человека. А.Печчеи считал, может быть гипертрофированно, что развитие мира ставит человечество на грань самоуничтожения, и единственный выход видел в изменении самого человека, его морали, нравственности, сознания, что и может привести нас к спасению. Горячо поддерживая эту идею, хочу все же обратить внимание на один существенный момент. Марксисты выдвинули идею нового гуманизма, основывающуюся на идеях, которые сформулировал К. Маркс в своих ранних работах, в особенности в экономическо-философских рукописях 44-го года. В современных условиях эти труды Маркса следует осмыслить заново, поскольку в них выражена суть марксизма как науки об освобождении и развитии человека и человечества. Экономическая сторона марксизма, учение о классовой борьбе, революции, все то, к чему обращался Маркс потом, является, по существу, обоснованием идеи реального гуманизма, поис-

ком ее воплощения в жизнь. Наша задача – понять марксизм именно как реальный гуманизм, раскрыть его человеческое содержание, выявить в нем то новое, что пригодится в настоящем и будущем.

Кажется странным называть новым учение, возникшее более ста лет назад. Но общество, образ которого рождался из марксистских представлений о реальном гуманизме, еще дело будущего. Следовательно, сформулированные тогда принципы гуманизма – это не то, что позади нас, а то, что впереди нас, то, к чему мы должны стремиться. И прежде всего под таким углом зрения следует относиться к развитому Марксом положению Канта о том, что человек есть самоцель исторического процесса. Именно данное фундаментальное положение и составляет суть нового гуманизма. Сейчас, в ходе перестройки, обновления нашего общества, эта идея получает уже в определенной мере свою практическую реализацию.

Е.П. Велихов. Действительно, мы с надеждой думаем, что XXI век избавит человека от всех бед и травм XX века. Поэтому так много обсуждаем вопрос о совместных усилиях по превращению грядущего столетия в столетие гуманизма и всестороннего процветания. Но правильно ли мы представляем будущее, сможем ли планировать наши действия соответствующим образом, способна ли наука помочь людям в этом деле или нет, – вот далеко не полный перечень актуальных и сложных вопросов сегодняшнего осознания действительности. Скажем, может ли наука путем экстраполяции, как она часто делала раньше, определить динамику производства, национального дохода и установить, на какой ступени будет находиться страна в материальной, технической, духовной областях, вступив в XXI век? Все это не так просто.

Взять, например, последнее десятилетие, когда произошла «тихая революция» в технике и технологии. Она не только меняет наше время, но и окажет значительное влияние на следующее столетие. Однако самая «просвещенная, демократическая наука» плохо представляет себе ее возможные последствия, затрагивающие судьбу человека, хотя бы воздействия на него бурного развития вычислительной техники, информатики. С переходом к широкой компьютеризации многих сфер деятельности человека, с созданием разветвленной системы персональных компьютеров в развитых странах произошел информационный

переворот, скачок. Появилось даже новое понятие – «социальная информационная революция». Но последствия этого процесса еще глубоко не изучены.

Что несет человеку новейшая технология, как она отражается на его социально-психологическом состоянии, как ему входить в компьютеризированный мир? Ясно только одно: человечество без развития информационных систем, передачи информационных функций от человека к машинам не может представить свое дальнейшее существование, но пока и не может оценить последствия глобальной информатизации. То есть мы еще находимся рядом с великой тайной, тайной человека, в частности его разума и чувства, его потенциала. Тут мы где-то бродим вокруг да около и никак не пробьемся к заветной цели. Однако полагаю, что наука – живая, подвижная, ищущая – найдет ответ, если станет, а она уже становится, «человеческой наукой».

Но есть еще один существенный момент функционирования науки наших дней, нового научного мышления. Люди уже не хотят, общество в целом не хочет, чтобы все научные вопросы решались только узким кругом специалистов, чтобы условия их жизни без них определяли неподвластные им научные ведомства, общественные институты. Особенно ярко это проявилось в движении против ядерного оружия, ядерной технологии. Люди разного интеллектуального уровня поднялись и заявили, что не желают больше оставлять свою судьбу и судьбу своих детей в руках ученых, политиков. Они хотят сами разобраться в проблеме жизни, поскольку реально осознали хрупкость окружающего мира и уже почувствовали, что могут держать в руках свое будущее.

Но насколько эффективно? Способны ли уже сейчас наши общепризнанные институты – научно-исследовательские, общеобразовательные, средства массовой информации – дать необходимые знания для того, чтобы общественность компетентно, ответственно и разумно решала жизненно важные вопросы развития производства, науки и техники? Это сама по себе большая научная проблема.

Развитие демократического процесса в сфере взаимосвязи науки и общества во многом определяется положением дел в системе образования и подготовки специалистов в высшей школе. В бурно меняющемся под напором демократии мире она должна становиться во все в большей степени гуманитарно направленной. Однако наше высшее образование, несмо-

тря на определенные положительные сдвиги в стране, имеет еще много так называемых «черных дыр» и «белых пятен», что нетерпимо в условиях обновления социализма. К ним, например, относится изложение мировой истории науки, установление приоритета открытий, знакомство с научными концепциями современных зарубежных исследователей. Общество еще много теряет из-за недостатков в системе преподавания. Мы должны понять, что гуманизация образования невозможна без преодоления элементарного культурного невежества значительной части студентов и «глухого» педагогического невежества немалого числа преподавателей, которые порождены узкой специализацией обучения, возникают на грани взаимоотношения науки и лженауки, научной и поверхностно-популярной литературы. Наши беды заключаются также в том, что обучающие часто полагаются на модные течения в науке, на официально признанные точки зрения, поддаются давлению инстанций. Это было в нашей истории и еще до конца не преодолено.

Гуманизация в сфере науки, высшего образования не сводится к более широкому преподаванию чисто гуманитарных дисциплин. Цивилизованный человек XXI века должен не только знать историю, культуру, но и иметь представление, скажем, о революции в квантовой механике, проблемах высокотемпературной сверхпроводимости, электролизе, термоядерном синтезе (разумеется, в определенных пределах). Ибо при осмыслении проблемы выживания, дальнейшего научно-технического прогресса нельзя опираться лишь на здравый смысл. Последний не дает адекватного ответа на вопрос, что сулит та или иная технология с точки зрения человека, его нормального цивилизованного существования и развития.

В.П. Зинченко. Будущее науки во многом определяется субсидированием научных исследований. Стоимость неудавшегося проекта «Фобос»: 272 миллиона рублей – наш вклад и 60 миллионов рублей – вклад других стран. На программу же фундаментальных исследований Академии наук СССР, которая называется «Человек, наука, общество», отпущено всего 5 миллионов рублей. Разница довольно показательная. Более того, даже в подведомственном Вам Институте проблем передачи информации не нашлось средств для исследования такой «человеческой» проблемы, как развитие сознания. Соответствующие средства

были выделены институту за счет программы «Человек, наука, общество».

В связи с этим у меня к Вам вопрос. Предполагаете ли Вы, как вице-президент, что в Академии наук произойдет в самом ближайшем будущем перераспределение средств в пользу развития гуманитарных наук в широком смысле этого слова? Потому что без развития гуманитарного знания не будет ни души, ни духовности, не будет, кстати, серьезных сдвигов в образовании.

Е.П. Велихов. К сожалению, вопрос о приоритетах не обсуждается до сих пор. Мы – страна, живущая в условиях всевозможного дефицита. Раньше считалось, что главное – убедить руководство выделить деньги на ту или иную программу, и средства найдут. Но ведь они отпускаются за счет других, не менее важных научных исследований. Что же касается космических программ, то я не сторонник очень сильного их развития. Если они являются сопровождением народнохозяйственных или военных программ, это одно дело, а когда речь идет о специфически собственном развитии космических исследований Вселенной, необходимо серьезно обсудить сложившиеся пропорции. Что нам нужно в космосе и что нужно на Земле, что нужно человеку? По-моему, сегодня необходимо существенно увеличить вклад в изучение Земли, среды нашей жизнедеятельности, ибо по ряду субъективных и объективных причин мы в данных направлениях научных исследований значительно отстали от мировой науки. Нужно усилить программы, которые прямо и непосредственно влияют на будущее развитие нашего общества, в том числе и на исследования гуманитарного профиля.

Архиепископ Кирилл. Однажды в передаче по телевидению о Тимофееве-Ресовском прозвучала мысль, что нет ничего выше, чем наука. Она есть абсолютная ценность. Вопросы личной жизни ученого, его счастья, семьи и брака должны быть выведены за пределы его устремлений. Он должен подчинить себя служению науке, поскольку только она есть высшая, центральная ценность. Я думаю, что это глубочайшее заблуждение нашего времени.

Существует в обществе и другое заблуждение. Часто мы фокусируем все наше внимание на вопросах экономики, развития производительных сил. Откройте любую газету, любой журнал. И всюду изо дня в день – проблемы экономики, производства, управления. Так экономика становится самодовлеющей целью. Но ведь нужно задать вопрос: а для чего существует экономика,

ее эффективность? Для чего нужна наука, каково предназначение культуры, искусства? Я даже рискну спросить: для чего существует и религия?

Размышляя о будущей цивилизации, мы в первую очередь должны определить, какие цели стоят перед нами, какие глобальные задачи необходимо решить, что мы хотим видеть в результате наших усилий. Для меня конечная цель – та, о которой говорил апостол Павел в послании к Коринфянам как о полноте жизни. Это – новое творение, начинающееся с преображения человеческой личности и включающее в себя весь космос. По-моему, это конечная эсхатологическая цель. Если мы признаем, что цель цивилизации заключается в преображении человека, его совершенствовании, то проложим правильный ориентир общественного развития. Поэтому одной из причин принятия мною развернувшейся в стране перестройки является высказанная озабоченность духовно-нравственным состоянием человека. Существует стремление развернуть экономику, политику, социальную жизнь в сторону человека. Но важно, чтобы осуществляемый разворот не только материально обогатил людей, но и создал условия для духовно-нравственного очищения.

Но как же получилось, что мы с тревогой заговорили о будущем цивилизации, о некоем тупике? Корни своего рода кризиса погружены в глубины истории. Так, на определенном этапе исторического развития была разрушена идея целостности истины. Началось все в известную эпоху Возрождения, а затем через Реформацию, период Просвещения и промышленной революции утвердился эгоистический антропоцентризм в понимании человеческой цивилизации. Целостное видение мира дробилось из-за углубления научного знания, и произошло рассечение этой целостности. Человек был поставлен в центр цивилизации. Одновременно с развитием научных методов исследования природы формировалась новая конечная цель – человек должен всемерно использовать окружающую природу, брать от нее все. Она представляет из себя ценность только в той мере, в какой служит человеческому благу. И вот на таком фундаментальном европоцентристском подходе начинают формироваться и наша наука, и экономика, и социальные изменения, и наше мышление. В конце концов человек стал действительно относиться к природе, окружающему миру как к своей вотчине. Знаменитый лозунг 30-х годов, что мы не можем ждать милостей от природы,

а взять ее богатства – наша задача, результат именно определенного развития человеческой мысли и общества, социально-психологического и философского отношения к окружающему нас творению.

Главный философский, мировоззренческий вывод, который мы должны сделать из приближающегося экологического кризиса, из тупика, в котором оказалась наша научно-техническая цивилизация, заключается в следующем. Ценность имеет новый человек, строящий свои отношения с природой, с космосом на иных фундаментальных, гуманистических принципах. Иначе мы просто загадим не только нашу планету, а, может быть, и окружающее нас космическое пространство.

Е.П. Велихов. Создается впечатление, что Вы не совсем традиционно трактуете антропоцентризм, когда подчеркиваете пагубность следования ему в современном мире. Но, может быть, мы сделали просто небольшой шаг назад или в сторону в практическом отношении к природе, и нам надо все же через этот принцип выйти на более фундаментальное понимание взаимосвязи человека и природы? Ведь в жизни каждого человека есть что-то высокое. Для Тимофеева-Ресовского это наука, для Экзюпери – полет, для Матери Терезы – милосердие. Если мы будем противопоставлять ценности, то окончательного ответа не найдем на вопрос, как все-таки нам выжить.

А.А. Галкин. Мне сначала показалось, что владыко ставит в центр жизни человека и на этом основании принимает перестройку советского общества. Затем филиппика против антропоцентризма, которая воспринимается как противоречие первоначальному тезису. Видимо, речь идет о том, чтобы все же поставить человека в центр жизни, но при условии, что он не злоупотребит этим.

Архиепископ Кирилл. Понятие «антропоцентризм» не охватывает всю выраженную мною озабоченность при непременном использовании определения. Если человек ставит себя в центр мира для того, чтобы эксплуатировать окружающую действительность, достичь собственных эгоистических целей, это не может не вызывать тревогу. Об этом писал, в частности, Бердяев, подчеркивая, что внешняя деятельность человека имеет свою духовную базу. И именно духовное развитие, особенно в XX веке, породило эгоистическое, антропоцентристское отношение человека к миру.

Говоря о целях, которые ставят перед собой общество и человек, необходимо различать конечные и промежуточные цели, абсолютные и относительные. В данном контексте наука, экономика – это относительные ценности. Если мы назовем их абсолютными ценностями, то потеряем всякую перспективу развития. Хорошо, когда конкретный человек ставит интересы науки выше эгоистических материальных интересов. Но иное дело, когда средства достижения целей, какими, в частности, являются наука, экономика, искусство, отождествляются с самими высшими целями, становятся самодовлеющей целью человека и общества.

Д.А. Гранин. Нам необходимо учитывать опасно возрастающее самомнение человека, которое и привело во многом к экологическому кризису. Человек рассматривается до сих пор как венец творения, как царь природы. И это самомнение не убывает, а растет в силу могущества машин, преклонения перед разумом.

В самом деле. Возьмите хотя бы учебники по биологии. Что наполняет их содержание? Восторг перед разумом человека, сумевшего проникнуть в тайны клетки. И нет совершенно восторга перед гармонией, красотой природы, неисчерпаемостью ее тайн, перед которыми достижения разума – ничто. То есть человек с малых лет воспитывается в сознании своего могущества, исключительности. Он не рассматривает себя как часть природы. И в этом больше языческого, чем христианского.

Человек – часть природы. Именно такой подход, такая концепция должны лежать в основе гуманизма.

Или затронем экологические проблемы. Возникающие здесь кризисы рассматриваются с точки зрения угрозы нашему существованию, а не с точки зрения любви к природе. Это два разных подхода. Но какое право мы имеем думать так? Только право силы, и не больше. Поэтому экологи занимают своеобразную оборонительную позицию. Но здесь нужно иное чувство, иное мышление. А именно: любовь ко всему живому, преклонение перед ним, понимание того, что человек вовсе не лучшая часть природы.

Н.Н. Моисеев. Действительно, антропоцентризм в его определенном понимании возник в эпоху Возрождения и последующего развития естественных наук. Этот принцип вывел человека как бы за рамки природы, сделал его рациональным наблюдате-

лем. Более того, он поставил даже природу человека на службу обществу.

Однако связанный с этим процессом рационализм, как говорил В. Одоевский, подвел нас к вратам истины, но не позволил нам их открыть, в чем и заключается беда старого антропоцентризма. Необходим был синтез естественнонаучной и философской мысли, мысли гуманистической. Такой синтез был осуществлен во второй половине XIX века в русской культуре. Он привел к совершенно новому представлению. Понятие антропоцентризма наполнилось другим содержанием, которое может быть нами принято и послужить основой консенсуса.

Суть его состоит в том, что человек, как отмечали Сеченов и Менделеев, а вслед за ними Вернадский, не потусторонний зритель, не безучастный элемент природы. Он хотя и часть природы, но активный, заинтересованный агент, такая ее составляющая, роль которой все время возрастает. Но коль скоро человек оказывается основным элементом образующих сил, он не может себя развить и сохранить без сохранения и развития природы. Это и есть естественный процесс, называемый нами универсальным эволюционизмом.

И.Т. Фролов. Следует четче определить понятие «антропоцентризм», иначе действительно впадем в противоречие. Мы говорим о необходимости человеческого измерения науки, о том, что европейская наука делала ставку в основном на принципы редукции и с помощью редукции добилась колоссальных достижений. А сейчас важно восстановить целостный подход, целостный взгляд и дать именно человеческое измерение всему, включая науку. И мы, в частности, отмежевываемся в этой связи от таких оценок, от такого понимания марксизма, которое сводится к приписыванию ему технократизма, исключающего в нем человеческие оценки, гуманистические принципы.

Более того, советские философы еще до того, как стало формироваться новое политическое мышление, сформулировали принцип, согласно которому гуманистические ценности выше тех, что могут быть получены в ходе чисто научного познания. И на этой основе разрабатывали подход к генетическим, биомедицинским, генно-инженерным исследованиям, подчеркивая необходимость некоторых запретов. Ибо возникла опасность для человека, а значит, появилась проблема создания определенных принципов исследований, даже, может быть, законода-

тельных установлений, которыми должны руководствоваться ученые. В 70-е годы ученые первыми предложили мораторий на некоторые виды генно-инженерных работ. Сейчас поставлен вопрос о разработке своеобразных этических кодексов науки. И они уже разработаны в некоторых странах, например в Польше, где представлен Этический кодекс научных работников.

Этот вопрос обсуждают и религиозные деятели. Под руководством Всемирного совета церквей в конце 1960-х гг. известные ученые и крупные специалисты осуществили типизацию допустимых и недопустимых по морально-этическим соображениям экспериментов на человеке.

Таким образом не только возникает механизм общественного контроля за научными исследованиями, но и формируется механизм самоконтроля, саморегулирования науки на этических, гуманистических ценностях нового мышления.

Духовно-нравственный потенциал человека

Архиепископ Кирилл. Конечно, было бы глубочайшим заблуждением считать, что эксплуататорское, эгоистическое отношение к природе порождено только научными методами познания мира. Разумеется, не открытия Ньютона, Галилея, Коперника, Декарта и Бэкона породили антропоцентризм. Речь идет об определенном духовном базисе деятельности человека, от которого во многом зависит его видение мира, окружающей действительности. И вот тот духовный мир, то самочувствие человека и общества, господствовавшие в эпоху Возрождения, повлияли таким образом, что научные открытия имели, на мой взгляд, однобокое антропоцентристское развитие. Оно проникло в гуманитарные области, в сферу мышления и философии.

Духовные силы человека являются базисом его исторической деятельности. Отсюда величайшим приоритетом должна стать духовная жизнь человека. В дискуссиях по данному предмету меня беспокоит ложная трактовка понятия духовности. Она в основном отождествляется с двумя уровнями развития человека – рациональным и эстетическим. Из передач по телевидению и радио на эту тему можно сделать простой вывод: ходишь в театр – живешь духовной жизнью, не ходишь – какой-то иной. Посещаешь выставки, музеи – духовно развитый, не интересуешься живописью – духовно недозрелый. Это, конечно, упрощенный

взгляд. Мы забываем о той величайшей духовности, которой обладал наш простой народ, русские крестьяне. Именно она во многом оплодотворяла творчество замечательных русских писателей, деятелей культуры XIX века, искавших и находивших в народной духовности высшие ценности.

Для меня духовность – совсем не рациональный уровень бытия, совсем не эстетический уровень жизни. Можно быть ученым и извергом, художником и злодеем. Вопрос о возможной совместимости творчества и моральной ущербности был поставлен еще Пушкиным. Теперь исторически он решен, по-моему, однозначно: эти вещи могут совпадать.

Проблема в конце концов заключается в том, что духовность есть нравственность, есть этический уровень бытия. Если человек морален, формирует свою внутреннюю жизнь и ее условия, свой образ поведения в соответствии с нравственным законом (под ним я подразумеваю абсолютные этические принципы), он духовен. Духовность – это воплощение в человеческой личности нравственного закона бытия.

Существуют различные мнения о происхождении нравственности. Я выделяю онтологический источник. Пока мы не признаем существование объективного нравственного закона, который заложен в человеческой природе, будет происходить то, о чем нас предупреждал Розанов. По его словам, страшна свобода человека там, где нет признания верховного нравственного закона, нет другой ответственности, кроме той, которую сегодня придумают люди. О каком человеческом обществе может идти речь, если люди сегодня управляются одним пониманием добра и зла, а завтра – другим? Если в основе нравственности лежит принцип относительности, то у нашего общества и у всей человеческой цивилизации нет шансов на выживание. Но если мы будем исходить из положения, согласно которому в основе нравственности лежит объективный закон, а сами нравственные ценности являются абсолютными, у нас есть будущее и мы сможем договориться друг с другом.

Нужно достичь нравственного консенсуса на основе общечеловеческих ценностей. Допускаю, что на уровне теоретической дискуссии это возможно. Возможно, но, увы, недостаточно. Теоретический консенсус необходимо перевести в конкретную политику, и в первую очередь внедрить в сознание общества через систему просвещения. Мы должны иметь своего рода об-

щий «нравственный катехизис», обучать на его основе детей с детского сада элементарным этическим нормам. Более того, нравственный катехизис как сумма нравственных идеалов и принципов, основанная на общечеловеческих нормах морали, должен определять все гуманистическое направление нашего образования.

Меня всегда привлекала идея клятвы Гиппократа. Но почему эту клятву дают только медики? Может быть, опираясь на нравственный катехизис, нравственный консенсус, такую клятву должен давать каждый выпускник средней школы, техникума или вуза? Целесообразно, чтобы каждый профессионал, вступающий в жизнь, клялся перед своей совестью, обществом, народом, перед Богом, если он верующий человек, что его поведение, профессиональная деятельность не будут противоречить гуманным, нравственным принципам.

Естественно, всякие клятвы могут быть нарушены. Но, с другой стороны, прекраснодушные рассуждения о необходимости быть нравственным, честным, не делать зла ничего решительно не меняют в обществе. Только тогда, когда мы соединим глобальные нравственные понятия с системой образования, когда подкрепим наш нравственный консенсус реальной политикой в области воспитания, мы сможем формировать нового человека, новую мораль, которая мотивировала бы социальную, политическую, профессионально-преобразующую деятельность людей конца XX и начала XXI века.

И.Т. Фролов. Нет ли противоречия в тезисе о существовании каких-то объективных, абсолютно устойчивых норм нравственности, заложенных в самой природе человека? Коренятся ли они в таком случае в генетических, физических свойствах и параметрах человека или это нечто другое, что связано с определенными социальными факторами, формирующими личность? Конечно, в сфере нравственности недопустим релятивизм. В нашей деятельности необходимо исходить из абсолютных в каком-то смысле, нравственных ценностей. Эту мысль прекрасно выразил А. Швейцер. Однако есть ли нечто полностью неизменное, внеисторическое в нравственности как жестко заложенное в самой естественной природе человека? Разве он не изменяется в истории?

Архиепископ Кирилл. С точки зрения христианского богословия и религиозного понимания мира нравственный закон

заложен Богом в природе человека и осознается через совесть. Совесть – понятие изменчивое. Она подвергается воздействию окружающего мира. И поэтому потребовался писаный закон, с которым человек мог бы сверять свою совесть. Но с христианской точки зрения вложенная Творцом в природу нравственность есть объективная данность.

В.П. Зинченко. Что касается выработки определенного основания для консенсуса, то хочу заметить следующее. В нашей философской литературе уже просматривается линия, связанная с исследованием онтологического аспекта явлений, процессов, событий. Она предполагает выделение как минимум уровня рефлекторного и уровня бытийного. В последнем укоренен определенный смысл – практический, нравственный, этический. В данном понимании можно говорить об онтологизированной этике, онтологизированных корнях смысловой составляющей сознания. Другое дело, что марксисты иначе представляют себе приспособление сознания. Но, несомненно, в сознании есть онтологический компонент, хотя само оно, разумеется, как и культура, – историческая категория. Это, по-видимому, и может быть основанием для выработки консенсуса.

Э.А. Араб-Оглы. В связи с этим целесообразно подчеркнуть, что марксисты решительно отвергают нравственный релятивизм. Устойчивость нравственных основ человека зиждется на тысячелетнем развитии человека как биосоциального существа. Отсюда недопустимо произвольное вмешательство как в генетическую наследственность человека, так и в культурное наследие человечества, включая его нравственные устои. И только в этом смысле есть какие-то непреходящие, неизменные ценности.

Н.Н. Моисеев. Раньше я коснулся идеи универсального эволюционизма. С этой идеей связаны многие представления о развитии человечества, в том числе концепция формирования нравственности. Через призму данного подхода нравственность возникает естественным образом. Без нее в определенном смысле не могло осуществиться превращение человека в Человека. Скажем, без возникновения нравственного принципа «Не убей» невозможно было прекращение внутривидового отбора и переход на рельсы социального развития. Так и сегодня, пока не утвердился подлинно нравственный императив, серьезно говорить, допустим, о способности человека преодолеть экологический кризис просто нельзя.

И.Т. Фролов. Момент развития общества, на который Вы обратили внимание, пытался осмыслить еще П. Кропоткин в двухтомной «Этике». На высказанных там и выработанных позднее научных положениях основываются сейчас многие теории эволюционно-генетического механизма происхождения нравственности, высших этических принципов, в том числе принципа альтруизма. Из этого исходила, в частности, нашумевшая на Западе концепция социобиологии, хотя ее крупный представитель М. Рьюз и не ссылался на работы Кропоткина, впрочем, как и на книги Ф. Добржанского.

В нашей стране соответствующие подходы ученые энергично обсуждали в начале 70-х годов. Публикации Астаурова и Эфроимсона в журнале «Новый мир», пожалуй, вершина разгоревшейся тогда дискуссии. И сегодня мы, к сожалению, не только не можем подняться на достигнутый в прошлом уровень философского осмысления проблемы, но и не в состоянии просто подхватить и продуктивно продолжить ее обсуждение.

Д.А. Гранин. Рассматривая проблему нравственного консенсуса применительно к будущему, по-моему, нельзя упускать из виду трудный период нашей истории, своеобразие сегодняшнего дня. Начиная с Древней Греции, человечество всегда создавало разного рода утопические проекты, модели, схемы грядущего, чаемого общества, цивилизации. Их составной частью всегда была какая-либо главная идея жизни. Теперь мы лишились утопий, стали более рациональными. Но вместе с тем лишились и самой идеи жизни, которая бы оправдывала самопожертвование человека, определяла его нравственные устремления. Общая идея как будто исчерпала себя, вызвала разочарование, сомнения и т.д. Отсюда духовная сторона жизни многих людей не насыщена нравственным содержанием. Поэтому встает вопрос: нужна ли сегодня такая идея вообще, способно ли общество прожить и без нее? Да и можно ли думать о какой-то всеобщей, примиряющей, соединяющей всех идее жизни? Полагаю, можно. Это идея гуманного, духовно богатого человека, идея «за» человека и общество, а не идея «против» чего-то и кого-то.

Где лежит возможность осуществления такой идеи в условиях нашего общества? В том всепримирении, о котором говорил Достоевский, или, быть может, на путях определенного соединения людей? Но какого, учитывая, что несколько поколений советских людей начинают читать, осваивая лозунг, призывающий к сое-

динению пролетариата? Очевидно, нового соединения, поскольку недостаточность старого сегодня для всех ясна. Ибо нет одних только «пролетариев», нет только одного того специфического, что их объединяет. Все люди должны соединиться на чем-то и в чем-то несколько ином – новом, общечеловеческом.

Нравственное состояние общества, характеризующееся позицией круговой обороны от всевозможных угроз, не способствует развитию человеческого духа, гуманистических нравственных идей. Не случайно показателем такого состояния является отсутствие героев гуманизма. Мы живем сейчас, по существу, в безгеройном обществе. Если раньше в старой России существовали хотя бы святые, мученики веры, были такие герои нравственности, как Толстой, Чехов, Достоевский, Пржевальский, то мы подменили их в свое время героями-рекордистами, ударниками освоения, преобразования природы, героями-покорителями всевозможных вершин и т.д. и т.п. А где герои духа, нравственной жизни, герои любви в широком смысле слова, без которых трудно обходиться не только молодежи, но и всему обществу, герои типа Матери Терезы, Швейцера и др.? Случайно мы лишились их или нет? Что это – временное состояние или логическое следствие нашего развития? К тому же может ли быть не ущербным в чем-то нравственное развитие без норм, разработкой которых занималась религия?

Мне кажется, что проблема идеи жизни, подлинно народной идеи, не просто философски-абстрактной, а такой, которая поднимала бы, возвышала человека, позволяла ему осмысливать свои решения, радости и печали, свои достижения не только в узких рамках профессиональной роли, должна существовать, стать основой общества. Без нее жизнь не может наполниться никаким нравственным содержанием. Милосердие, просто сочувствие, сострадание к людям – отправная точка процесса развития человека, важная составляющая его ориентира движения: стоит ли он на месте, идет вперед или назад?

Архиепископ Кирилл. Вы затронули очень важную тему. Да, из нашего общественного сознания исчезла идея нравственного героя, того самого героя, который основывает свою деятельность на общечеловеческих принципах. Она ушла. Герой массовой культуры детерминирован совершенно иной нравственностью – нравственностью 20–30-х годов. И, конечно, этот герой не вечен. Он умирает вместе с теми годами. Сейчас невозможно

апеллировать к старым примерам, бывшим авторитетам. Захватить человеческую душу может тот герой, который вырос на фундаменте вечных нравственных ценностей. Но ведь последние не входили в наши «критические» стандарты. Подобные герои представлялись нам в качестве носителей так называемой мещанской морали. А к ней мы справедливо относились весьма пренебрежительно.

Однако кто же главный герой романов на затасканную производственную тему? Человек сильный, мужественный, бескомпромиссный, в чем-то даже жестокий, способный в споре и в деле непременно до конца отстаивать свою позицию. Это не князь Мышкин Достоевского. Ему нет места, не должно быть места в обществе, хотя он и носитель вечных непреходящих нравственных ценностей. И таким образом сменился положительный герой нашей литературы, впитавшей в себя иные ценности. Но ведь по-настоящему нравственная литература не флюгер, который сегодня показывает одну сторону жизни, указывает одну дорогу, а завтра – другую. Именно поэтому вернуть литературное творчество на путь раскрытия вечных нравственных истин, непреходящих ценностей человечества является чрезвычайно важным делом.

И.Т. Фролов. Вряд ли мы можем оценивать историю нашей литературы как сплошное приспособление. Вряд ли выдвинутый ею герой не нес в себе положительного нравственного заряда. Герой советской литературы, например глубоко гуманистического романа Шолохова «Тихий Дон», герой ищущий, неодномерный, но деятельный, утверждающий что-то в жизни, или, как иногда говорят, фаустовский человек. И в данном своем качестве он в общем-то не исчерпал себя. Поэтому утверждение общечеловеческих ценностей в нашей жизни не приводит нас к необходимости безоговорочного признания в качестве героя князя Мышкина. Хотя, конечно, какие-то определенные элементы литературного образа мы можем воспринять как положительные. Однако это все же не герой нашего будущего.

Дело в том, что поворот в общественном сознании, в утверждении общечеловеческих ценностей во всех сферах жизни советского общества сделан не «князем Мышкиным». Он осуществлен людьми деятельностными, вышедшими из тяжелейших лет культа личности Сталина и так называемого застойного периода, выдержавшими, победившими в великой схватке Великой

Отечественной войны. Это и люди, боровшиеся в такой «тихой сфере», как философия. Все это сильные личности, часто терпевшие поражения, но выстоявшие и последовательно возрождавшие духовные ценности, общечеловеческие традиции, гуманистическое мышление. Их борьба есть вообще нечто такое, что достойно не просто удивления, а восхищения. Именно поэтому наш герой – человек действующий, утверждающий своими поступками что-то позитивное, а не плод каких-то кабинетных размышлений, морализирующего сознания.

Такого человека в общественном сознании, в истории культуры утверждали многие честные писатели – Можаев, Абрамов, Тендряков, Распутин, Астафьев, которые не были пассивными созерцателями. В разные годы и по-разному в советской литературе высвечивались противоречивые грани процесса формирования нравственного человека, отражающего свою эпоху, реальную историческую смену событий. И, видимо, не надо нигилистически относиться к тем поискам, которые осуществлялись в литературном творчестве.

Архиепископ Кирилл. Вы, конечно, правы. Несмотря на исторические перипетии, полностью не были уничтожены традиции русской классической литературы. Они присутствовали в советской литературе даже в самые трудные годы. И все же значительную долю ответственности за формирование бездуховного человека несет и она. Во многих произведениях не встретишь таких понятий, как «жалость», «смирение» – не как забитость, не как слабость, а как внутренняя сила. Ибо «не дать сдачи», а в высшем смысле слова «подставить другую щеку» – есть огромная внутренняя сила, а не слабость человека. Гораздо проще кулаком отмахнуться от того, что нас не устраивает. Гораздо труднее любовью, смирением, внутренней силой преодолеть зло. Я глубоко убежден, что другого пути борьбы со злом не существует, разумеется, кроме экстремальных случаев, когда необходимо просто отражать агрессоров.

И.Т. Фролов. В том, что Вы сказали, возможно, какая-то метафорическая истина, выраженная в абстрактной форме, есть. Но дело не в этом. Возьмите нынешнюю ситуацию, когда мы ведем перестройку всего общественного организма. Разве она предполагает какое-то смирение? Путь от старого к новому – это действительная борьба, и идет настоящая борьба, а не отвлеченные дискуссии. Так что же, здесь будет побеждать тот, кто «под-

ставит другую щеку»? Нет. И мы подчеркиваем необходимость, а это сейчас острейшая необходимость, соединения духовной силы (в нравственных потенциях князь Мышкин был силен) с деятельностной активностью, с непосредственно личным участием в делах общества, в том числе активностью в борьбе за перестройку, за идеалы гуманизма. Ибо предыдущий опыт нас научил – нельзя уступать, сдаваться, нужно вести последовательную, упорную борьбу за преобразования, не ограничиваться только моральной, нравственной проповедью, пассивным выжиданием того, когда все согласятся с правдой жизни.

Н.Н. Моисеев. В деле утверждения нравственных норм и гуманистических принципов в жизни общества участвует не только литература. Огромная роль здесь принадлежит науке и образованию, которые должны выступать как единый механизм подготовки человека к восприятию достижений культуры. При сложившейся системе они пока выступают как два разобщенных ведомства, узко понимающих свои задачи. Но мы не настолько богаты, чтобы иметь два полноценных комплекта ученых, когда один из них занимается вопросами развития «чистой» науки, сугубо профессиональных исследований, а другой – проблемами воспитания кадров, их научного мировоззрения, культурно-нравственной подготовкой и специальным образованием. Одно без другого плохо существует, и необходимо создавать новый механизм кооперации этих двух ветвей научного процесса (скажем, университета и научно-исследовательского института) и на ее основе сформировать общую программу совершенствования образования, включающую вопросы нравственного воспитания будущих специалистов, развития их творческого гуманитарного мышления. Причем мы можем использовать богатый опыт научной российской интеллигенции, таких крупных советских ученых, как Вавилов, Вернадский, Лосев, Капица и др. Мы часто оценивали лишь научные результаты их деятельности и забывали об огромном вкладе в нравственность науки, в создание культурно-нравственной среды творческого интеллекта. Именно они поддержали незатухающий огонек гуманизма, сохранили возможность превратить его в полыхающий костер.

В.П. Зинченко. Наука сегодня не только плохо связана с образованием, но и оторвана от культуры. Она даже перестала восприниматься как неотъемлемая часть культуры. То же можно сказать и об образовании, особенно школьном, которое, как и

наука, в равной степени должно питаться культурой. Поскольку мы наладим утерянные связи между ними, новое их объединение, постольку мы восстановим в обществе настоящую духовность. И лишь так, а не иначе. Ведь инженер, любой специалист, не обладающий гуманитарной культурой, не способен к целостному восприятию, так необходимому сегодня, природы и общества, окружающей действительности, да и самого предмета своей деятельности. В противном случае целостный взгляд заменяется точкой зрения с вытекающими отсюда негативными последствиями. К тому же гуманитарные знания, общая культура открывают возможность, помимо целостного восприятия мира, его ценностное, глубоко нравственное восприятие. Уменьшается количество субъективных компонентов всевозможных аварий на производстве, технологических трагедий и катастроф.

Д.А. Гранин. У нас огромное количество технических вузов, где как на бездушном конвейере штампуется техническая интеллигенция, заполняющая всю страну. Поток массового изготовления остановить трудно. Тут не до культуры, успевай лишь освоить специальную программу.

Но вот мне пришлось побывать во многих зарубежных университетах различного профиля. Там меня в деле гуманизации специального образования поразило следующее обстоятельство. Почти во всех университетах штатным расписанием предусмотрен поэт или художник, деятель культуры. У них нет никаких не свойственных им обязанностей. Их задача – существовать в университетской, студенческой среде, создавать определенный культурный фон и тем самым оправдывать отпущенные средства на их содержание. Уже само присутствие поэта среди будущих физиков, химиков, математиков и т.д. благотворно сказывается на становлении гуманистического научного сознания, дает что-то нравственно очень важное при формировании общей культуры естествоиспытателей и техников. Видимо, это может стать и у нас неотъемлемой составляющей гуманизации высшего образования.

Гуманизация образования должна коснуться и содержания учебников. Наука интернациональна. Нет, например, национальной биологии. Она едина, как едина природа. Она едина и в том смысле, что тесно переплетена с другими науками. В связи с этим заслуживает внимания идея создания каких-то общих учебников, отражающих развитие мировой научной мысли в

целом. Скажем, история едина – и Древнего Востока, и Древней Греции, и тем более позднего периода. Но мы почему-то ее разделили, и учебники служат скорее разъединению людей, чем осознанию их тесной взаимозависимости, их общих оснований. Нам же нужно, чтобы учебники несли в себе идею соединения людей, идею взаимосвязи различных отраслей знания.

И.Т. Фролов. Действительно, наши знания о цивилизации, культуре развиваются сейчас какими-то изолированными фрагментами. Огромный массив новых разрозненных знаний наваливается на человека и порождает какое-то фасеточное зрение. Порой даже ученые, как в Вавилонской башне, говорят на разных языках. И это сейчас, может быть, одна из самых больших угроз для современной цивилизации. Мы не находим понимания друг у друга. Иногда даже нет такого желания. Что уж говорить о решении глобальных проблем в такой ситуации. Поэтому надо приветствовать идею ЮНЕСКО создать какой-то свод знаний, сделать его общечеловеческим и на его основе осуществлять «инновационное обучение». Его стержнем было бы не изучение выведенных законов и их приложения в различных областях, а воспитание ума, готового к восприятию нового, и обучение методам познания.

Зигзаги прогресса

А.Г. Вишневский. Говоря о человечестве и цивилизации на пороге нового тысячелетия, нам надо привнести в дискуссию побольше тревожности, потому что ситуация является крайне сложной. Вступая в XX век, многие люди испытывали большой оптимизм. Заканчивая это столетие, мы имеем для оптимизма гораздо меньше оснований.

Давление на нашу планету, оказываемое разрастающимся человечеством, все время увеличивается. Оно поставило в новую плоскость вопрос об оценке прогресса, его судьбах. Вопрос о том, куда мы идем, в каком направлении движется цивилизация, не является ли ее путь тупиковым, мне кажется, должен быть поставлен во весь рост, хотя на него пока чрезвычайно трудно дать определенный ответ.

Прогресс ли страшное давление на природу, на ее ресурсы, разрушающее все системы жизнеобеспечения человечества, которыми обладала наша планета? Но, с другой стороны, мож-

но ли отказаться от технического прогресса, от воздействия на природу вообще, если они освободили человека от зависимости от нее? Ведь люди осуществили огромный рывок за последние сто лет в борьбе с болезнями, смертью и т.д. Продолжительность жизни увеличилась с 35 до 70 лет. Выиграл каждый человек. Все вместе это прогресс или регресс?

В начале нашего века на планете было немногим более 1,5 миллиарда человек, сейчас – 5 миллиардов, а к середине будущего века на Земле будут жить по меньшей мере 10 миллиардов людей. Так называемыми благами цивилизации в полном объеме в наши дни пользуется всего какая-нибудь пятая часть человечества. Но и остальные 4 миллиарда людей хотят ими пользоваться. И для того, чтобы они в какой-то степени удовлетворили свое желание, необходимо развивать материальное производство, потребление ресурсов, технику, энергетику, химию и т.д. и т.п. Причем во многом на традиционной основе, поскольку ждать никто не хочет. Да и безнравственно со стороны тех, кто все имеет, доказывать, что можно прожить, например, без водопровода, электричества, канализации, асфальта. Значит, хотим мы того или нет, разрушающее воздействие на природу будет продолжаться.

Частью нового гуманистического мышления должна обязательно стать абсолютная честность во взгляде на остроту проблемы. Здесь, по-моему, библейский призыв «иди и смотри» должен быть услышан каждым человеком науки, занимается ли он глобальными или национальными проблемами. Причем одними нравственными призывами не обойтись. Нам предстоит пережить еще много ненравственного. И задача состоит в том, как перейти от старой нравственности к новой, как соединить существование бедности и богатства в потреблении благ цивилизации и гуманное отношение к природе, человеку.

Архиепископ Кирилл. Мы достаточно отчетливо можем сформулировать, что есть научно-технический прогресс. Даже с учетом экологических издержек представляется возможным найти правильные критерии. А как определить нравственный, духовный прогресс человечества? По-моему, исторически просто невозможно доказать его наличие. Например, после блестящего во многих отношениях XIX столетия, на духовном базисе которого люди ждали прекрасного XX века, «расцвели» фашизм, сталинские репрессии, взорвалась атомная бомба в Хиросиме

и Нагасаки. Ожидания не оправдались. То есть исторически обосновать духовный прогресс человечества вряд ли удастся.

Есть большой соблазн и большая опасность верить в неизбежность прогресса. Эпоха Просвещения и промышленной революции выдвинула довольно примитивную модель равномерного поступательного общественного движения. Исходя из нее и сейчас говорят: ничего страшного в области экологии нет, ибо разовьется наука, выйдет на новый виток и решит кризисные вопросы. Ничего страшного нет и в перенаселении планеты – обживем океан, космос, будем питаться водорослями или еще чем-то. Но при этом забывают, что XX век уже перечеркнул старую модель. Он показал, что вера в возможность решения всех вопросов лишь с помощью научно-технического прогресса наивна. Поступательного равномерного восхождения не существует. Более того, верить в это не просто сложно, но и опасно.

Однако, по-моему, есть область, где мы можем выразиться более определенно, найти какое-то движение, – это прогресс личности, прогресс индивидуальный. Именно на данный срез проблемы, на личностное измерение мы должны обратить особое внимание при формулировке понятия «прогресс». В противном случае мы потеряем всякие жизненные ориентиры.

А.Г. Вишневский. Я поддерживаю призыв к нравственности, нравственному отношению к жизни, своему долгу и призванию. Но все же как соединить практическое решение острейших мировых проблем с движением к новой (или старой!) нравственности, как совместить высокий духовный порыв с оправданной жаждой прорыва в материальное благополучие, накопившейся у миллиардов людей? Движение вперед, к новому нельзя оценивать однозначно как переход от худшего к лучшему во всем. В то же время вряд ли целесообразно вообще открещиваться и от оценочного понимания прогресса за рамками нравственности, от того или иного отношения к общественным сдвигам с точки зрения изменения положения личности в обществе. По-моему, современный человек в целом становится все-таки более свободным, чем люди прошлых поколений, и в этом просматривается определенный прогресс.

И.Т. Фролов. Сегодня резко меняется само понимание прогресса. Если раньше с ним связывали в основном интенсивное развитие производительных сил и сферы технологии, совершенствование классовой структуры и планового управления

обществом, то теперь акцент делается на процессах, непосредственно затрагивающих развитие каждого человека, его способностей и потенций. Прогресс, его критерии невозможно в наше время определять без ответа на вопрос, становится ли лучше или хуже человеку в результате того или иного социального и научно-технического развития. Мерой прогресса выступает возможность реализации сущностных сил человека, а, значит, и степень его свободы, нравственного совершенствования, личностного развития, продвижение общества по пути разума и гуманизма.

Разумеется, в «чистом виде» однолинейного прогресса не было в прошлом, не будет и в следующем столетии. Он сопровождается определенными деформациями или даже регрессом в некоторых направлениях. Как жизнь и смерть связаны друг с другом, так и прогресс во всеобщем значении и в конкретных применениях, будь то к живой природе или к обществу, человечеству, неотделим в известной мере от регресса. Учитывая данное положение, необходимо найти более точное определение прогресса. Оно должно соответствовать современной стадии развития человечества и включать в себя общечеловеческие критерии и ценности.

А.А. Галкин. Прогресс мы характеризовали в основном в морально-нравственном аспекте. Видимо, следует остановиться и на общественно-политическом срезе проблемы. И здесь возникает ряд вопросов, отнюдь не академических. Существует ли общественный прогресс вообще как форма развития общества? Можем ли мы предсказать, хотя бы в общих чертах, формы и пути его поступательного продвижения? Имеем ли мы возможность целенаправленными действиями формировать, приближать, видоизменять общественный прогресс? Человек, воспитанный на ценностях Возрождения и Просвещения, отвечает на эти вопросы в конце концов положительно.

В то же время нельзя не задуматься над тем, почему эта проблема вновь и вновь встает перед нами как дискуссионная. Причем в условиях, когда вроде бы вся существующая система образования и формирования научного мировоззрения направлена на выработку соответствующего отношения, подхода исследователя к созданию теоретико-методологической базы развертывания практических действий. Все дело, видимо, в том, что в конкретной политике было совершено много ошибок, отчасти даже

преступных действий по отношению к человеку. Данное обстоятельство и подталкивает к пессимистическим выводам.

Вместе с тем, размышляя над этой проблемой, приходишь к выводу, что мы слишком нормативно анализировали до сих пор факторы и условия, механизмы эволюции общественного прогресса. В развитии общества мы фиксировали преимущественно нечто, что согласуется с нашими представлениями о будущем – желаемом, и не видели реально происходящих событий. Например, на уровне общей теории исторического материализма подчеркивалась противоречивость истории человечества, общественного прогресса, в конкретном же рассмотрении реальных общественных явлений терялась живая ткань действительности.

В нашей концепции обоснованно ставится вопрос о единстве мира, общности судьбы человечества, об усилении интернационализации различных сфер общественной жизни (экономической, политической, культурной) и нарастающем стремлении к всеобщему миру, созданию единого общечеловеческого организма. Однако в ней мало обращается внимания на особенность сегодняшней ситуации, заключающейся в том, что движение к всеобщности вызывает непрерывное разнообразное сопротивление. К тому же, чем сильнее движение к всеобщности, интернационализации, тем сильнее сопротивление. И это не просто коварный заговор каких-то реакционных сил, как полагают иные ревнители прогресса, демонизирующие историю и общественные отношения, пытающиеся, если что-либо не ладится, обязательно найти «страшного» противника, который является-де разрушительной причиной. Нет, это естественный объективный процесс, это повсеместная обратная реакция, выражающаяся в стремлении замкнуться, обособиться, отделиться от мира с целью самосохранения, обеспечения своей самостоятельности. При этом, конечно, сообщество, пытающееся замкнуться, теряет гораздо больше, чем сохраняет. Но осознание данного факта приходит не сразу.

Если мы будем оставаться на позиции нормативного подхода к общественному процессу, то не увидим реальных противоречий, с которыми нам придется столкнуться в будущем. Возьмите проблему национальных отношений. Сейчас разрастание в нашем обществе национальных конфликтов справедливо увязывается с нерешенностью социальных проблем. Все это верно. Но важно иметь в виду и другое. Обострение национального чув-

ства, национальное сопротивление интернационализации есть глобальное явление, присущее сегодня любому обществу. Оно связано, в частности, с качественно новым движением огромных людских масс, инонациональных потоков, обусловленным современным размещением производительных сил.

Происходит перемещение людей не только между отдельными странами, но и внутри страны. Перемещаются промышленные центры. В результате возникают районы бедствий и районы процветания, что неизбежно сказывается на судьбах людей. Ибо меняется структура занятости населения, профессионально-квалификационный уровень работников, условия труда, жизни. В одних регионах люди остаются без работы, в других – ощущается острая нехватка рабочей силы. Люди выбиваются из привычных структур жизнедеятельности. К тому же болезненное восприятие подобных изменений подпитывается угрозой нарастания экологического перенапряжения отдельных территорий. Все это порождает настроения антииндустриализма, вызывает национальный эгоизм, становится серьезным тормозом на пути развития и нашей страны, и человеческого сообщества как целостного образования.

Д.И. Валентей. По-моему, мы совершаем ошибку, когда рассматриваем проблемы цивилизации глазами европейцев, когда ведем речь о человечестве лишь с европейской точки зрения. Так и возникают, в частности, понятия больших и малых, цивилизованных и неразвитых народов и культур. Но что это такое – удовлетворительно объяснить не можем, особенно если речь идет об интересах народов, о приоритете тех или иных «малых» и «больших» народов в рамках единого государства.

В Программе КПСС говорится о необходимости поиска своеобразного интернационального механизма, который бы позволил находить оптимальное соотношение интересов национальных, государственных с интересами общечеловеческими. Но ведь национальные и государственные интересы даже в отношении к общечеловеческим это не одно и то же. Последние события в стране убедительно показывают, что они часто и во многом не совпадают. Следовательно, нам необходимо скорректировать свои взгляды, предусмотреть данное обстоятельство в своей практической деятельности. Причем мы должны исходить из того, что проблема эта отнюдь не нова, учитывая историю нашего многонационального государства. В современных поисках

нелишним будет присмотреться к предыдущему опыту, обратить внимание на труды ученых, общественных деятелей, представителей культуры дооктябрьского периода развития страны. И, конечно, ни в коем случае нельзя социальные, национальные и демографические проблемы (особенно последние) рассматривать изолированно, вне их взаимосвязи, а также вне контекста изменения религиозного сознания в различных районах страны.

Э.А. Араб-Оглы. Осмысливая перспективы человека и человечества, мы не можем обойти молчанием положение классиков марксизма-ленинизма о том, что целью социализма является, в частности, преодоление как раздробленности мирового сообщества на мелкие замкнутые государства, так и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и их слияние. И это не случайное высказывание основоположников марксистской философской традиции. Оно часть общей разработанной ими концепции исторического процесса.

Вновь обратиться к этому четко выраженному положению марксизма заставляет не то, что национализм, национальное движение стали мощной силой, с которой приходится считаться в XX веке и которую нельзя сбрасывать со счетов в следующем столетии. Необходимость для нас еще раз обратиться к его методологическому содержанию вызвана главным образом опасностью новой вульгаризации этого положения в условиях зарождающегося качественно своеобразного гуманистического мышления нашего времени. Ибо до сих пор не разрушено представление, господствовавшее в прошлом, о слиянии наций как процессе непосредственного исчезновения самих наций и преобразования человечества в нечто усредненное, когда все люди, по существу, будут представителями какого-то одного этноса, говорить на едином для всего земного шара языке и иметь даже нечто суммарное в своем облике – что-то подобное «раскосым мулатам».

Сегодня с уверенностью можно сказать, что в обозримом будущем такого не произойдет. Вряд ли вообще такое возможно. Следовательно, это не только утопическая идея для следующего столетия, но и не подлинный идеал всего человечества в перспективе.

Конечно, разворачивается процесс экономической, социальной, культурной интеграции человечества. Оно как бы сливается в нечто единое, выражающееся в укреплении общности людских

судеб, формировании элементов духовной общности, создании единой цивилизации. Но при этом остается многообразие, неповторимость тесно связанных между собой, не существующих друг без друга наций. То есть нация сохраняется в качестве, не отрицающем единство человечества. Развитие нации и человечества – не расходящиеся, взаимоисключающие процессы, а наоборот, подкрепляющие друг друга движения. По-моему, именно на этом необходимо делать акцент как в абстрактных рассуждениях, так и в практических действиях.

Но существует еще один сдерживающий фактор слияния наций – многообразие языков. Образование единого языка через вытеснение, подавление национальных с целью лучшего взаимопонимания людей сопровождалось бы колоссальными потерями. Единый язык не в состоянии воплотить в себе все многообразное богатство национальных языков в многомерном отражении действительности. Неизбежны утраты. Он не способен унифицированно передать новым поколениям разнообразие культурного наследия человечества как результата деятельности многочисленных народов, прошедших уникальный тысячелетний путь развития.

Таким образом, мы еще раз должны осмыслить некоторые основные положения марксизма. Не просто их отбросить, перечеркнуть, а как бы перевести из разряда, где они могут восприниматься или вульгарно или утопически, в разряд положений, которые являются реалистическими и научными применительно к новым условиям, новому мышлению.

В.А. Лекторский. Наверное, невозможно представить тревожащую нас внутреннюю ситуацию, пути выхода из нее и дальнейшего движения, не учитывая процессы, происходящие в мире в целом. Ведь глобальные проблемы, вопросы национальных отношений, проблема человека, его духовного развития стоят не только перед нашей страной, а и перед человечеством как единым сообществом людей. И, видимо, нельзя решать их также в полной мере, не вписываясь в белее широкий контекст острых проблем, уходящих своими корнями в прошлое, и тех, которые можно назвать проблемами новой техногенной и технологической цивилизации в целом.

Это проблемы фундаментальные, философские. Например, что такое прогресс, какова его цена, что такое человечество, технологическая цивилизация, ее возможности и границы раз-

вития, что представляет собой новое мышление? Вопросы действительно не простые. И хотя кое-что сделано, даже многое сделано в их осмыслении, мы все же находимся в начальной стадии понимания, не говоря уже о том, что очень многое нужно предпринять для того, чтобы научные знания стали достоянием широких масс. Иначе не будет выхода из сложных противоречий жизни нашего общества, может быть, человечества в целом.

Состоявшееся обсуждение привело еще к одному очень важному выводу. Рассуждая о том, какой будет человеческая цивилизация в третьем тысячелетии, совершенно недостаточно пытаться строить модель путем простой экстраполяции того, что было, есть сейчас. Прямая экстраполяция невозможна. Нужно не просто продолжать то, что есть, а ломать не устраивающие нас вещи. Поэтому мы говорили не столько о будущем, сколько о настоящем. Не будет нового в настоящем, не решим проблемы сегодняшние – не будет никакого третьего тысячелетия развития человечества.

Humanity and Civilization on the Threshold of a New Millennium

Abstract. **The materials of the «round table» held by academician I.T. Frolov in the journal «Communist» in 1989 are published. Mathematicians, physicists, demographers, psychologists, writers, theologians, historians, and philosophers participated in the discussion. The participants of the “round table” talked about the possibilities of interdisciplinary human cognition. Of particular concern was the future of man in the context of global problems. Scientists expressed the hope that the era of change will give rise to new thinking, with the help of which humanity will be able to successfully solve global problems.**

Keywords: new thinking, global problems, man, humanism, spirituality

Фримен Дайсон

Нужен разумный компромисс…[16]

Аннотация. **В некоторых своих статьях И.Т. Фролов обращается к работам известного астрофизика Фримена Дайсона, в конце жизни занявшегося биологией и встающими в ней необычными проблемами. Имеются в виду книги «Можно ли тревожить Вселенную?», а также «Будущее воли и будущее судьбы», в которой есть специальный раздел «Законы космической экологии», где он предсказывает достаточно необычное будущее и новую реальность нашей планете и человечеству на ней. Отрывки из работ Ф. Дайсона в свое время публиковались в советской печати с комментариями И.Т. Фролова. Они созвучны теме настоящего сборника.**

Ключевые слова: **астрофизика, будущее человечества, биология, гуманизм**

Изменчивость вида была великим открытием биологии XIX века. Ч. Дарвин доказал, что в процессе эволюции все виды животных, в том числе и человек, изменяются. Он хорошо понимал, как воспримут это открытие мыслящие люди, потому отважился его обнародовать лишь через двадцать лет после создания своей теории. Слишком несовместимы были новые представления об изменчивости видов с привычными для человека чувствами и ценностями. А в художественной форме показать глубину этого конфликта впервые сумел Герберт Уэллс в своих наиболее мрачных научно-фантастических романах «Машина времени» и «Остров доктора Моро».

Уэллс был гениальным писателем, к тому же интересовался биологией, и лучше других понимал, что нельзя забывать о биологической сущности человека, происходящего из какого-то сомнительного источника жизни и движущегося к еще более сомнительному будущему. Упомянутые романы глубоко противоречили тогдашней атмосфере викторианского оптимизма. Лишь позднее, когда в моду вошел пессимизм, Уэллс сделался оптимистом. Он любил идти против течения. Однако и теперь, по прошествии многих лет, «Остров доктора Моро», населенный животными, которым ланцет безумного физиолога придает че-

16 Отрывок из книги Ф. Дайсона «Можно ли тревожить Вселенную» опубликован в разделе «Научные среды» в Литературной газете. 24 ноября 1982 г.

ловеческие черты, остается классикой научно-фантастической литературы ужасов...

В этом романе Уэллс поставил вопрос, небезразличный для тех, кто верит в научный прогресс: может ли человек играть роль всевышнего и не повредиться рассудком? Ответ заключен в самой личности доктора Моро и звучит как решительное «нет». Герой романа бежит с острова, возвращается в цивилизованный мир и никак не может забыть, что ему довелось там увидеть. «...Мое беспокойство приняло весьма странную форму: мне никак не удается убедить себя, что мужчины и женщины, которых я встречаю, под внешней оболочкой, создающей видимость человека, не прячут свою истинную сущность; что это племя чудовищ, животных, вынужденных прикидываться людьми; и что скоро они начнут регрессировать, выказывая одну за другой черты, свойственные животным...»

В этих строчках вся тоска человека, рисующего в своем воображении возможные пути развития современной биологии. Научный прогресс грозит лишить человечество двух, пожалуй, самых необходимых для психического здоровья «якорей»: чувства неповторимости человеческой личности и чувства братства между людьми. Тот, кто посетил остров доктора Моро, теряет эти «якоря» и никогда не может с уверенностью сказать, что он за существо.

Со времени публикации романа наука проделала большой путь. Мы научились понимать (этого не могла предсказать даже безудержная фантазия Уэллса) язык молекул ДНК, несущих в себе код воспроизводства живого организма. Скоро мы изучим не только алфавит и отдельные слова, но и синтаксис, всю организационную схему, позволяющую некоторым молекулам ДНК учить недифференцированную яйцеклетку, как именно нужно делиться, чтобы дать жизнь человеческому существу. Вот тут-то и начнет нас преследовать старый кошмар Уэллса.

Каждый, кто научится читать язык ДНК, сможет научиться и писать на нем. А кто научится на нем писать, со временем сможет и конструировать живые существа по собственному усмотрению. Только вместо грубого доктора Моро, орудующего своими хирургическими ножами и скальпелями, мы увидим его рафинированного преемника двадцать перво-

го века – ученого, который, сидя перед пультом компьютера, будет формулировать инструкции для создания нового вида животных. Или нового вида почти что человеческих существ…

Уэллс не ошибался, предвидя, что в отдаленном будущем угроза жизни будет исходить не только от физики.

После Уэллса были сделаны еще два прогноза. Джон Б.С. Холдейн опубликовал в 1924 году небольшую книжку «Дедал, или Наука и Будущее», а несколько лет спустя О. Хаксли написал «Прекрасный новый мир». Рисуя общество будущего, Холдейн предсказал создание «детей в колбе» и свободное употребление психотропных наркотиков. Хаксли добавил в этой картине важный штрих – массовое производство совершенно одинаковых человеческих существ, полученных методом клонирования. По существу, получился всего лишь осовремененный остров доктора Моро. Наркотики заменяют хлыст, а соответствующее программирование – хирургический нож…

Сегодняшние ученые-специалисты в области молекулярной биологии в конце концов разрушат – хотят они того или не хотят – наш уютный мир, населенный четко разграниченными видами, мир, где человеческое от нечеловеческого отделено непреодолимыми барьерами.

От Уэллса и его последователей мы узнали, что человек не может выполнять роль всевышнего и оставаться психически здоровым и что научно-технический прогресс неизбежно наделяет человека властью, позволяющей ему играть эту роль. Но не следует делать вывод о безнадежности нашего положения. Мы пока еще можем остаться хозяевами собственной судьбы. Для того чтобы помешать человеку играть роль господа бога, не обязательно запрещать ему исследовать и экспериментировать. Достаточно принять твердые законы, ставящие под общественный контроль практическое применение открытий биологов. Такие законы уже существуют во многих странах: они ограничивают, например, проведение опасных медицинских опытов или применение наркотиков. В будущем надо достичь разумного компромисса, который позволил бы биологам изучать тайны, лежащие в основе всего живого, но строго ограничивал бы право создавать новые виды живых существ.

Законы космической экологии[17]

...Я допускаю, что жизнь способна решить технические проблемы самоадаптации... Я допускаю, что жизнь способна освоиться в любом уголке Вселенной, так же как она освоилась в любом уголке нашей планеты. Мне хотелось бы теперь перейти от качественных утверждений к количественной оценке потенциальных возможностей жизни во Вселенной. Для количественной оценки, даже на том зачаточном уровне, какого я могу надеяться достигнуть, требуется некоторая степень абстракции. Для того чтобы получить количественные оценки, не зависящие от случайностей места и времени, нужно дать абстрактное описание жизненных процессов, свободное от механических и химических деталей. Мое рассуждение будет основываться на фундаментальном предположении о природе жизни: сущность жизни связана с организацией, а не с субстанцией. Я предполагаю, что мой разум существует благодаря тому, что молекулы в моей голове упорядочены, а не благодаря составу самих молекул. Если справедливо такое предположение, то логично представить себе жизнь, независимую от плоти и крови и воплощенную в системах сверхпроводящих контуров или межзвездных пылевых скоплений.

...Гипотезы абстрактности и адаптивности обладают некоторым подобием с первым и вторым законами термодинамики. Они суть утверждения качественного характера, но при этом они дают основу для количественной теории, позволяющей оценить возможности жизни во Вселенной. Я разработал начала этой теории и изложил их в нескольких лекциях, которые год назад прочел в Нью-Йоркском университете. Не пытаясь приписывать этим размышлениям больше достоинств, чем в них содержится, я относился к ним скорее как к работе в области научной фантастики, нежели как к серьезному вкладу в науку. К моему удивлению, сотрудники Нью-Йоркского университета взяли и опубликовали текст этих лекций в Reviews of Modern Physics. Так космическая экология получила официальное признание, и физики могут теперь развлекаться ею, не опасаясь отлучения или потери профессионального статуса. Я не буду обременять читателей математическими деталями этой теории. Кто интересует-

[17] *Дайсон Ф. Дж.* (Природа. 1982. № 3. С.68–70). Будущее воли и будущее судьбы. Статья подготовлена на основе лекции, прочитанной в Висконсинском университете (США) 15 апреля 1980 г.

ся уравнениями и количественными результатами, может найти их в Reviews of Modern Physics[18]. Я изложу лишь очень краткие выводы.

Главная теорема космической экологии: при адаптации живого организма данной сложности к различным условиям окружающей среды скорость метаболизма энергии изменяется пропорционально квадрату температуры. Факт, что расход энергии изменяется пропорционально квадрату температуры, имеет важные следствия. Он подразумевает, что холодная среда более благоприятна для сложных форм жизни, чем горячая. Жизнь, в конце концов, есть упорядоченная форма вещества, а низкая температура благоприятствует порядку. В конечном счете, жизнь меньше зависит от количества получаемой энергии, чем от отношения сигнал – шум. Чем холоднее среда, тем ниже фон, тем более экономно жизнь может использовать свою энергию.

Как далеко может продвинуться жизнь, зависит не только от способности к биологической адаптации, но также и от физической космологии. Если физическая Вселенная ограничена в пространстве и времени, возможная сфера жизни также конечна. В этом случае, как описывает Дж. Уилер, Вселенная, начавшая свое существование с грандиозного взрыва, закончит его грандиозной катастрофой. Эта катастрофа – коллапс в огненной смерти, когда небо становится все горячее и горячее, пока оно, наконец, не обрушится на нас и не загонит нас в пространственно-временную сингулярность с бесконечной температурой. Ничто живое не переживет такую катастрофу. Если наша Вселенная конечна, тогда жизнь будет иметь время только на то, чтобы распространиться в космосе, прежде чем наступит неумолимый коллапс. Если это наша судьба, то жизнь такова, какой описал ее поэт А. Хаусман:

Прибрежный чист песок,
Пока закат далек,
На нем могу писать
Иль крепость воздвигать.
Но где слова той силы,
Чтоб их волной не смыло,
Где стены и редут,
Что нас переживут?[19]

[18] *Dyson F.* Rev. Mod. Phys, 1979. V. 51. P. 447.
[19] *Housman A.* More Poems. N.Y., 1936. P. 64. (Пер. М.А. Смондырева).

Если же мы живем в открытой Вселенной, бесконечной в пространстве и времени и продолжающей расширяться в будущее без конца, тогда жизнь стоит перед перспективой медленного замерзания, а не быстрого сгорания. По мере расширения Вселенная постоянно остывает и запасы свободной энергии постепенно уменьшаются. Для многих людей такое будущее бесконечного льда кажется еще более мрачным, чем огненный катаклизм. Но законы космической экологии позволяют рассматривать такую перспективу в совершенно другом свете. Если гипотеза адаптивности правильна, то очевидно, что для жизни предпочтительнее лед, а не пламень. В расширяющейся Вселенной жизнь, по мере приближения эры холода, может постепенно приспособиться, постоянно подгоняя свой энергетический обмен к понижающейся температуре окружающей среды. Поскольку мы предполагаем идеальную приспособляемость, скорость энергетического обмена будет падать пропорционально квадрату температуры. В результате, в расширяющейся Вселенной организмы любой степени сложности смогут жить вечно, используя конечный запас энергии. По мере падения температуры пульс жизни будет биться все медленнее, но никогда не остановится.

Недавно мои коллеги, теоретики в области физики элементарных частиц, обнаружили серьезные причины для того, чтобы считать, что вся материя, возможно, нестабильна. Согласно последним теоретическим моделям, ядра всех атомов исчезнут, превратившись в позитроны, фотоны и нейтрино за период времени порядка 1033 лет. Реальность такого всеобщего распада материи в излучение сейчас можно подвергнуть экспериментальной проверке. В течение нескольких лет мы должны будем узнать наверняка, стабильна материя или же нет. Если эксперимент покажет, что материя нестабильна, то через 1033 лет жизнь столкнется с некоторыми тяжелыми проблемами. 1033 лет могут показаться нам очень долгим сроком, но перед лицом вечности это лишь мгновение. Если Вселенная бесконечна, история жизни будет в самом начале своего развития, когда ее существованию станет угрожать исчезновение вещества. Это будет серьезный кризис. Я не знаю, сможем ли мы жить без протонов. Но я не вижу оснований даже в этом случае считать ситуацию безнадежной. Если гипотезы абстрактности и адаптивности правильны, формы жизни и

разума должны быть доступны для переноса без потерь из одной среды в другую. После исчезновения протонов у нас еще останутся электроны, позитроны и фотоны, и невещественная плазма так же хорошо, как плоть и кровь, сможет служить носителем структур нашей мысли. Вероятно, наилучшей из возможных Вселенных будет Вселенная, постоянно заставляющая преодолевать препятствия, Вселенная, где выживание возможно, но не слишком легко. Если оптимизм – философия людей, которые приветствуют трудности, тогда имеет смысл быть оптимистами.

Открытия последних десятилетий в области физики элементарных частиц заставляют нас обратить особое внимание на концепцию нарушения симметрии. Развитие Вселенной с момента ее зарождения выглядит как непрерывная последовательность нарушений симметрии. В момент своего возникновения при грандиозном взрыве Вселенная абсолютно симметрична и однородна. По мере остывания в ней нарушается одна симметрия за другой, что создает возможности для существования все большего и большего разнообразия структур. Феномен жизни естественно вписывается в эту картину. Жизнь – это тоже нарушение симметрии. В первичном однородном океане нечто дифференцировалось в клетки и в простейшие организмы, в хищников и жертв. Дальнейшая дифференциация однородной популяции человекообразных обезьян привела к возникновению языков, культур, искусств, наук и религий. Каждый раз, когда нарушалась симметрия, становились возможными новые уровни развития многообразия и созидания. Я думаю, и нашей Вселенной, и жизни присуще то, что процесс увеличения многообразия не имеет конца.

Даже если будущее жизни бесконечно, то мое время и терпение читателей имеют предел. Я нарисовал розовую картину мироздания, картину неограниченного разнообразия, где воля одерживает верх над судьбой. В реальном мире, конечно, судьба обуздывает волю, так же как воля торжествует над судьбой. Чтобы представить мои оптимистические грезы в надлежащей перспективе, я вновь процитирую то же самое письмо Эйнштейна Юлиусбургеру, с которого я начал: «Человек остывает быстрее, чем планета, на которой он живет»[20].

Перевод Н.В. Горской

[20] Albert Einstein, the Human Side… p. 82.

Freeman Dyson

A Reasonable Compromise Is Needed… The Laws of Space Ecology

Abstract. In some of his articles, I.T. Frolov refers to the works of the famous astrophysicist Freeman Dyson, who at the end of his life took up biology and the unusual problems that arise in it. This refers to the book "Disturbing the Universe", as well as "The Future of Will and the Future of Fate", which has a special section "The Laws of Space Ecology", where he predicts a rather unusual future and a new reality for our planet and humanity on it. Excerpts from the works of F. Dyson works were at one time published in the Soviet press with comments by I.T. Frolov. They are consonant with the theme of this book's collection.

Keywords: astrophysics, the future of humanity, biology, humanism

В.А. Лекторский

Является ли мир человека суммой технологий?

Аннотация. **В статье анализируются концептуальные основания идеи глобальной технологизации (пантехнологизм). В этой связи критикуется представление о субъективном мире человека и о социальных институтах как о наборе правил, которые могут быть алгоритмизированы и технологизированы. Развивается идея о двух типах процессов: управляемых (технологизируемых) и направляемых (не поддающихся полной технологизации). Показано, что важнейшие сферы человеческой жизни нельзя понять в качестве простых действий по правилам (восприятие, мышление, творчество, свободный выбор, понимание другого человека и т.д.), что при этом сам выбор правил и использование технологий подчинены цели, а последняя зависит от принимаемой системы ценностей. Последние же принципиально не технологизируемы. Обосновывается тезис о необходимости философско-гуманитарной экспертизы при использовании современных технологий.**

Ключевые слова: **естественные и искусственные процессы, технология, технонаука, пантехнологизм, цифровизация, управляемые и направляемые системы, правила, ценности, улучшение человека, философско-гуманитарная экспертиза**

Мы живём в технологизирующемся мире. Современный этап этого процесса – цифровизация, проникающая во все области жизни. Один из исследователей недавно сформулировал идею «технологического императива», определяющего, с его точки зрения, действия человека в наши дни: если возникает какая-то проблема, можно и должно найти технологический способ её решения. Кажется, что подобный императив хорошо выражает особенности мира, в котором мы оказались. В самом деле, что мы могли бы делать во время пандемии без медицинских технологий в виде вакцин от короновируса и без технологий цифровых, создающих возможность работы и образования онлайн? Сегодня представляется, что технологическому воздействию под-

даётся всё на свете: природные и социальные процессы, да и сам человек. Популярно мнение о том, что та страна, которая сумеет оседлать современные технологии, станет господином мира.

Между тем подобное понимание роли технологий сравнительно недавнего происхождения.

Конечно, человек всегда использовал определённые технологии в воздействии на природу (топор, пила, соха, плуг, лопата и т.д.), в военном деле (праща, лук, стрелы, сабля, пика, а потом огнестрельное оружие), в сооружении жилища, в передвижении (седло, телега и др.) и т.д. До недавних пор было популярно мнение о том, что человек отличается от животного как раз тем, что может производить орудия и даже орудия производства орудий, т.е. что именно технологические способности являются его специфической особенностью. Но идея глобальной технологизации (так сказать, пантехнологизм) показалась бы нашим предкам по крайней мере странной.

Аристотель, выражая общее умонастроение античной культуры, выделял два типа процессов: естественные и искусственные. Последние создаются самим человеком: он ставит цель и пытается её осуществить с помощью определённых технологий. Первые же человеку неподвластны. Эти процессы можно наблюдать и выделять в них определённые инварианты протекания, как, например, повторяющиеся траектории небесных светил, или же поведение брошенного вверх камня, который обязательно упадёт вниз, или же маршрут того же камня по земной поверхности – камень будет двигаться до тех пор, пока на него воздействует внешняя сила, и остановится, как только действие этой силы прекратится. Поэтому для Аристотеля эксперимент как способ изучения природы невозможен: нельзя с помощью искусственно созданной ситуации, т.е. воздействуя на естественно протекающие процессы, тем самым изменяя их, понять каковы они сами по себе.

Понимание взаимоотношения естественных и искусственных процессов радикально изменилось в Новое время. Происходит научная революция – возникает экспериментальное естествознание, сначала в виде механики, а затем и других научных дисциплин. Это стало возможным в результате философско-мировоззренческого переворота: нового представления о мире и о месте в нём человека. В соответствии с этим представлением естественный мир тоже создан, только не человеком, а Богом. И при том, как стали считать в 17-м веке, он создан как некий

механизм. Это значит, что нет непроходимой стены между миром природы и искусственными процессами, запускаемыми человеком. Чтобы понять работу природного механизма, нужно его разобрать. Такой разборкой является эксперимент. Да и научная теория выглядит как некое экспериментирование с идеальными объектами (в античности теория понималась иначе: как выявление смысла неких самоочевидных исходных положений, недаром изначальное значение слова «теория» – это созерцание). Теоретическое осмысление мира и экспериментирование оказываются взаимосвязанными. А поскольку эксперимент невозможен без соответствующих технических устройств, получается, что научное познание необходимо предполагает использование тех или иных технологий.

В наше время говорят о появлении нового феномена, который получил название технонауки. Имеется в виду размывание границы между фундаментальными научными исследованиями, направленными на выявление закономерностей той или иной исследуемой области, и создаваемыми на основе научных знаний технологиями, используемыми для изменения того, что есть в природе и обществе[21]. Между тем возможность технонауки заложена уже в природе экспериментального естествознания Нового времени.

В это же время появляются концепции, пытающиеся сделать философские выводы из нового понимания взаимоотношений познания и искусственного конструирования.

Это, в частности, концепция Дж. Вико. Если для объяснения какого бы то ни было явления, нужно найти его причину, то, считал Вико, человек знает лучше всего то, причиной чего является он сам, т.е. те явления, которые он создал. В частности, это мир техники. Для того чтобы знать способы поведения технического устройства, не нужны многочисленные наблюдения за тем, как он работает, к тому же, как известно, сделанные из наблюдений индуктивные выводы бывают ненадёжными. А вот создатель механизма знает правила его действий. Согласно этой позиции с помощью искусственных приспособлений человек может контролировать результаты своих действий, а если на основе экспериментальной науки он получает также знание природных

[21] На самом деле технонаука – это, по сути дела, то же самое явление, которое успешно исследовалось в нашей литературе по философии и истории науки и по науковедению ещё в 70-е годы прошлого века.

механизмов, то, как считают сторонники этой точки зрения, в принципе, возникает возможность человеческого контроля за всеми природными и социальными процессами. А ведь это, по существу, и есть та самая мировоззренческая установка, которая стала популярной в наши дни и которую можно назвать пантехнологизмом.

Сегодня мы вступили в мир разнообразных технологических проектов переделки природы, общества и самого человека.

Развивается идея о превращении естественных процессов в искусственные, о создании таких неорганических и биологических формообразований, которые невозможны в самой природе, об управлении процессами эволюции, о вмешательстве в телесные и психические процессы человека, об «улучшении человека» (human enhancement Bostrom, Savulesku 2009), о создании «пост-человеческого» существа, о «цифровом бессмертии», о возможности и желательности управления социальными процессами посредством цифровых технологий. Многие из этих проектов выглядят утопическими. Но нужно признать, что глобальная технологизация человеческий жизнедеятельности в самом деле идёт бурно. А как показывает история, многое из того, что первоначально выглядело утопией, было реализовано на практике.

В этой связи ряд теоретиков формулируют вот какое понимание человека и общества.

Психическая жизнь, субъективный мир человека, включая его мышление, сознание и волю, – не что иное, как процесс переработки информации в соответствии с определённой встроенной в мозг программой и по определённым правилам. Взаимодействие человека с другими людьми и социальными институтами – тоже действия по правилам. И сами социальные институты – набор правил. Любые правила могут быть алгоритмизированы и представлены как вычислительные процессы. А последние могут быть поняты как технологии. Получается, что человек и его мир – это просто набор технологий, некоторые из которых сознательно или бессознательно используют отдельные индивиды, а другие технологии применяются уже по отношению к ним. С этой точки зрения нужно выявить эти стихийно работающие технологии, превратить их в набор цифровых действий и затем сознательно практиковать во благо человека.

Идея глобальной цифровой технологизации преподносится как осуществление вековой мечты человечества. В самом деле.

С точки зрения сторонников этого проекта (а их сегодня очень много) человек таким образом получает невиданную свободу: он становится, по существу, демиургом Вселенной, управляя эволюцией, он также контролирует социальные процессы и пресекает неразумные деструктивные действия отдельных индивидов, он получает возможность «улучшить» своё тело и психику и даже достичь индивидуального бессмертия.

Однако в действительности всё обстоит совершенно иначе. Если бы проект глобальной цифровой технологизации осуществился, возникшая в результате ситуация означала бы не достижение невиданной свободы в процессе человеческой самореализации, а закабаление человека технологизированным миром. Человек потерял бы индивидуальную автономию и свободу выбора. Что же касается т.н. «цифрового бессмертия», то, если бы оно было возможно (о том, что оно невозможно, мне приходилось писать), нас ожидало бы не райское блаженство, а муки ада: жизнь утратила бы всякий смысл (Лекторский 2012).

И это связано с тем, что в концепции Вико, которая лежит в основании идеи пантехнологизации, имеется две фундаментальных ошибки.

Первая из них состоит в неверном мнении о том, что человек лучше всего знает те процессы и механизмы, которые он сам создал и которые поэтому подчиняются его контролю. В действительности сделанное человеком техническое устройство может выйти из-под контроля, начать действовать автономно и даже диктовать человеку способы поведения. Мы уже сегодня сталкиваемся с такой ситуацией, например, в случае использования искусственного интеллекта для обработки «больших данных» (Big Data). Машина выдаёт определённое предсказание, которое как правило, оказывается верным, но смысл которого человек не может понять, как и не может его объяснить, – машина сама не понимает, как она приходит к этому предсказанию, но это ей и не нужно. Механизм на основе сделанного предсказания диктует человеку определённый образ действий, и последний должен подчиняться таким предписаниям, хотя не знает, почему именно такое предсказание сделано. Человек начинает жить в не понимаемом им мире и теряет автономность.

А вот вторая ошибка Вико. Он (и за ним многие другие) считал, что с помощью технических устройств можно, в принципе, контролировать протекание всех процессов в природе и обще-

стве, влиять на них и направлять в желательное для человека русло. Как ясно сегодня, контролировать можно отнюдь не все процессы и не во всех случаях. Когда имеются сложно организованные и развивающиеся системы – а это большинство природных и социальных систем, то в тех ситуациях, когда последние близки к т.н. точке бифуркации, нельзя точно предсказать их поведение: можно только строить несколько сценариев их будущего, при этом степень вероятности того или иного сценария меняется по ходу дела. Но это значит, что сколь бы ни была развита вычислительная техника и сколь угодно большими ни были бы возможности искусственных интеллектуальных систем, нельзя, в принципе, преодолеть неопределённость в предсказании будущих событий. А это значит, что никакая технология не создаёт возможность управления процессами некоторого рода.

Наш известный учёный и философ Н.Н. Моисеев специально выделял процессы, которыми можно управлять, и такие, которые можно только направлять, т.е. создавать условия, способные влиять на ход этих процессов в сторону, благоприятную для человека – при этом никогда не будет полной уверенности в том, что процесс пойдет именно в желаемом направлении (Моисеев 2000).

В этой связи я хочу обратить внимание на то, что невозможно представить человеческие действия и функционирование социальных институтов как набор алгоритмизируемых правил. Конечно, правила играют важную роль: если бы мы не знали заранее, каков во многих случаях будет результат того или иного действия, человеческая жизнь была бы невозможной. Использование находящихся в нашем распоряжении технических приспособлений, начиная с молотка и кончая персональным компьютером и смартфоном, предполагает владение определёнными правилами. Нельзя разговаривать, не зная правил языка. Есть правила поведения дома, на работе, в общественных местах. Но ведь многие важнейшие сферы жизнедеятельности невозможно понять в качестве простого набора правил. Как, например, показывают когнитивные исследования, уже восприятие не есть просто действие по правилам, а является извлечением такой информации из окружающего мира, характер которой часто нельзя предугадать (Гибсон 1988, Clark 1998). Не подчиняется правилам и решение творческих задач – все попытки разработать «логику творчества» оказались безуспешными (эвристики,

используемые при создании интеллектуальных систем, такими правилами не являются). Не может быть набором правил и плодотворный диалог с другим человеком, предполагающий эмпатию, умение понять позицию собеседника, – ход такого диалога невозможно предугадать, но именно поэтому он и ценен. Вообще, как раз то, что делает человека человеком, не есть действия по технологизируемым правилам: свободный выбор, понимание другого, признание, взаимная помощь, сострадание, самопожертвование. Моральные предписания (возлюби ближнего, относись к другому не как к средству) не указывают правила их выполнения. Но и в тех случаях, когда есть правила достижения той или иной цели (и в этой связи возможность использовать определённые технологии), сама постановка цели зависит от принимаемых человеком ценностей: от того, что он считает хорошим и плохим, достойным и недостойным, желательным и нежелательным и т.д. А ценности – не набор правил и не сумма технологий. Но ведь именно ценности лежат в основе той или иной культуры и определяют характер социальных институтов.

Ясно, что и использование биомедицинских технологий может быть понято только в контексте тех или иных ценностей.

Если речь идёт об использования таких технологий для лечения, то понятно, что восстановление нарушенного здоровья является несомненной ценностью. Но что касается современных проектов по «улучшению человека» (human enhancement), то в этом случае неясно, что именно считать «улучшением». Например, может показаться, что избавление от всяких страданий – несомненное благо. Между тем, если человек не испытывает страданий, он не может сострадать другому. Лев Толстой, например, считал, что человек, который никогда не болел, не может быть хорошим. Ясно в любом случае, что использование биомедицинских технологий «улучшения человека» нуждается в серьёзной философско-гуманитарной экспертизе, в тщательном анализе взаимоотношения приобретений и потерь.

Но такая экспертиза должна применяться в отношении всех современных технологических проектов. Ведь речь идёт о судьбе человека в том искусственном мире, который создал он сам. Философия – первая по времени появления теоретическая дисциплина, имеющая дело с предельными основаниями бытия и деятельности, работающая с абстракциями высшего уровня, ныне всё более обнаруживает свой глубочайший практический смысл.

Ибо вопрос о том, что такое человек, где граница человеческого и нечеловеческого, это сегодня важнейший вопрос нашей жизни, связанный с тем, что одни называют «антропологической» революцией», другие «антропологической катастрофой», а третьи считают, что это одно и то же. Человек подошёл к краю пропасти. Важно, чтобы он, оттолкнувшись от края, взлетел вверх с помощью современных технологий, а не рухнул в пропасть под их тяжестью. Об этих проблемах писал, остроту их прекрасно понимал Иван Тимофеевич Фролов ещё в те годы, когда многие исследователи у нас и за рубежом были зачарованы перспективами научно-технической революции (Фролов 1975).

Литература

Гибсон Дж. 1988. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс.

Лекторский В.А. 2012. Возможно ли пост-человеческое будущее? // *Лекторский В.А.* Философия, познание, культура. М.: Канон+.

Моисеев Н.Н. 2000. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры.

Фролов И.Т. 1975. Прогресс науки и будущее человека. М.: Политиздат.

Bostrom N., Savulesku J. 2009. Human Enhancement. Oxford. Oxford University Press.

Clark A. 1988. Being There: Putting Brain, Body and World Together Again. Bradford Books.

V.A. Lektorsky

Is the Human World a Sum of Technologies?

Abstract. **The author has analyzed the conceptual presuppositions of the idea of global technologization (pantechnologism). In this connection it is criticized the understanding of the subjectivity and social institutions as a set of rules, which can be algorithmized and technologized. It is developed the idea of two types of systems: controlled (technologized) and directed (that don’t afford a complete**

technologization). It is shown that the important spheres of human life cannot be conceived as simple actions according to rules (perception, thinking, creativity, free choice, understanding another person etc.), that the very use of rules and technologies are determined by a goal and the latter is depended on existing value system. But values are principally not technologized. The thesis about the role of philosophical expertise in case of technological projects is substantiated.

Keywords: **Natural and artificial processes, technology, technoscience, pantechnologism, digitalization, controlled and directed systems, rules, values, human enhancement, philosophical and humanitarian expertise**

References

Bostrom N., Savulesku J. 2009. Human Enhancement. Oxford. Oxford University Press.

Clark A. 1988. Being There: Putting Brain, Body and World Together Again. Bradford Books.

Frolov I.T. 1975. Progress nauki I buduschee cheloveka [The Progress of Science and the Future of Man]. M. Politizdat.

Gibson J. 1988. Ekologicheskii podkhod k zritel'nomu viosprijatiju [Ecological approach to visual perception]. M. Progress. In Russian.

Lektorsky V.A. 2012. Vozmozjno li post-chelovecheskoe buduschee? // *Lektorsly V.A.* Filosofija, poznanie, kul'tura. [Is post Human Future Possible? // Lektorsky V.A. Philosophy, Cognition, Culture]. M., Kanon-plus.

Moiseev N.N. 2000. Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma. [The Destiny of civilization. The Way of Reason]. M. Jazyki russkoi kul'tury.

Р.С. Гринберг

Обновление экономического устройства мира: шансы и риски

Аннотация. **Обращается внимание на рост неопределенности в современном мире. Обострение глобальных проблем вызывает сомнения в способности рыночного общества с ними справляться. Автор рассматривает эффект воздействия двух исторических утопий: свободного рынка и централизованного планирования. Он делает вывод, что в условиях глобальных проблем и угроз необходимы новые подходы, соединяющие экономику и гуманизм.**

Ключевые слова: **экономика, глобальные проблемы, плановое хозяйство, рыночная экономика, человек**

Для меня большая честь участвовать в конференции, посвященной Ивану Тимофеевичу Фролову. Во время выступления академика В.А. Лекторского мне вспомнилось известное заявление Никиты Сергеевича Хрущева на заключительном заседании XXII съезда КПСС: «Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!»[22]. Оно стало уже своего рода метафорой, и я подумал о том, как его можно модифицировать применительно к нашему переломному времени. Я думаю, мы живем в такую эпоху, когда можно было бы сказать так: «Наши цели неясны, задачи определены, причем не очень понятно – правильно или нет, – но работать надо».

Дело в том, что мы живем в такую эпоху, когда непрогнозируемость мирового развития беспрецедентна. Под сомнение поставлены самые стабильные постулаты во всех сферах жизни общества и человека. В том числе в экономике, о чем я скажу позже. Причем основная проблема состоит в том, что поиски такого устройства общественной жизни, которое было бы более или менее приемлемым для человечества, можно сказать, человечного устройства этой жизни, – они, собственно говоря, только начались, и пока не очень понятно, чем именно они могут закончиться.

В этой связи я хочу отдать должное философии и философам, потому что все науки в свое время вышли из философии. И теперь, в период переосмысления оснований жизни человека

[22] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962. Т. III. С. 203.

и общества, науки должны вновь обратиться к философии, ибо только она ставит вопрос об этих основаниях. Без опоры на философские ориентиры представители наук не смогут выявить для себя главное в современной ситуации.

Возьмем, к примеру, экономическую науку, которой я занимаюсь. В ней идет очень серьезная полемика по вопросам экономического устройства общества. В свое время между собой конкурировали две утопии: утопия централизованного плана и утопия свободного рынка. Обе эти утопии оказались отвергнутыми жизнью. Но что мы можем иметь взамен в теоретическом плане? Коллизия между коллективизмом и индивидуализмом по-прежнему сохраняет свое значение. От выбора между ними зависит ответ на вопрос: «На чем вообще должно быть основано экономическое устройство?».

В последнее время идейно-теоретическая ситуация в мировой экономической науке меняется. Дело в том, что в последнее время – это поразительно! – от гуру западной экономической мысли приходится слышать высказывания, в которых они ставят под сомнение само рыночное устройство. Ставят под сомнение не просто последствия практического применения неолиберальной догматики, которая господствует последние сорок лет. Догматики, в соответствии с которой человек должен быть абсолютно свободным и нести ответственность за свою жизнь, а государство не должно в нее вмешиваться, и, собственно говоря, вернуться к положению «ночного сторожа» согласно классическому принципу физиократов Laissez faire, laissez passer. Но теперь выяснилось, что общество просто не сможет выжить, если будет следовать этому принципу независимо от того, какие другие вызовы перед ним стоят.

Вот почему тогда и возникает вопрос о том, как организовать экономическую жизнь. Я твердо убежден в том, что если бы советский эксперимент не сопровождался ужасающими репрессиями и отменой прав человека, то в современных Соединенных Штатах Америки на президентских выборах мог бы уверенно победить коммунист. Посмотрите – ведь когда так называемый реальный социализм исчез, то возникла ситуация, когда восторжествовал настоящий капитализм, капитализм в чистом виде, да еще не уравновешенный каким бы то ни было соперником. Я теперь все время вспоминаю заявление академика Г.А. Арбатова, сказанное американским дипломатам в 1989 г.: «Мы окажем вам плохую услугу, потому что лишим вас врага». И это оказались удивитель-

но пророческие слова! Ведь, когда вы остаетесь без соперника, вы начинаете делать все, что вы хотите, и поступаете необдуманно. В особенности, если вы являетесь еще и сильной державой.

В перспективе, я думаю, нас ожидает, безусловно, борьба двух трендов. Один связан с новым закабалением человека в результате цифровизации, то, что стало принято называть «цифровым Гулагом», когда искусственный интеллект подавляет все и вся. Другой – гуманистический, о котором писал академик И.Т. Фролов, когда остается надежда, что нам все-таки удастся каким-то образом избежать тех негативных последствий научно-технической революции, которые связаны с неуемным творчеством человека, вырождающимся в технократизм.

Мы сейчас стоим на пороге или непосредственно перед тремя серьезными глобальными вызовами. Может быть, уже можно говорить и о четвертом – о пандемии коронавируса, если она примет хронический характер, что не исключено. Я имею в виду, прежде всего, уничтожение среды обитания: насколько мы готовы к выживанию в условиях повышения среднемировой температуры в ситуации глобального потепления, когда может оказаться пройденной точка невозврата к сбалансированному состоянию биосферы. Тогда, во-вторых, будет уже не до рассуждений о роли человека в мире, а мировой порядок сменится, скорее всего, многополярным беспорядком. Ну и, наконец, социальное неравенство, которое и создает возможности для возникновения разного рода социальных беспорядков.

Завершая, я хотел бы обратиться к российской истории. В научном мире принято считать, по крайней мере в серьезных академических сообществах, что после того как две великие утопии умерли, я имею в виду утопию рынка и утопию централизованного планирования, то надо что-то делать, искать какой-то третий путь. Я думаю, что так или иначе он может быть найден в России. У нас сейчас все-таки с очень большим трудом отказываются от этой второй утопии – утопии свободного рынка, и социальное неблагополучие страны в значительной мере связано с тем, что эта утопия нас держит. В открытую об этом не говорится, но и вся нынешняя ситуация с реформами науки, образования, культуры, и экономический застой – в значительной мере с связаны с этим. И я все время думаю, почему это происходит именно в России, несмотря на то что именно говорится об этом или не говорится.

Я бы выявил в связи с этим три особенности нашего общественного сознания. Это не моя область профессиональных заня-

тий, но я все-таки хочу их обозначить. Прежде всего, это страсть к онтологизации теоретических схем разного рода «принуждения к счастью». Какая бы теория ни была – коммунизм или либерализм, она должна быть внедрена абсолютно – и так или иначе это происходит в нашей истории. Второе – скорость перемен важна: как можно быстрее нужно переходить к счастью! И третья, очень серьезная история, которая сегодня тоже для меня вполне очевидна, – это ненормальные отношения с Западом, комплекс неполноценности и мания величия «в одном флаконе». Все эти три фактора в комплексе более или менее серьезно блокируют цивилизационное развитие страны.

Литература

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962. Т. III. 592 с.

Выступление М.С. Горбачева в Организации Объединенных Наций // Правда. 1988 8 декабря.

М.С. Горбачев в Нью-Йорке, 6–8 декабря 1988 г. Документы и материалы М.: Политиздат, 1988. 29 с.

Новое политическое мышление: Над выступлением Михаила Горбачева в ООН размышляют советские публицисты. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1989. 47 с. (Сер.: Публицистика перестройки).

R.S. Grinberg

Updating the Economic Structure of the World: Chances and Risks

Abstract. Attention is drawn to the growth of uncertainty in the modern world. The aggravation of global problems raises doubts about the ability of a market society to cope with them. The author examines the effect of two historical utopias: the free market and centralized planning. He concludes that in the context of global problems and threats, new approaches are needed that combine economics and humanism.

Keywords: economy, global problems, planned economy, market economy, man

Г.Г. Малинецкий

Новая реальность, биологический вызов и императив Фролова

Аннотация. В своё время выдающийся философ И.Т. Фролов поставил в центр своих исследований триаду человек – человечество – человечность. Он предлагал сделать исследование человека основной проблемой Академии наук. Анализ смыслов, ценностей, духовного пространства человечества позволил придать этой задаче комплексный, системный характер, сформулировать императив исследований – от биологизации к антропологизации. Он опередил свое время – его идеи не были поняты и поддержаны в необходимой степени. Их воплощение могло бы изменить траекторию развития науки, академии, России.

Революция в компьютерных науках, в биотехнологии, крушение мировой социалистической системы, опыт, связанный с пандемией COVID-19, заставляют вернуться к императиву И.Т.Фролова и переосмыслить его на новом уровне. Принципиальным в нынешней точке бифуркации является уровень самоорганизации людей, готовность и способность их отстаивать свои смыслы и ценности. Новая реальность требует новой морали и этики, в гораздо большей степени учитывающей интересы общества, чем раньше. Развитию фроловской концепции эволюции человечества в новой реальности посвящены эти заметки.

Ключевые слова: И.Т. Фролов, от биологизации к антропологизации, новая реальность, человек – человечество – человечность, самоорганизация, проектирование будущего, синергетика, компьютерный прорыв, биологический вызов

Новая реальность

И устарела старина,
И старым бредит новизна.
А.С. Пушкин

Иван Тимофеевич Фролов (1929–1999) часто повторял слова Гегеля о том, что философия – это «духовная квинтэссенция эпо-

хи». За прошедшие 20 лет реальность кардинально изменилась. И именно на эти изменения вначале стоит обратить внимание. О представлениях философов о будущем, об их прогнозах позволяет судить замечательная книга, содержащая материалы обсуждений мировоззренческих проблем в телевизионных программах «Философские беседы с академиком И.Т. Фроловым». [1] Эти программы шли с 1986 по 1989 г. и прекрасно отразили дух того времени и прогнозы выдающихся философов.

В теории самоорганизации – синергетике – вводится важное понятие – *параметры порядка*. Под ними понимаются ведущие процессы и переменные, определяющие динамику системы и всех остальных ее процессов [2]. Попробуем выделить параметры порядка прошедшего двадцатилетия. Заметим, что философия постмодерна отрицает существование таковых. Жиль Делез и Феликс Гваттари, разрабатывая концепцию ризомы, утверждали, что главного нет и всё существенно[3].

Выход экономики на новый уровень. В 1980-е гг. общество уделяло большое внимание экономике, повышению её эффективности. Прошедшие годы и пандемия COVID-19 показали, что она уже достаточно эффективна в ведущих странах. Несмотря на закрытие границ, прекращение работы значительной части малого и среднего бизнеса, нехватки товаров не было. Оказалось, что есть «экономикс», связанный с гигантскими спекуляциями и решением геополитических задач, и «экономика», эффективно обеспечивающая витальные потребности народа, которые существенно отличаются.

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу. Маркс и Энгельс мечтали о социальных преобразованиях, позволяющих накормить всех голодных. Мировая экономика производит сейчас достаточно товаров, чтобы обеспечить достойную жизнь всего человечества. Во многом развитие идет по инерции – производится огромная доля продовольствия, которое не съедается, и машин, которые не продаются. Голодные в современном мире – результат действий политиков той или иной страны. Более того, ряд ведущих стран ставит вопрос о *безусловном базовом доходе* – сумме денег, регулярно выплачиваемой государством своим гражданам. Он должен решить проблему бедности, технологической безработицы, экономического неравенства, снизить уровень преступности. Во время пандемии COVID-19 многие государства не собирали деньги со своих граж-

дан и предпринимателей, а выплачивали им, помогая «остаться на плаву». Проблема выплаты такого дохода станет общей в ходе дальнейшей автоматизации и внедрения искусственного интеллекта. Как и предупреждал Норберт Винер, многим людям будет просто нечего продать на рынке. Один из ведущих специалистов в области искусственного интеллекта, Кай-фу Ли, прогнозирует, что число работающих в США через 10–15 лет уменьшится на 40–50% по сравнению с нынешним [4]. На первый план выходят не экономические, а социальные проблемы. Нестабильность в ряде ведущих стран – США, Великобритании, Франции – это наглядно показывает.

Кризис рационального начала в человеке. Человеческое измерение философии И.Т. Фролов считал основным: «действительно, это основная функция философии – поиск смысла жизни, поиск сущности всего существующего, сущности бытия и самое главное – поиск человека. Человек, поиск его сущности – это основное, что всегда было и сейчас является основным предметом философии» [1: 23]. Шоком новой реальности является возможность манипулировать массой людей вопреки их собственным интересам. Наглядным примером этого является череда цветных революций, прокатившихся по миру, движение BLM, радикальные исламистские организации, ориентированные на террористическую деятельность. Маркс и Энгельс ориентировались на понимание рабочими и крестьянами своих жизненных интересов благодаря деятельности политических партий, на их способность к организации и самоорганизации. Оказалось, что этого нет – СМИ и социальные сети эффективно манипулируют массами и могут легко блокировать действия политиков. Например, принципиальным оказалось отключение от социальных сетей 06.01.2021 президента США Дональда Трампа. Четвертая власть становится главной. Она среди прочего может, по своему усмотрению, изменить новый вид собственности человека – его имидж в массовом сознании.

Другим проявлением происходящих изменений стала «кадровая катастрофа», – острый дефицит подготовленных специалистов при наличии огромного числа людей с дипломами. Мы имеем дело с симуляцией, симулякрами, гиперреальностью, о которых подробно писал Бодрийяр [3].

Кризис образовательного пространства. Многие учителя, приходящие в средние школы и получившие образование в ходе

реформ, *уже не знают, как надо учить*. Объективным показателем образовательного кризиса являются результаты международной программы по оценке образовательных достижений учащихся PISA (Programme for International Student Assessment). Этот проект позволяет проверить, как пользуются полученными знаниями по математике, физике, естественным наукам и чтению на родном языке средние 15-летние школьники той или иной страны. Это исследование проводится с 2000 г., и в нем участвуют сейчас около 80 стран. Лидерами по естественным наукам в 2018 г. стали (в порядке убывания): 4 провинции Китая, Сингапур, Макао (Китай), Эстония, Япония, Финляндия, Южная Корея, Канада, Гонконг (Китай), Тайбей (Тайвань). В большинстве из этих стран не на словах, а на деле осуществляется технологический прорыв. Достижения постсоветских стран и их места значительно скромнее: Латвия (29), Литва (31), Россия (33), Беларусь (37), Украина (38), Молдова (52), Баку (Азербайджан) (68), Казахстан (69), Грузия (73) [5]. Реформы беспощадным катком прокатились по среднему образованию большинства постсоветских стран. При самых благоприятных условиях выйти из этого кризиса, лишающего нашу страну конкурентного потенциала в мировом разделении труда, будет очень нелегко… И сам И.Т. Фролов, и участники его бесед экстраполировали развитие СССР и предлагали способы ускорить и улучшить этот процесс [1, 6]. Прошедшие с той поры перемены показали, что произошел обвал.

Самоорганизация как ключевая проблема новой реальности. Беседы, книги, организационная деятельность И.Т. Фролова, ставившая во главу угла человека, показывает, что в отношении человечества, организации и самоорганизации он был романтиком. Рассуждая о глобальных проблемах, он полагал, что достаточно указать путь, обосновать его и дела пойдут в этом направлении [7]. К сожалению, это не так. Обращу внимание на два очевидных примера, касающихся научного сообщества. Несмотря на ряд представительных конференций, которые организовал И.Т. Фролов и прекрасные выступления ведущих ученых на них, идея поставить человечество в центр исследовательской работы *не была понята и принята научным сообществом*. Каждый занимался своим делом, не откликаясь на призывы коллег и понимая, что обвал, который кардинально изменит ситуацию и науку, близок. По-видимому, более глубокое понимание проблем челове-

ка и общества научным сообществом уберегло бы Отечество от революционных изменений. Даже в кругу философов, непосредственно работавших с И.Т. Фроловым, этого понимания не было.

Ситуация повторилась в 2013 г., когда три академии РАН, РАМН и РАСХН объединяли, лишали научных институтов и превращали в клуб ученых. Объединиться исследователям и академическому сектору для того, чтобы отстоять научное пространство России, не удалось. В соответствии с принятым в 2013 г. федеральным законом РАН не является научной организацией и не может вести научных исследований…

Большие усилия вкладываются в то, чтобы в новой реальности общество было множеством одиночек. Формируются разрывы между людьми разных поколений, профессий, социальных статусов, конфессий, стран. В войнах четвертого поколения, стратегия которых активно разрабатывается в США, именно разрушение самоорганизации общества государства-противника рассматривается как необходимое условие успеха [8]. Пандемия COVID-19 во много показала реализацию этого принципа: «Каждый за себя, один Бог за всех». Возник ещё один барьер, касающийся доступности вакцин от коронавируса: «Почти 70 бедных стран лишены доступа хотя бы к одной вакцине из уже разрешенных медицинскими регуляторами. По оценкам, лишь каждый десятый житель бедных стран может пройти вакцинацию в 2021 году. США, Великобритания, ЕС, Канада, Япония и ряд других стран возражают против того, чтобы вакцина “производилась миром для всего мира” и настаивают на праве интеллектуальной собственности»[9].

Эксперты пишут: «По оценкам RAND, совокупные потери развитых стран, а также России, Индии и Китая в случае нехватки вакцин в странах с низкими доходами составят $119 млрд в год. Потери связаны с сохраняющимися ограничениями на мобильность в бедных странах, что препятствует нормальной работе глобальных производственных цепочек, международной торговли и туризма. В то же время, чтобы обеспечить вакцинами беднейшие страны мира, требуется существенно меньшая сумма: по оценкам Oxfram, порядка $25 млн» [9]. Человечность и принципы самоорганизации приносят в жертву финансовым расчетам и политическим интересам. В ходе пандемии были закрыты границы, одни страны не пропускали самолеты с марле-

выми повязками на территорию других, забирая повязки себе. Каждый за себя…

Развитие информационно-телекоммуникационных систем во многом блокирует самоорганизацию. Интернет и социальные сети позволяют «возлюбить дальнего своего», естественно, за счет ближнего. Основной задачей миллиардов компьютеров является «сжигание» свободного времени людей, которые вместо того чтобы жить своей жизнью, наблюдают чужую призрачную реальность… Даже в транспорте люди не могут отвлечься от постоянного общения с «лучшим другом» – смартфоном, планшетом, ноутбуком. Министерство образования и науки РФ сейчас распространяет в ряде регионов РФ мобильные шлемы для использования в средних школах. Образование и наука – это диалог. Цифровое образование – монолог, отказ от самоорганизации. Его использование в период пандемии завершилось провалом – уровень нагрузки, знаний, времени не сравним с тем, что было бы при обычном образовании.

Технологическое развитие, как показали последние десятилетия, может вести и в светлое будущее, и в Новое Средневековье. Всё зависит от целей элит и уровня самоорганизации в обществе.

Осознание рисков и проблем их парирования. Много сил и внимания И.Т. Фролов уделил глобальным проблемам и инструментам их решения. Сейчас обсуждение таких угроз оказалось в центре внимания. В январе 2020 г. генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил о четырех «всадниках апокалипсиса», которые наиболее угрожают миру, – это политическая напряженность, климатические изменения, глобальное недоверие, злоупотребление новыми технологиями. Он заявил: «Наш мир приближается к точке невозврата. Я вижу четырех “всадников” – четыре надвигающиеся угрозы, которые представляют опасность для прогресса и всего потенциала XX в. Первый всадник предстает в обличии высочайшей геополитической напряженности, теракты безжалостно собирают новые жертвы, растет ядерная угроза. Больше людей вынуждены покинуть свои дома из-за войны и преследований, чем когда-либо после Второй мировой войны». Во-вторых, мировое сообщество «столкнулось с экзистенциальным климатическим кризисом. Рост средней мировой температуры продолжает бить рекорды. Миллионам видов живых существ в ближайшее время будет угрожать вымирание. Наша планета горит. Третий всадник – это глубокое и растущее

глобальное недоверие. Как продемонстрировали буквально накануне наши собственные доклады, два человека из трех живут в странах, где выросло неравенство. Снижается доверие к политическим институтам». В качестве четвертой глобальной угрозы он видит «обратную сторону цифрового мира»: «Технологический прогресс идет быстрее, чем наши способности ему соответствовать – или даже осознавать. Несмотря на огромные блага, которые несут новые технологии, происходит злоупотребление ими для совершения преступлений, разжигания ненависти, распространения недостоверной информации, угнетения и эксплуатации людей, а также нарушения частной жизни» [10]. Пятым всадником оказался COVID-19.

Время опровергло популярные в 1980-е гг. разрушительные мифы о «деологизации», «верховенстве общечеловеческой идеи», «вступлении в мирный период». Диалектика мирового развития оказалась иной. Если о неприемлемости капиталистического строя в 1980-е гг. писали и говорили ученые и политики марксистской ориентации, то сейчас это стало очевидно. Юбилейный доклад Римского клуба, объединяющего ряд ведущих мировых политиков и предпринимателей, Come on! утверждает, что потенциал этого социального строя исчерпан [11]. В этом контексте развитие России, ориентированное на капиталистические отношения, представляется историческим парадоксом.

Осмысливая сложившуюся реальность, остается вспомнить слова философа: «Но в человеке и в человечестве существует неистребимая способность видеть впереди себя высокие цели и идеалы, соответствующие его сущности и предназначению, не угаснет иррациональная по своей природе Надежда, которая живет, как говорил Гёте, даже у самых могил» [6: 269].

Научный вызов

Философия, эта любовь мудрости, получила ещё одну возможность соединить науку и гуманистические идеалы исходя из принципа, что человек, если перефразировать известное изречение Протагора – «мера всех наук». Но она не просто дополняет науку в этом отношении, а дерзает сделать большее – объединить различ-

ные науки, так или иначе изучающие или просто касающиеся человека, в единый комплекс, чтобы создать единую науку о человеке. Более того, философия как ближайшую задачу ставит объединение науки и искусства в познании человека, что, естественно, по-новому определяет характер и постулируемой единой науки о человеке, заставляя задуматься над тем, действительно ли здесь речь идет о науке в традиционном смысле.

И.Т. Фролов

Почему не состоялся важный вдохновляющий проект, сущность которого сформулирована в эпиграфе? Видимо, дело не только в дефиците времени, непонимании его важности элитами и учеными, предпочитающими частное общему.

Дело в самой философии, в её неготовности к междисциплинарному проекту, задуманному И.Т. Фроловым, к тому, чтобы взять на себя проблемы синтеза научного знания и переосмысления искусства. Каждый пишет своё и о своём. Это показывает даже книга философов, которым было дорого детище И.Т. Фролова – Институт человека. Один трактует философию как «утопию культуры», другой трактует исследование человека как диалог и обсуждение, третий рассматривает институт как форум… [12]

Мне вспоминается отчет Института философии в бытность директором В.С. Стёпина. Тогда, помнится, говорилось, что за год сотрудниками этого института было выпущено 117 монографий. И я поинтересовался у директора, какова основная линия института, где те ключевые новые результаты, на которые могут опираться ученые, работающие в других дисциплинах, и, наконец, есть ли кому читать все эти монографии: «Мы живем по принципу, следующему из китайской пословицы: пусть расцветает сто цветов, пусть соперничают сто школ», – последовал ответ.

На нынешнем этапе фроловскую идею воплощает такой междисциплинарный подход, как теория самоорганизации, или синергетика. В настоящее время она представляет *подход, лежащий на пересечении сферы предметного знания, математического моделирования и философской рефлексии.* Растет интерес к этому подходу,

появляется понимание необходимости такой формы синтеза. В серии, издаваемой с 2002 г. «Синергетика: от прошлого к будущему», в настоящее время вышло более 100 книг. Один из основоположников синергетики, мой учитель С.П. Курдюмов активно участвовал в конференциях, проводящихся И.Т. Фроловым, и высоко их ценил [13]. По мысли Сергея Павловича, синергетика помогает сформировать научную стратегию – выделить наиболее важные направления поиска, а также является междисциплинарным языком, пользуясь которым естественники, гуманитарии, математики, философы могут ставить и обсуждать проблемы, требующие совместных усилий.

Лейтмотивом научно-технического развития в XX в. стал выход его в космос. Можно напомнить монолог Снаута из романа Лема «Солярис»: «Мы вовсе не хотим завоевать космос, хотим только расширить Землю до его границ… мы не ищем никого, кроме людей. Не нужно нам других миров. Нам нужно зеркало. Мы не знаем, что делать с иными мирами». И Фролов, и Курдюмов размышляли о парадоксе Ферми – отсутствии видимых следов деятельности инопланетных цивилизаций, которые должны были бы расселиться по Вселенной за миллиарды лет её развития. Оба с большим интересом относились к концепции Фримена Дайсона. В соответствии с ней развитая цивилизация должна максимально использовать энергию своей звезды и для этого окружить её оболочкой, собирающей излучение (сферой Дайсона). Это можно увидеть по спектру, излучаемому такой сферой. Пока таких объектов во Вселенной найдено не было.

Технологическими прорывами XXI в. можно считать компьютерный и биотехнологический. У каждой медали есть две стороны, и темные стороны этих прорывов, грозящие нам переходом в Новое Средневековье, заслуживают особого внимания.

Производительность самых быстрых компьютеров превысила 540 петафлопс ($5{,}4 \cdot 10^{17}$), флопс – одна операция с числами с плавающей запятой в секунду.

Каждые два года в течение многих десятилетий быстродействие компьютеров увеличивается примерно вдвое (закон Мура). Ни одна технология не знала таких темпов развития. По оценке Клауса Шваба – основателя Давосского экономического форума («форума миллиардеров»), – сейчас происходит четвертая промышленная революция: «Её основные черты – это «вездесущий и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный

интеллект и обучающиеся машины» [14: 16]. Тем не менее ключевые прогнозируемые перемены, которые должны произойти до 2025 г., относятся не к производственной сфере, а к социальному управлению. В частности, среди этих перемен: «90% людей имеют возможность неограниченного и бесплатного (поддерживаемого рекламой) хранения данных; 1 трлн датчиков, подключенных к сети Интернет; 80% людей с цифровым присутствием в сети Интернет. Первый имеющийся в продаже имплантируемый мобильный телефон, 90% населения используют смартфоны; 30% корпоративных аудиторских проверок проводит искусственный интеллект» [14: 39]. Ситуация в компьютерном пространстве напоминает ту, которая описана в легенде об ученике волшебника, который вызвал могущественные силы и не знает, что с ними дальше делать. Не будем останавливаться на том, что это пространство стало сферой силового противостояния и жестокой борьбы в мире информации. Обратим внимание только на динамику преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий и их раскрываемость [15]: 2016 г. – 65,9 тыс.; 2017 г. – 90 тыс.; 2018 г. – 174,7 тыс.; 2019 г. – 294,4 тыс.; 2020 г. – 510,4 тыс., при этом раскрываемость в 2020 г. упала до 20%. Другими словами, за 5 лет число «компьютерных преступлений» в России выросло в 8 с лишним раз и 4 из 5 преступлений остаются нераскрытыми… При этом наша страна не имеет значительной части необходимой элементной базы, собственных персональных компьютеров, суперкомпьютеров, цифровых платформ, ряда телекоммуникационных возможностей, многих систем с искусственным интеллектом. Сейчас это стало стратегическим риском и угрозой для национальной безопасности.

Не менее важный и масштабный прорыв сейчас происходит в сфере биотехнологий. В свое время выдающийся физик Фримен Дайсон выдвинул несколько «ересей», говоря: «Я не утверждаю, что еретические идеи истинны, но обдумывать их совсем не вредно». В частности, он в давние времена предсказывал расцвет биоинженерии. Он предвидел создание биоигр с настоящими семенами. Играя с ними, ребенок будет проводить селекцию и видеть рост в реальном времени. Другая «ересь» связана с утверждением о том, что человечество в будущем вернется к изначальным механизмам эволюции «додарвиновской эпохи», когда не было видов и живое свободно обмени-

валось своими данными. Но внезапно, в те давние времена, некая клетка шагнула на новый уровень – отказалась делиться своими данными с другими и образовала первый вид. Дайсон проводит аналогию с компьютерной индустрией. Вначале она была полностью открыта, но затем одна компания закрыла свои исходники. Однако сама суть программирования предполагает открытое программное обеспечение. И что-то подобное благодаря генетике и биоинформатике, по его прогнозу, должно случиться с эволюцией [16].

Многие биологи и социологи заглядывали в будущее нашего вида. Большую известность приобрела книга Ричарда Докинза «Эгоистичный ген». В ней он высказывает мысль, что главными «действующими лицами» эволюции являлись не мы, а гены. Очень наглядна предложенная им метафора. Гены – участники соревнований по гребле, в которых они соперничают с другими генами, а мы – лодки, которые занимают участники на определенном этапе соревнований [17].

По мысли Френсиса Фукуямы, результаты биотехнологической революции могут быть сходны с теми, которые были описаны в антиутопии Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», – человек может перестать быть человеком. Он видит три главные угрозы: фармакологическое изменение типа личности (по будням один человек, по выходным другой); резкое увеличение продолжительности жизни людей, замедляющее развитие человечества; изготовление «детей на заказ»[18].

Революционные достижения происходят у нас на глазах. Огромным научно-техническим успехом стал проект «Геном человека». За 10 лет цена секвенирования генома упала в 20 тыс. раз. Кроме того, этот проект дал очень большой экономический эффект.

В первой половине XX в. биологи считали, что в «детстве» (недифференцированном состоянии) клетка может стать частью любого органа, а для «взрослой», специализированной клетки все пути, кроме уже выбранного, закрыты. В 2012 г. Нобелевская премия по физиологии и медицине была присуждена Джону Гардену и Синья Яманака «за открытие факта, что зрелые клетки могут быть «перепрограммированы» обратно в плюрипотентное состояние». Это означает возможность создавать «органы на заказ» и кардинально увеличивать продолжительность жизни. Один из рисков состоит в том, как утверждают эксперты, что

распыление фактора плюрипотентности над мегаполисом может увеличить заболеваемость раком в нем на 5%.

Нобелевская премия по химии за 2020 г. была присуждена Э. Шарпантье и Д. Дудне за разработку системы генетического редактирования CRISPR/Cas9. Её применение позволяет изменить ДНК микроорганизмов, растений и животных с очень высокой точностью. Это революционное достижение в науках о жизни. Оно открывает новые методы лечения рака и наследственных заболеваний. По сути, это воплощение прогноза Дайсона. Оборотная сторона этой медали также очень серьезна. Обсуждаемая методика позволяет перейти от «вертикальной» к «горизонтальной» эволюции и многократно ускорить процессы в биосфере. Вернемся к метафоре Докинза. Характерное время, за которое гребцы-гены меняли «лодки» – нас с вами, – время жизни поколения, и случайность во всё это вносила свою лепту. Да и гены других видов не участвовали в этой игре. Однако если мы сами активно и последовательно меняем «гребцов» на «лодках», то тут последствия могут быть фантастическими. И «сверхчеловек», о котором вдохновенно писал Ницше, может здесь оказаться не худшим вариантом…

Я довольно подробно писал о пандемии COVID-19 и о роли науки в решении глобальных проблем [19, 20], поэтому остановлюсь только на одном принципиальном моменте.

Пандемия COVID-19 сравнима с мировой войной против человечества. На 13.03.2020 заражено оказалось 120 млн чел., число умерших составляет 2650 тыс. чел. Остановлен или существенно сокращен ряд отраслей экономики. По независимым оценкам, валовой внутренний продукт ряда стран упал на десятки процентов. Речь идет о Глобальной депрессии. Изменились отношения между странами и механизмы самоорганизации в обществе.

Распространение ядерного оружия удалось прекратить, а, точнее, затормозить, потому что его производство требует высокой квалификации, огромных затрат энергии, большого количества занятых в нем людей. Такое производство вполне можно контролировать административными методами на уровне государства. Именно это и позволило человечеству прожить больше 70 лет без больших военных конфликтов.

Совершенно иначе дело обстоит с современными микробиологическими средствами. Биологическое оружие не применялось раньше, потому что микробы и вирусы не отличают «сво-

их» от «чужих». «Своих» же жалко, потому что в индустриальную эпоху они были нужны для процесса производства, но если люди не нужны хозяевам, а тот самый один процент (в терминологии Дж. Стиглица) можно спрятать или хорошо защитить, то ситуация меняется. Инфекции можно использовать как инструмент контроля и глобальной власти. Мне довелось беседовать с рядом ведущих микробиологов России. И все они считают, что изготовление аналога вируса COVID-19 требует работы десятков человек в течение года в нескольких комнатах и затрат порядка $2 млн.

Это кардинально отличается от разработки ядерного оружия. Здесь мировую войну могут организовать несколько десятков человек, и простые административные меры контроля тут не помогут. Это новая реальность и новая мера ответственности, лежащая на каждом человеке, владеющем такими технологиями…

Какой может быть эта новая реальность, возможность которой сделала очевидной пандемия COVID-19? Ответ дает книга К. Шваба и Т. Маллере «COVID-19. Великое обнуление». Капитализм исчерпал свои возможности, и предлагаемый авторами социальный строй с полным правом можно назвать Новым Средневековьем [21].

Этот строй, по мысли Шваба и его соавтора, называется *инклюзивным капитализмом.* Он сметает государства, религии, прежнее право как неэффективные и ориентируется на глобальное управление. Он ориентирован на «новую справедливость», опирающуюся на детальный контроль действий каждого человека с помощью компьютерных устройств [14]. Пандемия наглядно показала их эффективность. Госинвестиции в «зеленые города» и жесткий контроль всех промышленных объектов. Переход к цифровым деньгам как к средству контроля. Формирование *экономики пользования* – дом, машина и прочее не являются собственностью, а предоставляются в аренду обществом (аналог каршеринга). Работа большинства в удаленном режиме и жесткие ограничения на самоорганизацию. Это мир для нового человека, существенно отличающегося от нынешнего.

В ряде работ и планов И.Т. Фролов делал акцент на целостном видении человека, на осмыслении не только его рационального, но и эмоционального начала, которое отражает искусство [12].

Синергетика сейчас стремится к системному описанию и моделированию человека, *к анализу взаимодействия рациональной,*

эмоциональной и интуитивной сфер [2]. Каким же будет новый человек?

Этика и мораль новой реальности

Наука сделала нас богами раньше,
чем мы научились быть людьми.
Ж. Ростан

Происходящие изменения представляются быстрыми, глубокими и масштабными. Тотальное внедрение компьютеров в жизнь привело к тому, что переход от индустриальной к постиндустриальной фазе развития происходит в виде *гуманитарно-технологической революции* [22]. Перемены настолько глубоки, что они касаются морали, этики, идеологий, религий. Дело в том, что в ряде случаев идеалы, цели и смыслы оказываются важнее прагматики. Поэтому мыслители старались очертить облик человека будущего, его мораль. Большое влияние на общество оказала идея сверхчеловека, выдвинутая Ф. Ницше. Широкое обсуждение вызвала концепция «Человека Играющего – Homo Ludens», выдвинутая нидерландским культурологам Йоханом Хёйзингой, стремившимся подчеркнуть принципиальное значение игры в развитии культуры. Стараясь описать важность глобального сетевого общества и принципиальное значение информации для человека будущего, М. Кастельс трактует людей грядущего как Homo Informaticus [23].

Не остались в стороне и фантасты. Братья Стругацкие в книге «Волны гасят ветер» описали, как в результате жесткого отбора среди людей и активизации ещё одной сигнальной системы формируется новый вид – людены. Люди становятся скучны люденам, и они отправляются в космос.

Иван Тимофеевич Фролов писал и говорил о «человеке разумном и гуманном», прочерчивал путь от Homo sapiens к Homo sapiens et humanus [6, 12].

Однако появились и другие подходы, которые иначе прочерчивают этику и перспективы человека будущего. В настоящее время бестселлером в России является книга израильского историка «Homo Deus – человек-Бог» [24]. И императивы здесь иные:

Подобно тому как результатом промышленной революции стало возникновение рабочего класса, так следующая революция создаст класс неработающий, бесполезный.

Обращение человека с животными дает достаточное представление о том, как в будущем усовершенствованные люди будут поступать со всеми остальными.

Демократия и свободный рынок рухнут, когда Google и Facebook будут знать нас лучше, чем знаем себя мы сами; власть, полномочия и компетенции перейдут от живых людей к сетевым алгоритмам.

Люди не будут противостоять машинам, они сольются в единое целое [24: 497].

Религией этого нового мира будут *датаизм*: «С точки зрения датаистов, весь род человеческий можно интерпретировать как систему обработки данных, где каждый человек таков: “Видишь что-то – запиши. Записал – загрузи. Загрузил – поделись с друзьями”» [24: 442, 453].

Немного либерализма, немного ницшеанства, безупречный технократический оптимизм и миллионные тиражи, меняющие общественное сознание…

Ещё более жесткие этические нормы выдвигает известный российский эксперт Сергей Карелов. По его мысли, скачок сложности 5000 лет назад породил в Египте и Месопотамии морализующих Больших богов, определивших, что есть добро и что есть зло. Нынешний скачок сложности породил риски, с которыми не справиться без искусственного интеллекта и жесткого контроля, Больших богов должен заменить Большой брат: «На чем построена китайская система?.. Суть её в том, что там применяется принцип идеальной тюрьмы. То есть за людьми не наблюдают каждую секунду, но люди считают, что за ними могут в любой момент наблюдать, и они не знают, наблюдают за ними или нет. А это меняет их поведение. Главная же цель любой религии – поменять поведение… В принципе, не так много надо, чтобы произвести нечто подобное, но на новом эволюционном уровне. Первое – нужно отказаться от презумпции приватности и конфиденциальности всем, на всех уровнях. И на уровне индивида, и на уровне государства» [25: 21, 22]. Это ли не Средневековье в его очень жестком обличьи?

Понимание этических норм даже в общении с техникой. В 1942 г., а затем в 1986 г. химик, фантаст и популяризатор Айзек Азимов сформулировал законы робототехники:

Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму законам [26].

В связи с развитием искусственного интеллекта эти законы становятся более чем актуальны.

Есть много вариантов этики трансгуманистов, но в ответ консерваторы призывают вернуться к ортодоксальному христианству и Моисеевым заповедям [27]. Вспомним их:

«1. Я, Господь, Бог твой… Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим.

2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли.<…>

3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя его напрасно.

4. <…>Шесть дней работай, и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу Богу твоему…<…>

5. Почитай отца и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле…

6. Не убивай.

7. Не прелюбодействуй.

8. Не кради.

9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

10. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего; ни раба его; ни рабыни его; ни вола его; ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20. 2–17) [18]. Не ставя под сомнение важность и огромное историческое значение этих заповедей, обратим внимание на то, что они относятся к индивидуальному человеку и его ближайшему окружению. Они являются этическими ориентирами, когда самоорганизация происходит на уровне небольшого племени.

Однако сейчас человек является гражданином государства, которое является элементом некоторой цивилизации. Ему доступна информация о происходящем на всей планете. Его локальные действия в ряде случаев могут привести к катастрофе или мировой войне. Уровень организации, самоорганизации и ответственности

стал совершенно другим. Необходимы моральные нормы, учитывающие эти новые реалии. Их надо осмысливать и формулировать.

Например, в список этических норм стоило бы включить:

ответственность перед Будущим.

Современные технологические возможности позволяют, например, на ближайшие 200 лет лишить нас возможности использовать космическое пространство. После саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 г., на котором ведущие лидеры признали ключевое значение проблем окружающей среды, по сути, ничего не было сделано, а экология превратилась в содержанку политики. И климатическое, и биологическое пространство оказались гораздо более хрупкими, чем думалось ещё недавно. Одно из объяснений парадокса Ферми и Великого молчания состоит в том, что обитатели планет, на которых возникли цивилизации, не смогли справится с рисками, связанными с таким развитием. Например, они могли создать опасные микроорганизмы, которые имеют большой инкубационный период, быстро распространяются и имеют очень высокую смертность, поэтому люди просто не успевают принять необходимых мер. По оценкам ряда специалистов из Института астрономии РАН, парадокс Ферми объясняется, если время жизни техногенной цивилизации с той поры, как она открыла радиосвязь, не превышает 1000 лет. Наша тысяча лет началась в 1900 г.;

когнитивный императив. Ответственность за сохранение знаний, умений, навыков и выбор направлений и уровня исследований.

За время реформ в России и в ряде других стран была уничтожена огромная часть информации о прошлом, деградации пространства данных и знаний соответствует быстрая смена электронных носителей информации. «Подвиг» Герострата оказался многократно превзойден… Отсутствие информационной стратегии предопределяет повторение прежних ошибок в будущем. Возможности современной науки таковы, что многие объекты следует изучать с большой осторожностью, иначе может оказаться, что их исследовать уже некому и не для чего.

Безусловно, одним из императивов должно быть золотое правило нравственности.

Не делайте другим то, что вы не желаете для себя, и поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы поступали с вами.

В 1980-е гг. были популярны рассуждения о «общечеловеческих ценностях», «мировом пути развития цивилизации»,

об обретении единства «во всемирном масштабе». В конечном итоге, подобный курс привел к вестернизации и к созданию олигархического капитализма в нашей стране. Сейчас и в мире, и в России всё чаще ставится вопрос об уничтожении смыслов, ценностей, исторической памяти уникальной самодостаточной цивилизации – мира России. И речь идет не об одобрении или критике политического режима, а, говоря словами Л.Н. Гумилёва, об уничтожении этноса. Вместе с тем именно цивилизация с её культурой и исторической судьбой является одним из главных пространств, в которых происходит самоорганизация людей. Поэтому одним из императивов может стать

сохранение и развитие императивов своей цивилизации.

Этот императив особенно важен, потому что от России мир ждет не нефти, газа и руды, а ее ответа на глобальные вызовы, её большого проекта, её пути в будущее.

Иван Тимофеевич Фролов огромное внимание уделял проблемам прекращения гонки вооружений и сокращению стратегических вооружений [7]. К сожалению, и его деятельность, и усилия нашей страны не дали принципиальных результатов. Гонка вооружений продолжается и переходит в новые сферы. Ряд стран надеется достичь политических результатов за счет своего технологического превосходства. Локальное ставится выше глобального… Американский социолог С. Хантингтон пишет о неизбежности столкновения цивилизаций, концепция Шваба просто предусматривает их уничтожение и переход к единому управлению миром. Но необходим диалог, а не столкновение цивилизаций. Отсюда может следовать такая норма:

готовность к диалогу цивилизаций. Признание права на свой тип самоорганизации в рамках каждой цивилизации.

Отсюда следует отрицание установки на экспорт революции, опора на курс эволюционного развития.

Разумеется, новые этические императивы должны осмысливаться учеными, философами, этиками, быть поняты и приняты обществом. Но путь в тысячу ли начинается с первого шага…

Здесь не надо спешить, но и терять время не стоит. Наша тысяча лет уже началась…

Литература

1. Философские беседы с академиком И.Т. Фроловым / Отв. ред. Г.Л. Белкина, ред.-сост. М.И. Фролова. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. – 352 с.

2. *Малинецкий Г.Г.* Пространство синергетики: взгляд с высоты. – М.: Либроком, 2013. – 248 с. – (Синергетика: от прошлого к будущему. №60)

3. *Хаустов Д.С.* Лекции по философии постмодерна. М.: Рипол-Классик, 2018. 288 с. (Лекции PRO)

4. *Ли К.-Ф.* Сверхдержавы искусственного интеллекта: Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 240 с.

5. *Сиренко С.Н.* Образование в Союзном государстве в цифровую эпоху: междунар. опыт и направление модернизации // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности / под ред. Г.Г. Малинецкого. М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2020. С. 200–210.

6. *Фролов И.Т.* Философия глобальных проблем: работы разных лет / отв. ред. Г.Л. Белкина, ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Ленанд, 2019. 304 с. (Из наследия И.Т. Фролова.)

7. *Фролов И.Т.* О человеке и гуманизме: работы разных лет / 2-е изд. М.: Ленанд, 2020. 560 с. (Из наследия И.Т. Фролова.)

8. *Фридман Л.* Стратегия: Война, революция, бизнес. М.: Кучково поле, 2018. 768 с.

9. *Чаудури А., Сундарам Дж.К.* Монополия на интеллектуальную собственность блокирует доступ к вакцинам // Эксперт. 2021, № 4. С.9.

10. Генсек ООН возвестил о четырех угрожающих миру «всадниках апокалипсиса». Электронный ресурс https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7582237.

11. *Weizsäker E.U., Wijkman A.* Come on! Capitalism. Short-termism, population and the destruction of the planet. A report to the Club of the Rome. N.Y.: Springer Science + Business Media LLC, 2018.

12. Институт человека: идея и реальность/ отв.ред. Г.Л. Белкина, ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Ленанд, 2018. – 348 с.

13. Мне нужно быть: памяти Сергея Павловича Курдюмова / ред. З.Е. Журавлёва. М.: Красанд, 2010. 480 с.

14. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во «Э», 2017. 208 с. (Top Business Awards.)

15. Овчинский В., Сухаренко А. Мир криминала. Преступность в период пандемии // Завтра. 2021, №9 (1419). С.3.

16. Фриман Дайсон и его исполинская сфера. Электронный ресурс https://www.mirf.ru/science/freeman-dyson-sphere.

17. *Докинз Р.* Эгоистический ген. / пер. с англ. Н.О. Фомина. М.: Corpus(АСТ), 1989. 435 с.

18. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ОАО «ЛЮКС», 2004. 349 с. (Philosophy.)

19. *Малинецкий Г.Г.* Риски, эпидемии и образ будущего // Человек. 2020, №4. С. 57–82.

20. *Малинецкий Г.Г.* Перспективы Человечества и проблема Человека / Человек в глобальном мире: риски и перспективы / отв. ред. Г.Л. Белкина, ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Канон+, 2021. С. 48–67.

21. *Schwab K, Malleret T.* COVID-19: The great reset. – Cologny/ Geneva, Forum Publishing, 2020.

22. Контуры цифровой реальности. Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / ред. В.В. Иванов, Г.Г. Малинецкий, С.Н. Сиренко. М.: Ленанд, 2018. 344 с. (Будущая Россия. №28.)

23. *Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич под науч.ред. А.И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с. (Переводные учебники ВШЭ)

24. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. 498 с. (Big Ideas.)

25. *Гурова Т., Скоробогатый П.* Большой брат как наследие Больших Богов // Эксперт. 2020, №25, с. 20–23.

26. Три закона робототехники. Электронный ресурс https://ru.wikipedia.org/wiki/Три_закона_роботехники.

27. Аверьянов В., Баранов С. Трансчеловек против человека// Изборский клуб. Русские стратегии. 2020. №6–7 (82–83). С. 6–49.

28. Сербский Николай. Объяснение десяти заповедей, данных Моисеем. Электронный ресурс https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/desjat-bozhiikh-zapovedej/.

G.G. Malinetskiy

New Reality, Biological Challenge and Frolov's Imperative

Abstract. The outstanding philosopher I.T. Frolov once placed the triad man–humanity–humanity at the center of his research. He proposed making human research the main problem of the Academy of Sciences. Analysis of the meanings, values, spiritual space of mankind made it possible to give this task a complex, systemic character, to formulate the imperative of research – from biologization to anthropologization. He was ahead of his time, his ideas were not understood and supported to the required extent. Their implementation could change the trajectory of the development of science, of the Academy, of Russia.

The revolution in computer science, in biotechnology, the collapse of the world socialist system, the experience associated with the COVID-19 pandemic force us to return to the imperative of I.T. Frolov and rethink it at a new level. The level of self-organization of people, their readiness and ability to defend their meanings and values are fundamental at the current bifurcation. The new reality requires a new morality and ethics taking into account the interests of society to a much greater extent than before. These notes are devoted to the development of Frolov's concept of human evolution in a new reality.

Keywords: I.T. Frolov, from biologization to anthropologization, new reality, man–humanity–humanity, self-organization, designing the future, synergetics, computer breakthrough, biological challenge

References

1. Filosofskie besedy s akademikom I.T. Frolovym / otv. red. G.L. Belkina, red.-sost. M.I. Frolova. – M.: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya», 2020.

2. *Malinetskiy G.G.* Prostranstvo sinergetiki: Vzglyad s vysoty. M.: Librokom, 2013.

3. *Haustov D.S.* Lekcii po filosofii postmoderna. M.: Ripol-Klassik, 2018.

4. *Lee K.-F.* AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New world order. Houghton Mifflin Harcourt, Boston New York, 2018.

5. *Sirenko S.N.* Education in the Union State in the digital age: International experience and modernization trends/ Proektirovanie budushchego. Problemy cifrovoj real'nosti/ Ed. G.G. Malinetskiy. – KIAS, 2020. P. 200–210.

6. *Frolov I.T.* Filosofiya global'nyh problem: Raboty raznyh let / Eds. G.L. Belkina, M.I. Frolova. – Lenand, 2019.

7. *Frolov I.T.* O cheloveke i gumanizme. Raboty raznyh let. Lenand, 2020.

8. *Freedman L.* Strategy: A history. Oxford University Press, 2013.

9. Chowdhury A., Sundaram J.K. Intellectual property monopolies block vaccine access: http://www.ipsnews.net/2020/12/intellectual-property-monopolies-block-vaccine-access.

10. COVID-19 aftermath comparable to post-World War II challenges, UN head says: https://tass.com/world/1203703.

11. *Weizsäker E.U., Wijkman A.* Come on! Capitalism. Short-termism, population and the destruction of the planet. A report to the Club of the Rome. N.Y.: Springer Science + Business Media LLC, 2018.

12. Institut cheloveka: Ideya i real'nost' / Eds. G.L. Belkina, M.I. Frolova. Lenand, 2018.

13. Mne nuzhno byt': Pamyati Sergeya Pavlovicha Kurdyumova/ Ed. Z.E. ZHuravlyova. – Krasand, 2010.

14. *Schwab K.* Shaping the fourth industrial revolution. Portfolio Penguin, 2018.

15. *Ovchinskiy V., Suharenko A.* Mir kriminala. Prestupnost' v period pandemii// Zavtra. 2021 , No 9(1419). P.3.

16. Freeman Dyson i ego ispolinskaya sfera: https://www.mirf.ru/science/freeman-dyson-sphere.

17. *Dawkins R.* The selfish gene. Oxford University Press, 1976.

18. *Fukuyama F.* Our posthuman future: Consequences of the biotechnology revolution. International Creative Management, 2002.

19. *Malinetskiy G.G.* Risks, Epidemics and the Image of the Future // Chelovek. 2020, No 4. P. 57–82.

20. *Malinetskiy G.G.* Perspektivy Chelovechestva i problema Cheloveka / Chelovek v global'nom mire: riski i perspektivy/ Eds. G.L. Belkina, M.I. Frolova. Kanon+, 2021. P. 48–67.

21. *Schwab K, Malleret T.* COVID-19: The great reset. Cologny / Geneva, Forum Publishing, 2020.

22. Kontury cifrovoj real'nosti. Gumanitarno-tekhnologicheskaya revolyuciya i vybor budushchego/ Eds. V.V. Ivanov, G.G. Malinetskiy, S.N. Sirenko. Lenand, 2018.

23. *Castells M.* Communication power. Oxford University Press, 2009.

24. *Harari Y.N.* Homo Deus: A brief history of tomorrow. Harvill Secker, 2015.

25. *Gurova T., Skorobogatyy P.* Bol'shoj brat kak nasledie Bol'shih Bogov // Expert. 2020, No 25. P. 20–23.

26. Three laws of robotics: https://en.wikipedia.org/wiki/Three_Laws_of_Robotics.

27. *Aver'yanov V., Baranov S.* Transchelovek protiv cheloveka// Izborskij klub. Russkie strategii. 2020. No 6–7 (82–83), No 6–49.

28. Serbskiy Nikolaj. Ob»yasnenie desyati zapovedej, dannyh Moiseem: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/desjat-bozhiikh-zapovedej//

П.М. Чумаков

Последствия и уроки коронавирусной пандемии

Аннотация. Пандемия нового вирусного заболевания COVID-19 разразилась на пороге грядущих переломных изменений, предвещающих смены моделей развития человечества. Затянувшийся глобальный системный кризис существующей экономической модели, основанной на долларе США, подходит к кульминации, вслед за которой неизбежна смена не только финансово-экономической системы, но и разделение глобальной экономики на отдельные суверенные зоны, а возможно, и замена существующих элит. Особенностью момента является отсутствие консолидированного образа будущего и согласованного движения в сторону преодоления вставших проблем. На этом фоне возникшая серьезная пандемия носит особенный характер, вызывая острые дискуссии об ее естественных источниках или авторах ее происхождения. Она также может использоваться глобальными элитными группировками для решения собственных программных задач, ставящими целью продление своего существования или выигрывания времени для подготовки к грядущим переменам. Синхронность принимаемых государствами не вполне адекватных ситуации и угрожающих мировой экономике противоэпидемических мер указывает на очевидное отсутствие позитивных идей по части финансово-экономической модели будущего мироустройства. Между тем происходящее контролируемое и обоснованное пандемией снижение жизненных стандартов и адаптация людей к меньшему потреблению по существу играет роль суррогата разрушительных мировых войн, обычно используемых для преодоления кризисов. Однако на этот раз мир может столкнуться с необходимостью более глубоких перемен, образ которых еще предстоит выстрадать ценой больших потрясений. Пандемия ознаменовала водораздел между уходящим старым миропорядком и новым, пока неизведанным мироустройством. Она обострила существующие противоречия и ускорила процессы поиска выхода из ту-

пиковой ситуации. На этом фоне медицинские проблемы и успех борьбы с заболеванием играют второстепенную роль, хотя и демонстрируют расстановку сил в области фундаментальной науки и способности государств мобилизоваться для решения задач в условиях кризиса. В этом плане стратегия России в деле преодоления последствий пандемии выглядит вполне успешной. Однако способность элит убеждать население в необходимости ограничений и принятия процедур вакцинации вызывает вопросы и указывает на отсутствие достаточного доверия населения к действиям властей. Все это должно послужить уроком для разных слоев общества, помочь выработать консолидированный образ будущего, который будет созвучен архетипу народа, отражать наши исторические ценности основанные на идеях справедливости и добра.

Ключевые слова: **пандемии, вакцины, противоэпидемические меры, биологическое оружие, глобальные проблемы, системный кризис, мироустройство, глобальная конкуренция, конспирология, экономические модели, пути развития человечества.**

С новым заболеванием COVID-19 человечество столкнулось на рубеже второго десятилетия 21-го века. Заболевание вызвано новым бета-коронавирусом SARS-CoV2, ближайший родственник которого преимущественно циркулирует в популяции летучих мышей и неспособен заражать клетки человека. SARS-CoV2 преодолел видовой барьер, стал распространяться в человеческой популяции и вызывать серьезное заболевание.

Происхождение вируса и характер вызываемого им заболевания вызывают массу вопросов, варианты ответов на которые активно обсуждаются не только в научной среде, но и в обществе. И это не удивительно, ведь на момент написания этой статьи в июле 2021 года за прошедшие полтора года в мире успело переболеть более 200 млн человек, из которых более 4 млн погибло. Ущерб для мировой экономики исчисляется уже во многих триллионах долларов США, а принятые многими странами ограничительные меры не только кардинально изменили текущий образ жизни, но и, безусловно, окажут долгосрочный эффект и повлияют на пути дальнейшего развития человечества.

История пандемий

Человечество не впервые сталкивается с пандемическими инфекциями. В древности, несмотря на существенно меньшее население, число жертв могло исчисляются миллионами. Так, в 165–180 годах н.э. занесенное в Рим возвращающимися войсками неизвестное заболевание (предположительно оспа или корь) унесло около 5 млн человек. В 541 году первая пандемия чумы (Юстинианова чума) распространилась из Китая в Египет [1] и затем охватила Европу. За 52 года она унесла более 60 млн человек. Еще более старшная пандемия чумы, «Черная смерть», в 14-м веке распространилась из Центральной Азии и за несколько лет сократила население Европы по меньшей мере на треть. Далее эпидемии чумы вспыхивали многократно, а в середине 19-го века от очередной пандемии в мире погибло не менее 12 млн человек. Черная оспа также неоднократно вызывала пандемии, особенно начиная с 15-го века, когда ею переболевало почти все население Европы. Так, в 16-м веке от оспы погибло около 50 млн человек.

Совершенствование санитарных мер и введение вакцинации привели к началу 20-го века в Европе к существенному снижению заболеваемости чумой и оспой. Однако в 1918–1920 годах мир столкнулся с ужасающей пандемией гриппа «Испанка», за три года унесшей от 40 до 50 млн жизней, в основном молодых людей. Хотя далее грипп стал возвращаться в виде менее серьезных сезонных вспышек, дважды, в 1957–1958 и 1968–1971 годах возникали пандемии, унесшие от 2 до 4 млн человек. Эти сравнительно недавние пандемии, по тяжести сопоставимые с нынешней коронавирусной, не сопровождались столь же серьезными мерами для их преодоления, и многими их очевидцами почти не запомнились.

Успехи в борьбе с инфекционными заболеваниями

Прорывные научные разработки 20-го века привели к созданию эффективных средств борьбы с инфекционными заболеваниями. Многочисленные антибактериальные средства и антибиотики практически решили проблему эпидемий, вызванных бактериями. Были разработаны и эффективные специфические

вакцины для профилактики основных вирусных заболеваний, вызывающих эпидемии, таких как полиомиелит, корь, краснуха, паротит, ветряная оспа, желтая лихорадка. Создана отдельная индустрия для разработки и производства вакцин против ежегодно меняющихся штаммов вируса гриппа. Именно благодаря успешной борьбе с инфекционными заболеваниями произошло двукратное увеличение средней продолжительности жизни.

Благодаря международным договоренностям в прошлое ушли и угрозы использования биологического оружия на основе бактерий и вирусов. Благодаря разработке комплексной антиретровирусной терапии [2] стала отступать и пандемия СПИД, когда средняя продолжительность жизни ВИЧ-инфицированных дошла до уровня незараженных [3]. Человечество вздохнуло с облегчением, считая, что инфекционные заболевания в основном ушли в прошлое.

Новые пандемические угрозы 21-го века

На таком благополучном фоне в новом веке стали появляться вспышки новых вирусных заболеваний – тяжелого острого респираторного синдрома (SARS) в 2002 году и ближневосточного респираторного синдрома (MERS) в 2012 году. Они были вызваны бета-коронавирусами, преимущественно циркулирующими в популяции летучих мышей. С летучими мышами также была связана вспышка вирусной геморрагической лихорадки Эбола в Африке в 2015 году. SARS и MERS обладали признаками потенциально пандемических инфекций. Они характеризовались тяжелым течением и высокой смертностью, способностью распространяться среди людей воздушно-капельным способом. Эти вспышки удалось вовремя локализовать, что прервало их дальнейшую эволюцию в человеческой популяции.

Тяжесть течения заболеваний SARS, MERS и Эбола у людей во многом определяется исходным хозяином инфекции. Летучие мыши обладают очень сильной врожденной противовирусной защитой представленной системой интерферона. Для ее преодоления вирус должен обладать не менее сильными механизмами инвазии. Циркулирующий в популяции летучих мышей вирус находится в равновесии со своим хозяином и не вызывает тяжелого заболевания. Противовирусная система человека значительно слабее, и если вирус летучей мыши в результате мутаций

получает возможность заражать клетки человека, он начинает почти без препятствий размножаться и может вызвать тяжелое заболевание. Но вирусы, которые недавно поменяли хозяина, (например, MERS), несмотря на тяжесть заболевания, поначалу характеризуются медленным распространением. Для увеличения индекса распространения вирус должен пройти дополнительную адаптацию, что происходит путем приобретения серии мутаций как в участках вирусного белка, взаимодействующего с рецептором, так и по всему геному, обеспечивая приспособление вируса к биосинтетическому аппарату нового хозяина. Поэтому вскоре после появления нового вируса в человеческой популяции его заразность и тяжесть заболевания могут иметь тенденцию к увеличению. Дальнейшая же эволюция вируса постепенно будет направлена на ослабление тяжести заболевания, снижение летальности, поскольку для вируса как организма смерть хозяина, на котором он паразитирует, не выгодна.

Подготовка к грядущим пандемиям

Появление новых коронавирусных заболеваний заставило ученых активизировать исследования механизмов их размножения и взаимодействия с иммунной системой человека. Наиболее широко такие исследования развернулись в США и Китае, преимущественно в лаборатории Ральфа Барика (Университет Северной Каролины) и Уханьском институте вирусологии (УИВ) доктором Чжень-Ли Ши. Изучение возможности преодоления межвидовых барьеров потребовало создания «гуманизированных» моделей мышей, в которых некоторые гены мыши были заменены на человеческие, в частности генов рецептора бета-коронавирусов и некоторых компонентов иммунной системы. Заявленными задачами были воспроизведение заболевания на мышах и последующее создание «универсальной» вакцины, способной защищать от появляющихся будущих коронавирусных инфекций. Эти исследования особенно широко развернулись в новом здании УИВ, оборудованном для работы с особо опасными патогенами. Исследования проводились в открытом режиме, и их результаты публиковались в международных научных журналах. Однако после выхода в 2015 году совместной статьи американских и китайских ученых о пандемическом потенциале коронавирусов, циркулирующих у летучих мышей [4], в этих ис-

следованиях усмотрели признаки создания новых потенциально патогенных вариантов вирусов, которые сами по себе создают угрозу пандемического распространения рукотворной болезни. В связи с этим администрация президента Обамы наложила запрет на финансирование подобных работ через систему Национальных институтов здоровья США. Тем ни менее директор Национального института аллергии и инфекционных заболеваний д-р Фаучи посчитал проведение этих исследований важными для подготовки к будущим эпидемиям, и для преодоления запрета распорядился выделить финансирование китайскому УИВ через посредничество американской неправительственной организации EcoHealth Alliance. Это привело к существенному ускорению темпов работ по выявлению наиболее потенциально опасных вариантов коронавирусов в дикой природе, а также по моделированию коронавирусной инфекции, в том числе путем создания новых модифицированных вирусных штаммов введением искусственных замен, рекомбинаций и направленной эволюции в лабораторных условиях [5–9].

Начало и дальнейшее развитие пандемии COVID-19

В декабре 2019 года в Ухане было выявлено несколько случаев странного респираторного заболевания, для которого был быстро определен вероятный возбудитель – новый бета-коронавирус. Для непосвященной в предысторию общественности само начало эпидемии и ее освещение казались необычными. Ведь тревогу начали бить и сообщать о надвигающейся страшной угрозе уже тогда, когда было выявлено всего несколько заболевших. Однако учитывая события, связанные с предыдущими вспышками коронавирусной атипичной пневмонии, описанными выше, становится понятным что опасения были оправданными, а сама вспышка – ожидаемой. Ведь еще в октябре 2019 года при спонсорстве Центра безопасности здоровья Джонса Хопкинса, Всемирного экономического форума и Фонда Била и Мелинды Гейтс были проведены учения под названием «Событие 201» [10]. Указывалось, что поскольку в последнее время участились эпидемические эпизоды, в среднем по 200 ежегодно, следующая «201 эпидемия» может обернуться катастрофой. Был нарисован сценарий, по которому незаметно, в Южной Америке,

возникает новое заболевание, вызванное коронавирусом, который от летучих мышей через промежуточного хозяина начинает распространяться среди людей. Сначала это происходит незаметно, но в какой-то момент ситуация выходит из-под контроля и мир охватывает страшная пандемия, которая при отсутствии вакцины за короткое время приводит к гибели около 65 млн человек и наносит непоправимый урон мировой экономике. Учения были устроены якобы для информирования правительств и бизнеса о надвигающейся угрозе и подготовке комплекса социальных, организационных, производственных, логистических, банковских и информационных мер, которые потребуются для преодоления хаоса и катастрофических последствий.

Таким образом, появление новой инфекции, имеющей пандемический потенциал, было ожидаемо, и поэтому особая настороженность, проявленная с самого начала локальной вспышки заболевания в Китае, была более чем оправдана. К сожалению, это не предотвратило распространения инфекции. По-видимому, как и было предсказано учениями, еще до выявления первого официально зарегистрированного случая в конце декабря 2019 года имела место серия случаев, которые прошли незамеченными.

Власти Китая оперативно ввели жесточайшие карантинные мероприятия и окружили город Ухань плотным кольцом блокады, препятствуя распространению инфекции. Несмотря на эти меры, уже к концу февраля заболевание распространилось почти на все провинции Китая. В ответ в Китае были оперативно развернуты мероприятия по тестированию и изолированию инфицированных, что позволило уже к концу марта фактически подавить вспышку заболевания. В свете последующих событий в мире это выглядит как выдающийся результат четко продуманных действий китайских властей. Возбудитель был быстро идентифицирован, а структура его генома передана во Всемирную организацию здравоохранения для последующего создания диагностических тестов и специфических вакцин.

Распространение инфекции за пределы Китая, по-видимому, произошло через Гонконг, куда из провинции Хубей приехал инфицированный человек. Далее отсюда инфекция быстро проникла во многие страны, что при отсутствии специфической вакцины означало полную утрату контроля за ее пандемическим распространением. Большинство стран приняли беспрецедентные

по масштабам ограничительные меры, введя строгие карантинные мероприятия, закрытие мест общественного пользования, ограничение транспортного сообщения и проведение массовых тестирований на инфицирование. Несмотря на это, число заболевших, требующих госпитализации, быстро превысило возможности существующих клиник, что потребовало развертывания дополнительных госпиталей, срочное их оснащение препаратами искусственной вентиляции легких (ИВЛ), подключения тысяч биомедицинских специалистов к поиску средств экстренной диагностики, специфической терапии и профилактики заболевания.

Многие черты новой инфекции оказались необычными, и понадобилось время для того, чтобы нащупать оптимальные схемы для терапии, направленные на снижение вероятности тяжелого, опасного для жизни течения заболевания. Перегруженность госпиталей в ряде стран приводила к необходимости для врачей выбирать, за жизнь каких больных им следует бороться, в ущерб менее «перспективным» больным, которых не подключали к дефицитным аппаратам ИВЛ.

К началу лета 2020 года во многих странах заболеваемость стала снижаться и возникли надежды, что пандемия скоро закончится. Однако передышка оказалась недолгой, и осенью возникла вторая волна, которая принесла еще большее число заболевших. Весной 2021 года возникла третья волна, которая проходила уже на фоне начавшейся кампании по вакцинации, а вслед за ней в середине лета в Европе началась и четвертая волна. За время пандемии вирус многократно мутировал, ускоряя его адаптацию к человеку. Такие новые варианты особенно активно возникают в организме людей с ослабленной иммунной системой. Их особенно много в странах с плохой санитарией и скученностью населения, таких как Индия. Так, индийский вариант вируса «Дельта» быстро вытеснил менее агрессивные штаммы, ускорив процесс заражения и тяжесть заболевания. Такой вирус также хуже нейтрализовался антителами перенесших заболевания людей, а также лиц, привитых созданными к тому времени вакцинами. Это подталкивает к необходимости оперативно модифицировать недавно созданные вакцины, адаптируя их под новые штаммы. Все эти события указывают на то, что человечеству теперь предстоит долго сосуществовать с новой коронавирусной инфекцией, которая займет место в ряду других сезонных вирусных заболеваний.

Версии о происхождения нового вируса

Источником инфекции с самого начала был назван рынок в городе Ухане, расположенный в непосредственной близости от УИВ. Предполагалось, что заражение произошло от летучей мыши, привезенной на рынок в качестве пищевого продукта, или от некого промежуточного хозяина, например панголинов. Однако уже с самого начала вспышки заболевания возникли подозрения, что вирус может иметь искусственное происхождение. Такая версия была крайне нервно встречена многими политическими деятелями, СМИ и многими специалистами вирусологами. Людей, высказывающих такие предположения, обвиняли в распространении конспирологических теорий, а их сообщения блокировали в социальных сетях. Хотя для непредвзятого специалиста, равно как и для любого человека, ориентирующегося на здравый смысл, вся предыстория заболевания казалась крайне подозрительной. Странным было не только то, что первый случай оказался связанным с рынком, расположенным в 500 метрах от лабораторий, в которых на протяжении ряда лет в открытом режиме проводились работы по моделированию коронавирусной инфекции человека. Такие исследования и ранее подвергались критике и вызывали опасения. Анализ материалов исследования УИВ, сопоставление структуры выделенных и сконструированных там новых коронавирусов указывали на их очень близкое сходство с возбудителем COVID-19. Кроме этого, в критических местах вирусного генома обнаружились подозрительные участки, которые не согласовались с природной эволюцией этого вируса на пути его приобретения способности заражать клетки человека. Появились косвенные указания, что первые случаи заболевания возникли в Ухане на пару месяцев ранее объявленного первого случая в декабре 2019 года. Подозрительным был случай странного заболевшего в самом УИВ, после чего, по результатам проведенного американской разведкой анализа телефонного трафика в данном подразделении УИВ, все сотрудники две недели не появлялись на работе, видимо, уйдя на изоляцию после утечки и контакта с заболевшим. В это же время в УИВ была уничтожена база данных по структуре геномов создаваемых новых вирусных штаммов, что указывало на попытку заметания следов, предотвращающую сопоставление созданных там вирусов с возбудителем новой инфекции.

Хотя сегодня мы не можем с полной достоверностью утверждать, что новый вирус является результатом опасных экспериментов, проводимых сотрудничающими учеными Китая и США, эта версия вполне правдоподобна. Но преднамеренность такого рода утечки из лаборатории кажется менее вероятной, поскольку зачем это надо было делать вблизи института, облегчая раскрытие источника? Существуют и другие, более «конспирологические» версии произошедшего. Что если под прикрытием открыто идущих исследований в УИВ в некой секретной лаборатории разрабатывались похожие вирусы с совершенно иными целями? И такой штамм мог быть потом запущен вблизи УИВ для того, чтобы обвинить Китайских ученых (или Китай как государство) в утечке, которая вызвала глобальную катастрофу. Во-первых, возникшая в Китае эпидемия могла серьезно подорвать экономику и замедлить его развитие в условиях обостряющейся глобальной конкуренции. Далее, можно было бы потребовать с Китая компенсационных выплат за причиненный вред. Такие призывы и вправду высказываются сейчас некоторыми политиками западных стран и исчисляются в триллионах американских долларов. Легко построить и другие версии, когда подобная провокация нарушает определенные балансы соотношения сил между соперничающими государствами и элитными группировками, создает выгодные условия для передела рынков, некоторых отраслей индустрии, таких как фармакологическое производство, телекоммуникации, интернет-торговля, и сокращает такие отрасли, как туризм и международное авиасообщение. Пока имеет право существовать любая из таких версий, включая даже действия многочисленных сторонников радикального сокращения населения Земли. Отметим, что построение версий, читай гипотез, – это классический инструмент научных исследований, ничего общего не имеющий с понятием «конспирология», которое стало часто использоваться как жупел в недобросовестной борьбе с политическими оппонентами.

Отметим также, что версия об естественном происхождении нового вируса также полностью не исключена, а некоторыми группами даже утверждается как основная, исходя из странной логики – раз не доказана искусственная, то будем считать, что естественная. И правда, ранее уже постулировались примеры преодоления вирусами межвидовых барьеров. Этому процессу способствуют увеличение численности населения и освоение новых территорий, когда неизбежно учащаются контакты чело-

века с диким миром животных. Так, во второй половине 20-го века возникла ВИЧ инфекция, по всей видимости, произошедшая в бассейне реки Конго при контакте людей и горилл. Последующая адаптация вируса в человеческой популяции могла привести к пандемическому распространению ВИЧ инфекции, которое продолжается и сегодня. Вспышка заболевания, вызванного вирусом Эбола, является очередным примером перехода вируса летучих мышей на людей. Имеются опасения, что одной из вероятных будущих пандемических инфекций может стать птичий или свиной грипп. Поэтому при сохранении нарастающих мировых тенденций человечеству следует серьезно готовиться к новым пандемическим вызовам.

Разработка мер противодействия пандемическим угрозам

Вспыхнувшая пандемия застала медицинские службы врасплох. Против вирусных возбудителей практически отсутствуют эффективные лекарственные средства. Поэтому заболевание лечится главным образом симптоматическими средствами. Создание профилактических вакцин требует длительных исследований и испытаний. Регуляторные регламенты и нормы при разработках и испытаниях вакцин за последние десятилетия обросли исключительно строгими требованиями, исключающими даже минимальные и гипотетические побочные эффекты от процедуры вакцинации. Поэтому на разработку новых вакцин обычно уходят годы. Бурное развитие пандемии стимулировало правительства к созданию условий для ускоренной разработки вакцин против COVID-19, когда пришлось пойти на беспрецедентные компромиссы в части сроков проведения испытаний новых вакцин. Для исследовательских институтов это открыло редкие возможности для инновационного вакцинотворчества, а для фармакологических компаний – уникальные условия для расширения рынков и извлечения прибыли. В простых же людях это породило недоверие и подозрения, что предлагаемые им вакцины недостаточно изучены и проверены на безопасность. Негативному восприятию способствовали и непродуманная агитационная кампания в СМИ, и неприкрытое стремление властей к показному первенству в деле создания собственных вакцин.

На деле, успех создания эффективных вакцин, тем более инновационных вакцин новых поколений, безусловно, зависит от качества развития фундаментальных исследований и характеризует высокий уровень биомедицинских профессионалов. В странах Запада были масштабированы и испытаны вакцины на основе РНК, аналоги которых ранее никогда не применялись. Это было сопряжено с преодолением многих нетривиальных технологических проблем, а также с высокой вероятностью нежелательных побочных эффектов созданного продукта. Тем не менее две РНК вакцины компаний Pfizer-BioNTech и Moderna оказались весьма эффективными как в отношении индукции нейтрализующих антител, так и Т-клеточного иммунного ответа. При массовом использовании эти вакцины оказались также весьма безопасными, хотя отдаленные последствия применения этой новейшей технологии остаются неизученными.

В России и некоторых странах Запада основная ставка была сделана на вакцины на основе аденовирусных векторов. Это аденовирус, из которого удалены компоненты, необходимые для его размножения, но в который вставлен один из генов коронавируса, вызывающий иммунный ответ против вируса. Данная технология разрабатывалась в течение нескольких десятилетий, и ее безопасность изучена более тщательна по сравнению с РНК вакцинами, хотя в широких масштабах такие вакцины также ранее не применялись. Векторные вакцины также показали себя крайне положительно, обеспечивая более 90% уровень защиты. На первый взгляд, странным может показаться скромный успех традиционных вакцин, создаваемых на основе инактивированного цельного вируса. Однако создание таких вакцин из ранее малоизученных вирусов как раз и требует длительных исследований, путем преодоления многих непредвиденных препятствий. Поэтому сейчас представляется очень верным решение нашей страны ориентироваться на создание вакцин на основе трех совершенно разных технологических платформ, пропустив вперед векторную вакцину «Спутник V». Как и предполагалось, эта испытанная платформа дала вакцину, которая вполне способна обеспечить создание необходимой иммунной прослойки у населения, чтобы остановить распространение инфекции. Две другие вакцины, после доработки, смогут применяться в качестве плановых сезонных вакцин для определенных групп населения.

Успех российской вакцины «Спутник V» продемонстрировал высокий уровень российской науки и способность нашей страны эффективно мобилизовать усилия для решения крупной практической задачи. Однако последующий отказ ведущих стран Запада признавать эту вакцину наряду с вакцинами, разработанными в США и Европе, высветил серьезные проблемы во взаимодействии государств в деле решения общей проблемы борьбы с глобальной угрозой.

Обилие доступного финансирования при создании вакцин позволило существенно продвинуть разработки ряда инновационных подходов к созданию вакцин. Хотя многие из них так пока и не были доведены до реального продукта, они могут оказаться востребованными при создании средств борьбы с будущими инфекциями и для иммунотерапии онкологических заболеваний.

Несмотря на успехи вакцин, пандемия продемонстрировала неготовность современной медицины во всеоружии встретить угрозу внезапного появления и стремительного распространения неизвестной вирусной инфекции. Около года после начала пандемии какие-либо средства сдерживания инфекции, практически отсутствовали. Поэтому в качестве урока на повестку дня встает задача разработки принципиально новых подходов к экстренной профилактике новых вирусных заболеваний. Такие подходы призваны быстро остановить распространение инфекции вызванной любым, даже неизвестным науке вирусом. Выигранное время можно использовать для всестороннего изучения нового возбудителя и разработки против него средств специфической защиты.

Подобный подход разрабатывался несколько десятилетий назад в СССР. Тогда для профилактики сезонного гриппа и других респираторных вирусных инфекций испытывали оральную живую полиомиелитную вакцину и несколько живых вакцин на основе непатогенных энтеровирусов [11, 12]. Такие вирусы при приеме внутрь способны заселять кишечник и вызывать в организме образование противовирусного белка интерферона, уровень которого поддерживается в течение нескольких недель. Интерферон способен предотвращать инфицирование организма любым вирусом, обеспечивая неспецифическую защиту от вирусных инфекций. Результаты проведенных тогда широкомасштабных испытаний показали снижение заболеваемости в 3–3,5 раза, что выше показателей эффективности специфических вакцин против гриппа [13]. В последние годы механизмы регулирующие

системы неспецифического противовирусного иммунитета, активно изучаются [14] и есть надежда, что будут разработаны еще более простые и долгосрочные способы повышения устойчивости организма к любой вирусной инфекции, что позволит минимизировать угрозы возникновения пандемий при появлении новых природных или рукотворных патогенных вирусов.

Коронавирусная пандемии в контексте глобального кризиса

Текущая пандемия примечательна не столько уровнем смертности и числом ее жертв, сколько реакцией на нее со стороны общества. Молниеносность и глобальная синхронность принятых ограничительных мер, без колебаний поставивших на кон экономическое благополучие всего мира, для многих были неожиданными, до сих пор остаются не понятым и вызывает многочисленные толкования. Безусловно, такие решения стали следствием уже начавшихся колоссальных перемен мироустройства, которые стремительно ускоряются на наших глазах.

Распад Советского Союза и соглашения между США и Китаем сняли барьеры для окончательной глобализации финансово-экономической системы, основанной на американском долларе. Однако после почти полного захвата потенциальных мировых рынков эта система уперлась в тупик и стремительно стала утрачивать эффективность. Отказ США от привязки доллара к золоту и практика бесконтрольной долларовой эмиссии стали предвестниками назревающего кризиса. Для преодоления финансовых проблем в конце семидесятых годов была предложена модель, при которой регулярно проводилось рефинансирование долгов под меньший процент, снизившая за тридцать лет ключевую ставку с почти 20% до нуля. На рынках регулярно надувались и лопались финансовые пузыри, а все возрастающая эмиссия долларов перекачивалась на фондовые рынки, сделав финансовые спекуляции более прибыльными по сравнению с инвестициями в реальные секторы экономики. В итоге инвестиции перестали работать и развитие глобальной экономики практически остановилось. Сейчас, на фоне невозможности рефинансирования долгов, запустился ускоряющийся процесс инфляции, которая происходит уже на глобальном уровне, в том числе и в США. Простых решений для выхода из сложившейся ситуации практически не

осталось. Мощь США, поддерживаемая ее контролем международных финансов, стремительно утрачивается. Как следующий шаг происходит подготовка к разделению глобальной финансово-экономической системы на отдельные суверенные валютные зоны, что объективно приводит к перестройке международной системы разделения труда, утрате существующих экономических связей, необходимости обустройства отдельных экономических зон, нарастанию противоречий, связанных с экономической конкуренцией. Хозяева финансовой системы понимают, что требуется кардинальная смена экономической модели, но у них отсутствуют внятные идеи, каким образом это можно сделать, чтобы трансформировать миропорядок при сохранении лидерства существующих элит. Вынашиваются проекты трансформации, примером которых является идея улучшения капитализма в сторону «инклюзивного» или ответственного капитализма и «Великого обнуления», предложенная президентом Всемирного экономического форума Клаусом Швабом [15]. Эта идея стала основным предметом обсуждения на ВЭФ-2020, хотя кажется достаточно утопической. Характерной приметой времени является отсутствие внятного образа будущего, его экономической основы, рецептов выхода из нарастающей спирали экономического и внешнеполитического кризиса. Отсюда стремление элит продлить, насколько возможно, существующую экономическую модель, чтобы выиграть время для нахождения пути выхода из создавшейся ситуации.

Преодоление кризисов в прежние времена происходило за счет больших войн, приводящих к разрушению экономик, списыванию накопившихся долгов, падению уровня жизни населения с последующим восстановительным периодом роста. Однако в ядерный век этот путь закрыт, поскольку победителей в войне не будет.

Другой способ – переход на новый технологический уклад. Сейчас такие планы связаны с форсированным (читай – насильственным) переходом к «зеленой» энергетике. При объективно существующих технологиях она экономически несостоятельна. Однако в век изощренных информационных технологий удается продавить любую, даже самую нелепую идею, чтобы убедить население в необходимости, например, сокращения выбросов углекислоты ради остановки якобы рукотворного глобального потепления. Под эту идею уже сейчас вводятся безумные ограни-

чения, а в будущем будет усиливаться международное давление к сокращению странами их производств, кардинальному снижению потребления, запрету ископаемых энергоносителей, переходу к расточительному и не менее экологически безопасному производству малоэффективных солнечных батарей и ветряных мельниц, что неизбежно приведет к падению уровня жизни, обнищанию и сокращению численности населения в беднейших странах. Такой рукотворный упадок – аналог большой войны, который может продлить на какое-то время существующий миропорядок и благополучие элит.

Но есть и третий способ – пандемия. В данном случае неважно, является она рукотворной либо природной, ловко используемой для решения собственных целей. Жесткий локдаун уже привел к колоссальным потерям экономики, приучил население к вынужденным ограничениям. Особенно пострадали такие отрасли, как авиаперевозки и международный туризм, но изменился и образ жизни очень многих людей. Сократились очные контакты и взаимодействия между людьми, многие бизнесы перешли на удаленную работу из дома, начали запустевать и умирать крупные города. Наметилась тенденция к удаленному обучению, что приведет к дальнейшей деградации массового образования и его отрыву от более качественного очного образования для представителей элит. Все это окажет долгосрочный эффект на дальнейшее развитие цивилизации, которая уже сейчас начинает принимать черты антиутопии.

Пандемия может привести и к обратному результату – к ускорению естественных процессов крушения существующего миропорядка, что будет сопровождаться окончательной утратой контроля со стороны существующих элит. При таком сценарии мир может погрузиться в длительный кризис, выходя из которого человечество сможет выработать совершенно новые, выстраданные правила существования, что обеспечит дальнейшее развитие в пока неведомом направлении. Хочется верить, что основой для возрождения будет возвращение к этическим нормам, созвучным вечным человеческим ценностям и чаяниям, основанным на духе справедливости и добра.

Литература

1. Wagner D.M., Klunk J., Harbeck M., Devault A., Waglechner N., Sahl J.W., Enk J., Birdsell D.N., Kuch M., Lumibao C., et al. 2014.

Yersinia pestis and the plague of Justinian 541–543 AD: a genomic analysis. The Lancet. Infectious diseases. 14, 319–326.

2. Atta M.G., De Seigneux S., Lucas G.M. 2019. Clinical Pharmacology in HIV Therapy. Clinical journal of the American Society of Nephrology: CJASN. 14, 435–444.

3. Sterne J.A., Hernán M.A., Ledergerber B., Tilling K., Weber R., Sendi P., Rickenbach M., Robins J.M., Egger M. 2005. Long-term effectiveness of potent antiretroviral therapy in preventing AIDS and death: a prospective cohort study. Lancet. 366, 378–384.

4. Menachery V.D., Yount B.L., Jr., Debbink K., Agnihothram S., Gralinski L.E., Plante J.A., Graham R.L., Scobey T., Ge X.Y., Donaldson E.F., et al. 2015. A SARS-like cluster of circulating bat coronaviruses shows potential for human emergence. Nat Med. 21, 1508–1513.

5. Zeng L.P., Ge X.Y., Peng C., Tai W., Jiang S., Du L., Shi Z.L. 2017. Cross-neutralization of SARS coronavirus-specific antibodies against bat SARS-like coronaviruses. Science China. Life sciences. 60, 1399–1402.

6. Yu P., Hu B., Shi Z.L., Cui J. 2019. Geographical structure of bat SARS-related coronaviruses. Infection, genetics and evolution: journal of molecular epidemiology and evolutionary genetics in infectious diseases. 69, 224–229.

7. Luo C.M., Wang N., Yang X.L., Liu H.Z., Zhang W., Li B., Hu B., Peng C., Geng Q.B., Zhu G.J., et al. 2018. Discovery of Novel Bat Coronaviruses in South China That Use the Same Receptor as Middle East Respiratory Syndrome Coronavirus. J Virol. 92.

8. Li B., Si H.R., Zhu Y., Yang X.L., Anderson D.E., Shi Z.L., Wang L.F., Zhou P. 2020. Discovery of Bat Coronaviruses through Surveillance and Probe Capture-Based Next-Generation Sequencing. mSphere. 5.

9. Cui J., Li F., Shi Z.L. 2019. Origin and evolution of pathogenic coronaviruses. Nat Rev Microbiol. 17, 181–192.

10. https://www.centerforhealthsecurity.org/event201/about.

11. Ворошилова М.К. 1970. Материалы 13-го Всесоюзного съезда эпидемиологов, микробиологов и инфекционистов (Тбилиси), P. 355.

12. Ворошилова М.К., Магазаник С.С., Чумаков П.М. 1980. Полезные вирусы человека. Актуальные вопросы эпидемиологии, микробиологии и инфекционных заболеваний Ташкент: Медицина. С. 227–229.

13. Чумаков М.П., Ворошилова М.К., Анцупова А.С., Бойко В.М., Блинова М.И., Приймяги Л.С., Родин В.И., Сейбиль В.Б., Синяк К.М., Смородинцев А.А., et al. 1992. Живые энтеровирусные вакцины для экстренной профилактики массовых респираторных заболеваний во время осенне-зимних эпидемий гриппа и острых респираторных заболеваний // Журнал микробиологии, эпидемиологии и инфекционных заболеваний. С. 37–40.

14. Netea M.G., Dominguez-Andres J., Barreiro L.B., Chavakis T., Divangahi M., Fuchs E., Joosten L.A.B., van der Meer J.W.M., Mhlanga M.M., Mulder W.J.M., et al. 2020. Defining trained immunity and its role in health and disease. Nat Rev Immunol.

15. Schwab K., Mallert T. 2020 COVID-19: The Great Reset. Forum Publishing.

P.M. Chumakov

Consequences and Lessons of the Corona Virus Pandemic

Abstract. **The pandemic of a new viral disease, COVID-19, has erupted on the verge of the forthcoming historic changes that will affect world order and alter the direction of human development. The protracted global systemic crisis of the current US dollar-based economic model is coming to a climax, followed by a change in the financial and economic model and the division of the world economy into separate sovereign zones and, possibly, the replacement of the existing elites. The peculiarity of the moment is the lack of a consolidated image of the future and coordinated efforts to overcome global problems. Under the circumstances, the severe pandemic has a particular character, causing heated discussions about its natural sources or the authors of its origin. International elite groups can also use it to solve their major tasks to extend their existence or trading time to prepare for future changes. Despite their threatening to the world economy, the synchronous and not entirely adequate measures taken by different states testify to the apparent lack of positive ideas about the fore coming financial and economic model. Meanwhile, the ongoing decline in living standards, controlled and justified by the pandemic, and the adaptation of people to less consumption, essentially**

play the role of a surrogate for destructive wars, usually used to overcome crises. However, now the world may face the need for even more significant changes, the image of which has yet to be shaped by the severe shocks. The pandemic marked the dividing line between the outgoing and the new, as yet vague world orders. It exacerbated existing contradictions and accelerated the search for a way out of the impasse. Against this background, medical problems and the success of the fight against the disease play a secondary role. However, they demonstrate the balance of power in basic science and the ability of states to mobilize to solve problems in a crisis. In this regard, Russia's strategy to overcome the consequences of the pandemic looks quite successful. However, the ability of elites to convince the population of the need for restrictions and acceptance of vaccination raises questions. It suggests a lack of sufficient public approval of the actions taken by the authorities. All this should serve as a lesson for different strata of society, help develop a consolidated image of the future that will be consonant with the archetype of the people, reflect our historical values based on the ideas of justice and goodness.

Keywords: pandemics, vaccines, anti-epidemic measures, biological weapons, global problems, systemic crisis, world order, global competition, conspiracy theories, economic models, ways of human development

А.В. Бузгалин

Креативная революция трансформирует человека, рынок и отношения собственности[23]

Аннотация. Автор дает характеристику качественных изменений, происходящих в настоящее время в общественном производстве, указывая на то, что основой их становятся креативная революция, переход к доминированию творческой деятельности. Показывается, что творчество есть процесс субъект-субъектных отношений, в результате которого создаются неограниченные общественные блага. Вследствие этих изменений возникают глубокие противоречия в развитии рынка, отношениях собственности, ценностях и мотивации человека. Все большую роль в накоплении капитала начинает играть не прибыль, а интеллектуальная рента, возникают новые формы подчинения труда капиталу и феномен эксплуатации капиталом мировой культуры. Креативная революция создает условия, в которых возникает субъект, сопоставимый по своей созидательной (и разрушительной) мощи с капиталом. Это человек творческий, но и для него в пространстве тотального рынка и гегемонии капитала характерны глубокие противоречия, раскрываемые автором статьи.

Ключевые слова: Креативная революция, рынок, собственность, капитал, марксизм

Этот текст будет посвящен проблеме трансформаций Человека (автор не случайно пишет это слово с большой буквы) в условиях качественных изменений в технологиях и обществе, которые происходят в современную эпоху. Данный текст имеет своим предметом меньший исторический горизонт, чем исследования, рассматривающие переход от существующего в настоящего время мира социально-экономического отчуждения к качественно новому общественному состоянию, которому разные интерпретации – «царство свободы» [1, с. 386–387], информаци-

[23] В основу статьи положен доклад на объединенном Международном конгрессе СПЭК-ПНО-2020 «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм».

онное общество [2], постиндустриальное общество [3] или иные и базируется на понимании человека как творца истории и культуры (с одной стороны) и персонифицированного ансамбля всех общественных отношений» (К. Маркс) – с другой. Это понимание человека восходит к работам И.Т. Фролова [4] и Э.В. Ильенкова [5]. Эту характеристику непременно следует дополнить еще и тем, что в пространстве всех существовавших до настоящего времени обществ, равно как и в обществе современном человек, был и остается функцией отношений отчуждения. В этом противоречии (*человек творец истории и культуры – человек «раб» отношений отчуждения*) ключ ко всему тому, что будет сказано ниже.

Поставленный выше вопрос – о переживаемом в настоящее время качественном скачке – обсуждается давно, хотя и недостаточно активно. Но, несколько сужая временной горизонт, сегодня я буду говорить о том, что изменения в реальных экономических отношениях современного позднего капитализма [6, 7] – отношениях, которые называют рынком, и отношениях, которые называют капиталом, – происходят под влиянием креативной революции.

Сначала несколько слов о самой этой революции. Подчеркну: на мой взгляд, ключевое изменение происходит в содержании труда. Этот процесс носит, с одной стороны, по видимости, постепенный характер, но с другой стороны, это – качественный скачок. Позволю себе привести образ-аналогию – лесное озеро. В России, вы знаете, бывает холодно, и озера замерзают, весной постепенно превращаются в замечательное пространство с чистой водой, но превращаются постепенно. Сначала среди льда появляются лужи, затем среди воды остается очень много льдин, но в конечном итоге, происходит качественный скачок: H_2O из твердого состояния переходит в жидкое. Вот точно так же происходят революции в социально-экономических отношениях. Качественное изменение есть, и одно из них – это качественное изменение в содержании труда: начиная с конца XX – начала XXI в. все большее число людей (а в ближайшей перспективе – большинство) может стать креатором и посвятить основную свою деятельность творческим функциям, став педагогом, медиком, программистом, инженером, художником и т.п. Материальная база для этого создана. Когда-то считали, что эта материальная база будет создана к 1980 г.: была такая программа КПСС, были

научно-фантастические книги и научные прогнозы, которые утверждали, что к концу XX в. на дорогах не останется водителей, так как они будут полностью автоматизированы, в кафе не будет ни одного официанта, магазины вообще исчезнут, потому что люди будут получать достаточное количество благ и проблемы в новой кофточке или здоровой еде исчезнут сами собой. Но реальность оказалось иной. Прогресс идет гораздо медленнее. И причина этому – тот самый рынок и тот самый капитал, о которых я хочу сейчас поразмышлять. Но сначала – о некоторых принципиальных изменениях в труде.

Творческая деятельность становится массовой. И это не только ученые, это не только программисты, это не только инженеры, те, о ком мы привыкли говорить. Это огромный слой работников здравоохранения в широком смысле слова. Начиная от того, кто приходит к тебе и помогает в тяжелом состоянии в больнице, мне довелось сталкиваться с этими людьми, и от их творческого, человеческого отношения к тебе здоровье зависит не меньше, чем от профессионального врача, и заканчивая гениальным хирургом или гениальным диагностом. Это широчайший круг педагогов, которые работают с тобой всю жизнь и работают с каждым – «образование для всех и через всю жизнь» (не забудем так же, что образование – это единство воспитания, просвещения и обучения; могу адресовать к последним работам Натальи Яковлевой [8, 9]. Это погружение в эстетическую среду, где каждый включен в художественное творчество хотя бы как человек, способный распредметить музыку, картину, произведение искусства в любой его форме. Это огромный пласт работы для каждого, которая занимает всю жизнь и все время, ибо для творческого человека нет границы между свободным и рабочим временем. Самые интересные мысли мне приходят в голову в консерватории или в бассейне. Я отдыхаю или я работаю в этом пространстве-времени? Свободным становится время личностного развития, включая творческую деятельность, а рабочим становится то время, когда ты занят репродуктивной, рутинной деятельностью. Это качественное изменение.

Еще одно качественное изменение связано с тем, что творческая деятельность делает феномены культуры из феноменов культуры. Материальное производство выступает как посредник, как предпосылка, но не как главное пространство и не как

главный фактор развития (об этом в последние годы пишет С.Д. Бодрунов [10, 4, 11].

Еще один тезис, который так же хорошо известен, – что творчество является субъект-субъектным диалогом. В нем нет субъекта и объекта. Нет ситуации, где один начальник, другой – дурак (замечу в скобках: в наших реалиях даже в университетах ситуация «я начальник, ты – дурак» срабатывает очень часто, но это исключение, или, точнее, извращение творческого процесса). Творчество – это пространство, где мы соревнуемся, кто больше подарит другому. Любая конференция, конгресс – это соревнование, «кто больше подарит знаний», кто представит самый аргументированный доклад. Тот, кто дарит больше всех, лучше всех, интереснее всех, тот выигрывает соревнование. Это нечто противоположное рыночной конкуренции.

Далее. Творчество создает результат, который по своей природе, по своему содержанию не ограничен. Все, что сказано творцом, может быть использовано каждым жителем планеты Земля, если... если мы не вводим режим интеллектуальной собственности. Это потенциальное движение от частной собственности к собственности каждого на все [12], или к отсутствию собственности, о чем говорится в работах профессора Бодрунова [13]. Такое творчество создает новую экономику, создает новую реальность, но пока оно осуществляется в условиях господства рынка и капитала, причем особого типа. И здесь генерируется огромное количество новых противоречий.

Противоречие № 1 связано с тем, что рынок становится тотальным и выходит за пределы производства, обмена, распределения и потребления. Рынку подчиняются те сферы, которые, в принципе, должны лежать в пространстве сотворчества. Вся социальная сфера – образование, искусство, наука и так далее. Сфера межличностного общения – семья, отношения дружбы, любовь и т.д. Рынку становится тесно в экономике, и он паразитирует и, более того, подчиняет себе неэкономическую сферу. И с этим связаны противоречия, потому что он вторгается туда, где он подрывает самые основы жизнедеятельности. Как только, скажем, врач начинает ориентироваться на коммерческий результат в узком смысле слова, как только он попадает под власть капитала, который имманентно ориентирован на прибыль, мы оказываемся в пространстве, где врач работает на деньги. Знаете главный лозунг платной медицины? Главное, чтобы пациент не умер, но

и не вылечился. И это лишь отчасти шутка. То же самое касается других пространств творческой деятельности.

И здесь начинается глубокое, фундаментальное противоречие, которое в марксизме раньше называли противоречием производительных сил и производственных отношений: содержание труда, с одной стороны, и социально-экономические отношения, с другой стороны: рынок, особенно современный тотальный рынок, ограничивает и тормозит, ограничивает и деформирует творчество, подчиняя его отчужденным целям и трансформируя мотивацию его актора. Из этого не следует, что с сегодня на завтра следует рынок запретить, но из этого следует, что его вытеснение и создание отношений, адекватных для прогресса сотворчества, есть императив современности.

Второе противоречие состоит в том, что рынок сам по себе генерирует высокий уровень концентрации производства и капитала (эта связка давно известна, но от этого не перестающая быть очень-очень значимой). Более того, в сфере производства креативных результатов наблюдается удивительная закономерность: чем четче специфицированы права частной собственности, то есть чем лучше работают институты рынка, тем меньше возможностей для конкуренции. Если вы абсолютно жестко каждую технологию запатентуете и превратите в частную собственность данного актора навсегда, то конкуренция будет невозможна. Если сегодня некто X придумает вакцину от коронавируса и запатентует технологию ее производства, превратив ее в свою интеллектуальную частную собственность, и этот патент будет бессрочным, то человечество никогда не сможет использовать лекарство от коронавируса без позволения того, кому принадлежит патент. Никакой конкуренции. Можно создать другое, но если придумано эффективное, то это создать уже нельзя.

Паллиативы находятся. Патенты выдаются на несколько лет, но это паллиативы. Мы входим в противоречие творческой деятельности и частной собственности, противоречие спецификации частной собственности и конкуренции. Рынок начинает отрицать сам себя и создавать сам себе проблемы.

Третье противоречие современного рынка – подрыв обособленности, независимости, экономической свободы производителей вследствие развития манипулирования. Мы все превращаемся в марионеток, которые подвешены на ниточках корпоративного манипулирования. Об этом писал уже Джон

Кеннет Гэлбрейт [14]. Чем сильнее корпорация, тем мощнее ее манипулятивное воздействие, тем меньше экономической свободы и частной собственности у акторов, вступающих с ней во взаимодействие. Это реалии сегодняшнего дня. Напомню, что информационную сферу в настоящее время контролирует «банда пятерых» (старшее поколение помнит, как когда-то китайское руководство в свое время критиковало «банду четырех», сегодня одна из студенток МГУ ввела понятие «банда пятерых»). Пять крупнейших корпораций контролируют сегодня IT сферу. В 2020 году общая капитализация Apple, Microsoft, Amazon, Alphabet и Facebook превысила ВВП большинства стран «Большой двадцатки» (G20) за 2019 год [15].

Продолжим. Важнейший компонент сегодняшней экономики – это трансформация в новое качество homo economicus – человека экономического. Человек творческий по своей природе ориентирован на другую логику действий. Для него труд является потребностью. Кстати, о коммунистической утопии: когда приводятся слова о коммунизме как пространстве, в котором распределение осуществляется «по потребностям», то у реципиента невольно возникает ассоциация с сегодняшним homo economicus, утилитарные потребности которого бесконечны: каждый хочет иметь бесконечное количество максимально дорогих костюмов, дворцов, автомобилей… Это, естественно, невозможно. Но предпосылкой торжества «царства свободы», и об этом писали все теоретики коммунизма, начиная от Маркса, является превращение труда в потребность вследствие развития творческого содержания деятельности. По Марксу – всеобщего труда. Но если труд – потребность, то человеку просто не интересно тратить силы и время на то, чтобы купить дворец и потом думать о том, как его содержать… Человеку интересно быть, а не иметь [16]. Работать. Совершать поступки. Творить. В этом пространстве-времени главная проблема распределения по потребностям – это проблема распределения труда. Доступа к интересной, творческой деятельности. По поводу чего конкурируют профессора в общественном университете, если они работают фулл-таймерами с пожизненным контрактом? Главный объект их конкуренции – у кого будет больше студентов, больше курсов (при той же зарплате). Они конкурируют за возможность больше и интересней работать. Больше дарить свои знания и талант студентам, человечеству.

Рынок вступает в противоречие с этой системой. В реальных условиях позднего капитализма каждый homo creator находится в двойственном, противоречивом положении, раздвоен. С одной стороны, каждый из творцов есть актор рынка и как таковой он хочет как можно больше денег. С другой стороны, он хочет интересно работать, главная его потребность – в труде, творческой деятельности, самореализации, общественном признании. Если ты художник, это противоречие становится особенно мучительным. Я хочу писать стихи («Я помню чудное мгновенье…»). Но если ты хочешь зарабатывать на жизнь и иметь приличный доход, ты должен пойти в рекламную фирму, и кто-то эти строки превратит в рекламный слоган, что-то вроде: «Я помню чудное мгновенье, купите мыло "Очищенье"»…

Не меньшие изменения происходят и с капиталом. Капитал стремится купить креативного работника, причем купить уже не его рабочую силу, не способность к труду, а купить его «бессмертную душу». Купить его творческий потенциал. Заключить с ним долгосрочный контракт с тем, чтобы все, что он создал, принадлежало капиталу. Интеллектуальная частная собственность – это в большинстве случаев собственность на произведение не творца. Это собственность капитала в той или другой его форме. И даже если небольшие творческие коллективы развивают стартапы, их новации очень быстро скупает или «банда пятерых», или кто-то еще из крупных корпораций. То же самое происходит в искусстве. Художник продает вдохновенье (свою «бессмертную душу») и получает за это большие деньги. Так возникает новая форма подчинения труда (и человека) капиталу – своего рода «крепостничество XXI века» – нечто наподобие крепостных художников или крепостных актеров в России XVIII–XIX вв.[24]

Еще одно противоречие: капитал начинает эксплуатировать уже не просто работника, пусть даже креативного, он эксплуатирует мировую культуру. Когда на коробке конфет появляется Моцарт, или в рекламе звучит музыка Бетховена, или строчки из Толстого, капитал присваивает себе мировую культуру. Он подчиняет ее себе и использует в своих целях. Точно так же капитал эксплуатирует бесплатное образование, присваивая себе его результаты, и т.п.

Еще один феномен – интеллектуальная рента. Сегодня главный источник богатства крупных, креативных корпораций, в том

[24] Подробнее об этом см. [17].

числе вот этой «пятерки», это интеллектуальная рента. Не прибавочная стоимость, не прибыль, а рента. Рента – это всегда паразитический доход, мы это знаем из истории феодализма, против чего, собственно, боролся капитализм и рынок.

Ну и наконец, последнее: креативная революция создает условия, в которых возникает субъект, сопоставимый по своей созидательной (и разрушительной) мощи с капиталом. Это человек творческий, способный создать культурные феномены, эффект (влияние на развитие технологий, человеческих качеств, социальный прогресс) которых будет превосходить эффект функционирования корпоративных капиталов. Но и для него в пространстве тотального рынка и гегемонии капитала характерны глубокие противоречия, на которые было указано выше.

Мы входим в реальность, в которой рынок и капитал, по большому счету, становятся излишни и вредны, но это реальность, в которой рынок и капитал господствуют, это реальность, которая из хомо креатора делает крепостного, из рынка – систему манипулирования людьми, а из нас – тех, кто дергается на ниточках капитала и рынка, да еще и с бюрократией сверху. Вот такая не очень оптимистичная картина, но с надеждой на будущий скачок в «царство свободы».

Литература

1. *Маркс К.* Капитал. Т. III / *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. М.: ИПЛ, 1962. С. 386–387.

2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.

4. *Фролов И.Т.* Избр. труды. М., 2002–2003, т. 1–3.

5. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М., 2013.

6. *Бузгалин А.В.* Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. №2. С. 10–38.

7. *Бузгалин А.В.* Реальные противоречия (не)реального капитализма (Рецензия на книгу: Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мировой

экономики и России. М.: Экономика, 2016) // Вопросы политической экономии. 2016. №3. С. 146–150.

8. *Яковлева Н.Г.* Социальные последствия финансиализации образования // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 104–114.

9. *Яковлева Н.Г.* Образование в России: общественное благо или коммерческая услуга? // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 149–153.

10. *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / 2-е изд. , исправл. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 328 с.

11. *Бодрунов С.Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: Москва, 2020. 224 с.

12. *Межуев В.М.* Социализм – пространство культуры / Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. С. 113–164.

13. *Бодрунов С.Д.* Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики // Экономическое возрождение России. 2020. №2. С. 4–14.

14. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 900 с.

15. Стоимость пяти IT-гигантов США – $7 трлн. Больше, чем ВВП 16 стран G20. РБК, 26 августа 2020 г. URL: https://quote.rbc.ru/news/article/5f4363819a79479d6cdb08a1 (дата обращения: 3.02.2021).

16. *Фромм Э.* Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990. 384 с.

17. *Булавка-Бузгалина Л.А.* Не продается вдохновенье? // Вопросы философии. 2021. № 1.

A.V. Buzgalin

Creative Revolution Transforms Man, Market and Property Relations

Abstract. **The author describes the qualitative changes currently taking place in social production indicating that their basis is the creative revolution, the transition to the dominance of creative activity. The article shows creativity is a process of subjects' subject, as a result of which unlimited public goods are created. So deep contradictions arise in the market development,**

property relations, values and the human motivation. Intellectual rents, instead of profit, begins to play an increasing role in capital accumulation, new forms of subordination of labor to capital and the phenomenon of exploitation by capital of world culture arise. The creative revolution creates the conditions in which the subject comparable in its creative (and destructive) power with capital, arises. This is a creative person but for him deep contradictions in the space of the total market and the capital hegemony, revealed by the author of the article, are typical.

Keywords: Creative revolution, market, property, capital, Marxism

В.И. Данилов-Данильян

Ответ экосистем на антропогенные вызовы[25]

Аннотация. **Реакция экосистемы на воздействия рассматривается в аспекте сохранения её устойчивости к ним. Выделяются три уровня устойчивости в зависимости от реакции экосистемы на воздействие: на первом происходит лишь настройка параметров экосистемы, на втором инициируется сукцессионный процесс, а на третьем необходим эволюционный отклик экосистемы. С позиций развитых в статье представлений об устойчивости экосистем, в том числе глобальной экосистемы – биосферы, показана несостоятельность предположений о коэволюции цивилизации и биосферы и о возможности глобальной биотической регуляции окружающей среды.**

Ключевые слова: **экосистема, биосфера, возмущение, устойчивость, сукцессия, эволюция, гомеостаз, принцип Ле Шателье, коэволюция, биотическая регуляция**

Достижения современной науки вызывают восторг и ужас одновременно. «В одном флаконе» соединяются наше восхищение новыми возможностями и опасения, как бы их использование не привело к печальным результатам.

Научно-технический прогресс убеждает: если поставить конкретную техническую цель, то её достижение – вопрос времени, «дайте только срок». Но остаются два вопроса. Первый: что это за цель? Второй, который всегда особенно интересует экологов: каковы будут отдалённые последствия достижения цели? Они могут быть противоположными тем, что предполагались инициатором соответствующей деятельности.

Каковы отдалённые и косвенные последствия тех воздействий на природу, которые постоянно производит человек? Эти воздействия обеспечивают материальную базу существования человека, но они же определяют глобальный экологический вызов. Отдельные его аспекты всем известны: глобальная клима-

[25] Работа выполнена в рамках Государственного задания ФГБУН Института водных проблем РАН (тема № 0147–2019–0004, государственная регистрация № АААА-А19–119040990079–3).

тическая проблема, сокращение биоразнообразия, химическое отравление планеты, прежде всего почвы, растущее опустынивание, обезлесение, расширяющаяся утрата водными ресурсами свойства воспроизводимости…

Наиболее уязвимая, наиболее важная для нас часть природы – *биота*, совокупность живых организмов на планете. Ни один организм, ни один биологический вид не существует сам по себе, а только в сообществе других организмов, других биологических видов – в *биоценозе*. А живая природа – это, прежде всего, система подобных сообществ. Конечно, выделение биоценоза из совокупности всех организмов не должно быть случайным или произвольным. Карл Мёбиус, немецкий биолог, который ввёл это понятие в 1877 г. [1], подчёркивал, что для биоценоза – сообщества организмов, населяющих определённую территорию (или акваторию водного объекта), ключевую роль играют их взаимоотношения, взаимосвязи, т.е., если использовать современную терминологию, он представляет собой систему. И, конечно, он должен обладать определённой *устойчивостью*, а не быть эфемерным образованием.

Важный шаг к пониманию «устройства» системы жизни на Земле сделал английский ботаник Артур Тенсли: в 1935 г. он ввёл понятие *экосистема* [2]. По современным представлениям, экосистема включает биоценоз, *биотоп*, т.е. часть пространства с географическими границами, где он обитает, и *систему связей* – во-первых, между организмами и, во-вторых, между биоценозом и биотопом. Когда говорят об этих связях, обычно имеют в виду потоки вещества и энергии, но редко вспоминают о потоках информации. На самом деле всякая передача вещества или энергии одновременно является информационным сигналом. Экосистема – это ещё и информационная система.

Участок земной поверхности, ограниченный естественными барьерами (например, реками и водоразделами) и покрытый достаточно однородным лесом, конечно, экосистема. Но и отдельное дерево со всем его «населением» и участком поверхности, на который проецируется его крона, – тоже экосистема. Таких экосистем в лесу столько же, сколько в нём деревьев. Уже только один этот пример подсказывает: множество экосистем имеет иерархическую структуру, по отношению к экосистемам отдельных деревьев лес – включающая их все экосистема следующего, более высокого уровня иерархии. Биосфера – экосистема

наивысшего, верхнего уровня, глобальная экосистема, включающая все экосистемы, содержащая всю земную биоту в её взаимодействии с абиотической окружающей средой – атмосферой, гидросферой и литосферой.

Главное свойство экосистемы – устойчивое воспроизводство себя самой в условиях непостоянной, изменчивой внешней (а также и внутренней!) среды. Проблема ответа экосистем на антропогенные вызовы, прежде всего, касается сохранения этого свойства. Активная часть экосистемы – биоценоз – отличается от пассивной – биотопа – подвижностью (имеются в виду, конечно, все виды движения, отнюдь не только механическое), реактивностью («отзывчивостью»), чувствительностью. Совсем не однозначно обстоит дело с устойчивостью биоценоза. С одной стороны, его чувствительность – причина уязвимости, следовательно, неустойчивости. С другой стороны, подвижность и реактивность обеспечивают его способность к адаптации, т.е. потенциал устойчивости. Когда человек каким-либо образом воздействует на экосистему, это всегда бывает воздействием и на биоценоз, и на биотоп, и на систему связей, и на устойчивость.

В соответствии с современным общенаучным пониманием *устойчивость* означает способность системы сохранять свои жизненно важные свойства (некий сущностный *инвариант*), несмотря на оказываемые на неё воздействия, возвращаться в равновесное (нормальное) состояние несмотря на испытываемые *возмущения*. Конечно, речь должна идти не о всех мыслимых (и немыслимых) возмущениях, а лишь об их более-менее конструктивно описанном классе. При изучении устойчивости природных систем (особенно живых) нередко самой трудной задачей оказывается выявление свойств, принимаемых за жизненно важные, того инварианта, который при любых предполагаемых возмущениях должен быть сохранён. В случае технических систем такая проблема не возникает, поскольку цель создания каждой из них определена и однозначно детерминирует сущностный инвариант.

Если полагать, что жизненно важные свойства (или состояние равновесия) полностью задаются набором параметров, для каждого из которых известен (или, как минимум, предполагается существующим) интервал допустимых значений, то приведённое описание понятия *устойчивость* равносильно дефиниции *гомеостаза* по Кеннону [3]. Эта дефиниция была воспринята и

стала одной из ключевых в кибернетике [4]. Определённое сходство с таким представлением об устойчивости усматривают в принципе Ле Шателье [5], первоначально сформулированном в статистической механике: если система, находящаяся в состоянии динамического равновесия, испытывает внешнее воздействие, то в ней возникают процессы, направленные на уменьшение воздействия.

Принципы гомеостаза и Ле Шателье позволяют вполне адекватно характеризовать реакцию на возмущение, обеспечивающую устойчивость, в случае систем, для которых удаётся получить достаточно полное количественное описание. Например, таких, где равновесие определяется каким-либо одним аспектом: тепловым, электрическим, химическим, механическим… А если всеми четырьмя вместе, да ещё и большим числом неназванных? Именно так обстоит дело в случае живых систем. К тому же по каждому аспекту соответствующий параметр имеет свой допуск, но значения границ таких допусков, определяющих пределы устойчивости, как выясняется, взаимозависимы. При подобных свойствах изучаемых систем эти принципы могут служить не более чем поставщиками иллюстраций: систем-аналогов, причём весьма упрощённых.

Для анализа отклика экосистем на возмущения необходимо напомнить несколько определений из экологии [6]. Биоценоз характеризуется количеством и составом имеющихся в нём видов (*видовым богатством*) и *встречаемостью* организмов различных видов. Наиболее часто встречающийся вид – *доминантный* – обычно даёт название биоценозу и экосистеме (берёзовая роща, сосновый бор, ковыльная степь, тростниковые плавни, сфагновое болото и т.д.). Иногда (например, в ряде луговых и водных экосистем) доминантных видов может быть несколько. Состояние устойчивого равновесия экосистемы (длящееся на порядки дольше продолжительности жизни самых долгоживущих её организмов) называется *климаксовым*. Именно доминантный вид (или доминантные виды, если их несколько) господствует в экосистеме, находящейся в климаксовом состоянии. По степени встречаемости за ним следуют виды: *субдоминантные*, *малочисленные*, *редкие* и, наконец, *случайные*. Последние не являются органичным элементом биоценоза, попадают в экосистему извне и, вообще говоря, не приживаются в ней.

Воздействия разной силы вызывают существенно различные реакции экосистем, обеспечивающие возврат к их равновесному состоянию. В зависимости именно от типа реакции предлагается различать три уровня воздействий и соответственно три уровня устойчивости экосистем [7].

Если воздействие не выводит экосистему из климаксового состояния, его правомерно называть *ординарным* для данной экосистемы. В естественных условиях экосистемы постоянно испытывают подобные воздействия. Например, изменчивы погодные условия: вариабельность от года к году таких характеристик, как среднегодовая температура, количество солнечных дней в году, общее за год количество осадков и т.п., значительна даже для местностей с морским климатом, тем более – с континентальным. Однако подобные колебания проявляются только ординарными воздействиями, приводящими не к сокращению видового богатства, а лишь к незначительным вариациям встречаемости организмов различных видов. При этом изменяется, нередко в широких пределах, такая характеристика экосистем, как биопродуктивность (объём биомассы, производимой биотой экосистемы – микроорганизмами, растениями, грибами и животными) – естественно, она выше средней в благоприятные по погодным условиям годы и ниже, в экстремальных случаях – существенно, в неблагоприятные. Но структура экосистемы – состав её биоценоза, базовые свойства её биотопа и система связей (в том числе пищевые цепи) – при ординарных воздействиях является инвариантом. Доминантный вид (или доминантные виды, если их несколько) сохраняется, это и означает, что, несмотря на воздействие, экосистема осталась в климаксовом состоянии.

Устойчивость экосистемы относительно ординарных изменений – это только *первый уровень* её устойчивости.

Воздействие, которое выводит экосистему из климаксового состояния, но не разрушает её, будем называть *экстраординарным*. Что значит: система не разрушена? Это значит, что она сохраняет потенциал для восстановления, обеспечивающий её возвращение в исходное, т.е. климаксовое, состояние. Процесс восстановления называется *вторичной сукцессией*. (*Первичная сукцессия* – это процесс формирования новой экосистемы на участке суши или водном объекте, вовсе не заселённом либо занятом необратимо деградирующей экосистемой.) Сукцессия представляет собой последовательность фаз, каждая из которых имеет свою,

характерную именно для неё структуру, заведомо отличную от климаксовой фазы.

Такие структуры различаются между собой наборами доминантных видов (теперь эта роль достаётся видам, которые в климаксовом сообществе были субдоминантными, малочисленными, а то и редкими); на каждой стадии восстановительной сукцессии свойственные именно ей доминантные виды создают среду, наиболее благоприятную не для самих себя, а для сообщества следующей стадии. Завершается вторичная сукцессия восстановлением (а первичная – формированием) климаксового состояния, демонстрируя тем самым, что экосистема обладает устойчивостью *второго уровня* – свойством реагировать на значительные (экстраординарные) внешние воздействия возвращением к исходному состоянию после серии структурных изменений.

Сплошные рубки или сильные лесные пожары (так называемые устойчивые верховые) – примеры экстраординарных воздействий, почти полностью уничтожающих доминантное сообщество; после них обычно начинается и по истечении многих лет (до 400–500) благополучно завершается климаксовым состоянием восстановительная сукцессия. В бореальных лесах (т.е. в таёжной зоне) климаксовое сообщество составляют хвойные виды (ель, сосна или лиственница), а на предшествующей стадии сукцессии доминируют обязательно лиственные – обычно берёза или осина. При этом на климаксовой стадии в ельнике, лиственничнике или сосновом бору встретить берёзу или осину – случай достаточно редкий. Климаксные доминантные сообщества равнинных лугов образуются различными злаками, а на предшествующих фазах сукцессии – растениями, обычно причисляемыми к сорнякам: одуванчиком, лопухом, конским щавелём, чертополохом и т.п., именно они создают нарушенные воздействием условия, нужные для образования злаковой дернины. На девственном лугу найти одуванчик трудно, но стоит весной немного поковырять землю лопатой (т.е. нарушить климаксовое сообщество), как через месяц на этом месте появятся одуванчики – сукцессионный вид.

На первом уровне устойчивости при любых ординарных воздействиях экосистема сохраняет своё климаксовое состояние. На втором уровне устойчивости она, отклонившись от этого состояния на некоторое время из-за экстраординарного воз-

действия, всё же остаётся тождественной самой себе благодаря способности изменять состояние в процессе восстановительной сукцессии. Эти изменения не произвольны, они запрограммированы в «геноме» экосистемы – сложнейшей информационной структуре, включающей геномы всех видов, которые составляют соответствующий биоценоз. Разные восстановительные сукцессии одной и той же экосистемы (в различные периоды её существования), конечно, протекают несколько по-разному, в зависимости от «повреждений», нанесённых экстраординарным воздействием, и абиотических условий.

Геном конкретного биологического вида содержит информацию не только о строении организма, функциях его органов и т.п., но и о событиях в окружающей среде и реакциях организма на них. Совокупность геномов всех видов биоценоза определяет реакции экосистемы на события во внешней среде и её изменения. События, информация о которых отсутствуют в «геноме» экосистемы, с большой вероятностью могут оказаться разрушительными для неё. Восстановительный потенциал экосистемы, её способность сохраняться при экстраординарных воздействия полностью определяется видовым разнообразием биоценоза. Поэтому так важно для конкретной экосистемы сохранение видового разнообразия её биоценоза, а для биосферы (глобальной экосистемы) – сохранение биоразнообразия всей земной биоты.

Взгляд «со стороны» экосистемы на исходящие из внешней среды воздействия при анализе устойчивости второго уровня приводит к понятию экстраординарных воздействий (подобно тому как для первого уровня устойчивости – ординарных). Подход со стороны «производителя» воздействий приводит к понятию *несущей ёмкости* экосистемы: это предельное возмущение, превышение которого приводит к утрате экосистемой способности к восстановительной сукцессии, к деградации и гибели, при этом – в лучшем случае – на биотопе исчезающей экосистемы начинается процесс первичной сукцессии, приводящий к возникновению другой экосистемы, почти наверняка более бедной видовым разнообразием и продуктивностью.

Однако воздействия могут быть столь сильными, что восстановительный потенциал системы окажется недостаточным для воспроизводства всей последовательности сукцессионных стадий с климаксовым завершением. Причина таких воздействий – изменения абиотической среды, инвазия (вселение чужеродного

вида) или интродукция (антропогенное загрязнение экосистемы чужеродным видом). Если в биотопе дубовой рощи повышается уровень грунтовых вод почти до поверхности, то роща обречена, она будет вытеснена другой экосистемой, например ольшаником. И, наоборот, если в биотопе, занятом ольшаником, уровень грунтовых вод понизится до 3 м, ольху чёрную заместит другой вид, например дуб черешчатый. Общеизвестный теперь пример интродуцированного вида – борщевик Сосновского: результатом неграмотных и неаккуратно проведённых экспериментов стала крайне неприятная, угрожающая тенденция замены луговин зарослями борщевика в средней полосе России, а иногда и в более южных районах.

В подобных случаях внешнее воздействие оказывается разрушающим экосистему, и на её месте формируется другая, отличная от прежней, но не принципиально новая, а подобная уже существующим в условиях каких-то других биотопов. Здесь речь должна идти об устойчивости не самих таких – замещаемых – экосистем, а объемлющей их экосистемы более высокого уровня, в том числе и глобальной экосистемы – биосферы. Для устойчивости объемлющей экосистемы необходимо, чтобы она обладала «запасом» экосистем, благодаря которому становится возможной замена одних, не способных сохраниться при изменении условий, другими, для которых эти новые условия приемлемы. Иными словами, необходимо разнообразие уже не только видов (которое обеспечивает сукцессионные процессы), а экосистем – высшая форма биологического разнообразия. Очевидно, что разнообразие экосистем невозможно без богатого разнообразия видов.

Но вернёмся к устойчивости экосистемы вне зависимости от места, которое она занимает в экосистемной иерархии. Третий уровень устойчивости определяется способностью экосистем к эволюции, т.е. формированию принципиально новых экосистем путём постепенной трансформации существующих. Эволюция – процесс непрерывный, но неравномерный во времени, длительные периоды медленных изменений чередуются с эпохами быстрых перестроек. Классический дарвинизм исходил из того, что эволюция – это реакция биологических видов на изменения внешней среды, адаптация к ним. Однако дело обстоит гораздо сложнее, импульсы эволюции многочисленны и разнообразны, а её тренд – рост негэнтропии системы жизни.

Подобно тому как ни один биологический вид не существует вне (или независимо от) биоценоза, он и не эволюционирует сам по себе, независимо от других видов, входящих в тот же биоценоз. Закрепляющиеся изменения любого биологического вида всегда согласованы, скоординированы, синхронизированы с изменениями других, взаимодействующих с ним видов. Такая согласованность изменений, взаимоприспособляемость называется *коэволюцией*. Эволюция экосистемы – это коэволюция биологических видов, составляющих её биоценоз.

Современной биологии известно огромное количество примеров коэволюции видов. Большинство из них получены палеонтологией, некоторые – логическим выводом из наблюдённых современных данных. Приведём только один, но очень выразительный пример. На Мадагаскаре в начале прошлого века было обнаружено травянистое растение семейства лилейных с крупными сложно устроенными цветами, нектар в которых расположен очень «глубоко», так что взять его может только насекомое (предположительно бабочка) с очень длинным хоботком, и лишь при взятии нектара возможно опыление цветка. Энтомологи потратили десятилетия на поиски такого насекомого, но найти его не удавалось. И только в конце прошлого века, когда были изобретены видеокамеры (да ещё с тепловизором), удалось наблюдать в записи неизвестную ночную бабочку из семейства бражников, прилетевшую за нектаром этого растения и опылившую его цветы. Очевидно, что именно коэволюция растения и насекомого могла привести к появлению такой «пары» биологических видов.

Итак, в зависимости от реакции экосистемы на возмущения (воздействия на неё) можно выделить три уровня устойчивости. На первом уровне, при ординарных воздействиях, экосистема реагирует, если пользоваться кибернетической терминологией, подстройкой параметров, т.е. чисто количественными изменениями. На экстраординарные воздействия – второй уровень – она отвечает процессом сукцессии, т.е. последовательностью структурных изменений, приводящих к восстановлению исходной структуры. Наконец, долговременные изменения внешней среды и иные факторы обусловливают эволюцию экосистемы, т.е. её радикальную трансформацию, приводящую к формированию нового устойчивого биоценоза на изменившемся биотопе с новой системой связей в самом биоценозе и между ним и биотопом – это третий уровень устойчивости.

Даже беглый обзор аспектов устойчивости экосистем показывает, как велик потенциал её обеспечения у живой природы. В соответствии с кибернетической концепцией У.Р. Эшби [4], обусловливаемую генетически запрограммированными процессами способность экосистем воспроизводить жизнь при очень широком спектре сильных возмущений следует называть *ультрастабильностью*. Этот потенциал несопоставим с соответствующими возможностями технических систем, устойчивость которых практически почти не выходит за пределы первого уровня. Вместе с тем технические системы, как это ни парадоксально, при всей своей примитивности оказывают на экосистемы не только ординарные, но и экстраординарные, и всё чаще разрушительные воздействия. Уже в прошлом веке повсеместно наблюдались случаи угнетения и гибели экосистем в результате антропогенных возмущений. Цивилизация воздействует на экосистемы всех типов и всех иерархических уровней организации биосферы. Технические возможности современного человека вполне достаточны для того, чтобы разрушить биосферу, причём для этого существуют различные и к тому же вполне сочетаемые способы. Понимание этого вместе с неготовностью человека контролировать и ограничивать свои действия ради предотвращения катастрофического развития событий определяют *глобальную экологическую проблему*, как И.Т. Фролов указывал ещё в 1970-е годы (см. [8]).

Несоразмерность технической мощи цивилизации и тех границ, в которых должны оставаться воздействия на биосферу, при которых она способна сохранять устойчивость, обеспечивать воспроизводство жизни, в третьем десятилетии XXI века не вызывает сомнений. Эта несоразмерность нередко трактуется как превосходство техносферы над природой и по поводу глобальной экологической проблемы порождает *технологический оптимизм* – веру в то, что научно-технический прогресс вполне способен эту проблему решить. Конечно, конфликт человека и природы зашёл так далеко, что его разрешение без научно-технического прогресса немыслимо, но как направить его в экологическое русло? И.Т. Фролов подчёркивал необходимость гуманизации науки и техники, которая, очевидно, предполагает гуманизацию общественного сознания, социальных систем. Без этого научно-технический прогресс по преимуществу останется поставщиком орудий разрушения природы.

На другом краю поля представлений о путях решения глобальной экологической проблемы находится переоценка возможностей природы справиться с антропогенными вызовами. Н.Н. Моисеев развивал концепцию, согласно которой происходит *коэволюция природы и общества*, т.е. в процессе своего развития цивилизация и биосфера взаимоприспосабливаются, изменения в одной из двух частей такой суперсистемы вызывают адаптационные изменения в другой части [9]. В результате такого согласованного развития устойчивость суперсистемы и обеих её частей сохраняется. Некоторые отдельные эволюционные изменения под влиянием антропогенных воздействий и в самом деле можно обнаружить в природе [10], и это очень интересные феномены, но их масштабы столь малы, что говорить о коэволюции природы и общества они не дают никаких оснований. Скорости био- и техноэволюции различаются (в пользу второй) на несколько порядков, а механизмы первой таковы, что её ускорение не представляется возможным (во всяком случае, в историческое время), в то время как научно-технический прогресс весьма заметно ускоряется, так что и без того огромный разрыв растёт [11].

Переоценка возможностей биосферы в другом аспекте, а именно регулятивном – особенность концепции *биотической регуляции* окружающей среды (БРОС), разработанной В.Г. Горшковым [12]. Эта концепция утверждает, что биота в очень широких масштабах регулирует состояние окружающей среды, биосферы, и «стратегия» биоты состоит не в адаптации к происходящим изменениям, а в активном воздействии на среду для создания и поддержания условий, пригодных, более того, оптимальных для существования, воспроизводства экосистем. Их регулирующие реакции направлены против отклонений от экологического равновесия, на возврат окружающей среды в её устойчивое состояние. Стабилизирующий отбор при этом направлен на сохранение тех видов и экосистем, которые в наибольшей степени способны выполнять такую функцию. Концепция БРОС основана на убеждении, что принципы гомеостаза и Ле Шателье с высокой точностью выполняются для экосистем и биосферы в целом.

Нетрудно найти примеры, когда экосистемы при изменении внешних условий, возмущениях разного рода ведут себя примерно в соответствии с принципом Ле Шателье. Например, у растений при повышении концентрации CO_2 в атмосфере активизи-

руется процесс фотосинтеза, увеличивается поглощение этого газа и тем самым уменьшается его концентрация, т.е. происходит возвращение к исходному состоянию. Однако наличие таких примеров не даёт оснований для общих заключений: во-первых, применительно к биосфере в целом; во-вторых, для достаточно широкого набора типов воздействий (среди них есть и неведомые природе, например производимые выбросами синтетических токсикантов, не встречающихся в естественной среде). К сожалению, концепция БРОС, очень привлекательная для экологов, остаётся неподтверждённой. Она построена на аналогиях, экстраполяциях и предположениях (иногда выдаваемых за аксиомы), справедливость или хотя бы правдоподобие которых за четверть века не удалось подкрепить научными аргументами. Более того, выясняется, что на одно и тоже воздействие разные экосистемы реагируют в противоположных направлениях. Например, потепление климата у одних лесных экосистем вызывает увеличение поглощения углекислого газа и депонирования углерода, а у других – наоборот. То же самое и с эмиссией метана. Как можно говорить о подчинении системы принципу Ле Шателье, если разные её подсистемы реагируют на возмущающие воздействия противоположным образом?

Надежда на очень высокую авторегулятивную способность биосферы и соответственно ожидания того, что при её ультрастабильности антропогенные возмущения будут компенсированы механизмами экосистемной устойчивости первого и второго уровней, конечно, иллюзия. Современные антропогенные возмущения выходят далеко за пределы, в которых размещаются удовлетворяющие этим надеждам ординарные и экстраординарные воздействия. Разрушающих локальные экосистемы воздействий так много и они так значительны (их масштаб измеряется, естественно, размером разрушаемой экосистемы), что в совокупности ими определяется глобальное возмущение, требующее от биосферы отклика уже на третьем уровне устойчивости, т.е. эволюционного процесса, приводящего к новой биосфере с новым экологическим равновесием, на поиск которого и направлен эволюционный процесс. К совокупности разрушительных воздействий добавляются и такие, объектом которых является биосфера в целом, общеизвестный пример – выбросы парниковых газов, имеющие следствием рост их концентрации в атмосфере, увеличение парникового эффекта и вклад в глобальное потепление.

Эволюционный процесс, о котором идёт речь, – отнюдь не коэволюция биосферы и цивилизации. Антропогенное возмущение привело к резким изменениям в биосфере – как абиотических условий, так и самой биоты (сокращение биоразнообразия – это непоправимый урон). Биосфера оказалась выведенной из состояния равновесия, наступил *экологический кризис* – нарастающее ухудшение глобальной окружающей среды. Поиск нового равновесия существенно обеднённой биотой – это не коэволюция, не взаимоприспособление, никакой взаимности здесь нет. Если поиск будет продолжаться в условиях превышающего допустимые пределы воздействия на биосферу, то кризисное развитие приведёт к необратимым изменениям самих механизмов поддержания устойчивости живой природы – *биосферной катастрофе*, и на вопрос: что останется от земной биоты? – внятный ответ неведом. Нормализация антропогенного воздействия на биосферу – необходимое условие её выживания, успешного завершения процесса поиска нового экологического равновесия, пусть даже с неизбежными большими потерями.

Литература

1. *Möbius, K.* Die Auster und die Austernwirtschaft. Berlin: Verlag von Wiegandt, Hemple & Parey, 1877. S. 150.

2. *Tansley, A.G.* The use and abuse of vegetational terms and concepts. Ecology. 1935. No. 16 (3). P. 284–307.

3. *Cannon, W.B.* The wisdom of the body. London: W.W. Norton & Company, inc., 1932. – P. 315.

4. *Эшби У.Р.* Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения. М.: Мир, 1964. 412 с.

5. *Базаров И.П.* Термодинамика. М.: Высшая школа, 1991. 133 с.

6. *Одум Ю.* Экология: в 2 т. М.: Мир, 1986. 328 с., 376 с.

7. *Данилов-Данильян В.И.* Об устойчивости экосистем // Экосистемы: экология и динамика. 2018. Т. 2, № 1. С. 5–12.

8. *Фролов И.Т.* Философия глобальных проблем: работы разных лет / отв. ред. Г.Л. Белкина, ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Ленанд, 2019. – 304 с.

9. *Моисеев Н.Н.* Коэволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза // Экология и жизнь. 1997. № 2–3. С. 3–11.

10. *Большаков В.Н., Моисеенко Т.И.* Антропогенная эволюция животных: факты и интерпретация // Экология. 2009. №5. С. 323–332.
11. *Данилов-Данильян В.И.* Возможна ли «коэволюция природы и общества»? // Вопросы философии. 1998. №8. С. 15–25.
12. *Горшков В.Г.* Физические и биологические основы устойчивости жизни. М.: ВИНИТИ, 1995. 472 с.

V.I. Danilov-Danilyan

The Ecosystem's Response to Anthropogenic Impacts

Abstract. The ecosystem's response to impacts is considered in the aspect of preserving its resistance to them. Three levels of stability are distinguished depending on the ecosystem's response to the impact: at the first, only the ecosystem parameters are adjusted, at the second, a succession process is initiated, and at the third, an evolutionary response of the ecosystem is necessary. From the standpoint of the ideas developed in the article about the stability of ecosystems, including the global ecosystem – the biosphere, the inconsistency of the assumptions about the coevolution of civilization and the biosphere and the possibility of global biotic regulation of the environment is shown.

Keywords: ecosystem, biosphere, disturbance, stability, succession, evolution, homeostasis, Le Chatelier principle, coevolution, biotic regulation

А.А. Гусейнов

Человек и его ответственность перед будущим (Об одном тезисе академика И.Т. Фролова)[26]

Аннотация. **В статье рассматриваются различные перспективы ответственного поведения перед лицом будущего в зависимости от различного понимания последнего. За исходный пункт рассмотрения проблемы взято положение академика И.Т. Фролова о том, что для создания людей более умных, мы сами должны быть умнее и выше тех, кого мы хотим создать. Проводится различие между внешним (объективированным) подходом ко времени и его внутренним (субъективистским) восприятием. Оно соотнесено с различным отношением к будущему, одно из которых видит в нем продолжение настоящего, а другое рассматривает как открытое, ничем не ограниченное пространство для творчества. Рассмотрена нравственная мудрость, нацеливающая на то, чтобы жить так, как если бы каждый день был последним, и мысль Толстого о том, что людям не дано знать будущее. Показано, что идеализированное отношение к будущему реализуется в моральной установке, согласно которому зло не может быть аргументировано и обосновано благом будущего.**

Ключевые слова: **будущее, время, идеал, прогресс, мораль, Л.Н. Толстой, И.Т. Фролов**

Великий физик XIX века Герман Гельмгольц, создавший науку физиологической оптики и сконструировавший офтальмоскоп, сказал о человеческом глазе, что если бы кто-нибудь предложил оптический аппарат с такими же дефектами, то его с несомненностью следовало бы отвергнуть. Это высказывание неслучайно стало крылатым: оно выразило убеждение всей ново-европейской цивилизации, согласно которому благодаря силе знаний и технологической мощи можно усовершенствовать природу и подчинить ее человеческим целям. Вера во всесилие научно-технического прогресса, которая неуклонно подтверждалась

[26] Выступление на XX Фроловских чтениях в Институте философии РАН (ноябрь, 2020 г.).

невероятными успехами во всех областях жизни, достигла к настоящему времени качественно нового уровня – она дошла до практических намерений и усилий, направленных на изменение самой природы, в частности природы человека. Речь идет уже не просто о том, чтобы познать законы природы и опираться на них в своей практической деятельности, а о том, чтобы задать самой природе другие законы, чтобы, выражаясь фигурально, дойти до замысла самого творения, до первичных скрытых механизмов человеческого существования[27]. Идеал, который заключался в том, чтобы осуществлять свои желания и действовать со знанием дела, трансформируется в некое новое состояние, когда мы заранее кодируем те знания, которые желали бы иметь. Тем самым принципиально меняется соотношение между идеалом и реальностью, когда не идеал определяется (ограничивается, сдерживается, стимулируется и т.д.) реальностью, зависит от неё, а, напротив, сама первичная реальность зависит от идеала (его разумности, добротности, красоты). Соответственно меняется соотношение морального, целевого и познавательного, технического аспектов человеческой деятельности.

Выражая эту принципиально новую ситуацию в развитии общества, предвидя не только заложенные в ней огромные возможности, но и сопряженные с ней колоссальные опасности, академик И.Т. Фролов сформулировал тезис: «Чтобы создать человека более умного чем мы, мы уже должны быть умнее, чем тот, кого мы хотим создать, в том числе – обладать более высокой моралью» [6, 21]. Это по-философски объемное и парадок-

---

[27] Вот как говорит об этом *академик В.А.* Лекторский: «Сегодня есть немало людей (в том числе вполне серьезных, включая ученых и философов), считающих, что идея бессмертия может быть реализована с помощью информационных технологий на базе искусственного интеллекта. В настоящее время есть два варианта реализации идеи бессмертия: 1) нанороботы будут постоянно «чинить» человеческий организм; 2) некий аппарат каждый раз будет снимать информационную копию с поступков конкретного человека, с его переживаний, мыслей, записывать все, что с ним творилось на протяжении жизни. А потом все это перенесут на другой носитель – биологический, а лучше всего цифровой, то есть психическая жизнь конкретного человека сохранится, но он будет жить уже не в своем теле, а в другом, и это тело может вечно существовать, так как его можно будет постоянно «чинить». Но это будет уже постчеловек. Смысл жизни человечества, считают некоторые ученые и философы, – создать постчеловека. В связи с этим развивается идея о возможности управлять процессом эволюции. Этот процесс перестанет быть естественным, станет искусственным. Человек с помощью NBIC-технологий сам будет создавать то, что природа не могла создать, или сможет повторить природу» [4, 159–160].

сальное утверждение нуждается во всестороннем осмыслении. Не претендуя на такую всесторонность, мне бы в рамках данного размышления хотелось подчеркнуть следующее: в нем перспективы нового этапа научно-технологического развития прямо увязаны с направляющим их моральным идеалом общества. По сути дела, речь идет о двояком взгляде на будущее, которое связано с различием между объективным временем и его субъективным человеческим освоением.

В первом случае время фиксируется как хронология и описывается через последовательность событий в мире, при этом сами события воспринимаются только как внешние опорные точки для абстрагирования времени, а сами по себе в их материальном (эмпирическом) содержании в расчет не принимаются. В этом аспекте объективного (физического) времени будущее есть то, что будет происходить после того времени, от которого ведется отсчет и которое считается настоящим; соответственно прошлым является то, что происходило до этого времени. Здесь будущее отделено от прошлого границей настоящего, само же настоящее есть не что иное, как эта граница. Настоящее выступает как исчезающий миг, условная точка, предназначенная только для того, чтобы отделить прошлое от будущего.

Во втором случае речь идет о внутреннем отношении к собственной жизни как событию во времени, растянувшемуся на всю глубину, которую способен уместить его разум. Субъективное время является содержательным, оно сфокусировано на реальной жизни во времени. Здесь будущее – не просто то, что происходит после, как и прошлое не то, что было до того времени, которое отделяет «до» от «после» и именуется настоящим. Здесь эти категории содержательны и варьируются в зависимости от реальной жизни социальных субъектов (отдельных людей или их организованно действующих объединений). Субъект «совершает свои действия так, как будто время не уходит в прошлое и не приходит из будущего, – как будто время есть нечто застывшее» [3, 464]. В социальном будущем (как, впрочем, и в социальном прошлом) решающим является то, что оно благодаря сознанию субъекта включено в его реальную жизнь, становится его настоящим.

Наши привычные представления о человеческой жизни, когда ее события располагаются на шкале времени и одни из них относятся к прошлому, другие – к будущему, третьи – к настоящему, являются результатом объективированного подхода ко

времени, условного взгляда на него со стороны. Но если взглянуть на это изнутри, так, как если бы сам субъект воспринимал время своей жизни, то трехзвенная шкала исчезает и остается одна сплошная линия настоящего. Например, если взять взрослого человека, то в рамках объективированного взгляда его детство считается прошлым, его старость – будущим, а взрослость – настоящим. Иное дело – внутреннее восприятие жизни самим взрослым человеком: он непосредственно заключает в себе свое детство в своих привычках и воспоминаниях, и он же несет в себе свою старость внутренней тревогой, страхами и заботами. И детство, и старость являются его настоящим, реальными моментами его текущей жизни. Также обстоит дело и в случае социума, объективированная хронология которого не совпадает с его субъективным хронотопом; к примеру, Александр Невский хронологически живший в 13-м веке, в общественном сознании современной России остается вполне актуальной фигурой, более актуальной, чем некоторые современники, иначе, как бы он в результате проведенного некоторое время назад опроса стал символическим лицом России. Словом, настоящее растянуто на всю конкретную длительность духовной жизни того или иного субъекта, втягивая в себя все формирующие ее события – и те, что случились раньше, и те, что с высокой вероятностью могут произойти позже. Что касается прошлого и будущего как объективированных аспектов времени, которые располагаются по разные стороны настоящего и которые в одном случае (прошлое) уже не существуют, в другом (будущее) – еще не существуют, то они остаются для него (неизвестными) территориями – подлинными выходами в бесконечность длительности. Действительного прошлого, которое осталось позади, не став настоящим, (не трансформировалось в память), мы не знаем, оно подлежит открытию, реконструкции. Тем более мы не знаем будущего, оно как реальность вообще не существует и его еще подлежит создать.

О будущем в рамках человеческого социального опыта можно говорить в двух существенно различных смыслах. Во-первых, как об обозримой пролонгации времени жизни самого субъекта, получающей выражение в его целях, планах, проектах, стратегических расчетах. В таком понимании будущее входит в настоящее в качестве его предела – предела вполне возможного, обозримого, просчитываемого, деятельно осваиваемого. Оно и поддается освоению в пределах научно-рационального мышления.

Здесь будущее понимается как область более или менее реально возможного.

Во-вторых, будущее как выход субъекта за свои эмпирически ограниченные рамки, как преодоление (отрицание) настоящего в некоем мысленно постулированном совершенном состоянии. Оно получает выражение и реализуется в форме идеала. В такой оптике будущее оказывается резервуаром для неограниченного творчества, как если бы река времени несла нас навстречу вечности.

Отношение человека к своему существованию как бытию во времени – важная веха в его историческом самосознании. При этом ориентированность в социальном времени может иметь разную (в том числе крайне низкую, почти отсутствующую в примитивных обществах) степень выраженности и разную направленность. Вектор целенаправленных общественных усилий не всегда и не обязательно обращен в будущее; можно сослаться на древние представления об оставшемся позади «золотом веке», на консервативный традиционализм общественной жизни. Лингвистами даже зафиксирован один древний язык (индейский язык аймара), в котором будущее описывается как то, что сзади индивида, а прошлое – то, что впереди, что выражается и в жестах: «Аймара при разговоре о будущем указывают пальцами назад, а при разговоре о прошлом – вперед» [28] [2, 313].

Направленность общественного сознания и практики на будущее – это особый случай, характерный для современной в частности и в особенности европейской цивилизации Нового времени, которая возникает и развивается под знаком прогресса. Здесь «после» и «лучше» сливаются воедино. В контексте прогрессивно ориентированного динамизма общественной жизни более выпукло обнажилось двоякое понимание будущего – одно из которых видит в будущем продолжение настоящего, а другое рассматривает его как возможность творчества нового. Это воплотилось в разных мировоззренческих платформах по отношению к капитализму как к универсальной экономической формации. Речь шла о том, является ли капитализм последним словом истории, неисчерпаемо способным к эволюции на собственной основе, или он неприемлем именно в своих основаниях и подлежит преодолению (в той или иной форме), ибо подлинное, достойное человека идеальное будущее лежит за ним.

[28] Здесь, как замечает автор, возможно, сказались культурные соображения, согласно которым будущее неизвестно и подкрадывается незаметно сзади.

Идеальное будущее имело, как правило, характер утопических проектов. Их в самом общем виде можно разделить на религиозные, философские, социально-исторические: типичными формами таких проектов в первом случае являются представления о последнем суде и потусторонней райской жизни, во втором – различные завершенные царства мысли, в третьем – коммунистические образы общественной жизни. Название самого раннего из коммунистических проектов Нового времени – «Утопия» Томаса Мора – стало понятием, характеризующим идеальное социальное будущее. Поскольку человеческий индивид в качестве разумного существа обладает свободой, в какой бы мере он ею ни обладал, но именно в той конкретной мере, в которой ею обладает, он руководствуется в поведении принципом, считающим для себя наилучшим, абсолютным – он возводит идеал в долг. Именно это и есть то, что делает мораль: она возводит идеал в долг, в закон жизни. Возвести идеал в долг означает развернуть свое существование в сторону идеального будущего – не того будущего, которое является расширением и продолжением настоящего, одним из этапов на длинном бесконечном пути, а таким будущим, которое представляет собой нечто законченное, завершенное, уже не нуждающееся ни в каком будущем. Можно сказать так: моральный взгляд на будущее выражается в том, что на него надо смотреть как на настоящее, как если бы оно являлось целью самого живого действующего индивида.

Существует нравственная мудрость, которая повторяется многократно и в разных духовных традициях: человек должен проживать каждый день так, как если бы это был последний день своей жизни, и он должен совершать каждый свой поступок так, как если бы он был последним поступком жизни. Эта мудрость, в частности, то и означает, что надо жить без оглядки на будущее, что ценность нравственного поступка и его награда заключаются в нем самом и в этом смысле нравственный поступок является абсолютным. Нравственность дружит с вечностью, она выражает то начало в человеке, благодаря которому он осознает свое существование не как временное бытие, а как бытие времени. Сенеке принадлежит высказывание, что ничто не принадлежит нам, одно только время наше. Отсюда – ценность и абсолютность каждого мгновения. Кто ценит мгновение, только тот распоряжается своим, тем, что единственно принадлежит ему самому: ведь прошлого уже нет, будущего еще нет, а есть только мгновение по-

ступка. Жить так, словно твой день, твой поступок являются последними, и жить так, словно ты хочешь жить вечно, – в философском смысле значит одно и то же. Логическую обоснованность такого вывода описал еще Аристотель: «Что время или вообще не существует, или едва [существует], будучи чем-то неясным, можно предположить на основе следующего. Одна его часть была, и ее уже нет, другая – будет, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый [промежуток] времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию» [1, 145]. Отсюда следует, что мгновение текущей жизни (то, что моралисты именуют последним поступком), аристотелевское «теперь», границу (соединительное звено) обеих частей времени, можно осмыслить как само время в его целостности, чему если что-то вообще соответствует в жизни субъекта, то это только абсолютность, или, что одно и то же, единственность того, что он в данное мгновение делает.

Совсем неслучайно именно философы, которые сводили нравственность к индивидуально ответственной жизненной позиции, выступали против того, чтобы апеллировать к будущему, взывать к нему, возводить в этический аргумент. В этом отношении показательна позиция Л.Н. Толстого. В статье «О значении русской революции» он, подвергнув сомнению саму возможность знания будущего, пишет: «Мало того, что людям не дано знать, в какую форму сложится в будущем жизнь общества; людям бывает нехорошо от того, что они думают, что могут знать это. Нехорошо потому, что ничто так не препятствует правильному течению жизни людей, как это именно мнимое знание о том, какой должна быть будущая жизнь людей» [5, 352–353]. Знание о будущем тем извращает жизнь, что смещает нравственную энергию личности на внешние причины вместо того, чтобы сосредоточиться на собственной доброй воле. Кроме того, оно это мнимое знание о будущем, которое никогда, по самому определению, не может быть знанием в точном смысле слова, эта апелляция к будущему как к аргументы и оправданию своих действий, по мнению Толстого, по совершенно справедливому и обоснованному его мнению, является одним из самых коварных и лживых аргументов, коррумпирующих нравственные и интеллектуальные принципы, оправдывающих такие его действия, которые сами по себе ни нравственно, ни логически оправданы быть не могут.

Таким образом, тезис академика Фролова, согласно которому опыты по совершенствованию природы человека, созданию более умных людей предполагают, чтобы те люди (ученые прежде всего), которые ставят перед собой такие задачи, сами в моральном отношении были выше и лучше тех, кого они в результате этих опытов хотят создать, этот тезис в одном из своих прочтений может быть истолкован следующим образом: зло не может быть аргументировано и оправдано будущим благом.

Литература

1. *Аристотель*. Физика. //Аристотель. Соч.: в 4 т. Т.3. М.: Мысль, 1983.

2. *Бородай С.Ю.* Язык и познание. Введение в пострелятивизм. М.: Садра, ЯСК, 2020.

3. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006.

4. *Лекторский В.А.* Цифровизация жизни как глобальный антропологический вызов // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб.: СПб.ГУП, 2019.

5. *Толстой Л.Н.* О значении русской революции. // Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Гослитиздат, 1953.

6. *Фролов И.Т.* Человек будущего: идеал и реальность // Раздумья о будущем. М.: Политиздат, 1987.

A.A. Guseinov

Man and His Responsibility to the Future (about one thesis of academician I.T. Frolov)

Abstract. The article considers various perspectives of responsible behavior in the face of the future, depending on the different understanding of the latter. The starting point for the consideration of the problem is the position of academician I.T. Frolov that in order to create more intelligent people, we ourselves must be smarter and higher than those whom we want to create. A distinction is made between the external (objectified) approach to time and its internal (subjectivistic)

perception. It is correlated with various attitudes to the future, one of which sees it as a continuation of the present, and the other considers it as an open, unlimited space for creativity. The article considers the moral wisdom aimed at living as if every day was the last, and Tolstoy's idea that people are not given to know the future. It is shown that the idealized attitude to the future is realized in the moral attitude, according to which evil cannot be reasoned and justified by the good of the future.

Keywords: future, time, the ideal, progress, moral, L.N. Tolstoy, I.T. Frolov

Го Лишуан, Ван Цзялян (Китай)

Путь современного человека от рабства к свободе: идеи нового гуманизма И.Т. Фролова[29]

Аннотация. Философскую концепцию «нового гуманизма» И.Т. Фролова можно рассматривать как новое развитие теории отчуждения Маркса. Вместе с тем, эта концепция является наивысшим уровнем развития гуманизма в Советском Союзе в XX веке и оказала большое и глубокое влияние на СССР, а также в определённой степени на изменение мироустройства в целом. В настоящее время эта теория по-прежнему имеет большое практическое значение. Для изучения идей И.Т. Фролова в Китае имеет большое значение книга профессора Ань Циняня «Иван Тимофеевич Фролов и новое осевое время». В данной статье авторы объединяют историю и реальность с целью анализа плюсов и минусов нового гуманизма, а также значение его уроков с точки зрения пути современных людей от рабства к свободе.

Ключевые слова: новый гуманизм, абстрактный гуманизм, новое мышление основные ценности

Парадокс, присущий развитию современной цивилизации, заключается в том, что, хотя человечество развило огромную материальную и духовную цивилизацию, оно также вызвало общее отчуждение современных людей. Человечность постепенно исчезает, и люди всё более порабощаются своими собственными творениями. Столкнувшись с проблемой отчуждения, Маркс подверг критике кризис современной цивилизации. Его теория отчуждения резко разоблачила парадоксальную форму труда в условиях капиталистической системы: вместо освобождения человека труд его закабаляет. Идеи нового гуманизма И.Т. Фролова – это новое развитие теории отчуждения Маркса.

Основные ценности и идеология среднего и позднего периода существования Советского Союза постепенно двигались в

[29] Данная статья является этапом в реализации проекта Государственного фонда общественных наук «Исследование марксизма в России XXI века» (20 & ZD011) и исследования в области философии и общественных наук Шанхая «Исследование новейших проблем марксизма в России в XXI веке» (2020BZX011).

сторону жёсткой догмы, которая серьёзно задушила идеологическое пространство и свободу творчества, которыми должна была быть наполнена общественная жизнь, и поставила людей в состояние рабства у жесткой идеологии. Как можно было изменить тогдашнюю советскую политику и разрешить системные проблемы развития страны? Как было пройти путь от рабства к свободе? Это стало темой той эпохи. Новый гуманизм И.Т. Фролова – наиболее представительная попытка дать ответы на поставленные вопросы на основе приверженности марксизму.

1. Критика отчуждения марксизма Советским Союзом и критика порабощения

Что такое настоящий марксизм? Почему диалектический материализм и исторический материализм, отстаиваемые Советским Союзом, привели к отчуждению марксизма? Этот вопрос важен для понимания развития гуманизма в Советском Союзе в XX веке. Новый гуманизм, представленный И.Т. Фроловым, достиг наивысшего уровня в развитии этого идейного течения.

Советская марксистская философия подчеркивала объективную необходимость классовой борьбы, чтобы доказать закономерность Октябрьской революции и советского социализма. Как пишет профессор Ань Цинянь, «создание этой системы в Советском Союзе имеет, глубокую и обширную социальную и историческую основу»[30]. Эта система полностью развила научную и техническую рациональность, содержащуюся в марксистской философии, а также продвигала развитие производительных сил и просвещение населения на раннем этапе СССР. Это сыграло огромную роль в укреплении советской власти и осуществлении быстрой индустриализации страны, а также выполнении исторической миссии Советского Союза по поискам социалистического пути в ранний период. Однако эта система не полностью отражала философское мышление марксизма и в особенности игнорировала гуманитарные и практические коннотации, содержащиеся в самой марксистской философии. Советская марксистская философия подобна французскому механистическому материализму XVIII века. Основная характеристика марксистской философии состоит именно в том, чтобы критиковать науч-

[30] *Ань Цинянь.* Несколько вопросов о системе диалектического и исторического материализма // Teaching and research. 2006. № 11.

ную и технологическую рациональность с гуманитарной точки зрения и преобразовывать мир с помощью активной практики. Именно преобразование мира с помощью активной практики есть философская критика, которая была необходима для дальнейшего развития советского общества.

Как и многие западные марксисты, И.Т. Фролов считал, что настоящий марксизм основан на гуманизме в ранних работах Маркса. И.Т. Фролов полагал также, что сущность марксизма состоит в том, что это наука об освобождении и развитии человека, то есть марксизм – это конкретный гуманизм. Только освобождение и развитие сущности человека является единственной и абсолютной целью. Согласно марксистской теории, эта цель является наивысшей целью гуманизма[31]. Советская марксистская философия напротив больший акцент делала на развитии производства и подчеркивала фактор исторического детерминизма. Подобный подход сам по себе был пронизан отчуждением. Он приводил к порабощению людей вещами и к подчинению людей господству царства необходимости, что Маркс как раз критиковал.

В силу различных исторических и практических причин в средний и поздний периоды существования Советского Союза философы активно обратились к подлинному Марксу и начали искать ответ на вопрос: Что такое настоящий марксизм? Идейное течение гуманизма зародилось и окрепло постепенно.

Развитие гуманизма в Советском Союзе было весьма драматичным: от полного отказа до полного утверждения. Гуманизм зародился в Советском Союзе в 1950-е годы. В связи с нуждами развития страны, в 1970-е годы сформировалось мощное направление гуманистической мысли. Социалистический гуманизм и присущий русской нации гуманизм развивались независимо друг от друга и постепенно стали точкой опоры общественного мнения всего общества и оценочных суждений.

И.Т. Фролов сыграл важную роль в содействии формированию советского гуманизма. Он перешёл от канонов советской философии к ранним работам Маркса, главным образом к «Экономическо-философским рукописям 1844 года», критикуя культ личности Сталина и осуждая катастрофу гуманизма в Советском Союзе в 1930-е и последующие годы, а также догмы ди-

31 . *Фролов И.Т.* О человеке и гуманизме. М.: Изд-во полит. лит., 1989. С. 453–454.

алектического и исторического материализма в Советском Союзе, Китае и других отсталых странах. Он указал, что с точки зрения продвижения научной рациональности для удовлетворения потребностей науки, техники и промышленного производства, диалектический и исторический материализм не выходит за рамки капиталистической цивилизации. Видеть вещи, но не людей – это новая форма порабощения людей, и идеология, которую она пропагандирует, состоит в том, чтобы побудить людей принять порабощение вещами. Энтузиазм народа Советского Союза до реформы не означал отсутствия отчуждения, напротив, это была разновидность религиозного фанатизма, который всегда сопровождался факторами отчуждения в социалистическом строительстве.

В 1980-е годы в развитии советского гуманизма наблюдалась тенденция к абстракции, и гуманизм стал высшей ценностью и мейнстримом философии, получившим официальную поддержку. Горбачев рассматривал марксизм как абстрактный гуманизм, а представители гуманитарных идей, такие как И.Т. Фролов, стали его теоретическими помощниками. Горбачев проводил всесторонние реформы на основе абстрактного гуманизма, что привело к тому, что люди субъективно, абстрактно или даже свободно использовали и понимали гуманизм, независимо от его социальной реальности и классового характера[32]. Посредством различных каналов и методов гуманизм незаметно влиял на мысли и действия людей и способствовал эволюции экономической основы и надстройки Советского Союза.

Объективно говоря, гуманизм сыграл активную роль в критике Сталина за теорию обострения классовой борьбы, в восстановлении гуманитарных атрибутов марксистской этики и закладке этической основы советских ключевых ценностей. Но в атмосфере, где мораль и этика играют беспрецедентно важную роль, под влиянием возрождения традиционного русского гуманизма в сочетании с русским национальным идеализмом и крайним мышлением, гуманизм в Советском Союзе впадал в крайности иррационализма и абстракции. Он полностью отверг классовый характер морали, что приводило к полному исчезновению значения марксистской теории в истории Советского Союза.

[32] *У Хуэйсинь.* Расцвет и упадок марксистской этики в СССР. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011.

2. Реализация на практике высоких идеалов всего человечества

Как показали Хоркхаймер и Адорно в книге «Диалектика Просвещения», рациональность Просвещения идёт вразрез с первоначальным намерением осознать человеческую свободу и освобождение и становится инструментом для управления людьми, приводя людей в новое варварское состояние. Гуманистические документы, подобные Манифесту Рассела–Эйнштейна и докладу «Пределы роста» Римского клуба, показали, что новые проблемы, такие как экология, климат, использование оружия массового уничтожения и генная инженерия, являются глобальными проблемами, которые угрожают выживанию всего человечества. Гуманизм столкнулся с новым беспрецедентным кризисом. Фролов указывал, что реконструкция нового гуманизма на основе классических оригинальных работ марксистской философии станет будущим направлением развития марксистской философии и разрешит парадокс современной цивилизации, который беспокоит западных марксистских философов и современных западных философов. Парадокс заключается в том, что современная индустриальная цивилизация и рыночная экономика открыли эру, в которой люди могут в полной мере проявить свои творческие способности. Они не только обеспечивают людям беспрецедентное материальное богатство, но и дают толчок творческим силам человечества. Но в то же время это также привело к общему отчуждению современных людей, потере их собственного достоинства и сужению духовных запросов. Это не только приводило людей к более глубокому порабощению, но также заставляло людей переживать самые горькие испытания.

Решение проблемы, предложенное И.Т. Фроловым, сочетает в себе положительные эффекты развития науки и техники, человеческие ценности и человеческое стремление к свободе, а также коммунистические идеалы Маркса. Он хотел использовать человеческие ценности для измерения науки и техники и предлагал, чтобы наука и техника были этичными, а учёные должны были бы нести большую моральную ответственность и обязаны гарантировать, чтобы их научные исследования и использование их результатов служили интересам и потребностям людей, а не наоборот. Он развивал идеи «нового мышления», принимая общие интересы всего человечества в качестве отправной точки в размышле-

них о любых вопросах. Он также предложил людям претворять в жизнь благородные идеалы всего человечества, чтобы справились с беспрецедентно серьезным гуманитарным кризисом[33].

И.Т. Фролов подчеркивал, что его новый гуманизм – это научный гуманизм, созданный Марксом в середине XIX века, то есть гуманизм, разъясняемый Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». И.Т. Фролов считает, что настоящий марксизм основан на гуманизме ранних работ Маркса. И.Т. Фролов также полагает, что новый гуманизм, который он разрабатывал, является научным и реальным, а не утопическим, потому что новый гуманизм основан на осуществлении демократии и свободы и направлен на реализацию высоких идеалов человечества. Новый гуманизм нацелен реализовывать высокие идеалы на основе практической деятельности людей, а не полагаться на моральные проповеди и улучшение «качества людей».

Профессор Ань Цинянь считает, что И.Т. Фролов совершенно неправильно понял гуманизма Маркса, он не осознал, что реальная практическая деятельность не основывалась на добрых пожеланиях людей, а исходила из объективных условий общественного развития. Мы согласны с тем, что такая точка зрения И.Т. Фролова, как возвращение к «самой мысли Маркса», новый гуманизм на основе марксизма и принятие общих интересов всего человечества в качестве важного угла зрения для рассмотрения всех вопросов все еще открыты для обсуждения. Возвращение к «мысли Маркса» целенаправленно само по себе. Оно заостряет внимание на ошибках, совершённых советским марксизмом. Возвращение не является конечной целью, а нацелено на лучшее развитие. На данном этапе в человеческом обществе не полностью устранены классовые различия. Каждый вид интересов воплощает интересы разных классов. Нам трудно достичь консенсуса реальных общих интересов всего человечества. Поэтому мы должны с бдительностью извлекать уроки из отрицательного опыта руководства Коммунистической партии Советского Союза, которое предпочло следовать общим ценностям всего человечества. Приверженность абстрактному гуманизму привела к распаду Советского Союза.

33 *Фролов И.Т.* Перспективы человека. М.: URSS, 2012. С. 255–256.

3. Важное значение нового гуманизма.

Новый гуманизм И.Т. Фролова значительно изменил историческую судьбу Советского Союза и по-прежнему имеет большое значение для прошлого и настоящего.

Прежде всего, в новом гуманизме была подвергнута резкой критике интерпретация марксизма советскими чиновниками в духе механистического материализма, сняты ограничения в диалектическом материалистическом мировоззрении, повышен статус личности в марксистской философии.

Далее, новый гуманизм сыграл положительную роль в исправлении таких ошибок, как культ личности, самоуправство и бесчеловечные поступки, допущенные Сталиным. И.Т. Фролов принимал участие в разработке идеологии XX (1956) и XXII (1961) съездов Коммунистической партии Советского Союза.

Наконец, он критиковал господство и порабощение людей научной и технологической рациональностью, сосредоточился на исследованиях этики науки и технологий и глобальных проблемах и показал, что трансформация человеческой цивилизации в направлении к коммунизму является объективным законом исторического развития, который отражает дилемму выживания/отчуждения для современных людей. Изучение глобального кризиса, вызванного пандемией коронавируса нового типа, по-прежнему имеет важное просветительское значение.

Мы должны понять, что и западный марксизм, и восточноевропейский неомарксизм имеют свои ограниченности. Они отражают новые проблемы социального развития. В них уловлен определенный аспект изменений исторического времени, и они ограничили свое внимание социальными проблемами отдельных стран. Они не в полной мере отражают требования времени. В XX веке революционное развитие науки и техники и быстрое увеличение производительности труда породили множество глобальных проблем. Гибель человечества стала реальной угрозой, с которой человечество никогда не сталкивалось. И.Т. Фролов смотрел глубже и дальше других, уловил этот новейший и самый насущный вопрос, продолжив тем самым гуманизм Маркса и Энгельса. Он опирается на новые перемены времени, снял ограничения западного марксизма и восточноевропейского неомарксизма. И.Т. Фролов обратился к изучению глобальных проблем, а затем сформировал свой гуманизм. И.Т. Фролов заимствовал

идеи западного марксизма и восточноевропейского неомарксизма, и в то же время превзошел их. Он стоял на почве основных позиций марксизма и гуманизма. Его новый гуманизм стал глубоким откликом на научно-техническую революцию, глобальные проблемы и гуманитарные потребности человечества в новых исторических условиях, что исключительно ценно. Его мысль по сей день имеет важное поучительное значение для нас.

Как марксисты XXI века, мы должны глубоко исследовать гуманизм Маркса и восстановить его истину человековедения. В начальный период СССР яркий классовый характер основных ценностей марксизма однобоко подчеркивали, но не признавали всеобщей морали. Мораль стала политическим инструментом и внешним указанием, в академических дебатах руководствовались политическими потребностями. Напротив, позже гуманизм впадал в крайности абстракции, классовый характер морали полностью отрицался, советская марксистская этика была подорвана и этическая основа основных ценностей советского социализма была разрушена. Марксисты XXI века должны извлечь уроки из опыта Советского Союза, понять суть марксизма, восстановить истину человековедения Маркса и глубже изучить гуманизм Маркса, потому что гуманизм является частью марксизма, ведь марксизм провозглашает народ как творца истории. Гуманизм – это не только идейное течение эпохи капитализма, он имеет еще более важное значение для социализма. В то же время академические исследования должны реагировать на текущую социальную реальность и требования народа. Марксисты XXI века обязаны направлять и улучшать моральные отношения народа в реальной жизни.

В то же время мы должны усилить научный характер исследований в области этики и заложить прочную этическую основу для основных ценностей социализма. В период СССР неправильное позиционирование отношений между политикой и моралью привело к тому, что советская этика потеряла свою научность. В Советском Союзе политика всегда определяла мораль, мораль следовала за политикой и стала инструментом политики. Этот теоретический взгляд не только стал сообщником бюрократизма и догматизма, подорвал социалистическую мораль и закон, но и привел к экстернализации этики, академические исследования постепенно оторвались от реальности и утратили свою научность. Маркузе резко критиковал это и отметил: «Инстру-

ментальные особенности советской этики всегда были объектом критики Запада, и такая критика всегда была сосредоточена на принципе "цель оправдывает средства", так как этот принцип сам по себе не считается этическим»[34]. Очевидно, что изучению советской этики придали политический характер: политическая ориентация в корне определяла и академические тенденции ученых, поэтому они часто переходили из одной крайности в другую, научность этики не культивировалась. Основываясь на уроках советской этики, мы должны придерживаться научного характера этических исследований, не полагаться на политику и идеологию, и в полной мере использовать практические преимущества этики, которая отражает требования народа в реальной жизни. Нам надо полностью исследовать и впитывать учения о моральных принципах в прошлом и в настоящем, внутри Китая и за пределами. Нужно развивать духовность народа и закладывать прочную этическую основу для основных ценностей социализма.

4. Недостатки нового гуманизма И.Т. Фролова

И.Т. Фролов не совсем решил проблемы рубежа эпох, его новый гуманизм имеет много недостатков. Он – пионер в изучении проблем переломного периода в истории человечества. Его исследовательская работа представляет собой общий обзор изменения времен, и то, что он выдвинул – это только гениальные догадки. Многие детали ещё ждут глубокого изучения. Он попал в ловушку абстрактного гуманизма, и очевидно, его новый гуманизм носит абстрактный характер.

Абстрактный гуманизм – это понятие, используемое марксистской философией, потому что только марксистская философия овладела законом исторического развития и установила единственную научную историческую философию – исторический материализм, который обеспечивает норму для суждения о научности теории о человеке или обществе. Все теории, не имеющие объективных условий для воплощения в жизнь, ненаучны и абстрактны. Кроме того, И.Т. Фролов также надеялся, что энтузиазм и действия людей (в том числе действия по формулированию различных кодексов поведения) будут способствовать до-

[34] *Маркузе Г.* Советский марксизм: критический анализ / пер.: Чжан Исин, Вань Цзюньжэнь. Пекин: Изд-во Народного ун-та Китая, 2012. С. 122.

стижению благородных и привлекательных целей. Маркс считал, что развитие человеческой истории не зависит от воли человека. Мысль И.Т. Фролова явно отличается от этого железного закона, предложенного Марксом. Если подходить с позиций марксистской теории, новый гуманизм И.Т. Фролова – это стопроцентный абстрактный гуманизм. С одной стороны, его абстрактность проявляется в использовании «нового мышления» для размышления о проблемах, то есть необходимо думать над вопросом исходя из точки зрения всего человечества и преимущественно учитывать общие интересы всего человечества, а не классовые интересы. С другой стороны, абстрактность проявляется в идеологии «гуманного и демократического социализма», которая в значительной степени повлияла на реформы Горбачева.

Мысли И.Т. Фролова о глобальных проблемах и ценностях всего человечества превзошли свою эпоху и реальность нашей нынешней эпохи и не смогли найти приемлемого решения в противоречиях и конфликтах интересов в различных практиках. Мы все еще живем в обществе с разными классами и в мире с разными национальными политическими системами. И.Т. Фролов предложил новый гуманизм и поставил интересы всего человечества выше интересов классов, стран и наций. Это возвышенное стремление гуманитарных ценностей, но оно не соответствует социальной реальности. Аргумент, что люди принимают новое мышления и отказываются от «холодной войны» – это всего лишь метод обмана со стороны Соединенных Штатов. Реальность классовых антагонизмов и национально-государственных интересов, к сожалению, все еще существует. В последний период существования СССР в США заявили, что они приняли новое мышление и отказались от «холодной войны» ради блага всего человечества. Это был обман со стороны США, и такой обман продолжается по сей день. Гнаться за максимальным приростом и непрерывным расширением капитала – все еще существенная черта капиталистических производственных отношений.

Пандемия коронавируса нового типа, произошедшая в 2020 году, является типичным примером. Перед лицом этого кризиса человечества различные страны до сих пор не смогли эффективно объединиться. Вместо этого они борются в одиночку. Многие учреждения и организации международного сообщества не выполнили свои обязанности в борьбе с эпидемией. США также подрывают возможное международное сотрудничество для до-

стижения собственных неблаговидных целей и превращают эпидемию в инструмент наживы. Жестокая реальность убедительно доказывает, что новый гуманизм – это просто благое пожелание. Хотя оно имеет ценное и руководящее значение, но в решении реальных трудных вопросов человечества оно все еще бессильно. Глобальные проблемы и их огромная угроза придали новому гуманизму И.Т. Фролова актуальное значение. Однако новый гуманизм не в состоянии устранить основные угрозы, стоящие перед человечеством, связанные с вопросом его жизни или смерти. Кроме того, распад СССР показал, что односторонний новый гуманизм, ставящий интересы всего человечества выше интересов своей страны и класса, не только не решил проблему, но и поставил себя в очень трудное и невыгодное положение. Ослабление собственной силы и влияния может только пойти на пользу тем странам, которые игнорируют интересы всего человечества. Это также означает, что кризис выживания, с которым столкнулось человечество, будет более серьезным. Решить проблему одними добрыми пожеланиями невозможно – это основной урок практики нового гуманизма И.Т. Фролова. В период «Рейнской газеты» Маркс раскрыл причины, по которым различные классы придерживаются противоположных взглядов в работах «Дебаты по поводу закона о краже леса» и «Оправдание мозельского корреспондента». Отношение людей к вещам и закону определяется не их врожденной общей рациональностью или этическими принципами, а их собственными интересами.

Как будет реконструирован новый мировой политический порядок в эпоху после пандемии? Как исследовать альтернативные капитализму решения глобализации? Это будет важная миссия для учёных всего мира. Современные российские учёные-марксисты, размышляя над пандемией, предложили план изучения глобализации социализма. Мы думаем, что это будет возможным путём вперёд.

Литература

1. *Ань Цинянь.* Несколько вопросов о системе диалектического и исторического материализма // Teaching and research. 2006. № 11.

2. *Маркузе Г.* Советский марксизм: критический анализ / пер.: Чжан Исин, Вань Цзюньжэнь. Пекин: Изд-во Народного ун-та Китая, 2012.

3. *У Хуэйсинь.* Расцвет и упадок марксистской этики в СССР. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011.
4. *Фролов И.Т.* О человеке и гуманизме. М.: Изд-во полит. лит., 1989.
5. *Фролов И.Т.* Перспективы человека. М.: URSS, 2012.

Guo Lishuang, Wang Jialiang (China)

The Path of Modern Man from Slavery to Freedom: the Ideas of a New Humanism by I.T. Frolov

Abstract. The philosophical concept of» new humanism « by I.T. Frolov can be considered as a new development of Marx's theory of alienation. At the same time, this concept is the highest level of humanism development in the Soviet Union in the twentieth century and had a great and profound impact on the USSR, as well as to a certain extent on the change of the world order as a whole. At present, this theory is still of great practical importance. In this article, the authors combine history and reality in order to analyze the pros and cons of the new humanism, as well as the meaning of its lesson.

Keywords: new humanism, abstract humanism, new thinking, basic values

О.В. Гаман-Голутвина

Современная политическая наука перед вызовами глобальных проблем

Аннотация. В мировой науке достигнуто принципиальное согласие относительно содержания и масштаба глобальных проблем, их примерной иерархии и степени их остроты. Существенный вклад в осмысление глобальных проблем внес И.Т. Фролов, который стал пионером данного направления в нашей стране. В настоящее время очевидно, что решение глобальных проблем в немалой степени лежит в политической плоскости, ибо масштаб сложности данных проблем определяет их статус стратегических, определяющих системообразующие параметры и характеристики социума и личности на глобальном и национально-государственном уровне. Решение данной категории проблем невозможно без координации/кооперации/согласования целенаправленной концептуальной политики ключевых институтов государства на национальном уровне и вне участия доминантных акторов системы международных отношений – на глобальном уровне. Это определяет политический характер процесса принятия имеющих отношение к данной тематике решений. В свою очередь, эффективность принимаемых политических решений в немалой степени определяется качеством политической экспертизы, а последняя во многом зависит от качества и уровня развития фундаментальной политической науки. Автор статьи ставит проблемы эффективности современной политической науки в качестве основания политической экспертизы и принятия стратегических политических решений применительно к решению глобальных проблем. Высказано предположение, что эффективность политической экспертизы в немалой степени снижается в связи со слабостью методологических оснований современной политологии, что находит отражение в смещении профессиональной дискуссии с вопросов методологии в сферу методики: в качестве методологических обсуждаются вопросы методики – процедуры, техники и методы. Статья посвящена преодолению данной уязвимости.

Ключевые слова: **глобальные проблемы, принятие политических решений, методология и методика политической науки, политическая экспертиза**

На протяжении последнего полувека в мировой науке в целом достигнуто согласие относительно содержания и масштаба глобальных проблем, их примерной иерархии и степени их остроты. В данном контексте следует особо выделить выдающуюся исследовательскую и организаторскую роль И.Т. Фролова, который стал пионером данного направления в нашей стране. Именно И.Т. Фролов в его бытность в 1968–1977 гг. главным редактором важнейшего философского журнала – журнала «Вопросы философии» – инициировал проведение ряда «круглых столов», в рамках которых глобальные проблемы анализировались комплексно с акцентом на роли человека. Темы предложенных И.Т. Фроловым «круглых столов» охватывали весь круг соответствующей тематики, в том числе: «Человек и его среда обитания» (1972), «Наука и глобальные проблемы современности»(1974), «Социально философские проблемы демографии» (1974) и др. Итоги дискуссий по данной тематике были опубликованы как в журнале «Вопросы философии», так и в рамках фундаментальных монографических изданий [Фролов 1989; Фролов 2003; Фролов 2019]. К настоящему времени достаточно очевидно, что решение глобальных проблем в немалой степени лежит в политической плоскости, ибо масштаб сложности данных проблем определяет их статус стратегических, определяющих системообразующие параметры и характеристики социума и личности на глобальном и национально-государственном уровне. Решение данной категории проблем невозможно без координации/кооперации/согласования целенаправленной концептуальной политики ключевых институтов государства на национальном уровне и вне участия доминантных акторов системы международных отношений – на глобальном уровне [Политическое управление 1999]. Это определяет политический характер процесса принятия имеющих отношение к данной тематике решений [Политический класс в современном обществе 2012]. В свою очередь, эффективность принимаемых политических решений в немалой степени определяется качеством политической экспертизы, а последняя во многом зависит от качества и уровня развития фундаментальной науки по профилю политологии [Современная элита

России 2015]. Насколько эффективна современная политическая наука как основание политической экспертизы и принятия стратегических политических решений, в том числе в сфере решения глобальных проблем?

Политология в ее нынешнем статусе академической дисциплины – относительно молодая наука: несмотря на то что развитие политической *мысли* стартовало в эпоху античности и претерпело существенную содержательную эволюцию в течение последовавших веков, формальные институты политологии как *академической науки* окончательно оформились на рубеже XIX-XX вв. А институализация политической профессии произошла в начале XX в. – старейшая в мире Американская ассоциация политической науки (APSA) была создана в 1903 г. В 1949 г. была образована Международная ассоциация политической науки; в 1955 г. – отечественная ассоциация политической науки. В настоящее время Российская ассоциация политической науки (РАПН) – не только старейшая в нашей стране профессиональная организация политологов, которая объединяет около 1000 профильных специалистов и имеет региональные отделения почти в 70 субъектах РФ, но является наиболее авторитетной и единственной международно признанной профессиональной организацией отечественных политологов. Перечень достижений мировой политической науки за прошедший век весьма обширен. Достаточно упомянуть предпринятое А. Тойнби монументальное сравнительное историко-философское и политико-культурологическое исследование цивилизаций; стэнфордский проект по изучению кризисов и политических изменений; концептуальную карту Европы С. Роккана; компаративное изучение политических режимов, режимных изменений политических институтов (в том числе систем управления, партий и выборов) и неинституциональных измерений политики – политических культур и политического лидерства.

Однако на рубеже XX и XXI вв. наметилось некоторое торможение в развитии дисциплины, к чему с тревогой привлекают внимание признанные авторитетные ученые [см.: Taagepera 2018; Патцельт 2018:72; Ильин 2018: 40–42]. В качестве оснований этого вердикта рассматривается отсутствие на протяжении нескольких десятилетий значимых новационных идей, крупных эвристически эффективных теорий/парадигм (М. Ильин), способных стать ответом на критические эндогенные и экзо-

генные политико-интеллектуальные вызовы, и/или искажение ее методического инструментария (Р. Таагепера). В литературе упоминаются и иные тревожные тенденции: современная политология ориентирована преимущественно на западный этноцентризм; заметно погружена в современный контекст и мало чувствительна к истории; незначительно открыта к критической саморефлексии и состоит в непродуктивных отношениях с практической политикой [Патцельт 2018: 72]. Каков актуальный методологический статус дисциплины и действительно ли ее состояние является кризисным – таковы исследовательские ориентиры данной статьи.

На мой взгляд, ключевым условием эффективности того или иного научного направления является релевантность его системообразующих оснований актуальной научной картине мира, которая представляет собой базовую эпистемологическую матрицу, определяющую доминирующий стиль научного мышления. Существенное несоответствие между субстантивными характеристиками актуальной научной картины мира и используемыми в политической науке методологическими подходами и инструментарием определяет ее нынешнее состояние, которое автор не рассматривает как критическое, но характеризует как нуждающееся в существенном обновлении.

Как известно, понятие «картина мира» было введено Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате» (1921). М. Хайдеггер в статье «Время картины мира» (1927) определил картину мира как изображение мира, как изображение «сущего», а мировоззрение – это отношение человека к «сущему». В настоящее время используется концепт *научной картины мира* (НКМ), который характеризует лежащие в фундаменте культуры мировоззренческие структуры: «образ мира», «модель мира», «видение мира» [Степин 2011].

На основании рассмотрения структуры, функций и этапов эволюции НКМ и ее роли в процессах генерации нового знания в литературе идентифицированы *классическая, неклассическая и постнеклассическая* картины мира. Возникшая как переосмысление донаучного отражения реальности исторически первая системная научная картина мира – *классическая* (механистическая) – сформировалась в XVII–XIX вв. на основании достижений Коперника, Галилея и Ньютона. Ее ключевыми характеристиками были однозначная и универсальная причинно-следственная за-

висимость, в рамках которой все состояния могли быть просчитаны и предсказаны, а прошлое определяло настоящее так же изначально, как и настоящее определяло будущее. Описание объектов представлено как существующих изолированно, в строго заданной системе координат. Случайность исключена из природы; обратимость времени определяет одинаковость всех состояний механического движения тел; пространство и время абсолютны.

Пришедшая на смену классической НКМ в результате революционных открытий в естествознании рубежа XIX—XX вв. *неклассическая* (квантово-релятивистская) картина мира (А. Эйнштейн, М. Планк, Н. Бор) привнесла с собой вбирающий противоречия стиль мышления и более гибкую схему детерминации, учитывающую роль случайности, предстающей проявлением закономерности. Развитие системы отныне мыслится направленно, подчиняясь статистическим закономерностям, законам вероятности и больших чисел, ее состояние в каждый момент времени однозначно не детерминировано. Отсутствие жесткой детерминированности на уровне индивидов сочетается с детерминированностью на уровне системы в целом. Сущность неклассической картины мира передает принцип дополнительности В. Гейзенберга: «Одно и то же событие мы можем охватить с помощью двух различных способов рассмотрения. Оба способа взаимно исключают друг друга, но также дополняют друг друга, и лишь сопряжение двух противоречащих друг другу способов рассмотрения полностью исчерпывает наглядную суть явлений» [Гейзенберг 1998: 205–206], а в противоречащих друг другу явлениях присутствуют одинаково существенные аспекты единого комплекса сведений об объектах [Бор 1971: 393]. Эвристический смысл неклассического типа рациональности состоял в акцентировании вероятностного типа движения, роли случайности, многовариантности развития, возможности сосуществования разнокачественных характеристик.

Кризис квантово-релятивистской парадигмы на исходе XX в. определил основные контуры *постнеклассической* картины мира как основанной на идеях синергетики, нацеленной на изучение самоорганизующихся систем. Параметрами этих систем становятся стихийно-спонтанный структурогенез, нелинейность, неустойчивость, неравновесность, непредсказуемость, темпоральность – повышенная чувствительность к ходу времени; открытость обменивающихся с внешним миром веществом, энергией

и информацией систем. В синергетической картине мира доминирует нелинейность, предполагающая отказ от ориентации на однозначность и унифицированность, и становление, характеризующееся многовариантностью и необратимостью.

Таким образом, классическая научная картина мира описывает предметную реальность на основании модели научного знания, концептуализированной позже позитивистской философией науки. Неклассическая научная картина мира рассматривает реальность не как совокупность тел в пространстве, а как сеть взаимосвязей. В постнеклассической научной картине мира реальность, трактуемая как сеть взаимосвязей, включает познающего субъекта. Философская рефлексия синергетики открывает возможность сосуществования всех трех научных картин мира, синтезируя и примиряя их на основании принципа дополнительности.

Актуальный эвристический вызов политического знания состоит в том, чтобы понять, каким образом эти онтологические изменения тектонического масштаба проецируются в политическую сферу. Очевидно, что политическая сфера в контексте постнеклассических сдвигов во все возрастающей степени характеризуется экспоненциальным по характеру и универсальным по степени распространения нарастанием нелинейной динамики, движением к нестационарной системе социальных связей, существенной де-иерархизацией власти в пользу сетевой матрицы, расширением гибридных форм организации управленческих институтов и т.д. Характеристиками политического мира становится размывание референтов и референций, феномен незавершенной переходности, составляющий трудноуловимую, «ускользающую натуру» текущего времени. В *онтологическом* плане постнеклассическая картина политического мира выражается в том, что «указатели поставлены на колеса и имеют дурную привычку исчезать из виду, прежде чем вы успеете прочитать то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить соответственно» [Бауман, 2004: 113–114]. Соответственно, важно понять, как должно меняться политическое знание в контексте изменения научной картины мира и общей методологии науки [Динамика инноваций. 2011]. Очевидно, что речь не идет об однонаправленной связи причина–следствие, а о сложном взаимовлиянии. Современная постановка вопроса состоит в прояснении этой взаимосвязи и соответствующей реконцептуализации эписте-

мологии политического знания [Инновационный человек и инновационное общество. 2012]. Эти тектонические сдвиги (определяющие онтологический вызов) пока находят недостаточное отражение в *эпистемологическом* отношении – преобладающей методологией политической рефлексии остается по преимуществу механистическая гносеология: динамичные нелинейные процессы рассматриваются преимущественно в линейно-детерминистском ключе. Очевидно, гносеологическая некорректность коренится в ограниченности *методологии* политологии, которая призвана обеспечивать релевантность эвристического здания дисциплины актуальным параметрам реальности. В чем истоки сложностей в обновлении политической методологии?

Еще в 1980-е гг. К. Ахен [Achen 1985], а в середине 1990-х гг. Х.Р. Алкер-мл. предлагали переосмыслить субстанциональные феноменологические и интерпретационные основы политической методологии, рассматривая преодоление «антипатии к философским течениям в рамках социальных наук и к теоретическим спорам, начатым еще классиками политических исследований», в качестве средства преодоления отсутствия аутентичности политической методологии, «определение которой как политической статистики слишком узко» [Алкер 1999: 773, 776]. Еще более тревожны современные оценки. Классик современной политической науки Р. Таагепера в своей лекции по случаю присуждения ему премии имени К. Дойча на XXIV Всемирном конгрессе политической науки в 2016 г. тревожно констатировал: «…политология, как и другие социальные науки, сегодня *менее* научна, чем полвека назад» [Taagepera 2018]. Каковы истоки сложностей?

На мой взгляд, о существе оценок можно спорить, скорее, речь идет об инерционной фазе развития научного знания – «нормальной науке» в терминологии Т. Куна, что, впрочем, не снимает вопроса об эвристической уязвимости политической политологии. Очевидно, что ответ на данный вопрос не может быть односложным – речь идет о многофакторном процессе, однако в данной связи принципиально важно качество *методологии* данной дисциплины, ибо именно она определяет ее эвристическую эффективность. Можно предположить три неисчерпывающих обстоятельства: 1) вытеснение методологического дискурса на периферию политологии; 2) неравновесность в использовании различных категорий методов (гипертрофия в применении статистических методов как исключительных инструментов в

ущерб всей палитре количественных инструментов и еще в большей мере – в ущерб методам качественным); 3) в сфере собственно методологии – слабость сопряжения актуального и исторического опыта: американская сциентистская традиция разорвана с традициями английского историзма и интерпретативизма и шире – с традициями континентальной европейской философии; слабость методологического обоснования кросс-темпорального компаративного анализа, который порой выглядит как «уходящая натура».

В связи с ограниченностью объема затрону только первую из названных проблем. Обращает на себя внимание смещение фокуса профессиональных дискуссий с вопросов методологии в сферу методики – изучение профильной литературы, заявленной как методологическая, обнаруживает удивительную особенность: под рубрикой *методологии* обсуждаются вопросы *методики* – процедуры, техники и методы, и это совсем не безобидная подмена… Три четверти раздела «Методология политической науки» знакового издания «Политическая наука. Новые направления» посвящены обсуждению методических вопросов; изрядный объем оксфордского фундаментального труда по политической *методологии* The Oxford Handbook of Political Methodology [Box-Steffensmeier, Brady& Collier 2008] представляет собой обсуждение *методов*. Раздел по политической *методологии* в другом авторитетном издании *The Oxford Handbook of Political Science*, принадлежащий перу авторитетных авторов [Brady, Collier and Box-Steffensmeier 2011], также в значительной мере посвящен рассмотрению *методов* политической науки. И так далее, точнее далее – везде… Характерно, что подобный ракурс обсуждения сформировался не вчера, а сложился на протяжении предшествовавших десятилетий. Л. Бартелз и Г. Брейди в начале 1990-х гг., признавая, что политическая методология заимствует достижения других дисциплин, перечисляли эти заимствования: технические приемы для применения событийного счета, пространственные модели и модели ложных определений, параметры совокупных данных, измерения пропавших данных, анализа данных динамического ряда [Bartels, Brady 1993: 121]. Несомненно, выбор методов определяется методологической оптикой, однако это никак не заменяет обсуждения методологической повестки. Налицо подмена даже не понятий – системных

категорий, а значит, речь идет о субстантивном неблагополучии в организации профессионального дискурса.

В размышлениях об истоках сложившейся ситуации полагаю необходимым обратиться к генезису американской политической науки ввиду ее общепризнанного лидерства не только как старейшей, но также как наиболее профессионально развитой национальной школы. Понимание методологии в американской политологии определило понимание политической методологии в мировой политической науке. В свою очередь, в США характер дискурса о политической методологии во многом определен относительной молодостью этой субдисциплины, которая сформировалась только в середине 1970-х гг., когда был основан журнал «Политическая методология», позже сменивший название на «Политический анализ» [Beck 2000]. К. Ахен впоследствии вспоминал: когда политическая методология начиналась в середине 1970-х годов, она чаще была призванием, чем профессией. «Ни один политологический журнал не приветствовал методологические статьи, и многие журналы отклоняли их сразу же. Никаких форм организации политических методологов, которые бы агрегировали их потребности, не существовало» [Achen 1985]. В начале 1990-х гг., характеризуя эволюцию политической методологии, крупный специалист в области количественного анализа Г. Кинг привел целый ряд названий, которые определяли то, что «сейчас мы называем политической методологией» [King 1991:1]: «политическая статистика» (1926), «политическая арифметика» (1971), «полиметрия» (1972), «количественная политическая наука» (1973), «политиметрия» (1975), «политометрия» (1976) и т.д. В этой работе Г. Кинг однозначно отождествляет политическую методологию с количественным анализом и выделяет пять этапов эволюции этого направления в период 1906–1988 гг. на основании возрастания масштабов и сложности используемых количественных методов, которые, как указывает Кинг, преимущественно заимствовались из других областей (причем, по его признанию, без должной модификации или адаптации), прежде всего эконометрии и психометрии. Характерно, что уже в 1980–1990-е гг. данное отождествление подвергалось критике, и К. Ахен настоятельно обращал внимание на то, что импортированные статистические техники не должны доминировать в политической методологии, и призывал к развитию теории [King 1991:9].

В начале нового века субдисциплина все еще трактовалась «молодая» [Achen 2002: 423], но последовавший период был отмечен активным развитием политической методологии, и в настоящее время две секции по политической методологии принадлежат к крупнейшим в APSA. Причем как на этапе становления направления, так и сегодня характер данной субдисциплины трактуется однозначно – это знание о *методах*: «По определению политическая методология характеризует способы измерения и методы получения ответов на вопросы политической науки… это характеристика методов и способов подбора методов для решения вопросов политической науки» [Roberts 2018: 597].

В понимании политической методологии в США существенную роль сыграл генезис национальной школы политологии, эволюция которой дает основание выделить четыре мотива построения идентичности новой отрасли науки в США. Исторически в начале XX в. APSA возникла посредством выделения инициативной группы из Американской исторической ассоциации (AHA), и стремление обрести отдельную от истории идентичность определило то, как политологи определили свой предмет посредством дистанцирования от истории, что было сделано двумя путями. Во-первых, политологи оставили прошлое историкам и *сосредоточились на современности*; во-вторых, они ограничили фокус рассмотрения политики только *формально-юридическими измерениями*, предоставив изучение остальных социальных факторов историкам. Третьим мотивом стало стремление новой науки Нового света к собственной идентичности, отдельной от европейской традиции социальной науки, что обусловило *дистанцирование от традиций европейского теоретизирования* в области философии, истории, социологии. Наконец, в отличие от американских социологов, развивавшихся в логике европейской теоретической традиции (что сыграло свою роль в мощном и результативном развитии социологии в США в XX в.), политологи США изначально стремились к специализации, что определило *эмпирический профиль* новой науки. Этот алгоритм имел серьезные последствия: дисциплина формировалась вне адекватного исторического, теоретико-методологического и философско-социологического контекста и была по существу лишена теории, будь то метатеория или теория среднего уровня [об истории отрасли см.: Munck & Snyder 2007].

В дальнейшем развитие политической методологии в США испытало сильное влияние формализованных дисциплин (особенно прикладной эконометрики), и ее арсенал складывался в том числе посредством инкорпорации подходов и методов других, преимущественно формализованных дисциплин. В 1980-е гг. департаменты политологии даже принимали в штат эконометристов и статистиков. Политическая методология и сегодня в немалой мере опирается на эконометрику и современную статистику, хотя различия между методологией и статистикой очевидны: статистика оперирует данными; методология основана на теории [Beck 2000].

Было бы несправедливо сводить все существующие трактовки политической методологии только к узкому определению. В представленном Г. Брэйди, Д. Кольером и Ж. Бокс-Стефенсмейер обзоре развития политической методологии [Brady, Collier and Box-Steffensmeier 2011] она несколько шире, но все равно с акцентом на методах.

На мой взгляд, произошедшее не только в рамках американской политической методологии, но и за ее пределами смешение, а порой и смещение методологической оптики предстает как неизбежное следствие отмеченного еще К. Ахеном в середине 1980-х гг. отторжения субстантивной содержательной повестки, отчетливого неприятия философско-сущностных измерений политики и ее философско-методологической рефлексии как аксиологически избыточных, диссонирующих с преобладающим типом рациональности, который порой смещается в плоскость de facto позитивистской тональности. Содержательно-динамические, антропологические, ценностные и нормативные в целом компоненты политической методологии – несмотря на обширнейшую традицию обсуждения политико-культурных измерений политики на протяжении более полувека – как-то потерялись в методологическом дискурсе: оставшись элементами предметного поля, они лишены методологической роли. Посвященная критике позитивистской методологии в различных ее версиях, включая и весьма изысканные, литература последних десятилетий измеряется даже не килограммами, однако будучи в свое время изгнан с официальной кафедры, позитивистский методологизм частично вернулся «через окно» – в образе новейших тенденций, которые при ближайшем рассмотрении оказываются хорошо знакомым отрицанием «метафизики». Ответвлением новейшей

версии неузнанного позитивизма в контексте тренда коммерционализации политического времени выглядит дальнейшее смещение дискурса в плоскость даже не утилитаризма, а в сферу упрощенной версии маркетизации. Экспансия эконометрии [Политическая социология 2013], к которой призывала целая когорта политологов, апеллируя к строгой научности этой парадигмы, и экономический империализм в целом имели множественные и разнообразные следствия, одним из которых стала маркетизация политико-методологического дискурса. Одно из объяснений трансформации методологического дискурса в методический может состоять в том, что политологи в условиях кризиса политической науки совершенствовали метод и его теорию.

Понимание методологии в отечественной политико-философской и науковедческой традиции принципиально иное: она трактуется в эпистемологически-динамическом ключе – как модус/угол зрения/способ рассмотрения объекта посредством помещения его в более широкий мета-контекст, задающий фокус изучения. Более того, в стране в 1960–1980-е гг. благодаря усилиям и под руководством академика И.Т. Фролова сложилась выдающаяся и международно значимая школа философии, методологии, гносеологии науки и науковедения, которая принадлежала к числу наиболее развитых направлений отечественной философии и авторитетная в мировом масштабе. Состояние современного методологического дискурса в отечественной политологии оставляет желать лучшего, что, по-видимому, стало результатом наложения двух факторов [Перспективы российской науки 2014]. Во-первых, становление отечественной политической науки после ее официального признания в конце 1980-х гг. пришлось на период упадка социальной роли и авторитета фундаментальной науки в обществе и перекоса спроса практической политики преимущественно на прикладные отрасли, что, в свою очередь, повлекло за собой диспропорции в структуре политического знания в пользу инструментальных направлений. Во-вторых, в период становления отечественной политологии были восприняты не столько сильные стороны американской школы политической методологии (эффективный количественный анализ), сколько индифферентность к философско-методологической рефлексии. В соответствии с отечественной традицией приверженности крайностям этот тренд на отечественной почве обрел гипертрофированную форму, и интерес к вопросам методологии

в России упал ниже того уровня, на котором он находится даже в американской политической науке, которая, как было отмечено, мало склонна к подлинно методологической рефлексии. В итоге *методология* изучения политики занимает периферийное место в профессиональной дискуссии, публикации по теме малочисленны и фрагментарны, а предметное поле поддерживается усилиями немногочисленных энтузиастов. Подчеркну, что речь идет именно о политической *методологии* (принципы, способ изучения), а не о политической *философии* (отношение человека и политического мира). И если *философия политики* в России, хотя и заметно уступает прикладным направлениям, все же находит авторов, то *политическая методология* остается падчерицей политической науки. Не случайно первое систематическое издание по методологии политической науки было опубликовано только в текущем году [Современная политическая наука. Методология]. Нахожу необходимым подчеркнуть: слабость методологических измерений состоит в том, что нет адекватной рефлексии того, какой должна быть трансформация политологии, чтобы они были релевантны субстантивным и динамическим характеристикам постнеклассической политики. В частности, это находит проявление в разделенной оптике анализа статичных и динамических (процессуальных) измерений нелинейных процессов. Методологический вызов состоит в необходимости соединения субстантивных и динамических измерений политики в адекватной постнеклассической политике оптике. Отрадно, что в последние годы методология политической науки как самостоятельное направление получает развитие.

Именно в эрозии методологических оснований политической науки существенная проблема. Удивительно, но сегодня оказались воспроизведены многие из тех уязвимостей, осознание которых в свое время обусловило критику и последовавшую в 1970-е гг. трансформацию методологической конфигурации политологии в пользу отказа от методологии бихевиорализма и структурного функционализма. Как известно, существенная критика в адрес этих двух парадигм была связана с тем, что политология предстала как опирающаяся преимущественно на позитивисткую методологию и потому лишенная аксиологической составляющей, слабо чувствительная к неинституциональным измерениям политики; склонная к не всегда оправданной формализации и сопутствующему ей преобладанию

количественных методов анализа. В результате, будучи обременен отмеченными эвристическими уязвимостями, данный тип методологии ограничивал возможности создания картины политического мира, обладающей адекватным реальности многообразием.

Обновление политологии, реализованное в 1970–1980-е гг. в значительной мере с опорой на неоинституционализм, который, как известно, представляет собой не некое однородное течение, а включает существенное число разнообразных направлений, множественность которых порой дает основание для отрицания его в качестве единого направления. Но именно множественность течений неинституционализма стала одним из факторов плюралистичности также и компаративистики на протяжении почти двух последовавших десятилетий, хотя многосоставность неоинституционализма не исчерпывала плюрализм источников методологического обновления отрасли, которые включали целый спектр политико-философских течений. Л. Сморгунов обоснованно констатирует, что неоинституционализм как доминировавшая методологическая парадигма политологии на рубеже веков определил многие особенности современного этапа развития этой отрасли: она получила значительный импульс к усилению междисциплинарности исследований; возросли роль и значение концептуализации и моделирования в сравнительной политологии – равно, как и степень реализации объяснительной функции сравнительных исследований. Неоинституционализм значительно расширил также политико-региональный спектр анализа на макроуровне, способствовал обращению к анализу процессов возникновения институтов в различных культурных контекстах и расширил возможности универсальных обобщений [Сморгунов 2014: 302–303].

Следует отметить значительные усилия по преодолению издержек сциентизма в методологии политологии, прежде всего, герменевтический, интерпретативный и конструктивистский подходы с констатацией особой роли последнего как попытки преодоления издержек теории рационального выбора и экономического экспансионизма в целом и реакции на новые реалии коммуникационной революции и повышения роли когнитивных аспектов политики. Конструктивизм воспринял идеи философии коммунитаризма и коммуникативизма, синтезировал достижения когнитивистики, ин-

терпретативизма, постмодернизма и «мягких» течений неоинституционализма. В политологии конструктивизм сыграл наиболее значительную роль в изучении политических культур и изменений; субъективно-когнитивных аспектов политики; идентичности, этничности. В оценке роли конструктивизма как противовеса сциентизму рационального выбора тем не менее следует принять во внимание, что, в отличие от ориентированного на нарратив и объяснение интерпретативизма, конструктивизм сохранил свойственную позитивизму склонность к каузальному акценту в изучении политики, в связи с чем в литературе он нередко рассматривается как располагающийся скорее внутри позитивизма.

Методологический плюрализм политологии начала XXI в. порой расценивается в литературе как признак теоретического кризиса отрасли, хотя это суждение не представляется бесспорным. Тем более, что к исходу 2010-х гг. набрала силу тенденция синтеза противостоящих методологий и ослабления традиционных оппозиций политической методологии (анализа и описания, объяснения и понимания, позитивизма и герменевтики) посредством обоснования новых методологических подходов, претендовавших на разрешение проблем противостояния разнонаправленных исследовательских ориентаций. Проблема состоит в том, что их синтез достигается преимущественно на пути аддитивного подхода, который понижает уровень обоснования их эвристической значимости. В литературе обоснованно отмечается, что поиск холистской основы может позволить разрешить проблемы методологического синтеза и усилить его роль в трансформационных процессах в современной компаративистике, повысив ее эвристические возможности [Сморгунов 2014: 302].

Актуальный методологический статус субдисциплины выражается концепцией мультипарадигмальности, однако остается открытым вопрос о непротиворечивых основаниях синтеза методологий политологии. В этом вопросе важно не просто избежать эклектики, но найти ключи к интерпретации таких измерений политического процесса, как неустойчивость, переходность, разнокачественность, что предполагает преодоление не только чрезмерно жестких эвристических схем, но также выход на дисциплинарные границы. Кажется, ответ лежит на поверхности, и этим ответом является междисциплинарность, однако вряд ли этот простой «рецепт» может быть адекватным ответом

на сложный вызов. Междисциплинарные подходы востребованы тогда и там, где источники и факторы возникновения, причины и драйверы эволюции изучаемых явлений и процессов имеют разнокачественную природу, а динамика эволюции детерминирована множеством факторов различного генеза. Применительно к политической науке дополнительная актуальность междисциплинарных исследований обусловлена сложносоставностью предмета [Гаман-Голутвина 2008], которая обозначена знаменитой метафорой Г. Алмонда о «столиках в кафе», призванной отразить наличие множества «школ и сект» в политической науке [Almond 1990]. Существенная методологическая проблема состоит в формате сопряжения этих условных «столиков»: станет ли внутренний дизайн этого многообразия вавилонской башней или «цветущей сложностью», соответствующей многослойности своего объекта – бесконечно сложного мира относительных истин? [Гаман-Голутвина 2019]. Сложность политологии в этом качестве состоит, в частности, в том, что она оперирует закономерностями вероятностного свойства, большинство из которых имеет относительно короткий период действия [Алмонд 1999].

Таким образом, рассмотрение методологического статуса современной политологии показывает, что ее проблемой является существенное запаздывание в интеграции постнеклассической картины мира в свой методологический арсенал, что в немалой степени связано с преимущественно сциентистским характером современной методологической рефлексии дисциплины и профессионального дискурса о ней. С одной стороны, это оправданно, так как ньютоновская картина мира остается верной локально, однако ориентация на нее как на гносеологический инвариант, очевидно, методологически уязвима. Данное противоречие имеет объективный характер – оно обусловлено вероятностной природой политического знания, побуждающей искать основания повышения его обоснованности посредством обращения к характеризующемуся более высокой внутренней валидностью естественнонаучному знанию. Однако принципиальной ошибкой является обращение не к постнеклассическим теориям, а к теориям классической эпохи. Уязвимости современной политологии во многом обусловлены упрощенным пониманием роли теории и методологии. Мы имеем дело с системным редукционизмом, вследствие которого понимание методологии сводится к ее пониманию как

метода. Этот редукционизм определяет ограниченность современной политологии в адекватном отражении постнеклассической политики.

Тем не менее не стоит расценивать сложившуюся ситуацию как кризисную – более точной характеристикой представляется ее оценка как эволюционной фазы аккумуляции, осмысления/переосмысления созданного ранее эвристического потенциала. Общепризнано представление о цикличности развития науки как включающей две взаимосменяющие и при этом несоразмерные по продолжительности фазы: длительные периоды накопления (осмысления, эмпирической проверки и т.п.) данных результируются в кардинальных прорывах, после которых требуется новый длительный период для освоения и развития полученных в итоге прорыва результатов, тщательная работа в рамках которого исподволь готовит новую революцию («Сова Минервы вылетает в полночь», Г.-В.-Ф. Гегель). Очевидно, что значительная часть прошедшего после официального конституирования политической науки в России в конце 1980-х гг. тридцатилетия стало в России естественной «парадигмой освоения» (А. Богатуров), позволившей форсированным темпом создать инфраструктуру (и субъекта) дисциплины. Нельзя не признать, что в целом этот этап был успешным, если учесть, в каких исключительно сложных условиях (во многих отношениях) он проходил. В настоящее время ощущается исчерпанность инерционного движения, но выйти за ее пределы пока не удается. Данная фаза коррелирует с состоянием и мировой науки, которая находится в стадии переосмысления существующего потенциала и в настоящее время не предлагает больших идей и теорий, сопоставимых с масштабными парадигмами прошлого. Однако вектор ближайшего развития – скорее, позитивный, поскольку по многим направлениям ведется кропотливая «лабораторная» работа – индуктивным и эмпирическим путем идет накопление и углубление политического знания, проверка и уточнение гипотез и теоретических конструкций. Это состояние можно выразить мыслью Гегеля «Крот истории роет медленно, но роет хорошо», поэтому подлинно значимые события — «это не наши самые шумные, а наши самые тихие часы» (Ф. Ницше).

В пользу суждений о продуктивности «негромкой», но результативной лабораторной работы свидетельствуют как результаты многочисленных эмпирических проектов, так и данные о восходящей динамике научных исследований по политическим наукам,

которая многократно превышает аналогичные показатели, например по истории. Несомненно, количественные показатели мало что говорят о качестве изысканий, но их кумулятивный эффект непременно скажется в будущем. Констатация продуктивности текущей деятельности не отменяет необходимости поиска технологий перезагрузки. В политологии необходимы свои «Великие дебаты» о теории, методологии и методах, которые позволят ре-структурировать поле, его теоретико-методологические и методные измерения.

Достойный ответ на эти эндогенные вызовы может помочь найти ключи к решению и экзогенных проблем, к категории которых можно отнести те, что порождены меняющими характер социальности технологическими сдвигами (искусственный интеллект, цифровизация политики, «Большие данные» и т.п.). Все вместе взятое может означать решение еще одной системной проблемы – оптимизации интерфейса академическая наука/практическая политика, отношения компаративистики с которой пока колеблются в диапазоне равно непродуктивных конформизма/конфликта.

Литература

1. *Achen C.* 2002. Toward a New Political Methodology: Microfoundations and ART. *Annual Review of Political Science*, vol. 5, pp. 423–450.

2. *Achen C.* 1985. “Editorial”. *Political Methodology* : 11.

3. *Beck N.* 2000. Political Methodology: A Welcoming Discipline. *Journal of the American Statistical Association,* vol. 95, no. 450. pp. 651–654.

4. *Brady H. and D. Collier*, eds. 2004. Rethinking social inquiry: diverse tools, shared standards. (2nd ed.: 2010).

5. *Brady H.E., Collier D. and Box-Steffensmeier J.M.* 2011. Overview Of Political Methodology: Post-Behavioral Movements and Trends In: The Oxford Handbook of Political Science. Ed. by Goodin R.E.

6. *Box-Steffensmeier J., Brady H.*, and *Collier D.*, eds. The Oxford Handbook of Political Methodology. 2008. Oxford: Oxford University Press.

7. *Collier D.* 1993. “The Comparative Method.” In *Political Science: The State of the Discipline*

8. Political science: the state of the discipline II / ed. Ada W. Finifter, 105–19. Washington, DC: American Political Science Association.

9. *Collier D.* and *Munck G.*, eds. 2017. Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Studying Critical Junctures. In Qualitative & Multi-Method Research 15, No. 1, Spring, pp. 2–9.

10. *King G.* 1991. On Political Methodology. *Political Analysis,* vol. 2, pp. 1–30.

11. *King G., Keohane R., Verba S.* Designing social inquiry: Scientific inference in qualitative research. Princeton: Princeton univ. press, 1994. 300 p.

12. *Munck G. & Snyder R.* 2007. *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics.* Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

13. *Roberts, M.E.* 2018. What is Political Methodology? *PS: Political Science and Politics*, vol. 51, no. 3, pp. 597–601.

14. *Taagepera R.* Science walks on two legs, but social sciences try to hop on one // International political science review. – Beverly Hills, Calif., 2018. Vol. 39, Iss. 1. P. 145–159.

15. *Taagepera R.* Making social sciences more scientific: The need for predictive models. Oxford: Oxford univ. press, 2008. 232 p.

16. *Taagepera R.* Logical models and basic numeracy in social sciences. Tartu, 2015. 297 p.

17. *Valentine J.C., Aloe A.M., Lau T.S.* Life after NHST: How to describe your data without ‘p-ing’ everywhere //Basic and applied social psychology. Mahwah, NJ, 2015. Vol. 37, N 5. P. 260–273.

18. *Алкер Х.Р.* 1999. Политическая методология: Вчера и сегодня // Политическая наука: Новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече.

19. *Алмонд Г.А.* 1999. Политическая наука: история дисциплины // под ред. Р. Гудин, Х.-Д. Клингеманн. Политическая наука: новые направления. М.: Вече. С. 69–112.

20. *Бауман З.* 2004. Глобализация. Последствия для общества и человека. М.: Весь мир. 188 с.

21. *Бор Н.* 1971. Избранные научные труды. Статьи 1925–1961 гг., Т. 2. М.: Наука.

22. *Гаман-Голутвина О.В.* 2008. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт. Ч. I // Полис. Политические исследования. № 6. С. 67–85.

23. *Гейзенберг В.* 1989. Физика и философия: часть и целое. М.: 400 с.
24. Динамика инноваций. 2011 / отв. ред. В.И. Супрун. Новосибирск.
25. *Ильин М.В.* 2018. Современная политическая наука: кризис или развитие? // Политическая наука. 2018. № 1. С. 40–67.
26. Инновационный человек и инновационное общество. 2012 / отв. ред. В.И. Супрун. Новосибирск.
27. *Патцельт В.* 2018. Переживает ли политическая наук кризис? // Политическая наука. 2018. № 1. С. 68–92.
28. Перспективы российской науки как социального и культурного института. 2014. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. № 8. С. 3–43.
29. Политический класс в современном обществе / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Рос. ассоциация полит. науки: Росс. полит. энциклоп., 2012.
30. Политическая социология. 2013 / под ред. Т.В. Евгеньевой. М.
31. Политическое управление. М., РАГС, 1999.
32. *Сморгунов Л.В.* 2014. Методологический синтез в современной сравнительной политологии // метод.м.: ИНИОН РАН. Вып. 4. С. 300–310.
33. Современная политическая наука: методология. 2019 / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной и А.И. Никитина. М.: Аспект Пресс. 2-е изд.
34. Современная элита России: политико-психологический анализ. 2015 / под общ. ред.: Е.Б. Шестопала, А.В. Селезневой М.: Аргамак-медиа.
35. *Степин В.С.* 2011. История и философия науки. М.: 423 с.
36. *Фролов И.Т.* О человеке и гуманизме. Работы разных лет. М., 1989.
37. *Фролов И.Т.* 2003. Человек и глобальные проблемы современности: необходимость мыслить и действовать по-новому // Избранные труды: в 3 т. Т. 3: О человеке и гуманизме. Работы разных лет. М.
38. *Фролов И.Т.* Философия глобальных проблем. Работы разных лет // отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Леланд, 2019.
39. *Хайдеггер М.* Время картины мира / Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.

O.V. Gaman-Golutvina

Contemporary Political Science Facing the Challenges of Global Problems

Abstract. There is a fundamental agreement in world science on the content and scale of global problems, their hierarchy and the degree of their severity. A significant contribution to the understanding of the global problems was made by I.T. Frolov, who became a pioneer of this direction in our country. At the moment it is obvious that the solution of the global problems lies to a large extent in the political sphere, since the complexity of these problems determines their status as strategic ones, determining the substantial parameters and characteristics of society and personality at the global and national-state level. The solution of these problems is impossible without coordination/cooperation of the conceptual policy of the key state institutions at the national level and without effective participation of the dominant international actors – at the global level. This determines the political nature of the decision-making process related to this topic. In turn, the effectiveness of political decisions is largely determined by the quality of political expertise, and the latter largely depends on political science fundamental development. The author of the article puts the problems of the effectiveness of contemporary political science as the basis for political expertise and strategic political decision-making in global problems solving. The author considers that the effectiveness of political expertise is significantly reduced since the weakness of the methodological foundations of contemporary political science. It is reflected in the shift of professional discussion from the methodology agenda to the methods issues: methodology agenda is discussed mainly in the dimension of the procedures, techniques and methods. The article is devoted to overcoming this vulnerability.

Keywords: global problems; political decision-making; methodology and methods of political science; political expertise

А.Ш. Тхостов

«Маленький» человек в условиях глобальной реальности

Аннотация. Рассматриваются проблемы восприятия обыденным человеком изменений существования в условиях развивающейся глобализации. В качестве проблемных областей выделяются: изменение границ приватности, трудности коммуникации, нарушение традиционных способов идентификации, нарастание скорости изменений, ограничение возможностей понимания происходящих изменений. Обсуждаются перспективы развития данных проблемных областей, возможные осложнения и побочные эффекты неконтролируемой и стихийной глобализации.

Ключевые слова: глобализация, психологическая адаптация, когнитивные возможности

Проблема глобализации современного мира имеет множество разнообразных аспектов и благодаря этому относится к числу наиболее обсуждаемых в современных науках. Страницы интернета включают миллионы, если уже не миллиарды ссылок на эту тему, по поводу которой высказываются все: от историков и физиков до религиозных деятелей и трангуманистов. В Декларации тысячелетия[35], принятой резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года главным фактором достижения сформулированных в ней целей в области развития является более эффективное управление процессом глобализации в интересах неимущих, обеспечит которое и призвана глобализация. «Глобализация и продолжающийся быстрый технический прогресс открывают невообразимые в прошлом возможности для социального и экономического развития. В то же самое время они по-прежнему сопряжены с серьезными проблемами, включая широкомасштабные финансовые кризисы, неуверенность в завтрашнем дне, нищету, изоляцию и неравенство как внутри обществ, так и между ними. Сохраняются значительные препятствия в плане дальнейшей интеграции и полного участия в

[35] Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения 19.04.2021).

глобальной экономике развивающихся стран, особенно наименее развитых стран, а также некоторых стран с переходной экономикой. До тех пор пока благами социально-экономического развития не будут пользоваться все страны, все большее число людей во всех странах и даже целые регионы будут оставаться на периферии глобальной экономики.

В мире, в котором все больше углубляется взаимозависимость, совершенствование экономического управления на всех уровнях приобретает все более важное значение для того, чтобы максимально увеличить выгоды процесса глобализации для всех»[36].

Несмотря на пафос и имплицитно подразумеваемую очевидность, последний тезис о «выгоде для всех» остается тем не менее, голословным. Как можно видеть в свете последних событий, связанных с короновирусной эпидемий, предполагающей и, вроде бы, доказывающей глобальную солидарность всего человечества перед лицом общей опасности, реально события происходят совсем по-другому. «Стоит вспомнить, что в пандемию владельцы ИТ-компаний только умножили свое состояние – в ту неделю, когда многие американцы потеряли работу, Джефф Безос, основатель Amazon, заработал $13 млрд за один день. Личное состояние основателя Twitter Джека Дорси выросло на $7,8 млрд (на 298%). Промышленный индекс Dow Jones во время пандемии также вырос. Согласно исследованию 24/7 Wall St., чистая стоимость 614 миллиардеров Америки выросла за первые семь месяцев пандемии на $931 млрд»[37].

В идеальном контексте разного рода деклараций глобализация понимается как очередной «столбовой путь человечества», на котором оно наконец обретет много раз обещанное ему счастье. Нюансы в этом случае игнорируются, а противников и критиков существования единственного верного «столбового пути» в лучшем случае обвиняют в недомыслии, а в худшем – делают «врагом человечества». Эта ситуация поразительным образом напоминает уже существовавшие проекты «безусловного счастья», которые тоже эксплуатировали выгоды перехода

[36] Ibid.

[37] *Сорокин Андрей.* «Великая перезагрузка» Клауса Шваба: в чем смысл концепции, как к ней относятся конспирологи, политические лидеры и бизнес-элита. Интернет издание "Republic", 22/04/2021 https://republic.ru/posts/100191 (дата обращения 24.04.2021).

к глобальному миру. Среди этих проектов не последнее место занимают Римская империя, Византия, империя Александра Великого, средневековые Халифаты, империя Карла Великого, Блистательная Порта, Наполеоновская империя, Третий рейх, советский проект, да и современная объединенная Европа и пр. Каждый из этих проектов основывался на предполагаемых безусловных выгодах объединения, пусть иногда и насильственного, но полезного во временной перспективе. Часть из этих проектов действительно приводила к созданию крупных государственных образований и союзов, становясь на какое-то, иногда довольно долгое, время двигателем прогресса, но в каждом случае кончавшимся новым раздроблением и регрессом. Это заставляет предполагать, что в больших институциях есть что-то, радикально несоответствующее нормальной человеческой размерности, делающее их некомфортными.

Современная волна глобализации основывается на властных отношениях нового типа: не государственных, а технологических, но это нисколько не отменяет возможного краха по модели предыдущих вариантов. Никто еще не доказал, что власть глобальных корпораций не обернется новым вариантом тиранической власти государств. Можно, конечно, утверждать, как это делают современные левые движения, их принципиальное отличие от предыдущих левых проектов, заканчивавшихся неизбежным крахом, состоит в том, что технологическая власть представляет собой радикально новое образование и сможет избежать ошибок предыдущих реформаторов, но это не отменяет того, что новизна проекта всегда сталкивается с инертностью человеческого существа, которую не всегда можно безболезненно изменить. Конечно, я не собираюсь отрицать что глобалистский проект, хоть и не безусловно, но в чем-то прогрессивен, однако, на мой взгляд, стоит задуматься и над тем, каких небезопасных трансформаций он требует от человека и в какую неочевидную психологическую среду он его помещает, ставя перед необходимостью изменения внутренней сущности.

Начнем с наиболее бесспорного: глобализм предоставляет человеку невиданные до него возможности. Этот важный момент связан с резко увеличивающейся свободой человека от надындивидуальных ограничений. Совсем недавно перед ним редко стояла задача индивидуальной или осознанной самоидентификации, сейчас же процесс идентификации настолько усложнился, что

здесь открывается не один «ящик Пандоры», причем с двойным дном. Ранее почти автоматически групповая или сословная идентичности мыслились однозначными и предопределенными, но в ходе культурно-исторических трансформаций, имплицирующих процессы поиска и обретения идентичности, индивид оказался подвержен риску найти не только большее разнообразие продуктивных вариантов самоидентификации, но и все нарастающее количество регрессивных или патологических форм обретения и фиксации себя в изменчивом мире, не говоря уже о возможности совершить личную ошибку выбора или неудачу, за которую он теперь должен отвечать сам. Да, человек уже не должен, родившись сапожником или кузнецом, с неизбежностью вставать на тот же путь, но одновременно он теряет всегда существовавшую в прежнем архаическом мире безопасность и определенность. У него уже нет готовой модели самоидентификации, но ему никто не может помочь избежать ошибки. Человек становится свободен, но за эту свободу приходится иногда так дорого платить, что «бегство от свободы» становится распространенным вариантом поведения[38]. Я совсем не собираюсь защищать сословную ограниченность выбора жизненного пути, замыкающего человека, по сути дела, в кастовых ограничениях, речь о другом: о трудности выбора самостоятельного пути, где ты заведомо не можешь рассчитывать на имплицитную помощь. Это та вторая сторона свободы в глобальном мире, о которой мы хотим забыть, постоянно подчеркивая путь self-made человека, но не говоря о куда большем количестве неудачников, разочаровавшихся и прочих «бунтарей без причины».

Если продолжить рассуждение о том, что современный мир дает человеку свободу от стереотипных форм идентификации, то их неустойчивость в этом новом мире может довольно легко превратиться в диффузность. Человек не должен оставаться сапожником или пекарем, каким были его отец и дед, но порой он вообще рискует быть обреченным на постоянную смену идентичности в мире постоянно меняющихся и отмирающих профессий. Зачем ему инвестироваться в зыбкую профессиональную идентичность, если мы не знаем, что будет востребовано завтра. Один из краеугольных камней самосознания человека – его профессиональная идентичность – отмирает, он становится человеком свободной или, скорее, ускользающей профессии и не

[38] *Фромм Э.* Бегство от свободы. –М., 1990.

может ответить на вопрос детской считалки: «…сапожник, портной, кто ты будешь такой?»

Это только одна очевидная сложность глобального мира. Другим следствием является утрата эмоциональных связей. Совсем было бы неплохо стать человеком, свободным от многих устаревших обязательств и рамок, но глобализация, помимо прочего, связана с распадом традиционной структуры семьи, устойчивой модели общества и деградацией форм общения. Коммуникативный дефицит компенсируется развитием средств массовой информации, интернетом, но взамен структурированного общества, скрепленного сложной и эмоционально нагруженной сетью реальных взаимодействий, приходит облегченная, обезличенная «всемирная паутина» необременительных связей.

На уровне нарушенных отношений в отдельной семье это возможно и не так страшно, куда хуже, если эти изменения затронут относительно неподвижный фундамент культуры, накопленный предшествующими поколениями и служащий естественной платформой групповой или национальной идентичности. Фаст-культура, рождающаяся на бегу, не может заменить этот фундамент, поскольку она по определению носит сиюминутный характер и рассчитана не на закрепление, а на постоянное обновление. У вас не может быть истории архитектуры, если вы строили здания из бумаги. Если в традиционной культуре любые сдвиги вписывались в определенный контекст и могли быть поняты именно в этом контексте, то фаст-культура больше похожа на калейдоскоп несвязанных или разорванных картинок.

Помимо фаст-культуры, как варианта неукорененной, поверхностной и непрерывно изменчивой культуры, идентификационные разрывы связаны с формированием особой «одноразовой» культуры. «Одноразовая» культура заведомо обладает ограниченными по сравнению с «вечной», возможностями создания материальной почвы связанной идентификации. Одноразовая чашка хорошо выполняет только одну функцию – сосуда для питья, но в отличие от чашки «моей бабушки» никак не может послужить материальной опорой укоренения. «Ничто не впечатляет так, как различие между новым поколением девочек, радостно отдающих своих барби ради новой усовершенствованной модели, и теми, кто, подобно их матерям и бабушкам, долго играл одной и той же куклой и был к ней нежно привязан, пока она не разваливалась от старости. В столь разном подходе выражается глав-

ное различие между прошлым и будущим, между обществом, базирующимся на постоянстве, и новым, быстро формирующимся обществом, базирующимся на недолговечности»[39].

Мы стоим перед необходимостью понять, как меняется в этой ситуации понятие развития и возможно ли в этом случае вообще развитие? Развитие – это тогда что? – Ситуация, в которой можно четко проследить начало, продолжение, традицию и перспективу? Или это ситуация отрицания каждого предыдущего шага последующим? Если последнее, то зачем вообще с чем-то идентифицироваться, если течение истории превратит эту идентичность в мусор на пути перемен? Симультанный и сукцессивный поток стремительно меняющихся событий, разрывающий общество по вертикали и горизонтали, размывает сердцевину идентичности индивида информационного общества и по сути становится патогенетическим звеном в формировании психогенных «параноидов обыденной жизни» [40].

Следствия технологической опосредованности картины мира уходят не только в будущее. Призрачным становится и прошлое. Предшествующая история также может быть в одночасье переписана или проинтерпретирована настолько разнообразно, что найти ориентиры в прошлом и установить с ним связь, особенно если всякая информация о нем либо исключена, либо искажена СМИ, уже практически невозможно. Тем более что глобализм стремится подменить многочисленные национальные варианты истории (безусловно противоречивые, но консолидированные в рамках национального самосознания) на некую универсальную историю, которой никогда не было. Традиционно спасительный якорь идентичности оказался утерянным, став просто ненужным в момент тектонического всплеска экспансии информационных технологий и постмодернистского релятивизма, – зацепиться стало не за что и незачем. «Распалась связь времен», динамические формы идентификации тоже перестают работать, поскольку непонятно, куда двигаться: в прошлое, ставшее размытым, будущее – неоднозначным, а настоящее – куда-то ускользающим.

---

[39] *Тоффлер Э.*, 2002. С. 62.

[40] Клинически виртуозное описание, данное С.Г. Жислиным этому синдрому, можно довольно легко спроецировать на переживания людей, сталкивающихся с изменениями, скорость которых превосходит их ресурсы совладания. *Жислин С.Г.* Об острых параноидах. М., 1940).

В такие моменты единственным источником обретения себя становится атомизация общества – ограничение всех контактов, кроме самых близких, или поиск заимствованной внешней защиты в форме увлечения самыми дикими, но кажущимися надежными вариантами: секты, фанатические сообщества, мистические радения или не столь уж от них отличающиеся варианты «woke-культуры»[41], захватившей современные левые круги, и пр.

Трудность адаптации к ускоряющемуся глобальному обществу имеет вполне понятные психологические причины: человеку свойственны определенная инертность и лень, даже если что-то можно сделать быстрее, но иным способом, возникает сопротивление, тем более понятное у пожилых людей, ресурсы которых по освоению нового с возрастом становятся все более ограниченными. Но естественный консерватизм не исключает правомерности вопроса о том, существует ли какой-либо предел ускорения происходящих с человеком событий, исчерпывающий его ресурсы адаптации и начинающий разрушать стабильность идентичности. В данном случае это не просто вопрос консерватизма или прогрессизма как индивидуальных точек зрения, но вопрос о возможности существования точки или диапазона устойчивости, включающих в себя открытость изменениям, но не приводящих к необратимым разрывам. Элвин Тоффлер, предвосхищая в 1970 г. «шок будущего», говорил, что все современные социальные структуры пошатнуло ускорение – одна из самых значимых и наиболее непонятных социальных сил. В его интерпретации ускорение – это не простое повышение скорости изменений, существовавшее всегда, а некий качественно своеобразный вызов, с которым впервые сталкивается человечество и следствия которого не вполне очевидны. «…Ускорение перемен – это также и психологический фактор. Хотя его почти полностью игнорировали психологи, возрастающая скорость перемен нарушает наше внутреннее равновесие, преобразуя сам способ переживания жизни. Внешнее ускорение превращается в ускорение внутреннее»[42]. В отчете отдела политики и плани-

---

41 *Смирнов Никита.* Стендап и свобода слова: что происходит с юмором в эпоху политкорректности и где проходит граница допустимого. Журнал Esquire https://esquire.ru/articles/172373-stendap-i-svoboda-slova-chto-proishodit-s-yumorom-v-epohu-politkorrektnosti-i-gde-prohodit-granica-dopustimogo/#part0 (дата обращения 24.04.2021).

42 *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2002. С. 45.

рования Американской психологической ассоциации 2008 года, посвященном новым технологиям, сказано, что благодаря технологиям «будущее теперь – это уже не завтра, это через 10 минут»[43]. Это будущее не нейтрально – технологии задают новые возможности, а тем самым – цели и ценности, сдвигают привычные границы нормы и патологии, изменяют структуру деятельности.

Попытаемся последовательно очертить наиболее уязвимые по отношению к скорости технологических изменений психологические сферы. По мнению Э. Тоффлера, первое уязвимое место, по которому бьет ускорение, – повседневная жизнь. Стабильность человек ощущает как понятность, прозрачность, интеллигибельность мира. Изменения мира были столь неспешны, что человек успевал приспособиться к ним, даже не замечая этого. Создавалось ощущение безопасности, комфортности. В понятном, прозрачном, предсказуемом мире разные поколения и жители различных регионов не сталкиваются с непониманием, различными ценностями, находятся в примерно равном отношении к неспешному прогрессу. Стабильность, воплощенная в авторитетах, ориентируется на уже существующую модель мира, обладающую перед переменами очевидными преимуществами в диапазоне от «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен» Конфуция до «При мне все будет, как при бабушке» Александра I.

Однако очевидность этих преимуществ имеет и обратную сторону, когда избыточная стабильность начинает интерпретироваться как стагнация, отсутствие жизни, новизны и сопровождаться психологически очень сложным переживанием сладостного омертвения, неподвижности «сна Обломова»: «Это был какой-то всепоглощающий, ничем непобедимый сон, истинное подобие смерти. Все мертво, только из всех углов несется разнообразное храпенье на все тоны и лады»[44]. Иными словами, имеет смысл говорить о скорости перемен не как о бинарной шкале, где перемены противостоят комфорту, а как об определенном континууме, где комфорт присущ лишь некоторой средней зоне. На одном полюсе этого континуума нахо-

43 How technology changes everything (and nothing) in psychology. 2008 annual report of the APA Policy and Planning Board // American Psychologist. 2009. No 64 (5). – Pp. 454–463.
44 *Гончаров И.А.* Обломов. СПб., 2010. С. 58.

дится зона «застоя». На другом полюсе – мир в эпоху быстрых перемен, как создающих ощущение азарта, витальности, так и переходящих в крайних точках к неустойчивости, хаотичности, непонятности, опасности. Сосредоточимся не столько на политических переменах, вернее, не на их содержании, а в большей степени на технологических переменах или самом факте непрерывного ускорения, которые затрагивают фундаментальные вопросы бытия, ощущения безопасности, идентичности, хронотопа и пр. Оставим пока в стороне и вопрос об индивидуальных различиях толерантности к скорости перемен: у различных людей весьма значительно отличаются зоны комфортности. Безотносительно к этому экономическое и технологическое ускорение порождают новую скорость перемен, к которой уже не удается приспособиться незаметно и приходится прилагать специальные усилия, чтобы успевать за меняющимся миром.

Помимо трудно переносимого ускорения, превышающего оптимум адаптации, слишком большая размерность глобального мира также затрудняет его умопостигаемость. Когда обыденный человек сталкивается с избыточной сложностью окружающего мира, то его наиболее стандартной реакцией является либо его упрощение, примитивизация, отрицание избыточного разнообразия (мы все абсолютно одинаковы, весь человеческий род единообразен, культурные различия несущественны), либо мистификация, достигающая уровня конспирологических интерпретаций (мировая закулиса, наднациональное правительство, заговор корпораций). И то и другое не способствуют успешной адаптации и лишь усугубляют ощущение опасной неопределенности и непонятности.

Происходит эрозия опыта, перестающего быть материалом идентификации, вернее, становящегося бессмысленным для текучей идентичности. Выражая опасения по поводу последствий научно-технического прогресса, Тоффлер приводит метафорическое высказывание Р. Лэппа: «Никто – даже самый блестящий из ныне живущих ученых – в действительности не знает, куда ведет нас наука... Мы находимся в поезде, который набирает скорость, мчимся по пути, где стоит неизвестное количество стрелок, ведущих к неизвестным пунктам назначения. В кабине паровоза нет ни одного ученого, а у стрелок могут оказаться демоны. Большая часть общества находится в тормозном вагоне

и смотрит назад»[45]. Если говорить о личностных последствиях для человека, то речь идет о нарушении границ идентичности: если человек их утрачивает, то у него радикально увеличивается уровень тревоги, появляется ощущение управляемости и, как результат, возникают психотические переживания. В современном психоанализе центральным звеном психотической структуры, реализующейся при определенных условиях в форме психоза, считается именно неустойчивость или непрочность границ идентичности, порождающая ощущение постоянной опасности. Другая сторона размывания границ идентичности информационными технологиями связана с закрытостью для человека механизмов их проникновения в его личное пространство. Ведь принципы и алгоритмы высокотехнологичных устройств, напичканных программами «двойного назначения», для подавляющего большинства людей остаются вне их понимания[46]. Человек становится легко доступным для окружающих, а в результате неосознанно теряет устойчивость границ собственной идентичности. Благодаря техническому прогрессу, практически в любой момент времени можно нарушить его уединение, связаться с ним, передать ему информацию, потребовать встречи. Как правило, утрата приватности незаметна самому человеку и может выражаться в раздражении и недовольстве, если человека внезапно «отрывают» от важных дел. Но зачастую люди очень болезненно переживают нарушение своих психологических границ. «Технологии не являются нейтральными по отношению к приватности. Подавляющее большинство технологий нарушают приватность, это заложено в самой их природе… Технологии также позволяют осуществлять лучший контроль за недетерминированными процессами, такими как выбор человеком хлопьев на завтрак или политические выборы. Мы игнорируем эту тенденцию на свой страх и риск»[47].

Ощущение непонятности в этом случае связано с гипотетической опасностью для человека, оказавшегося в слишком несоразмерном ему мире, требует от него развития особых навыков и умений. Одним из первых поставил такую задачу М. Маклюэн:

---

45 Цит. по: Тоффлер, 2002. С. 470.

46 *Емелин В.А.* Утрата приватности: идентичность в условиях технологического контроля // Национальный психологический журнал. 2014. № 2. С. 19–26.

47 *Гарфинкель С.* Все под контролем: кто и как следит за тобой. Екатеринбург, 2004. С. 354.

«Раньше влияние медиа распространялось более постепенно, что в известной мере смягчало восприятие. Сегодня же, в электронный век непрерывной коммуникации, наше выживание – или, как минимум, комфортное существование и счастье – зависят от умения понимать природу окружающего мироустройства. Это умение необходимо, поскольку изменения теперь происходят не так, как в прежние времена: электрические медиа обеспечивают практически непрерывную метаморфозу культуры, ценностей и мировоззрений. Это постоянное превращение настоящего в следующее – причина страданий и потери идентификации, которые возможно компенсировать только через осознание динамики происходящего. Если мы понимаем революционные перемены, происходящие благодаря медиа, мы можем предвосхищать и управлять ими. Если же мы будем упорствовать в добровольном поддержании нашего подсознания в трансе, то мы останемся его рабами»[48]. Э. Тоффлер говорил: «Для того чтобы выжить, чтобы предотвратить то, что мы назвали шоком будущего, индивид должен стать бесконечно более адаптируемым и знающим, чем когда-либо раньше. Он должен искать абсолютно новые способы бросить якорь, ибо все старые корни – религия, нация, общность, семья или профессия – уже шатаются под ураганным натиском силы ускорения. Однако прежде чем он сможет это сделать, он должен понять, как воздействия ускорения проникают в его частную жизнь, сказываются на его поведении и изменяют качество существования»[49]. Размышляя сходным образом еще на заре расцвета глобальных тенденций современного мира С. Лем предупреждал, что быстрое изменение жизненных условий служит одним из факторов, разрушающих значимость обычаев и норм в современном мире: «Всякая технология, в сущности, просто продолжает естественное, врожденное стремление всего живого господствовать над окружающей средой или, по крайней мере, не подчиняться ей в борьбе за существование»[50], но в отличие от природных процессов, сбалансированных во времени, именно лавинообразная скорость технологического прогресса служит реальной угрозой энтропии и

[48] Интервью с Маршаллом Маклюэном в журнале PLAYBOY (1969 г.) // Mcluhan.ru. 2012. URL: http://www.mcluhan.ru/articles/marshall-maklyuen-intervyu-dlya-playboy-ch-2/ (дата обращения: 20.01.2014).

[49] Тоффлер, 2002. С. 48.

[50] *Лем С.* Сумма технологий. М., 1996. С. 9.

утраты гомеостаза – равновесия сил человека и машин, скорости перемен и идентичности постоянства.

Все эти опасения, высказанные задолго до превращения сложного многообразного, но достаточно удобного и соразмерного человеку мира в иллюзорно единую «глобальную деревню», живущую по непонятным законам, в значительной степени подтвердились в том числе и в форме параллельного развития достаточно диких антиглобалистских течений, представляющих собой вполне закономерную реакцию обыденного человека против трудных для него изменений. Они скорее всего не отменят объективного течения событий, но требуют безусловного осмысления, а не простого наивного восторга перед всем, что на первый взгляд кажется прогрессом человечества.

A. Sh. Tkhostov

An “Ordinary” Man in the Context of the Global Reality

Abstract. **The present article addresses the problems of an ordinary person’s perception of changes in the existence in the context of a developing globalization. The following problems are identified: the change in the borders of privacy, difficulties in the communication, the disturbance in the traditional ways of identification, an ever-increasing pace of changes and limited abilities to comprehend the on-going changes. It also discusses prospects for the development of those problem domains, possible complications and side effects of an uncontrolled and spontaneous globalization.**

Keywords: globalization, the psychological adaptation, cognitive abilities

Т.А. Нестик

Долгосрочная ориентация и социальный оптимизм в условиях глобальных рисков[51]

Аннотация. В статье анализируются причины снижения уровня долгосрочной ориентации и социального оптимизма в условиях глобальных рисков. Рассматриваются подходы к их изучению, их структура и социально-психологические предпосылки. На основании серии эмпирических исследований показано, что социальный оптимизм и долгосрочная ориентация поддерживаются верой в осмысленность, предсказуемость и справедливость мира, верой личности в свою способность влиять на происходящее в своей жизни и стране, генерализованным межличностным и институциональным доверием, связывающим социальным капиталом, а также воспринимаемой социальной поддержкой в условиях глобальных рисков. Предложены меры для формирования социального оптимизма и долгосрочной ориентации в российском обществе. Намечены перспективные направления исследований.

Ключевые слова: долгосрочная ориентация, социальный оптимизм, образ будущего, горизонт планирования, доверие, социальные верования, глобальные риски, пандемия, COVID-19

Введение

Для ответа на глобальные вызовы обществу необходимы такие психологические характеристики, которые трудно сформировать в краткие сроки: доверие к социальным институтам и людям в целом, рефлексивность в отношении коллективного прошлого, настоящего и будущего, ориентация на учет долгосрочных последствий, социальный оптимизм. Эти факторы имеют огромное значение для экономического развития России (Социокультурные факторы…, 2017; Аузан и др., 2020), между тем именно их ресурс исчерпывается во время глобальных кризисов.

[51] Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №19–29–07463.

Долгосрочная ориентация и социальный оптимизм снижаются под влиянием трех основных факторов. Во-первых, их подрывают рост социального неравенства и крах общественного договора: государство больше не может гарантировать стабильный рост благосостояния большинству своих граждан, доверие к глобальным и внутристрановым социальным институтам снижается. Во-вторых, пессимизм в отношении будущего, связанный с экономическими факторами, усугубляется растущим осознанием неотвратимости негативных последствий изменения климата, а также других природных и антропогенных рисков. В-третьих, техно-гуманитарный дисбаланс, проявляющийся в том, что развитие технологий опережает развитие социального капитала, обеспечивающего способность общества договариваться о правилах их использования (Человек в условиях глобальных рисков, 2020).

По данным опроса Левада-Центра, проведенного в феврале 2020 г., 38% россиян указали, что обычно не строят планов, а 34% – знают, что с ними будет в ближайшие год-два, а на большее не загадывают (Левада-Центр, 2020). Пандемия COVID-19, охватившая мир в 2020–2021 гг., еще больше усилила эти тенденции. Так, например, по данным ВЦИОМ, к апрелю 2020 г. число россиян, не строящих долгосрочных планов, возросло по сравнению с 2019 г. с 67 до 84%. В сентябре 2020 г. 52% опрошенных россиян признались, что думают о своем будущем с тревогой (ВЦИОМ, 2021). При этом в июне 2020 г. 62% россиян считали, что худшие времена впереди; доля респондентов, способных представить себе свое будущее не больше чем на несколько месяцев, выросла на 10% (45% в 2020 г. по сравнению с 35% в 2019 г. (Федоров, 2020). Как показал общероссийский репрезентативный поквартирный опрос (N = 6000), проведенный нами совместно с Фондом общественного мнения и ИГ «ЦИРКОН» в апреле 2021 г., 26% россиян вообще не строят планов; 43% планируют свою жизнь на период от нескольких месяцев до одного-двух лет; 23% планируют свою жизнь на время от 3 до 10 лет; наконец, только 8% наших сограждан строят планы более чем на 10 лет.

Безусловно, причины снижения социального оптимизма и сокращения горизонта планирования не сводятся к одной лишь неопределенности будущего в условиях пандемии. Они лежат глубже и связаны с коллапсом доверия к социальным институтам, наблюдающимся в мире на протяжении последних

нескольких лет. Международные исследования свидетельствуют о том, что в развитых странах большинство уже не верит в то, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная (The Governance for Happiness, 2019). Большинство респондентов в экономически развитых странах убеждены в том, что их жизнь не станет лучше в ближайшие пять лет, а 56% всех опрошенных считают, что капитализм в нынешней его форме приносит больше вреда, чем пользы (Edelman Trust Barometer, 2020). При этом среди 28 стран, участвовавших в опросе Edelman Trust Barometer в 2021 г., Россия по уровню доверия занимает последнее место: лишь 31% опрошенных россиян доверяют социальным институтам – государству, СМИ, бизнесу и НКО (Edelman Trust Barometer, 2021). Разрушается общественный договор, сформировавшийся после Второй мировой войны и предполагавший, что система общественных отношений и государство обеспечивают постепенное улучшение качества жизни граждан. Переход к экономике интернет-платформ подстегнул наблюдавшийся на протяжении 2000-х гг. рост численности прекариата, то есть людей, не имеющих стабильной и полной трудовой занятости (Прекариат..., 2020). Изменение социального пространства и организации времени под влиянием цифровых технологий создает диспропорции не только в доступе к средствам формирования коллективной памяти и прогнозирования будущего, но и в наличии самого времени для проспективной рефлексии и стратегического диалога. Необходимость постоянно оставаться «на связи», дробление рабочих задач, почасовая оплата труда, совмещение нескольких мест работы – все это усиливает так называемую временную бедность (Giurge et al., 2020), то есть структурно обусловленный дефицит времени, снижающий качество жизни, сокращающий горизонт планирования и временную перспективу в целом.

Коллапс доверия к социальным институтам на фоне растущих глобальных рисков, таких как изменение климата, вынужденная миграция и пандемия, обостряется разрушением мирового геополитического порядка и поддерживающей его системы международных институтов (Мир 2035: глобальный прогноз, 2017). В условиях кризиса американской мечты, достижение которой более невозможно для подавляющего большинства американцев (Lamont, 2019), а также роста неравенства в экономически развитых странах (Piketty, 2020), идет поиск новых ролевых мо-

делей успеха и «нарративов надежды», основанных не на экономическом процветании, а на просоциальном поведении (Человек в условиях глобальных рисков, 2020).

В России к этим факторам можно добавить не только рассогласованность системы государственного стратегического управления, но и высокий социальный цинизм, веру в опасный и конкурентный мир, неверие большинства в возможность влияния на ситуацию в нашей стране. Так, по данным нашего исследования в апреле 2021 г. (N = 6000), 49% россиян убеждены, что живут в мире, который похож на джунгли, где выживает сильнейший; 50% согласны с тем, что наш мир опасен и непредсказуем; лишь 11% считают, что могут влиять на политические решения в стране.

Влияние социально-демографических факторов на долгосрочную ориентацию носит противоречивый характер. Так, старение населения сокращает долгосрочную ориентацию, но рост продолжительности жизни, увеличение пенсионного возраста и повышение социальной генеративности пожилых людей могут ее увеличивать. Наконец не менее противоречивыми являются эффекты развития технологий. Внедрение систем искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности приводит к созданию «когнитивных протезов», облегчающих планирование и преодоление эффектов дисконтирования будущего (Lieder et al., 2019). С другой стороны, мгновенный доступ к контенту и услугам, интернет-торговля, развитие иммерсивных развлекательных технологий снижает ориентацию на отложенное вознаграждение.

Чтобы разобраться в причинах снижения социального оптимизма и сокращения временной перспективы, а также предложить меры по их поддержке в условиях глобальных рисков, нужно принимать во внимание социально-психологическую природу этих феноменов.

Социальный оптимизм как психологический феномен

Социальный оптимизм в социологических и экономических исследованиях определяется чаще всего как позитивные ожидания, в том числе оценка благополучия своей семьи в будущем (Katona, 1972). В психологической литературе социальный оп-

тимизм понимается прежде всего как генерализованное ожидание благополучного преодоления тех или иных конкретных социальных проблем в будущем: преступности, коррупции, социального неравенства, экономических кризисов и подверженности катастрофам (Schweizer K., Schneider, 1997; Донцов, Зеленев, 2010). Он может измеряться и как оценка контролируемости негативных событий, а также вероятности социальных кризисов и техногенных катастроф (Matonytė et al., 2017). Известно, что социальный оптимизм, как правило, ниже, чем диспозиционный оптимизм личности, что принято связывать с низкой оценкой контролируемости коллективного будущего (Schweizer, Rauch, 2008).

Подход к пониманию социального оптимизма в социальной психологии связан с концепцией коллективной самоэффективности – убеждения членов группы в способности совместными усилиями организовать и реализовать действия, необходимые для достижения тех или иных целей (Bandura, 2000). Коллективная самоэффективность рассматривается также как вера личности в способность своей группы решить стоящие перед ней проблемы (Sampson et al., 1997; Pietrantoni, 2014; Muncy, Iyer, 2020). Некоторые авторы рассматривают социальный оптимизм как многомерное явление, предлагая измерять его множеством показателей, отражающих в том числе удовлетворенность настоящим (Горбачева и др., 2018). Социальный оптимизм тесно связан с доверием к социальным институтам (Темницкий, 2016), а также с образом будущего – коллективными ожиданиями, надеждами, мечтами и страхами (Нестик, 2018).

Социально-психологические исследования, проведенные нами в период пандемии, показывают, что социальный оптимизм сильнее всего определяется не оценкой тяжести текущего экономического положения, а доверием к социальным институтам и верой в возможность получить поддержку от других людей (Человек в условиях глобальных рисков, 2020).

Как показало исследование, проведенное нами совместно с ФОМ и ИГ «ЦИРКОН» в апреле 2021 г. (N = 6000), уровень социального оптимизма россиян низкий: лишь 51% опрошенных верят, что их дети будут жить лучше, чем они; только 44% уверены в том, что россияне смогут изменить жизнь в стране к лучшему. Исследование показало, что предпосылками социального оптимизма являются: 1) позитивные чувства по поводу принадлеж-

ности к россиянам; 2) вера в справедливость мира, убеждение в том, что, в конечном, счете совместные усилия будут вознаграждены успехом; 3) наличие жизненных целей и планов, вера в собственную способность влиять на положение в стране. При этом разрушительными для социального оптимизма являются вера в опасный мир и популизм.

В другом исследовании, проведенном нами весной 2021 г. (N = 751; 49% – мужчины, 51% – женщины; $M_{возр}$ = 40,4; SD = 11,5), была выявлена связь социального оптимизма с гражданской идентичностью, оправданием социальной системы и связывающим социальным капиталом, то есть ориентацией на построение широкой сети контактов. Иными словами, оптимистическая оценка способности своей группы справиться с трудностями включена в механизмы поддержания позитивной идентичности – гордости в связи с принадлежностью к обществу, убеждения в том, что устройство общества отвечает интересам граждан и каждому дает возможность для самореализации. Социальный оптимизм поддерживается связывающим социальным капиталом, то есть завязыванием контактов с представителями других социальных групп, которое расширяет круг доверия и тем самым – круг людей, на поддержку которых мы можем рассчитывать. Выявленная нами прямая связь между социальным оптимизмом, интересом к долгосрочному будущему и связывающим социальным капиталом хорошо соответствует результатам других исследований, показывающих, что объем и разнородность персональной социальной сети контактов усиливает индивидуальную ориентацию на будущее и готовность задумываться о коллективном будущем (Нестик, 2014; Burt, 2017).

Как оказалось, тревога по поводу будущего усиливает прямую связь между социальным оптимизмом и оправданием социальной системы. Это подтвердилось и в другом исследовании, проведенном в конце июля 2021 г. (N = 1000; 45% – мужчины, 55% – женщины; $M_{возр}$ = 38,7; SD = 12,6). Наибольший вклад в уровень социального оптимизма вносят вера в справедливый мир, авторитаризм правого толка, коллективная политическая самоэффективность, оправдание социальной системы, идентификация с Россией, доверие к государству и институтам гражданского общества. Связь социального оптимизма с верой в справедливый мир, оправданием социальной системы и авторитаризмом указывает на то, что он выполняет функции перцептивной защиты, поддерживая осмысленную картину мира и убеждение в том,

что следование определенным правилам будет вознаграждено в будущем.

Долгосрочная ориентация и ее социально-психологические предпосылки

С социальным оптимизмом тесно связана долгосрочная ориентация, которую можно рассматривать как значимость для личности и группы долгосрочного целеполагания, прогнозирования и планирования, достижения и сохранения устойчивых к изменениям результатов своей и чужой деятельности, а также учета долгосрочных последствий этой деятельности для себя, других людей и окружающей среды. В экономической психологии и нейронауках долгосрочная и краткосрочная ориентации изучаются в рамках исследований межвременного выбора и феномена дисконтирования будущего (Frederick et al., 2002), как способность людей к воображению себя и других в отдаленном будущем, развившаяся в ходе эволюции благодаря языку (Corballis, 2019); в психологии личности – как ориентация личности на учет будущих последствий своих действий (Joireman, King, 2016); в кросс-культурной психологии – как ориентация на получение выгод в будущем и планирование, предполагающее настойчивость и упорство в настоящем, а также уважительное отношение к традициям прошлого (Hofstede, Minkov, 2010); Долгосрочная ориентация – многомерный феномен, включающий ценностно-мотивационные, когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты (Нестик, 2020; Нестик, 2021). К ее ценностно-мотивационным компонентам могут быть отнесены ориентация на отложенное вознаграждение и выраженность дисконтирования будущего, ценность преемственности, устойчивых к времени достижений и следа в истории, ценность непрерывного саморазвития, ценность прогнозирования будущего, ценность долгосрочного целеполагания и планирования, ценность долгосрочных отношений, ответственность перед будущими поколениями. К когнитивным компонентам относятся протяженность временной перспективы, горизонт планирования, убеждение в возможности влиять на отдаленное будущее и прогнозировать его, убеждение в том, что затраченные усилия будут вознаграждены в будущем. Среди аффективных компонентов можно выделить удовольствие от фантазирования в

отношении долгосрочного будущего, интерес к долгосрочным прогнозам и оптимизм в отношении долгосрочного будущего. Наконец, к поведенческим компонентам можно отнести постановку долгосрочных целей, ориентацию на учет долгосрочных последствий, поиск информации о долгосрочном будущем, готовность обсуждать его с друзьями и коллегами и ориентацию на приобретение товаров длительного пользования.

Эта многокомпонентная структура долгосрочной ориентации как сложного социально-психологического феномена была подтверждена в ходе проведенного нами опроса российской молодежи в восьми федеральных округах (N = 1970). В результате исследования были выявлены социально-психологические типы краткосрочной ориентации («пессимисты» – 8,9% и «тактики» – 24,2%) и типы долгосрочной ориентации («стратеги» – 19,8%, «ориентированные на личные достижения оптимисты» – 15,2%; «просоциальные визионеры» – 12,7%; «ответственные традиционалисты» – 19,2%). Было показано, что существует как коллективистическая ориентация на долгосрочное будущее, опирающаяся на доверие социальным институтам и сопереживание («просоциальные визионеры», «ответственные традиционалисты»), так и индивидуалистическая долгосрочная ориентация («стратеги» и «ориентированные на личные достижения оптимисты»), при которой долгосрочное прогнозирование и планирование связаны с ориентацией на личные достижения и самостоятельность (Нестик, 2021).

Нами впервые были выявлены такие социально-психологические факторы долгосрочной ориентации, как дескриптивные нормы и тревожные переживания, связанные с изменениями в обществе. Было обнаружено разнонаправленное влияние тревоги по поводу будущего на различные компоненты долгосрочной ориентации, в том числе ее негативная связь с оценкой долгосрочного будущего и прямая связь с интересом к долгосрочным прогнозам и целеполаганием. Кроме того, в серии проведенных нами исследований было показано, что предикторами долгосрочной ориентации являются децентрация, т.е. восприятие, понимание, учет, принятие в расчет точки зрения, опыта другого человека, а также сопереживание другим людям в период пандемии (Нестик, 2021).

Как показал общероссийский репрезентативный поквартирный опрос (N = 6000), проведенный нами совместно с Фондом общественного мнения и ИГ ««ЦИРКОН»» в апреле 2021 г., го-

ризонт планирования зависит от оценки социальных ресурсов, имеющихся у респондентов: экономического статуса и уровня образования. Однако на него влияют и психологические характеристики личности: доброжелательность и воспринимаемый уровень социальной поддержки, контроль над собственной жизнью, субъективное благополучие и доверие к миру. Проведенное нами исследование подтвердило негативную связь горизонта планирования и социального оптимизма с тремя группами факторов: образ опасного мира (социальный цинизм, вера в несправедливый и опасный мир), дефицит социальных ресурсов (низкое материальное положение, низкий уровень образования и воспринимаемой социальной поддержки), а также субъективное благополучие (низкий уровень субъективного счастья, симптомы депрессии, тревога по поводу будущего). При этом, как оказалось, показатели субъективного благополучия выступают в роли медиатора, опосредуя влияние двух других групп факторов на горизонт планирования.

Результаты другого нашего исследования, проведенного в 2021 г. (N=751), позволили уточнить роль, которую играют в поддержании долгосрочного горизонта планирования показатели социальной интеграции: связывающий социальный капитал и обращение за инструментальной поддержкой. Исследование показало, что протяженность горизонта планирования личностью своей жизни связана с тремя группами факторов: во-первых, с доверием к государству и обществу; во-вторых, с ориентацией личности на долгосрочное целеполагание и верой в способность влиять на свою судьбу; в-третьих, с ориентацией на расширение личной сети контактов и готовностью использовать этот социальный капитал в ситуации кризиса.

В уже упомянутом нами исследовании, проведенном весной 2021 г. (N = 751), нам удалось уточнить связь долгосрочной ориентации и горизонта планирования с отношением личности к глобальным рискам. Как оказалось, общий уровень долгосрочной ориентации зависит от: 1) принятия жизни в условиях глобальных рисков; 2) проактивного совладания, то есть стремления учесть их последствия при принятии решений; 3) отношения к ним как к возможностям; 4) самоэффективности, т.е. уверенности в своей способности защитить себя и близких от их последствий; 5) оптимизма в отношении глобального будущего; 6) воспринимаемой социальной поддержки, то есть наличия

людей, готовых прийти на помощь в случае массового бедствия. Интересно, что протяженность горизонта планирования прямо связана с проактивным совладанием и самоэффективностью, но негативно связана с оптимизмом в отношении глобального будущего. Это может указывать на то, что тревога в ожидании глобальных кризисов подталкивает к долгосрочному планированию жизни при условии, что мы считаем себя способными справиться с ними.

Проведенная нами серия исследований показывает, что в основе сокращения горизонта планирования лежат формирование убеждения в опасности мира и социальный пессимизм, снижение генерализованного и институционального доверия, сокращение «слабых связей» личности с представителями других социальных групп, а также воспринимаемой социальной поддержки в условиях глобальных рисков.

Заключение

Наши исследования показывают, что для поддержки социального оптимизма необходимы прежде всего сокращение социального неравенства, снижение социального цинизма и поляризации общества. Если же речь идет о пропагандистских кампаниях, то здесь нужны не столько позитивные прогнозы, которым россияне, наученные горьким опытом, мало верят, сколько конкретные примеры успешного опыта взаимопомощи среди россиян, истории о том, как доверие другим людям оказалось оправданным и принесло успех.

Поддержка долгосрочной ориентации в российском обществе должна опираться одновременно на несколько принципов. Во-первых, на преодоление выученной беспомощности: информирование о случаях, когда россияне повлияли на ситуацию в своей жизни, городе, стране; элементы прямого налогообложения, возможности для налогоплательщика выбирать статьи бюджета, которые он поддерживает; развитие накопительной пенсионной системы, информирование о том, какой будет пенсия. Во-вторых, на развитие социального воображения (например, больше фильмов о будущем без катастрофизации). В-третьих, поддержка практик сопереживания и развитие навыков психологической помощи в школах. В-четвертых, поддержка долгосрочной ориентации как дескриптивной нормы, разделяемой боль-

шинством (от «это престижно» к «у нас так принято»). И в-пятых, формирование доверия к социальным институтам: необходимо закрепить «правила игры» в областях, связанных с развитием человеческого капитала, расширить долгосрочные программы карьерного и профессионального развития; увеличить горизонт планирования бюджета; создать экономические стимулы для игры на «длинных деньгах».

Опираясь на проведенный нами теоретический анализ и результаты серии эмпирических исследований, можно выделить несколько перспективных направлений междисциплинарных исследований.

Необходимо выявить закономерности динамики долгосрочной ориентации и социального оптимизма в российском обществе, а также их отдельных компонентов на разных стадиях кризиса. Мы все еще мало знаем о том, что поддерживает в людях надежду и оптимизм вопреки ухудшению экономической ситуации, или наоборот, что снижает веру в будущее в условиях относительного экономического благополучия. В этой связи представляют особый интерес ситуации, когда ослабление одного из компонентов долгосрочной ориентации компенсируется другими. Например, в условиях высокой неопределенности может происходить сокращение горизонта планирования, однако протяженность временной перспективы в целом остается прежней или даже вырастает: в ситуациях, когда планирование затруднено, для некоторых категорий россиян долгосрочное будущее не теряет своей значимости, оно остается наполненным жизненными целями, служит ориентиром для принятия решений, является предметом надежды и основанием для сохранения позитивной самооценки.

Чрезвычайно перспективными являются также исследования динамики долгосрочной ориентации как макропсихологического показателя, в том числе на основе цифровых следов и корпусных лингвистических исследований. Проведенный нами анализ русскоязычного корпуса Google Ngrams показывает, что с середины 1970-х употребление слов, связанных с долгосрочным планированием, сокращается, тогда как употребление слов, связанных с воображаемым будущим, растет. С середины 1970-х гг. наблюдается резкий спад частотности употребления лексических единиц, связанных с планированием («планирование», «перспективное планирование», «долгосрочный план» и др.). В 20-м веке наиме-

нее употребительными они были в период середины 1990-х гг., что связано с разрушением плановой экономики, а также периодом ценностного и социально-экономического кризиса. Употребление лексических единиц «долгосрочные цели», «видение будущего», «ожидания», «через десятилетия», «через столетия», «через тысячелетия» и «отдаленное будущее», связанных в меньшей степени с планированием и в большей степени – с коллективным воображением и защитой позитивной идентичности, напротив, росло на протяжении второй половины 20-го и начала 21-го века, вплоть до 2004 г. Можно предположить, что отсутствие крупных достижений и невозможность влиять на долгосрочное будущее стали компенсироваться интересом к прогнозам и альтернативным мирам, то есть образ будущего стал выполнять прежде всего защитные психологические функции.

Необходимо уточнение роли, которую играют в формировании коллективной временной перспективы механизмы коллективного совладания с кризисами и коллективными травмами. В этой связи необходим переход от изучения индивидуальных стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями к анализу культурных практик оказания социальной поддержки, коммеморации и реконструирования коллективной судьбы в социальном воображаемом, оплакивания, прощения, высмеивания и карнавализации, вытеснения и табуирования. Необходимы междисциплинарные исследования надежды и социального оптимизма как элементов повседневности, поддерживаемых ритуалами и социальными институтами.

Остается открытым вопрос о том, как новые формы социального неравенства влияют на освоение человеком коллективного прошлого и будущего. Примером могут служить представители прекариата (Тощенко, 2015), «выпадающие» из традиционных карьерных схем и социальных ритмов, в том числе из ритуалов, поддерживающих в трудовых коллективах чувство общности судьбы: профессиональных и корпоративных праздников, форм солидаризации, способов извлечения уроков из совместного опыта и формирования видения будущего. Необходимость инвестировать в собственный человеческий капитал, а не в коллективную судьбу, создает новые модели поддержания оптимизма в условиях разрушения привычных социальных лифтов и моделей успеха (Sellar, Zipin, 2019).

Возможно существование различных типов долгосрочной ориентации, связанных с особенностями профессиональной деятельности или культурными различиями. Очевидно, что культурные практики расширения временной перспективы в прошлое и будущее существенно различаются в зависимости от того, рассматриваем мы структурное время в традиционной культуре нуэров (Эванс-Притчард, 1985), виртуальное путешествие в будущее знакомой местности с помощью VR технологии (Clarke, 2020), или современную научную конференцию. В этой связи большой интерес представляет интеллектуальный тип долгосрочной ориентации (вспомним практики воображаемого диалога мудрецов разных эпох у древних стоиков или школу диалога культур В.С. Библера). Требуется проверка гипотезы о том, что внимание к отдаленному прошлому и/или будущему может определяться не только особенностями предмета исследования, диктующего использование временных категорий большой протяженности (например, в астрофизике, геологии и палеонтологии), но и нормами научной коммуникации и планирования совместных исследований (как, например, в методологическом движении).

Наконец, мы нуждаемся в более целостном представлении о том, как функционируют рынки образов будущего (Lösch et al., 2019; Cook, Cuervo, 2019). В частности, необходимы совместные усилия философов, культурных антропологов, психологов, социологов и экономистов для прояснения механизмов влияния технократических сценариев будущего, рекламируемых крупными инновационными компаниями (например, такими как Microsoft, Amazon или Сбербанк), на экономическое сознание и поведение. Отдельной и все более актуальной научной проблемой является изучение последствий формирования в средствах массовой информации образов глобального и национального будущего, ожидающего нас в результате изменения климата.

Литература

1. *Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А.* Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и ак-

туальная повестка // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 75–91. doi:10.32609/0042–8736–2020–7-75–91.

2. ВЦИОМ. База результатов опросов россиян «Спутник». 2021. URL: https://bd.wciom.ru/baza_rezultatov_sputnik/ (дата обращения: 18.8.2021).

3. *Горбачева Е.И., Губина Н.К., Натробина О.В.* Источники социального оптимизма: опыт межпоколенческого анализа // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2018. Т. 9, № 7. С. 116–139.

4. *Донцов А.И., Зеленев И.А.* О связи категоризации социального окружения («своих», «чуждых», «иных») с оптимизмом/пессимизмом у россиян // Развитие личности. 2010. № 1. С. 134–150.

5. Левада-Центр. Планы на будущее. 23.03.2020. URL: https://www.levada.ru/2020/03/25/plany-na-budushhee/ (дата обращения: 20.7.2021).

6. Мир 2035: глобальный прогноз / под ред. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2017.

7. *Нестик Т.А.* Долгосрочная ориентация личности: состояние и перспективы исследований // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, № 3(19). С. 110–140. doi: 10.38098/ipran.sep.2020.19.3.005.

8. *Нестик Т.А.* Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности // Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен / Под ред. А.Г. Асмолова. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. С. 213–225.

9. *Нестик Т.А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

10. *Нестик Т.А.* Социально-психологические предпосылки и типы долгосрочной ориентации: результаты эмпирического исследования // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 4. С. 28–39.

11. Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020.

12. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: Центр стратегических разработок, 2017.

13. *Темницкий А.Л.* Социокультурные факторы оптимизма современной молодёжи России // Социологическая наука и социальная практика, 2016. Т. 4, № 4. С. 19–35. DOI: https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.4.4760.

14. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

15. *Федоров В.* Общественные настроения в России в ситуации коронакризиса // ВЦИОМ, 2020. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020–06–16_Lenskii_klub.pdf (дата обращения: 20.6.2020).

16. Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ / под ред. Т.А. Нестика и А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

17. *Эванс-Притчард Э.Э.* Нуэры. М., 1985. С. 88–89.

18. *Bandura A.* Exercise of human agency through collective efficacy // Current Directions in Psychological Science, 2000, 9.3:75–78. doi:10.1111/1467–8721.00064.

19. *Burt R.* Social network and temporal discounting // Network Science. 2017. V. 5 (4). P. 411–440. doi:10.1017/nws.2017.23.

20. *Clarke P.* Digital Tools for Imagining Future Places. 2020. URL: https://bristolbathcreative.org/article/digital-tools-for-imagining-future-places.

21. *Cook J., Cuervo H.* Agency, futurity and representation: Conceptualising hope in recent sociological work // The Sociological Review. 2019. V. 67(5). P. 1102–1117. doi:10.1177/0038026119859177.

22. *Corballis M.C.* Mental time travel, language, and evolution // Neuropsychologia. 2019. V. 134. P. 107–202. doi: 10.1016/j.neuropsychologia.2019.107202.

23. Edelman Trust Barometer 2020. Global Report. URL: https://www.edelman.com/trust/2020-trust-barometer (дата обращения: 03.08.2021).

24. Edelman Trust Barometer 2021. Global Report. URL: https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer (дата обращения: 03.08.2021).

25. *Frederick S., Loewenstein G., O’Donoghue T.* Time discounting and time preference: a critical review // Journal of Economic Literature. 2002. V. 40, № 2. P. 351–401.

26. *Giurge L.M., Whillans A.V., West C.* Why time poverty matters for individuals, organisations and nations. Nature Human Behaviour, 4, 993–1003 (2020). doi:10.1038/s41562–020–0920-z.

27. *Hofstede G., Minkov M.* Long- versus short-term orientation: new perspectives // Asia Pacific Business Review. 2010. V. 16. No 4. P. 493–504. doi: 10.1080/13602381003637609

28. *Joireman J., King S.* Individual differences in the consideration of future and (more) immediate consequences: A review and directions for future research // Social and Personality Psychology Compass. 2016. 10 (5). P. 313–326. doi:10.1111/spc3.12252

29. *Katona G.* A theory of expectations // Strümpel et al. (Eds.), Human Behavior in Economic Affairs. Essays in Honor of George Katona, Jossey-Bass, 1972.

30. *Lamont M.* From 'having' to 'being': self-worth and the current crisis of American society // The British Journal of Sociology. 2019. V.70, No 3. P. 660–707. doi:10.1111/1468–4446.12667.

31. *Lieder F., Griffiths T.L., Hsu M.* Overrepresentation of extreme events in decision making reflects rational use of cognitive resources // Psychological review. 2018. V. 125. No 1. P.1–32. doi:10.1037/rev0000074. Epub 2017 Oct 16 (дата доступа 10.04.2021).

32. *Lösch A., Grunwald A., Meister M., Schulz-Schaeffer I.* Introduction: Socio-Technical Futures Shaping the Present. In: Lösch A., Grunwald A., Meister M., Schulz-Schaeffer I. (eds) Socio-Technical Futures Shaping the Present. Technikzukünfte, Wissenschaft und Gesellschaft / Futures of Technology, Science and Society. Springer VS, Wiesbaden, 2019. P. 1–14.

33. *Matonytė I., Morkevičius V., Lašas A., & Jankauskaitė V.* The perception of threats to national welfare: the impact of social optimism, self-confidence, and of social and institutional trust // Politologija, 2017, 85 (1), 3–55. doi:10.15388/Polit.2017.1.10669

34. *Muncy J., Iyer R.* The impact of the implicit theories of social optimism and social pessimism on macro attitudes towards consumption // Psychology & Marketing, 2020. 37, 216–231. doi:10.1002/mar.21304.

35. *Pietrantoni L.* Collective Efficacy. In: Michalos A.C. (eds) Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. Springer, Dordrecht, 2014. doi:10.1007/978–94–007–0753–5_434.

36. *Piketty T.* Capital and Ideology. Cambridge: Harvard University Press, 2020.

37. *Sampson R.J., Raudenbush S.W., Earls F.* Neighborhoods and violent crime: A multilevel study of collective efficacy // Science. 1997. 277.5328:918–924. doi:10.1126/science.277.5328.918.

38. *Schweizer K., Rauch W.* An Investigation of the Structure of the Social Optimism Scale with Respect to the Dimensionality Problem // Journal of Individual Differences, 2008, 29(4), 223–230.

39. *Schweizer K., Schneider R.* Social optimism as generalized expectancy of a positive outcome // Personality and Individual Differences, 1997, 22, 317–325.

40. *Sellar S., Zipin L.* Conjuring optimism in dark times: Education, affect and human capital // Educational Philosophy and Theory, 2019. 51:6, 572–586. doi: 10.1080/00131857.2018.1485566.

41. The Governance for Happiness. Global Survey results. Conducted by George Ward & Schoen Consulting, October 2019. URL: https://yes-ukraine.org/files/pdf/Happiness_report_2019.pdf (дата обращения: 15.07.2021).

T.A. Nestik

Long-term Orientation and Social Optimism in the Face of Global Risks[52]

Abstract. **The article analyses the reasons for the decline in long-term orientation and social optimism in the face of global risks. Approaches to their study, their structure and their socio-psychological background are considered. Based on a series of empirical studies, it was shown that social optimism and long-term orientation are supported by a belief in the meaningfulness and predictability of the world, the person's faith in her ability to influence what is happening in her life and in the country, generalized interpersonal and institutional trust, bridging social capital, and perceived social support in the face of global risks. Measures are proposed to support social optimism and long-term orientation in Russian society. Promising directions for further research are outlined.**

Keywords: **long-term orientation, social optimism, vision of the future, planning horizon, trust, social beliefs, global risks, pandemic, COVID-19**

[52] The article was prepared with the support of the grant of the Russian Foundation for basic research No. 19–29–07463.

Ю.В. Хен, С.А. Михайлина

Биофилософия: «новый синтез» знаний о человеке[53]

Аннотация. **Проблема соотношения биологического и социального в человеке с развитием естествознания становится традиционной для философии. До недавнего времени самой влиятельной концепцией в этой области считалась социобиология, авторство которой принадлежит Э. Уилсону. Однако, поскольку «новый синтез» знаний о человеке, заявленный в качестве основной задачи теории, не был осуществлён, на смену социобиологии пришли другие концепции. Одной из них явилась биофилософия, представившая иной подход к проблеме биосоциальности, более «мягкий», но и более философичный. В статье рассматривается преемственность проблематики этих двух концепций, а также принципиальное различие между ними.**

Ключевые слова: **социобиология, биофилософия, философия биологии, вырождение, евгеника.**

Двойственная (биосоциальная) природа человека является не иссякающим источником спекуляций, конечной целью которых является построение натуралистической теории генезиса и развития человека, его культуры и цивилизации. Успехи естествознания, совершившего заметный скачок за последние пару столетий, казалось бы, должны были значительно продвинуть исследователей в поисках ответа на вопрос, что в человеке определяется геномом, а что привносится культурой. Между тем, общепринятого ответа до сих пор нет, несмотря на внушительный инструментарий современной науки и колоссальный массив накопленных знаний. Очевидно, что причина неудачи замысла построить целостную биосоциальную теорию человека заключается в принципиальной сложности объекта, делающей задачу невыполнимой. Это означает, что никакие результаты естественных наук (прежде всего биологии и когнитивистики), сколь бы исчерпывающими они ни были, не будут достаточными для вынесения окончательного и неоспо-

[53] Исследование поддержано РФФИ. Проект № 19–011–00383/19 «Био- и экофилософия в современной культуре».

римого «приговора». Даже выяснив всё о работе генов, о синтезе белка, клеточной дифференциации, физиологии высшей нервной деятельности и т.д., разобрав тело человека на атомы, ученые не приблизятся к ответу на вопрос, что есть человек. И даже научившись управлять поведением отдельных людей или человеческих масс (хорошие психологи вполне способны это делать уже сейчас), мы не сможем выделить биологическое из социального контекста. Проблема останется нерешенной, хотя и перекочует на новый уровень сложности. Имея в виду эту перспективу, имеет смысл тем не менее рассмотреть некоторые концепции биосоциальности, оставившие наиболее заметный след в истории философии.

Традиция рассматривать человека не только как носителя некой духовности, но и как природный продукт, как животное, существующее наряду с другими животными и подчиненное действию тех же природных закономерностей, обнаруживается уже в ранних евгенических концепциях (Феогнид, Платон, Аристотель и др.). Ярчайшим примером является творчество античного поэта Феогнида, который, размышляя о причинах очевидного (с его точки зрения) вырождения человеческого рода, с укоризной указывает своим современникам на бытующее в человеческом обществе пренебрежение естественными законами наследования родительских качеств, полагая, что именно оно является причиной *вырождения* человеческого рода. Особенно досадует автор на то, что когда речь заходит о племенной лошади или других сельскохозяйственных животных, то родословной придается огромное значение. Люди же при выборе партнёра больше интересуются материальной стороной дела, нежели врожденными «талантами» супруга. Эта аргументация, основанная на многовековом опыте селекции сельскохозяйственных животных и растений, является логически неуязвимой, благодаря чему она практически в неизменном виде дошла до наших дней.

Ренессанс и Новое время отметились собственными утопическими проектами возрождения человека, в которых нашли отражение специфические для времени представления об отношении биологического и социального и о том, как изменение в одной сфере способно привести к изменению в другой (Т. Мор, Т. Кампанелла). Например, Кампанелла, полагавший астрологию одной из *наук*, считал, что точный расчёт времени зачатия по-

зволит получить потомство с необходимыми для общества качества. Кроме того, считалось, что если беременная женщина будет слушать прекрасную музыку и думать о возвышенном, у неё родится ребёнок с прекрасными духовными качествами.

Новейшее время, с его культом научной рациональности, отметилось собственными поисками причин вырождения человека (в том, что вырождение имеет место, никто не сомневался). Теория Дарвина о происхождении видов путем «полового подбора» оказалась той самой давно востребованной теорией, которая, с одной стороны, представила *натуралистическое* объяснение возникновения и развития человеческого общества, а с другой – дала такое же натуралистическое объяснение того, почему современный человек являет собой картину явного физического и духовного вырождения. Объяснение, согласно дарвиновской теории, заключалось в ослаблении давления естественного отбора (в 10 раз по сравнению с исконной природной средой), функция которой как раз и состоит в том, чтобы поддерживать высокий стандарт конституции у представителей вида. Борьба за существование, вследствие которой погибали плохо приспособленные особи и выживали лучшие и сильнейшие, объединила человека с прочими животными видами, представив биологическую эволюцию на земле (вершиной которой является человек) как единый процесс, описываемый одними и теми же естественными (объективными) законами. Таким образом, было постулировано (научно обосновано) наличие в природе человека биологической составляющей, требующей к себе внимания, наряду с духовной ипостасью, традиционно отдаваемой на откуп гуманитарным дисциплинам, в том числе религии.

Дарвиновская теория в качестве естественнонаучного объяснения многих социальных проблем человечества оказалась весьма популярной и быстро приобрела влияние на мировоззренческие представления современников. И это при том, что ее научная достоверность подвергалась сомнению большинством биологов. Некоторые исследователи отмечают, что влияние дарвинизма на массовое сознание оказалось схожим с влиянием социальной теории К. Маркса, которая возникла примерно в то же время. Более того, ряд исследователей полагает, что в сознании современников обе теории выполняли одну и ту же функцию, а именно, вскрывали объективные законы, управля-

ющие социальной жизнью людей. Через генетическое родство двух теорий из разных областей знания (гуманитарная и естественно научная) было практически заявлено, что биологическое и социальное в человеке подчиняются действию сходных законов. И это не случайное совпадение; данное положение стало отражением того факта, что социальность происходит из биологической природы в процессе эволюции, как и все прочие характеристики человека.

Исторические этапы, пройденные евгенической идеей, показывают, что проблема биологического и социального в человеке имеет глубокие корни, и социобиология, оформившаяся как самостоятельное направление во второй половине 70-х гг. прошлого века, возникла не на пустом месте, а явилась итогом многолетней работы ученых разных специальностей. Социобиология стала современным ответом на этот вопрос, и ее основной принцип состоит в объяснении социального поведения живых существ (не только человека) набором определённых преимуществ, выработанных в ходе эволюции. Как законченная система мировоззренческих установок, существующих на стыке различных наук, социобиология впервые была представлена в работах Эдварда Уилсона, в первую очередь, конечно, в книге «Социобиология: новый синтез» (1975). Название книги отражает намерение автора рассмотреть человека с разных позиций и, используя новейшие данные наук (как биологических, так и социальных), представить его как результат «нового синтеза» полученных сведений. Автор призвал своих коллег обратить внимание на то, что современная наука собрала множество новых сведений о человеке, при этом само представление о человеке ничуть не изменилось. «Новый синтез» необходим для того, чтобы образ человека получил адекватное времени содержание, свободное как от биологизаторства, так и от социологизаторства.

Новизна подхода заключалась, помимо прочего, в том, что социальное поведение рассматривалось не как исключительная прерогатива разумного человечества, но как продукт эволюционного развития, как явление, предпосылки которого прослеживаются у животных, стоящих на более низких ступенях развития. К слову сказать, по основной специальности Э. Уилсон является мирмикологом, и на идею проследить корни социального поведения человека в эволюции живой природы его навели наблюдения за жизнью в муравьиных колониях.

В предисловии к одному из переизданий книги Э. Уилсон пишет, что, не будучи в силах сопротивляться «риторике собственных идей», он взялся за подробное изучение научной литературы, посвященной социальному поведению позвоночных. Плодом этих занятий и стала книга «Социобиология: новый синтез» (1975), оказавшая сильное воздействие на научное и околонаучное сообщество. Наиболее эпатажной оказалась последняя глава книги, получившая название «Человек: от социобиологии к социологии». В ней автор высказывает предположение, что «биологические принципы, которые, как оказалось, вполне применимы ко всему животному миру, можно с успехом использовать в социальных науках. Это утверждение вызвало большой интерес и ожесточенные споры. Некоторые ученые, занимающиеся социальными и гуманитарными науками, были готовы обсуждать подобное восприятие и даже выражали такое желание в различных формах. Вполне логично предположить, что биология должна служить одним из оснований этих наук, как физика служит химии (физическая химия), и обе эти науки, в свою очередь, являются основой биологии. Я полагал, что социобиология могла бы стать дисциплиной, которая свяжет большие области знания или, по крайней мере, предоставит ученым полезные средства для анализа человеческого поведения» [4, с. 3].

Идея Э. Уилсона была встречена с энтузиазмом и вызвала огромный интерес у представителей самых разных специальностей. Полемика не уступала по напряженности той, которая сопровождала в свое время выход «Происхождения видов...» Ч. Дарвина. Как и в случае с дарвинизмом, главной причиной интереса к социобиологии было то, что здесь предлагалось новое решение целого ряда *гуманитарных* проблем, таких как происхождение морали, свобода, детерминизм, рациональность, социальная агрессия, альтруизм и эгоизм. При этом социобиология предполагала систематическое изучение всех форм социального поведения и организации сообществ любыми живыми организмами, включая человека. То есть так же, как и Дарвин, объединила человека со всеми живыми существами, представив его частью природы, подчиненной работе естественных законов. Натуралистическое объяснение общественного поведения человека должно было стать результатом социобиологического анализа. Генетика стала тем связующим звеном, на котором все держа-

лось. Тем более что расшифровка генома человека показала, насколько близки мы с представителями других видов.

Сторонники и противники социобиологии распределились по трём основным направлениям. Одна группа обсуждала теорию Докинза об «эгоистичном гене», которая в свое время была весьма популярна. Две другие сконцентрировались на менее экзотических и более традиционных проблемах, решая вопрос о масштабах и значении селективного приспособления и исследуя проблему соотношения генетической предрасположенности и среды.

Революционным во всей этой активности было то, что истоки широкого спектра социальных проблем обнаруживались в биологической природе человека и рассматривались как результат биологической эволюции. Для противников уилсоновского замысла, таким образом, довольно скоро стало очевидно, что социобилогия в теоретическом плане мало чем отличается от социал-дарвинизма с поправкой на более высокую степень политкорректности. Никакого «нового синтеза» в результате предпринятых усилий не вышло, невзирая на использование новейших данных наук о человеке. Не улучшило ситуацию и то, что каждый из участников полемики рассматривал объект со своей профессиональной «колокольни». Биологи, экономисты, психологи, социологи и т.д. – каждому из представителей профессионального сообщества человек виделся по-своему, и каждый был, отчасти прав. Но свести воедино все эти образы и дать ответ на вопрос: «что есть человек?», так и не удалось. Так, например, Уилсон замечает, что «идея о генетической эволюции моральных предрасположенностей путем естественного отбора имеет долгую, но относительно безрезультатную историю» [4, с. 55]. При этом сам автор не оставляет попыток найти обоснование морали в инстинкте, но приводимые им в работе «О природе человека» примеры, этологические наблюдения не выходят за рамки редукционизма. Позже в книге «Биофилия» (Wilson E.O. Biophilia. Cambridge. Mass., 1984) Уилсон сформулирует предположение, согласно которому корни природо- и жизнеохранительной мотивации – в генетически предзаданных свойствах человека. Биофильные черты природы человека тесно связаны с альтруизмом, групповым отбором, а жестокость и беспощадность к себе подобным и к природе проистекают от несовершенства цивилизации и общественного устройства [2, с. 239]. Подобная руссоистская позиция отличается

односторонностью и, по сути, метафизичностью. «Новый синтез», как уже говорилось, не случился.

Однако потребность в создании целостного видения человека, отражающего все многообразие его разносторонней натуры и при этом опирающегося на новейшие данные как естественных, так и гуманитарных наук, была достаточно велика, чтобы отказаться от этой идеи при первой же неудаче. Попытки построения целостной концепции человека продолжились, и своеобразным «ответом» на трудности и проблемы социобиологии явилось направление, начало которому положила Р.С. Карпинская, сотрудник Института философии РАН, обладавший (что очень удачно и редко) двумя образованиями: философским и биологическим. Идея Э. Уилсона ее очень привлекала, но недостатки социобиологии, все более проявлявшей склонность к редукционизму, были для нее также очевидны, как и для большинства философов. Поэтому Р.С. Карпинская выступила зачинателем нового, более мягкого подхода, который предложила называть «биофилософией» и который должен был вобрать в себя все лучащее, что было достигнуто в рамках социобиологии и других концепций из этой сферы. Причем основной целью ей представлялся не просто «новый синтез», т.е. новое, уточненное знание о человеке, а новое видение места человека в мире, переход от антропоцентризма к биоцентризму. Поскольку только такой подход позволяет не просто познать сущность человека, но и указать ему истинное место в экосфере, а значит, и проложить для него реальные пути к выживанию.

Это было существенное нововведение, по сути изменившее содержание и направленность глобальной экологической программы. Если прежде усилия экологов были нацелены на сохранение среды обитания *человека* в неизменном виде на неопределенно долгий срок, что само по себе является нереальным, то рассмотрение ситуации с позиций биоцентризма полностью изменяет расклад и, как ни странно, дает надежду на то, что человечеству удастся избежать гибели в грядущей экологической катастрофе, пережить изменения окружающей среды и, вместе с другими видами, приспособиться к новым условиям обитания (тем или иным способом).

Биофилософия, в представлении Р.С. Карпинской, – это «новейшее направление в философском осмыслении жизни, связанное с разработкой гуманистической проблематики.

В нее включены проблемы единства жизни на Земле, жизни как высшей ценности человеческой культуры, обсуждение возможных путей сохранения жизни на Земле и соответственно путей изменения образа науки, ее идеалов и норм. *Ценностная* ориентация научного исследования становится важнейшей в определении перспектив развития биологии и обретения ею лидирующих позиций в естествознании. Эта ценностная ориентация не привносится извне, но *осознается и обговаривается* самими естествоиспытателями. Свидетельство тому – возникновение своеобразных концепций, имеющих своей конечной целью именно общегуманистические заключения о перспективах человечества (социобиология, биоэтика, биологический структурализм, биополитика и др.)» [1, с. 90].

К сожалению, Регина Семёновна немного успела сделать в данном направлении. Однако инициированные ею исследования не прекратились с ее смертью. Поскольку, как это часто случается с талантливыми людьми, она очень верно и своевременно почувствовала отход от антропо- и техноцентризма к биоцентризму. По сути, все новейшие экологические разработки, свидетелями которых мы сегодня являемся, включая и постгуманизм, и новую евгенику в образе качественной демографии, и либеральную евгенику, и даже трансгуманизм с его технократизмом, вплоть до идеи переноса сознания на электронные носители, – все это укладывается в рамки нового подхода и ждет своего биофилософского осмысления.

Как отмечает И.К. Лисеев, «обращение к проблеме человека становится важнейшей чертой современной биологической науки. Современные задачи изучения природно-биологических проблем развития человека в тесном единстве с социальными меняют прежние представления о роли биологического знания в изучении природы человека. Современная биология включает в круг обсуждаемых вопросов такие, которые в силу своей социальной значимости заставляют говорить о выходах за ее прежние границы». [3, с. 13–14].

Подводя итог, можно сказать, что сегодня биология заняла место физики в роли мировоззренческого центра, определяющего базовые постулаты картины мира эпохи. Это означает, что не только (и не столько) представители науки, но и «широкие массы» начали видеть мир не как сложный механизм, а

как организм, как живую саморазвивающуюся систему. Разумеется, не последнюю роль в этом сыграло то, что современная физика сделалась совершенно непонятной для человека без специального образования. В ней не осталось ничего «наглядного», тогда как назначение «картины мира» состоит именно в том, чтобы вооружить «обывателя» пусть упрощенной, но адекватной схемой мира. Биология в этом плане гораздо ближе человеку, хотя, разумеется, расхожие представления о работе генома или законах эволюции очень далеки от переднего края биологии. Но главное не в этом, а в том, что утверждение биофилии в сознании наших современников вселяет надежду на то, что «новый синтез» еще, возможно, удастся осуществить в рамках биофилософского подхода. Вряд ли это будет натуралистическая теория человека, объясняющая все его сложные проявления исходя из ограниченного набора простейших объективных причин, как об этом мечтала наука XIX века. Но ведь и современная наука отличается от науки позапрошлого века: она структурирована не так жестко и чётче осознает границы своих возможностей. Утверждению нового видения человека и его места в мире должно способствовать также то, что функцию консолидации мировоззрения сегодня выполняет уже не физика, а биология.

Литература

1. *Карпинская Р.С.* Биофилософия – новое направление исследования // Биофилософия. М.: ИФ РАН, 1997. 250 с.

2. *Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П.* Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. 352 с.

3. *Лисеев И.К.* Философские идеи Р.С. Карпинской и их развитие в современной философии биологии // Философия биологии в новом диалоге с природой. М.: ИФ РАН. 2018. 233 с.

4. *Уилсон Э.* О природе человека. 1978, 2004 by the President and Fellows of Harvard College. Published by arrangement with Harvard University Press. [Электронный ресурс]: – URL: https://www.litmir.me/br/?b = 549142&p = 1 (дата обращения: 01.03. 2021).

Ju. V. Khen, S.A. Mikhailina

Biophilosophy: a “New Synthesis” of Knowledge about Man

Abstract. The problem of the ratio of biological and social in a person as the development of natural science becomes traditional for philosophy. Until recently, the most influential concept in this area was socialbiology, authored by E. Wilson. However, since the «new synthesis» of knowledge about human, stated as the main objective of the theory, was not realized, social biology was replaced by other concepts. One of them is biophilosophy, which represents a different view on the problem of human biosociality, more «soft» but also more philosophical. The article examines the continuity of the issues of these two approaches, as well as the fundamental difference between them.

Keywords: sociobiology, biophilosophy, philosophy of biology, degeneration, eugenics

И.Ф. Кефели

Человек и асфатроника: категорию идеального – в исследования искусственного интеллекта и глобальной безопасности

Аннотация. В статье обосновывается идея о необходимости включения в глобалистику относительно самостоятельного раздела – теории глобальной безопасности, которую предлагается определять как асфатроника (Asfatronics, от греч.ασφάλεια – безопасность, ηλεκτρόνιο – электрон). Основанием для подобного заявления служит ситуация, сложившаяся с выявлением глобальных рисков (геополитических, экологических, экономических, социальных и технологических), мониторинг которых уже на протяжении 15 лет детально осуществляется в рамках Давосского экономического форума. В работе основное внимание уделяется анализу искусственного интеллекта (ИИ) как одного из основных возбудителей интереса к глобальной безопасности. ИИ оказывается в эпицентре решения экзистенциальных проблем, смысла человеческого существования, поскольку «цифровой разум» как раз и заключает в себе те самые скрытые угрозы, по отношению к которым должна выстраиваться система обеспечения информационно-психологической и когнитивной безопасности.

Ключевые слова: асфатроника, глобальные риски, глобальная безопасность, искусственный интеллект, информационно-психологическая и когнитивная безопасность

На пути к обобщенному пониманию глобальной безопасности

В 2017 г. участники Асиломарской конференции сформулировали принципы работы в области искусственного интеллекта (ИИ, AI), рассматривая его не как некий «бесцельный разум», а в виде «систем, направленных на принесение пользы человечеству». Озабоченность участников конференции,

задавшихся вопросом, «какие ценностные ориентиры должны лежать в основе ИИ и каким правовым и моральным статусом он должен обладать», выразилась, в частности, в следующих рекомендациях:

– **Избегание гонки**. Команды, разрабатывающие системы искусственного интеллекта, должны активно сотрудничать, чтобы избежать нарушения стандартов безопасности.

– **Согласование ценностей**. Высокоавтономные системы искусственного интеллекта должны быть спроектированы таким образом, чтобы их цели и поведение могли быть уверены в соответствии с человеческими ценностями на протяжении всей их работы.

– **Человеческие ценности**. Системы искусственного интеллекта должны разрабатываться и эксплуатироваться таким образом, чтобы они соответствовали идеалам человеческого достоинства, прав, свобод и культурного разнообразия.

– **Под контролем человека**. Люди должны выбирать, как и следует ли делегировать решения системам искусственного интеллекта для достижения целей, выбранных человеком.

– **Значимость**. Усовершенствованный ИИ может представлять собой глубокое изменение в истории жизни на Земле, и его следует планировать и управлять с соответствующей тщательностью и ресурсами.

– **Риски**. Риски, создаваемые системами искусственного интеллекта, особенно катастрофические или экзистенциальные риски, должны подлежать планированию и усилиям по смягчению, соразмерным их ожидаемому воздействию.

– **Общее благо**. Сверхразум следует развивать только на службе широко разделяемым этическим идеалам и на благо всего человечества, а не одного государства или организации[54].

На конференции неоднократно высказывалась мысль о необходимости четкого понимания феномена безопасности и реализацию принципов обеспечения безопасности с самого начала функционирования AI. Это звучало как призыв к поиску путей теоретического обоснования безопасности, но уже не сугубо технологической либо безопасности жизнедеятельности, а глобальной безопасности, в эпицентре которой заключается жизненный мир человека и смыслы существования.

54 https://futureoflife.org/ai-principles/

По ходу своих исследований я пришел к выводу о необходимости включения в глобалистику относительно самостоятельного раздела – теории глобальной безопасности, которую предложил называть асфатроникой (Asfatronics, от *греч.*ασφάλεια – безопасность, ηλεκτρόνιο – электрон)[55]. Кратко отмечу, что в отечественной научной литературе довольно устойчивым стало толкование безопасности как состояния защищённости личности, общества, государства и среды жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз или опасностей и как возможность продолжения существования системы в условиях опасных воздействий с учетом ее способности противодействовать опасности. Но это определение в большей степени *функционального* порядка, характеризующее необходимость решения определенных задач, а не *субстратного*, связанного с поиском онтологических оснований феномена безопасности в частных ее проявлениях (национальная, военная, социальная, экологическая и др.). Когда же речь заходит о глобальной безопасности, то нам предлагается трактовать ее, в рамках глобалистики, как «политическое регулирование глобальных процессов, направление политики в условиях нарастающих глобальных опасностей… В широком смысле политика безопасности – это политика уменьшения глобального риска»[56]. Надо полагать, что подобное толкование глобальной безопасности устарело и не соответствует тому уровню исследований глобальных рисков, которые вышеупомянутый автор рекомендует уменьшать. В связи с этим следует напомнить, что начиная с 2006 г., организаторы Давосского экономического форума ежегодно издают доклады «Глобальные риски», в которых представлен содержательный анализ устойчивой группы глобальных рисков – геополитических, социальных, экономических, экологических и технологических. В предисловии только что изданного доклада “The Global Risks Report. 2021. 16th Edition, is published by the World Economic Forum” Klaus Schwab and Saadia Zahidi с тревогой отмечают, что “Inaction on economic inequalities and societal divisiveness may further stall action on climate change—still an existential threat to humanity”[57].

[55] *I.F. Kefeli.* Asphatronics: On the Way to the Global Security Theory. St. Petersburg: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2020. 228 p.

[56] *Костин А.И.* Глобальная безопасность // Глобалистика: Междунар. междисциплинарный энциклопед. словарь / гл. ред. и сост. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М. [и др.]: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 200.

[57] The Global Risks Report. 2021. 16th Edition, is published by the World Economic

Авторы доклада указывают на упущения в борьбе с экономическим неравенством, расколом в обществе, представляющими собой экзистенциальную угрозу для человечества, на игнорируемый мировым сообществом риск «молодежного разочарования» и ряд других факторов усиления глобальных рисков. В качестве ответных мер на COVID-19 предлагаются четыре возможности управления для укрепления общей устойчивости стран, предприятий и международного сообщества и, что имеет непосредственное отношение к обсуждаемой теме, – это «разработка аналитических концепций, учитывающих целостный и системный взгляд на воздействие рисков»[58]. Ответом на данный призыв и можно рассматривать, в самом первом приближении, асфатронику.

Усилия в части создания основ теории безопасности предпринимались и ранее, исходя из указанного выше понимания безопасности как состояния защищённости личности, общества, государства и среды жизнедеятельности: секьюритология – это наука о безопасности жизнедеятельности человечества и человека, – таков ключевой тезис Ярочкина[59]. Однако в данной интерпретации наука безопасности не может претендовать на заявленную автором онтологическую полноту «философии безопасности», поскольку не охватывает техносферу как своего рода α и ω человеческой деятельности, включающей в себя все возможные и невозможные опасности различных видов – от физических до социальных и когнитивных.

Более конструктивную позицию в интерпретации глобальной безопасности занимает К.К. Колин, справедливо утверждающий, что в XXI веке в числе наиболее важных проблем развития цивилизации на первый план выдвинулся комплекс проблем обеспечения глобальной безопасности, обусловленный нарастанием следующих глобальных процессов: усиление геополитической напряженности в международных отношениях; нарастание экологических и биосферных угроз, обусловленных техногенной деятельностью человека; рост народонаселения мира; деградация базовых духовных ценностей; изменение человека как биологического вида. По мнению Колина, необходимо разработать глобальную стратегию развития цивилизации и систему управ-

Forum. 96 p. P. 5.

58 Ibid. P. 9.

59 *Ярочкин В.И.* Секьюритология: наука о безопасности жизнедеятельности. М.: Ось-89, 2000. С. 4–8.

ления этим развитием, основанные на международной системе мониторинга и анализа глобальных угроз развитию цивилизации с учетом достижений нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий. Правда, отмечая «военную безопасность, разоружение и демилитаризацию экономики» в качестве одного из приоритетных направлений стратегии обеспечения глобальной безопасности, автор считает приоритетными задачами глобальной безопасности рассматривать, например, следующие: «военное геополитическое равновесие», «вывод войск США из Европы и других стран», «формирование многополярного мироустройства», «отвод войск НАТО от границ России», «сокращение военного потенциала НАТО» и т.п.). Нужны конструктивные предложения, реализующиеся в рамках международно-правовых отношений (с целью обеспечения международной безопасности, которую зачастую отождествляют с глобальной безопасностью, пользуясь английским термином *global security*), да и просто силовыми методами с помощью глобального оружия[60]. Но это, извините, лишь предложения политического характера, вытекающие, по сути, из отождествления глобальной и международной безопасности. В дополнение к сказанному следует обратить внимание на то, что «национальная и международная безопасность – а это позиция Генеральной Ассамблеи ООН – становятся все более взаимосвязанными, что, в свою очередь, определяет необходимость того, чтобы государства применяли всесторонний и основанный на сотрудничестве подход к проблеме международной безопасности… Концепция международной безопасности традиционно рассматривалась, прежде всего, как одна из проблем государственной безопасности. Однако в последние годы сформировалась дополнительная концепция, а именно концепция безопасности человека, которая признает, что угрозы могут не только исходить от государств и негосударственных субъектов, но и направляться против безопасности как государств, так и народов. В таком случае все более настойчиво звучат призывы к преобразованию международного права в право международной безопасности и защиты[61]. Комплексное решение проблем глобальной безопасности взывает к необходимости разработки междисциплинарного подхода, инициируемого промышленной

[60] *Колин К.К.* Структура и приоритеты глобальной безопасности. http://sec.chgik.ru/struktura-i-prioritetyi-globalnoy-bezopasnosti-2/ (дата обращения: 26.11. 2019).
[61] https://www.un.org/ru/chronicle/article/21998.

революцией 4.0 и становлением шестого технологического уклада (достижения которого просматриваются, прежде всего, в военно-технической сфере), но ориентированного на осмысление расширяющегося спектра экзистенциальных рисков.

Аналитика современного состояния кризисного мироустройства органично дополняется исследованиями долгосрочных траекторий развития человеческой цивилизации на протяжении *всего будущего периода времени*, «*в течение которого человеческая цивилизация могла бы продолжать существовать*». Именно так авторы одного из аналитических докладов сопоставили четыре класса траекторий подобного рода:

1) траектории статус-кво, при которых человеческая цивилизация сохраняется в состоянии, в целом аналогичном ее нынешнему состоянию, в отдаленном будущем;

2) траектории катастроф, при которых одно или несколько событий наносят значительный ущерб человеческой цивилизации;

3) траектории технологических преобразований, при которых радикальные технологические прорывы ставят человеческую цивилизацию на принципиально иной путь развития;

4) астрономические траектории, по которым человеческая цивилизация распространяется за пределы своей родной планеты и в доступные части космоса.

Причем авторы этого доклада призывают уделять больше внимания выбору атрибутов для количественной оценки долгосрочных траекторий, нежели краткосрочных, и уделять больше внимания качественным описаниям, чтобы прояснить, что происходит на разных траекториях, поскольку «в долгосрочной перспективе человеческая цивилизация, возможно, не будет использовать те же природные ресурсы, что и в настоящее время, и окружающая среда может измениться настолько, что краткосроычные параметры окружающей среды не будут иметь значения. Форма цивилизации также может измениться настолько, что существующие концепции экономического производства, безопасности и качества жизни не будут иметь смысла»[62].

[62] *Seth D. Baum, Stuart Armstrong, Timoteus Ekenstedt, Olle Haggstrom, Robin Hanson, Karin Kuhlemann, Matthijs M. Maas, James D. Miller, Markus Salmela, Anders Sandberg, Kaj Sotala, Phil Torres, Alexey Turchin, and Roman V. Yampolskiy.* Long-Term Trajectories of Human Civilization. Published in Foresight 21(1):53–83 (2019), http://gcrinstitute.org/papers/trajectories.pdf.

Останется ли место духовным ценностям в хаосе больших данных?

В таком случае мы должны задаться вопросом: а останется ли место духовным ценностям в хаосе больших данных? «Как же я смогу спокойно спать ночью, если каждый день отбрасываю 99,99% информации, которую мог бы усвоить? – восклицал норвежский археолог Томас Эриксен[63], – следующий момент пожирает момент текущий».

Переход от «аналоговой» к «цифровой эпохе» в начале XXI в. (рис. 1) означает революцию, связанную с появлением больших данных. Одна из характеристик этого перехода заключается в появлении нового качества информационных данных (которым прежде выражались лишь в оцифровке аналоговых данных и статистической обработке различных сведений) – *прогностического*.

Тем самым создается необъятная цифровая платформа для медийных конструкций и, соответственно, деструкций духов-

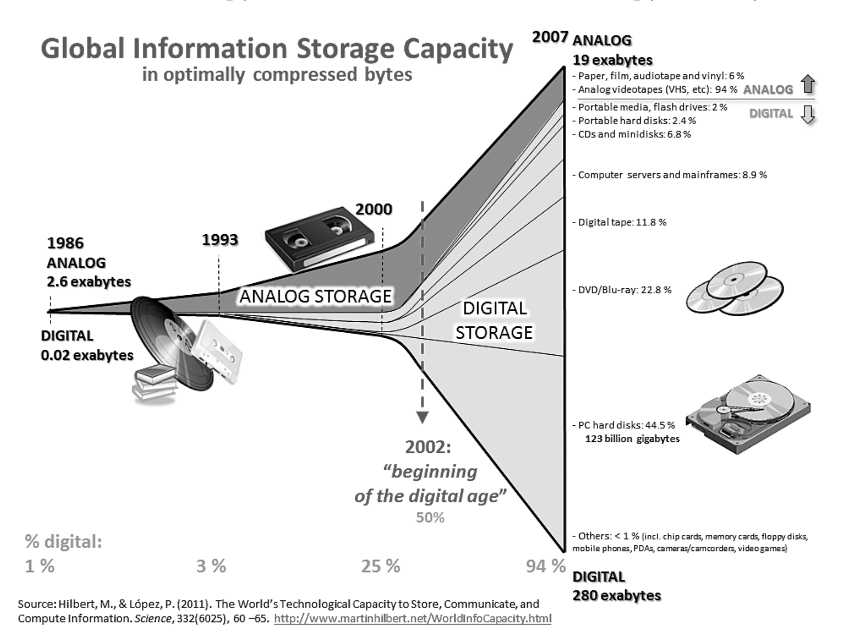

Рис. 1. Наступление «цифровой эпохи»

[63] Автор замечательной книги «Тирания момента. Время в эпоху информации» (Thomas Hylland Eriksen. Øyeblikkets tyranni, 2001).

ных ценностей социума. Некогда «малые данные» (аналоговые) переходят в статус «больших данных», обладатели которых претендуют на «описание в цифре» всех сфер человеческой деятельности, а, следовательно, и на возможность управления этими сферами. Как тут не вспомнить пьесу Карела Чапека „RUR“! Вот небольшой отрывок из нее – разговор последнего оставшегося человека на Земле (Алквиста) с созданными им же роботами:

«*4-й робот*. Научи нас делать роботов.

Дамон. Мы будем родить с помощью машин. Построим тысячи паровых маток. Они начнут извергать потоки жизни. Жизнь! Роботов! Сплошь, одних роботов!

Алквист. Роботы – не жизнь. Роботы – машины.

2-й робот. Мы были машинами, господин. Но от ужаса и страданий мы стали…

Алквист. Чем?

2-й робот. Мы обрели душу.

4-й робот. Что-то борется в нас. Бывают моменты, когда на нас что-то находит. И мысли являются, каких не бывало прежде.

3-й робот. Слушайте, о, слушайте! Люди – наши отцы! Этот голос, возвещающий о том, что вы хотите жить, голос, горько жалующийся, голос мыслящий, голос, говорящий нам о вечности, – это их голос! Мы – их сыновья!»

Согласно прогнозам, к 2025 г. общий объем информации в мире достигнет 163 зеттабайт (Збайт, равен 1021 байт), т.е. возрастет на порядок за десятилетие. Но недалеко то время, когда в научный оборот и инженерные расчеты войдет еще одна единица измерения больших данных – **йоттабайт (Ибайт равен 1024 байт, что в системе Международной электротехнической комиссии равнозначно** йобибайт, YiB = 280 байт**).**

Главное даже не в количественном росте больших данных, хотя этот стремительный рост не только поражает наше воображение, но и заключает в себе огромный потенциал возможностей в создании новых знаний, а в том, что они привносят в нашу жизнь радикальные качественные изменения. Использование больших данных приведет к изменению всего: науки и образования, здравоохранения и жизненного мира людей, государственного управления и бизнеса. Количество переходит в новое качество, каковым являются возможности прогнозирования дальнейшего развития этих сторон жизнедеятельности

общества. Виктор Майер-Шёнбергер и Кеннет Кукьер (Viktor Mayer-Schönberger, Kenneth Cukier) предложили три направления анализа информации, которые трансформируют наши представления об обществе, его организации и о мире духовного – справедливости, героизме, правды, веры и многие другие духовные ценности.

– Использование возможности анализировать огромное количество данных и обрабатывать *все* данные, касающиеся того или иного явления, а не полагаться на случайные выборки. Большие данные позволяют давать более четкое представление о деталях, которые ускользают от наблюдения и учета такой выборки, присущей сбору информации в «аналоговую эпоху».

– Скачок из сферы «малых данных» к большим данным снижает требования к точности. Чем больше масштаб, считают эти авторы, тем меньше мы гонимся за точностью. Точность требует тщательной проверки в сфере «малых данных», а в мире больших данных строгая точность невозможна, а порой и нежелательна, поэтому абсолютная точность (а потому и многие нюансы духовного порядка. – *И. К.*) уходит на второй план. Имея дело с большими данными, приходится довольствоваться общими представлениями. Мы не отказываемся от точности как таковой, а лишь снижаем свою приверженность к ней, а это позволяет нам делать открытия на макроуровне.

– В мире больших данных анализ информации ориентируется на выявление корреляции между данными, которые открывают перед нами новые неоценимые знания. Корреляции не могут сказать нам точно, *почему* происходит то или иное событие, зато предупреждают о том, *какого оно рода*. В мире больших данных нам не всегда нужно знать причинно-следственную связь между процессами и явлениями, поскольку данные во всем своем многообразии могут «говорить» сами за себя. Так, новым источником ценности становится уже не мощность компьютерного оборудования, а получаемые им данные и прогнозный метод их анализа. «Мы вступаем в мир *постоянного прогнозирования* на основе данных, в котором, – заключают Майер-Шёнбергер и Кукьер (Viktor Mayer-Schönberger Kenneth Cukier), – возможно, не всегда сможем объяснить причины своих решений»[64]. Акцент

[64] *Майер-Шёнбергер В., Кукьер К.* Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2014. 242 с. С. 22–23, 25 (V. Mayer-Schönberger, K. Cukier. Big Data: A Revolution That Will

на приоритете прогнозной аналитики взывает к необходимости переосмыслить во многом сам феномен глобальной безопасности, в том числе информационно-психологической и когнитивной безопасности.

Идеальное на границе естественного и искусственного интеллекта

В ежегоднике «Глобальные риски» (2019) в числе одного из шоков будущего упоминается «Цифровой паноптикум» (Digital panopticon), благодаря которому человечество движется в мир, где «все, что нас окружает, захватывается, сохраняется и подвергается алгоритмам искусственного интеллекта (ИИ)», а «геополитически будущее может частично зависеть от того, как общества с разными ценностями относятся к новым источникам данных»[65]. Более жестко прозвучали опасения по поводу экспансии ИИ в жизненный мир человека, обостряющей социальные риски в очередном докладе Давосского клуба 2020 г. Речь заходит о той «человеческой антиутопии», которая, учитывая растущую осведомленность общества о предвзятых (необъективных) алгоритмах и «киберзапугивании», взывает к более глубокому вовлечению этики в решение вопросов при разработке и использовании технологий ИИ, которые уже расцениваются не только как «самое впечатляющее изобретение» (приведшее, кстати, к манипуляции с помощью фейковых новостей и «глубоких фейков»), но и как «самая большая экзистенциальная угроза»[66].

Всё сказанное выше приводит нас к убеждению в том, что технологии автономных и интеллектуальных систем (A/IS) не исчерпываются только лишь решением проблем этического порядка, но выводят нас на необходимость включения в эпицентр дискуссий об искусственном интеллекте категории идеального. Последняя не только служит основанием для сопоставления естественного и искусственного интеллекта, что предпринималось многими учеными на протяжении всех предшествующих

Transform How We Live, Work, and Think. Houghton Mifflin Harcourt, 2012).

[65] The Global Risks Report 2019. 14th Edition. World Economic Forum Cologny. Geneva, 2019. P. 70.

[66] The Global Risks Report 2020. 15th Edition. World Economic Forum Cologny. Geneva, 2020. P. 63.

десятилетий, но осмысливать и соответственно обеспечивать организационные и технологические решения в обеспечении информационно-психологической и когнитивной безопасности на основе NBIC-технологий. Включение категории идеального в информационно-кибернетический дискурс предполагает выход за пределы узкого противопоставления искусственного и естественного в информационном пространстве, поскольку ИИ позволяет моделировать те проявления интеллектуальной деятельности человека, которые ограничены рассудочными, абстрактно-логическими ее функциями, тогда как идеальное выступает родовым понятием по отношению ко всем формам и видам духовной деятельности человека, будь то сознание и мировоззрение, убеждение и воля, мироощущение и мировосприятие, вера и сомнение и т.д. Главная трудность (потому и главная проблема философии) заключается, по твердому убеждению Э.В. Ильенкова, в том, чтобы разграничить мир коллективно исповедуемых представлений, т.е. весь социально-организованный мир духовной культуры, со всеми устойчивыми и вещественно-зафиксированными всеобщими схемами его структуры, его организации, – и реальный, материальный мир, каким он существует вне и помимо его выражения в этих социально-узаконенных формах «опыта», в объективных формах «духа». Вот здесь-то, и только здесь, различение «идеального» от «реального» («материального») и приобретает серьезный научный смысл, – и именно потому, что на практике массы людей то и дело путают одно с другим»[67]. Идеальное, идеальность возникает в социальном пространстве, в социальных и межличностных отношениях, оказывается их продуктом во всем их бесконечном многообразии. Идеальность имеет исключительно социальную природу и происхождение, опредмечиваясь в духовной деятельности человека, в его субъектности, индивидуальности, неповторимости. Как ни странно, по непонятным причинам проблема идеального (а отсюда – идеи, идеологии) как-то незаметно ушла из философского, общенаучного и политического дискурса. Для категории «идеальное» не нашлось места ни в «Большой российской энциклопедии», ни в специализированном «Словаре философских терминов» (М.: ИНФРА-М, 2007), а в «Философском

[67] *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // Логос, 1 (2009), с. 41; см. также: *Ильенков Э.В.* Искусство и коммунистический идеал: избранные статьи по философии и эстетике. М.: Искусство, 1984. С. 51–52.

энциклопедическом словаре» (2010) мы встречаем такой „шедевр“: «Идеальность – бытие как голая идея или представление, в противоположность реальности – бытию в объективной действительности». Категория «идеальное» – такая же фундаментальная в социально-философском осмыслении окружающего мира и человеческой жизнедеятельности, как и «материальное», «пространство», «время», «движение», «развитие». Каждое из них конкретизируется в исследованиях искусственного интеллекта, его места и роли в социуме. На первый план выходит необходимость признания *идеального* в качестве родового понятия и в осмыслении, и в современных когнитивных исследованиях в той версии, которое, в свое время, было прекрасно представлено Э.В. Ильенковым.

Идеальное – понятие родовое по отношению к сознанию, мышлению, интеллекту, смыслу, в которых, в свою очередь, фиксируются различные стороны, грани духовного мира человека, его мысли и чувства, воля и убеждения, сомнения, мировоззрение. ИИ только лишь начинает «соревноваться» с одним из фрагментов идеального вообще, тем, что воплощается именно в интеллекте человека. Естественный интеллект – это та грань умственных способностей человека, которые развиваются, формируются в процессе всех этапов обучения и реализуются в какой-либо сфере профессиональной деятельности. Многочисленные исследования в области психологии интеллекта человека дают достаточно богатую пищу создателям ИИ. Однако за пределами психологии интеллекта остается нетронутыми многие другие области духовного мира человека. Это, в первую очередь, мировоззрение как синтез различных черт духовной деятельности человека, **эмоционально-психологической** стороной которой (на уровне настроений, переживаний, чувств) являются мироощущение и мировосприятие[68]. Миропонимание – это **когнитивно-интеллектуальная** сторона мировоззрения, которая определяет способ и характер мыслительной деятельности человека, представляя собой наиболее развитую форму мировоззрения, некий его каркас и его существенную часть. В свою очередь, в мировоззрение входят мироощущение (оно исключи-

---

[68] *Кефели И.Ф.* Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: в поисках мировоззренческих и теоретико-методологических оснований // Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. / Под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. СПб.: ИД «Петрополис», 2017. С. 196–220.

тельно индивидуально, поскольку человек ощущает с помощью органов чувств то, что на них непосредственно воздействует) и мировосприятие, которое имеет целый «веер» характеристик. Уровень интеллектуальности, да и степень эмоциональной насыщенности мировоззрений неодинаковы. Но, так или иначе, им присущи оба эти «полюса». Даже самые зрелые формы мировоззрения не сводятся без остатка лишь к интеллектуальным составляющим. Мировоззрение – не просто набор нейтральных знаний, бесстрастных оценок, рассудительных действий. В его формировании участвует не одна лишь хладнокровная работа ума, что в первую очередь интересует создателей ИИ, но и человеческие чувства, эмоции, сомнения, которые «переплетаются» в мироощущении и миропонимании.

В ткани мировоззрения разум и чувства органично переплетены и к тому же соединены с волей, что придает всему составу мировоззрения особый характер. Мировоззрение, по крайней мере, его узловые моменты, его основа, тяготеют к тому, чтобы стать более или менее целостным комплексом убеждений. Таким образом, включаясь в мировоззрение, различные его составляющие приобретают новый статус: они вбирают в себя содержательную сторону взаимоотношений людей, окрашиваются эмоциями, воплощаются в волевые поступки. Даже знания в контексте мировоззрения обретают особую тональность. Срастаясь со всей совокупностью взглядов, позиций, чувств, они становятся больше чем просто знанием, превращаясь в убеждения как целостный способ видения, понимания мира и ориентации в нем. Силу убеждения приобретают также нравственные, правовые, политические и другие взгляды – ценности, нормы, идеалы. В сочетании с волевыми факторами они составляют основу жизни, поведения, действия личностей, общественных групп, наций, народов, а в пределе – всего мирового сообщества. Непременными элементами миропонимания являются вера и сомнение как своеобразные его регулятивы и корректировщики. Диапазон человеческой веры, *уверенности* широк. Он простирается от практической, жизненной познавательной очевидности до религиозных верований или даже легковерного принятия нелепых вымыслов, что тоже свойственно человеческому сознанию определенного типа и уровня. Некогда человек с присущими ему атеистическими убеждениями нежданно-негаданно становится (или представляется таковым на

людях) истинно верующим в Бога. Что это – самостоятельный поступок, результат смены жизненной позиции, влияние смены социально-политической ситуации в обществе или же манипулятивное внешнее воздействие?

В системе мировоззрения в качестве осмысленной позиции как непременного звена всегда присутствует сомнение. И вот здесь-то как раз следует обратить внимание на состояние, которое я определил бы как «бифуркация миропонимания». Любому из нас присуще сомневаться в достоверности той или иной информации, искренности чувств или дружбы окружающих, справедливости поступков или решений, достоверности интерпретации исторических событий. Достаточно легко бывает внести сомнения в правильность толкования тех или иных исторических событий или решений, что в корне может перевернуть саму суть миропонимания прошлого, настоящего и будущего. Сомнение, в таком случае, предстает как «бифуркационный след миропонимания», ведущий к коренной перестройке мировоззрения, ценностно-смысловых установок личности, его поступков. Человек теряется в поисках смысла происходящего, а общество взывает к тем, кто способен рассуждать о смысле жизни и истории. При этом необходимо учитывать то, что сомнение есть психическое состояние процесса умственной деятельности, приводящее к невозможности принятия конкретного суждения или же раздвоению его становления вследствие невозможности человека осознанно прийти к какому-либо однозначному выводу. Сомнение является отрицательным в том случае, когда человек не обнаруживает причин, которые позволили бы ему прийти к однозначному решению относительно правильности или ошибочности своего мнения. В этом случае происходит блокирование дальнейшего анализа происходящего. Если же человек выявил причины, дающие основание считать какое-либо одно решающее мнение невозможным, в таком случае сомнение считается позитивным, т.е. допускающим инвариантность в принятии решения. В обоих случаях результатом является невозможность формирования окончательного суждения, т.е. воздержание от него. На этом же «бифуркационном следе миропонимания» легко включаются механизмы манипуляции сознанием, для предотвращения которой необходима выработка превентивных механизмов и методов информационно-психологической безопасности. Дело в том, что сомнение, присущее человеку, в принципе, недоступно ИИ.

Какая-либо возникающая перед человеком проблема призывает к необходимости выбора вариантов, которые обеспечивают их «взвешивание» с определенной степенью погрешности. Подобное состояние и вызывает сомнения в достоверности решения проблемы. Системе ИИ не присуще сомнение, поскольку состояние неопределённости парализует действие этой системы. Из этого следуют два варианта «разрешения сомнения»:

а) человек находится в состоянии «ИИ», предполагающем заданную однозначность решения проблемы. В таком случае целевая функция обеспечения информационно-психологической безопасности сводится к блокировке одного из двух вариантов решения проблемы (выход из состояния 20 = 1: два в нулевой степени);

b) человек собственным разумением доходит до состояния «ИИ» ($2^n \rightarrow 2^{n-1} \rightarrow \ldots$ 20). Далее реализуется вариант **а**).

Решение проблемы (разрешение сомнения) может считаться окончательным, или абсолютно определённым, лишь в случае его привязки к определённой точке зрения, одной системе координат, в качестве которой следует рассматривать идеологию в широком смысле. Мировосприятие регулируется этическими нормами и ценностными установками, присущими данному обществу, что дает основание рассматривать его как наиболее дифференцированную форму мировоззрения, которая более всего подвержена какому-либо внешнему воздействию, будь то воспитание, обучение или же программируемое психологическое воздействие.

Смысл сам по себе относится к тем загадочным для многих явлениям, которые считаются вроде бы общеизвестными, поскольку постоянно фигурируют как в научном, так и обыденном общении. Помимо семантических определений смысла, существуют и прагматические, которые оценивают это явление с позиции человека как субъекта деятельности. В этом случае смысл обретает статус ценности, значимости – в таком случае он обретает статус характеристики полезности предмета. Смысл обретается в контексте определенной жизненной ситуации, потребностей, самосохранения и проективной деятельности. Смысл охватывает не только знания о предмете, но и отношение к нему. Понимание смысла происходящего, будь то природные и социально-политические процессы или же повествовательный текст, следует рассматривать как результат познания, получивший

определенную ценностную характеристику, оценку достоверности, справедливости на основе определенной нормы, стандарта, принципа. Понять можно то, что сравнимо с чем-либо уже существующим. Функция понимания заключается в наделении определенным смыслом объектов социально-культурной реальности и включении их в духовный мир человека и в его повседневную деятельность. Если в одних случаях имеется в виду субстанциональная сущность смысла, то в других – способы его программирования в тексте, в-третьих – закономерности декодирования и др. Смысл необходимо «искать», «понимать», что свидетельствует о его творческом (не рутинном) характере.

Смысл является результатом понимания, его конечной целью, но и само по себе понимание происходит на основе поиска смысла. В таком случае возникает вопрос о том, как соотносятся между собой «смысл-инструмент» и «смысл-результат» применительно к вопросу об обеспечении собственно психологической безопасности, информационно-психологической и когнитивной безопасности в рассматриваемом нами контексте? Ответы на поставленные вопросы в одних случаях могут оказаться достаточно простыми, в других же случаях это может потребовать проведения специальных исследований, тем более что в своей деятельности человек ищет смысл, который служит ему и целью, и стимулом, и средством. В таком случае мы должны обратиться к выяснению вопроса о том, как эта проблема решается, с одной стороны, собственно психологами, а с другой – в контексте социологии жизни как теоретико-методологической основы исследований жизненного мира человека. Смысл предстает интегрирующим фактором человеческой жизни, потому сама по себе проблема смысла обретает комплексный характер, решаемая на стыке психологии, социологии и философии.

Заключение

В этом «соцветии» гуманитарного знания именно философская рефлексия, опираясь на родовое понятие идеального, позволяет разграничить сферу собственно интеллектуальной деятельности человека, «нацеленной» на решение заранее заданного круга задач (в сфере обучения и профессиональной деятельности) и сферу человеческой повседневности, участия человека в различных сферах жизнедеятельности, будь то се-

мейное воспитание, посещение храма, участие в общественной и политической жизни и многое другое. И если первая из этих сфер духовной деятельности (собственно интеллектуальной, т.е. естественный интеллект) стала подвластной технологиям ИИ, то по отношению ко второй из них применение этих технологий (будь то социальный контроль или права роботов и ИИ) во многом связано с ожидаемыми и неожиданными рисками. Все сказанное выше подтверждает, что учение Э.В. Ильенкова следует рассматривать как философско-методологическое основание когнитивистики в изучении мыслительной деятельности человека и дальнейшего развития ИИ.

Включение категории идеального в информационно-кибернетический дискурс предполагает выход за пределы узкого противопоставления искусственного и естественного в информационном пространстве, поскольку ИИ позволяет моделировать те проявления интеллектуальной деятельности человека, которые ограничены рассудочными, абстрактно-логическими ее функциями, тогда как идеальное выступает родовым понятием по отношению ко всем формам и видам духовной деятельности человека, будь то сознание и мировоззрение, убеждение и воля, мироощущение и мировосприятие, вера и сомнение и т.д.

Главная трудность (потому и главная проблема современной философии) заключается, по твердому убеждению Э.В. Ильенкова, в том, чтобы разграничить мир коллективно исповедуемых представлений, т.е. весь социально-организованный мир духовной культуры, со всеми устойчивыми и вещественно-зафиксированными всеобщими схемами его структуры, его организации, – и реальный, материальный мир, каким он существует вне и помимо его выражения в этих социально-узаконенных формах «опыта», в объективных формах «духа». Вот здесь-то, и только здесь, различение «идеального» от «реального» («материального») и приобретает серьезный научный смысл, – и именно потому, что на практике массы людей то и дело путают одно с другим[69].

Идеальное, идеальность, возникает, рождается, оказывается продуктом общественных и межличностных отношений во всем их бесконечном многообразии. Идеальность имеет чисто социальную природу и происхождение. Это форма вещи, но вне этой вещи и именно в деятельности человека, как форма этой дея-

[69] *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // Логос, 1 (2009), с. 41.

тельности. Между тем по непонятным причинам проблема идеального (а отсюда – идеи, идеологии) как-то незаметно ушла из философского, общенаучного и политического дискурса. И это получило подтверждение, в частности, в том, что для категории «идеальное» не нашлось места ни в «Большой российской энциклопедии», ни в специализированном «Словаре философских терминов» (М.: ИНФРА-М, 2007), а в «Философском энциклопедическом словаре» (2010 г.) мы встречаем такой «шедевр»: «идеальность – бытие как голая идея или представление, в противоположность реальности – бытию в объективной действительности».

Категория «идеальное» – такая же фундаментальная в социально-философском осмыслении окружающего мира и человеческой жизнедеятельности, как и «материальное», «пространство», «время», «движение», «развитие». Каждое из них конкретизируется в исследованиях искусственного интеллекта, его места и роли в социуме и потому взывает к необходимости включения КАТЕГОРИИ ИДЕАЛЬНОГО В ЭПИЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ И ДИСКУССИЙ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ.

Я не исключаю того, что технологии больших данных внесут много нового и малопредсказуемого, но упускать из когнитивистики представления об идеальном было бы непростительно. В споре «физиков» и «лириков», который стал знамением середины XX в., теперь на место «физиков» пришли «айтишники», только теперь всем им надо не только спорить об экзистенциальных рисках и глобальной безопасности, а асфатроника будет им в помощь.

I.F. Kefeli

Man and Asphatronics: the Category of the Ideal – in the Research of Artificial Intelligence and Global Security

Abstract. The article substantiates the idea of the need to include in globalistics a relatively independent section-the theory of global security, which is proposed to be defined as asfatronics (Asfatronics, from the Greek ασφάλεια – security, ηλεκτρννιο – electron). The basis for such a statement is the situation that has developed with the identification of global

risks (geopolitical, environmental, economic, social and technological), which have been monitored in detail for 15 years within the framework of the Davos Economic Forum. The paper focuses on the analysis of artificial intelligence (AI) as one of the main agents of interest in global security. AI turns out to be at the epicenter of solving existential problems, the meaning of human existence, since the «digital mind» just contains those hidden threats, in relation to which a system of ensuring information, psychological and cognitive security should be built.

Keywords: asphatronics, global risks, global security, artificial intelligence, information, psychological and cognitive security

Е.Н. Гнатик

Мир в эпоху одержимости безопасностью: риски, ограничения, возможности

Аннотация. **Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов трансформации социальной реальности. Объявление пандемии спровоцировало возникновение беспрецедентной ситуации: человечество столкнулось с совершенно иным концептом действительности. В частности, нынешние условия, стимулируя рывок в развитии НБИК-технологий, способствуют укреплению парадигмы, абсолютизирующей технократическое слагаемое цивилизационного развития. На фоне общей депрессии и спада экономической активности наблюдается взрывной рост в сфере биоиженерных, информационных и когнитивных исследований. «Новая нормальность» коронавирусной эпохи, связанная с невиданной прежде широтой применения систем искусственного интеллекта, технологий видеонаблюдения, геолокации и «Больших данных», в необычайно короткие сроки привела к возникновению новых экзистенциальных и правовых проблем.**

Ключевые слова: **пандемия COVID-19, НБИК-технологии, безопасность, права человека, трансформация социальной реальности**

В настоящее время человечество оказалось в беспрецедентной ситуации: создаются новые алгоритмы существования, новая реальность. О том, что нано-, инфо-, когно- и биотехнологизированная среда артефактов активно способствует глубинной трансформации привычного способа бытия человека, научный мир сигнализировал в течение последних лет весьма активно. Кроме того, согласно прогнозам специалистов, рано или поздно совершенствование технологий культивирования смертоносных микроорганизмов и производство на этой основе нового вида оружия массового поражения могут привести к ослаблению контроля над ситуацией, поставив человечество перед лицом новых угроз. Однако катализатором стремительной трансформации социальной реальности внезапно послужила беззащитность че-

ловека перед микроорганизмом неизвестного происхождения. Как отметил отечественный пульмонолог академик А.Г. Чучалин, «тревога пришла из мира вирусов<…> Научные прогнозы неутешительные. И вот почему: современный человек… изменил все свое окружение, но сам-то приспособиться к этому не смог. … Мы не поняли, что в этом, как бы эволюционном, процессе самым уязвимым местом оказались иммунная система человека и недооценка того мира вирусов, в котором человек живет. <…>Если мы хотим спасти цивилизацию… мы должны понять, что сегодня человек уязвим, как никогда. И коронавирусная проблема лишний раз ставит вопрос о человеке и его проблемах»[70].

Явление миру вируса SARS-CoV-2 в начале 2020 г. принесло с собой резкое нарастание хаоса, и прежде всего хаоса информационного. Люди словно окунулись в странную ситуацию, оказались в сюрреалистической системе, функционирующей по законам и нормам, отличным и от известных законов физики, и от объяснительных моделей других наук – социологии, психологии и т.д., включая право. Мир, озабоченный проблемой спасения, стал стремительно погружаться в состояние одержимости безопасностью. Воцарилась максимальная медиа-тревога. Наиболее часто и повсеместно употребляемыми стали выражения «глобальная угроза», «смертельная опасность». Транслируемые средствами массовой информации сведения крайне противоречивы, в связи с чем практически невозможно сконструировать адекватную картину реальности. Насколько можно судить, массовые болезни всегда сопровождались инфодемией, т.е. слухами, предрассудками, намеренной дезинформацией и необоснованными страхами. Но сегодня человечеству предоставлена уникальная возможность буквально в прямом эфире наблюдать за шествием напасти под названием COVID-19 и ощущать свою беспомощность в попытках разобраться в хитросплетениях противоположных мнений, порой предвзятых, поверхностных точек зрения, а также научных гипотез наряду с заблуждениями на грани фальсификации, активно распространяющихся через официальные телеканалы и социальные сети.

Сложилась беспрецедентная ситуация: в каком-то смысле индивидуумы перестали являться творцами своего персонального

---

[70] *Академик А.Г. Чучалин.* Мы платим за то, что недооценили мир вирусов, в котором живем. https://newizv.ru/news/society/25–01–2021/akademik-chuchalin-my-platim-za-to-chto-nedootsenili-mir-virusov-v-kotorom-zhivyom (дата обращения -05.03.2021).

мира. Остался лишь мир киберпространства, который не может заменить внешнюю объективную реальность. По сути, люди оказались не в состоянии контролировать собственную жизнь. За человека кто-то рисует ему перспективу, лишая его горизонта планирования. Граждане большинства государств вынуждены в каком-то смысле делегировать правящим элитам полную ответственность за свое существование. И неизбежно возникают вопросы. Насколько глубоки и дальновидны социальные и личностные последствия для огромной части населения Земли, насильно разобщенного и погруженного во власть цифровых технологий? Насколько адекватны действия элит современных государств по отношению к своим гражданам? Подобные экзистенциальные вопросы выдвинулись на передний план, стали наиболее актуальными для каждого мыслящего человека. Тем более что ученых, которые являются реальными профессионалами, признанными специалистами в наиболее тесно связанных с возникшей проблемой областях медицины и здравоохранения (эпидемиологов, вирусологов, иммунологов и др.), к принятию решений привлекают как-то не слишком охотно. И это бросается в глаза, вызывая определенное недоверие властям. В итоге выкристаллизовывается характерная черта нынешней общемировой ситуации – непредсказуемость действий и политических решений горстки людей. Складывается ощущение, что началась реализация некоего нового технологичного, наукоемкого способа руководства массами, осуществляемого посредством информации, ее оцифровки, передачи, обработки и использования (с некими пока размытыми для большинства целями).

Мир сталкивался и с более коварными эпидемическими ситуациями, однако масштабное распространение инфекционных болезней к середине XX в. практически прекратилось благодаря достижениям медицины, научной обоснованности противоэпидемических мероприятий и созданию средств специфической профилактики. Исключение являет собой грипп, эпидемии которого, по данным ВОЗ, происходят в «Северном полушарии ежегодно осенью и зимой, в течение которых инфекция поражает примерно 5–15% населения»[71]. Причиной тому служит высокий эпидемический потенциал гриппа, поскольку болезнь распространяется по типу цепной реакции. Специалисты констатируют, что в условиях высокой плотности населения городов и возможности свободно-

[71] https://www.euro.who.int/ru/health-topics/communicable-diseases/influenza/data-and-statistics (дата обращения 05.03.2021).

го перемещения по миру организационные и общесанитарные мероприятия нередко остаются малоэффективными[72]. Эпидемии гриппа стали обычной, рядовой ситуацией, регулярно происходящей во многих странах, и человечество научилось с этим справляться, как и с другими инфекционными вспышками.

С возникновением ковидной тематики дело приняло иной оборот. Дата 11 марта 2020 г. войдет в историю, ведь именно в этот день, «выражая крайнюю обеспокоенность тревожными показателями распространения инфекции и тяжестью ее последствий, а также недопустимыми масштабами бездействия, ВОЗ приходит к выводу о том, что вспышка COVID-19 может быть охарактеризована как пандемия»[73]. С этого момента минуло больше года, но до сих пор нет компетентного и взвешенного ответа на вопрос, насколько оправданными являются принимаемые жесткие антикоронавирусные меры: дистанцирование, карантинные правила и т.п. Разобщение людей, пусть и под предлогом спасения, сохранения их жизней, помимо всего прочего, способствует нагнетанию стрессового состояния, а потому длительное нахождение в строгой изоляции чревато резким снижением иммунной защиты организма и крайне опасно. Пока невозможно доподлинно разобраться, стоит ли за этим реальный системный кризис здравоохранения и медицинской науки. Или, возможно, причина другая, но ее на данном этапе раскрывать не хотят? Разумеется, COVID-19, как и сезонный грипп, в отдельных случаях вызывает тяжелую клиническую картину, серьезные осложнения и иногда приводит к гибели пациента. Но, как отметил Л.М. Рошаль, «контагиозность этого вида коронавируса ненамного уступает гриппу, а показатели смертности ниже, чем при эпидемиях других форм коронавируса»[74]. Однако все силы и медицинские резервы были брошены на борьбу с новым вирусом, что привело к резкому сокращению приема плановых больных. Вместе с тем беспрецедентные мероприятия и паника, их сопровождающая, стали причиной значительного роста смертности от соматических и психических недугов, катастрофически

72 Большая Медицинская Энциклопедия (БМЭ) / под ред. *Петровского Б.В.* , 3 изд. Т.18. Интернет- ресурс: https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php/%D0%9F%D0%90%D0%9D%D0%94%D0%95%D0%9C%D0%98%D0%AF

73 https://www.who.int/ru/news/item/29–06–2020-covidtimeline (дата обращения 05.03.2021).

74 Л.М. Рошаль. Нам нужно спокойно пройти по острию ножа – РИА Новости, 29.03.2020 (ria.ru) (дата обращения – 17.04.2021).

снизив резервные возможности организма (т.е. не **от** коронавируса, а **из-за** коронавируса). Для России это особенно критично, поскольку и без этого депопуляция такова, что «коренное население страны может перейти в разряд невозобновляемых людских ресурсов»[75].

Помимо этих страшных последствий, вводимые антиковидные меры провоцируют разрушение малого и среднего бизнеса во всем мире, рост безработицы, социального неравенства и прочие крайне негативные тенденции. Государственно-экономическая политика многих стран не может быть охарактеризована иначе, как саморазрушительная: правительства и центробанки в сложившейся ситуации не могут противопоставить финансовым проблемам ничего, кроме запуска печатного станка. И если сейчас это дает свои позитивные плоды, позволяя экономике не замереть совсем, то, похоже, вскоре именно по этой причине систему хозяйствования ждет глубочайшее падение, так как эти деньги ничем не обеспечены.

Лица, активно проявляющие несогласие с карантинными мерами, в некоторых странах подвергаются серьезным штрафам, задержаниям, жесткому обращению правоохранительных органов, вплоть до травли протестующих служебными собаками, использования дубинок, водометов, слезоточивого газа и пр. Провозглашенная угроза здоровью населения, будучи значимым целеполаганием, стала доминантой, оправдывающей введение серьезных новшеств, позволяющих правящим верхушкам блокировать гражданские права.

В результате гигантская часть населения Земли, оказавшись в условиях суровой самоизоляции, была вынуждена внезапно перенести значительную часть своего бытия на симулятивные цифровые киберпросторы. Человек, порой помимо своего желания, все сильнее стал погружаться в искусственно созданное, альтернативное для него пространство. Цифровая реальность имеет свою собственную онтологию, свои собственные законы развития и воздействия на человека, изменяя среду обитания, коммуникации и жизненный уклад в целом, существенно трансформируя как социум, так и каждого индивидуума, совершая глубокие модификации в сфере его сознания и мировоззрения.

[75] *Локосов В.В.* Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски // Вестник Российской Академии наук. 2020. т. 90. № 3. С. 251–258. С. 251.

Объявление пандемии спровоцировало возникновение беспрецедентной ситуации планетарного масштаба: человечество столкнулось с совершенно иным концептом действительности, в котором начинают просматриваться некоторые штрихи[76] следующего витка мирового развития.

В частности, нынешние условия, стимулируя рывок в развитии НБИК –технологий, способствуют укреплению парадигмы, абсолютизирующей технократическое слагаемое цивилизационного развития. На фоне общей депрессии и спада экономической активности наблюдается поистине взрывной рост в сфере биоиженерных, информационных и когнитивных исследований.

Результаты научных разработок в биотехнологической отрасли весьма актуальны и востребованы, это, прежде всего, создание вакцин, диагностических тестов и лекарств. Значительная часть россиян возлагает большие надежды на успешную разработку необходимых препаратов, на их эффективность и безопасность. Несколько иначе обстоят дела с применением постоянно совершенствующихся информационных и когнитивных технологий, что не может не вызывать беспокойства и озабоченности. Условия пандемии предоставили властям возможность в кратчайшие сроки, без «лишних» обсуждений воплотить в жизнь решения, судьбоносные для страны. Собственно, идея масштабной цифровизации страны стояла на повестке дня властвующих структур и до драматических событий, связанных с COVID-19: была принята «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»[77], утвержден национальный проект «Цифровая экономика России 2024»[78], проект «Московская электронная школа»[79] и т.д. А в июне 2020 г. получила законодательное оформление тотальная цифровизация населения страны [80]. Не удивительно, что в разгар пандемии и эконо-

[76] Подробнее см.: *Щелкунов М.Д.* Общество в условиях пандемии: репетиция цифрового будущего // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 2. С. 192–196.

[77] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 • Президент России (kremlin.ru).

[78] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» – национальная программа развития цифровой экономики Российской Федерации (ac.gov.ru).

[79] Московская электронная школа – это будущее образования / Проекты / Сайт Москвы (mos.ru).

[80] Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ · Официальное опубликование правовых актов · Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru).

мического кризиса весть о создании гигантской базы данных не только не спровоцировала серьезного сопротивления граждан, но и оказалась почти незамеченной. А меж тем последствия грядут весьма значительные и затрагивающие буквально каждого. Речь идет о новом этапе цифровой трансформации – разработке системы управления учетными данными государственного масштаба. Формируемый Единый федеральный информационный регистр (ЕФИР) будет содержать все данные на каждого россиянина, собираемые всеми информационными системами России (ФНС, Пенсионным фондом, загсами, МВД, центрами занятости, Минкомсвязи, Минобороны, Минобрнауки, Рособрнадзором, Роструда, государственными внебюджетными фондами и другими ведомствами). В него войдут около 30 видов сведений о человеке: ФИО, дата и место рождения и смерти, пол, реквизиты записи акта гражданского состояния о рождении и смерти, СНИЛС, ИНН, семейное положение, все данные о физическом лице, об образовании, о всех местах его работы, сведения из налоговых органов, сведения о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, о постановке на воинский учет, регистрация в системах ОМС, соцстраха и пенсионной системе, документы об образовании/учебе, квалификации, о присуждении, лишении, восстановлении ученой степени/звания, сведения о всех родственных связях и т.д. Единый государственный регистр в технологическом смысле будет базироваться на алгоритмах работы с колоссальными объемами информации, используя опыт таких IT-гигантов как Google и Facebook. Предполагается, что система начнет функционировать с 1 января 2023 г., переходный период продлится до 31 декабря 2025 г. Представляется, что принятие столь судьбоносного для всей страны решения должно предполагать тщательное изучение последствий (как позитивных, так и деструктивных). На наш взгляд, исследовательская активность в данной ситуации оказалась недостаточной.

Наряду с непрерывным совершенствованием информационных технологий в ситуации пандемии был придан значительный импульс развитию нейросетевых технологий. «Новая нормальность» коронавирусной эпохи, связанная с невиданной прежде широтой применения систем искусственного интеллекта, технологий видеонаблюдения, геолокации и так называемых «Больших данных» (Big Data), в необычайно короткие сроки фактически повсеместно привела к значительной трансформации суще-

ствующей системы обеспечения прав человека[81]. Объявленная угроза здоровью населения легализовала те способы применения систем слежения за людьми, от которых ранее власти многих стран пытались всячески открещиваться. Безусловно, напряженность в мире растет, и это требует повышения мер безопасности на всех уровнях. Основная декларируемая ранее цель введения тотального видеоконтроля – профилактика, раскрытие серьезных преступлений, террористических актов, прочих негативных процессов, поимка сбежавших преступников. В нынешних условиях борьбы с пандемией система идентификации личности на основе передовых технологий из средства обеспечения безопасности, стоящего на службе силовых ведомств, прямо на наших глазах преобразовывается в инструмент массовой социальной инженерии. В некоторых странах стартовало применение различных существующих возможностей высокотехнологичного наблюдения за своими гражданами с целью заставить их соблюдать домашний карантин. И Россия – не исключение. В начале апреля 2020 г. Министерство цифрового развития РФ разработало порядок наблюдения за носителями коронавируса на основании данных геолокации сотовых телефонов, отчасти легализовав тем самым практику, которая сложилась в Москве в течение последних нескольких лет в рамках правительственной программы «Безопасный город». Изначально система видеонаблюдения была внедрена (2011–2012 гг.) в столице с целью предупреждения и выявления преступных деяний, автотранспортных происшествий и в целом повышения общественной безопасности. В настоящее время это весьма разветвленная сеть камер, установленных в местах массового скопления людей, у административных и жилых зданий, в метро, вузах, школах, больницах, торговых центрах, а также мобильные комплексы для распознавания лиц на массовых мероприятиях и пр. В разработке у специальных служб МВД России находятся алгоритмы искусственного интеллекта по распознаванию людей на основе татуировок, радужной оболочки глаз, голоса, движения тела и др. Для идентификации не является препятствием наличие мотоциклетных шлемов и медицинских масок, а также очков, усов или бороды, используемых для маскировки. Возможности системы позволяют выявить человека, находящегося на расстоянии 50 метров от камеры, на основе ана-

81 *Овчинский В.С.* Под прицелом видеокамер и big data. Интернет-ресурс: https://izborsk-club.ru/20614 (дата обращения – 20.04.2021).

лиза длины шага, уровня наклона ступни и движения рук. Сбор информации о месте пребывания и перемещениях жителей и гостей города происходит на основе геоаналитических данных от сотовых операторов. По скорости переподключения абонента от одной вышки к другой определяется, идет он пешком или перемещается на автомобиле, а по тому, к какой базовой станции телефон чаще всего подключен в ночное время, – где именно человек ночует и соответственно, живет. Огромное количество данных обо всем происходящем в режиме реального времени содержится в интеллектуальной транспортной системе, дополненной информацией с датчиков ГЛОНАСС, находящихся на всех видах наземного общественного транспорта и уборочной технике[82]. В итоге формируются так называемые «обезличенные» отчеты о количестве и ежедневном передвижении абонентов. Разумеется, получение данных видеонаблюдения является лишь началом углубленной аналитической работы, основанной на технологии Big Data. Развитие этой сферы, совершенствование алгоритмов искусственного интеллекта – приоритетное, дорогостоящее направление, происходит весьма стремительно. В рамках создания Министерством внутренних дел РФ централизованного банка биометрических данных в марте 2021 г. населению было объявлено о возможности регистрации отпечатков пальцев и изображений лиц на сайте Госуслуги.

В ходе развития «умной» городской системы Москва тесно сотрудничает с Пекином, направляя в Поднебесную делегации на уровне правительства города для изучения функционирования систем видеонаблюдения и аналитических систем обработки поступающих данных. Однако китайская тема вызывает весьма неоднозначную реакцию. Как известно, Китай стал первым в мире государством, в котором власть открыто заявила о внедрении системы контроля, корректировки, моделирования и модернизации внутреннего мира своих граждан с применением самых передовых цифровых инструментов и технологий. Планы Китая поистине грандиозны – параллельно со значительным подъемом экономики и уровня жизни трансформировать к 2025 г. страну, в недавнем прошлом пребывающую среди «третьих» стран, в «первое в мире государство, управляемое на основе больших данных»[83]. Подчинение полуторамиллиардно-

[82] https://izborsk-club.ru/20614.
[83] *Петров А.А.* Китайский цифровой профиль или скоринговая система социаль-

го населения страны и подавление инакомыслящих в условиях цифровизации и информатизации осуществляются властями Поднебесной посредством социально-балльного рейтингования. Это так называемая система социального кредита, базирующаяся на технологиях обработки и анализа больших данных, поступающих из разветвленной сети видеокамер, персональных компьютеров, смартфонов, банковских данных, отчетов государственных структур, а также медицинских, финансовых, страховых документов, интернета и соцсетей. Социальный рейтинг человека может снизиться вследствие неуплаты налогов, банковской задолженности, критики власти, нарушения правил дорожного движения и бытовых проступков (в том числе – курение, излишняя онлайн активность и даже общение с лицами, занесенными в черные списки). Повысить рейтинг можно, например, став донором крови или приняв участие в благотворительном проекте и пр.[84] Сведения поступают из государственных баз данных, цифровых сервисов и от информаторов. А в период пандемии камеры наблюдения начали принудительно устанавливать и в квартирах. К гражданам с низким рейтингом, а также к членам их семей применяются различные санкции, лишающие доступа к определенным общественным благам, в частности: запрет занимать должности в государственных структурах; отказ в социальном обеспечении; более пристальный досмотр на таможне; запрет занимать руководящие должности в отдельных отраслях; невозможность покупки авиабилетов и комфортных железнодорожных билетов; невозможность обучать своих детей в престижных школах и многое другое.

Конечно, у китайского народа иные культурные традиции, иная ментальность, иные пути достижения процветания и пр. И все же в связи с опытом Поднебесной в плане цифровой сегрегации хотелось бы понять: не такое ли будущее уготовано российскому обществу? Не может ли распространение цифровизации наряду с совершенствованием алгоритмов искусственного интеллекта, применением биометрического надзора и т.п. переродиться в нечто гораздо более опасное для каждого гражданина страны? Кто сегодня может гарантировать, что наша власть,

---

ного доверия // Chronos. 2020. № 8 (46). С. 16.

[84] *Петров А.А.* Новейшие инструменты четвертой промышленной революции и цифровые механизмы контроля и управления обществом // Chronos. 2020. No 8 (46). С. 24–25.

спустя какое-то время, в одночасье не примет решение следовать китайскому сценарию, этой антиутопии наяву, тотальной слежке, частично или полностью? Пример с пенсионной реформой является свидетельством, что нет ничего невозможного.

Сканирование внешности и сбор информации создают гигантский массив данных, использование которых может повлечь за собой непредсказуемые последствия, и проблема их несанкционированного применения, на наш взгляд, здесь не самая большая. Вполне очевидно, что таким образом возникает реальная возможность использовать созданную с помощью информационных и когнитивных технологий базу для принуждения членов общества проявлять благонадежность во всех сферах. Исчезновение анонимности – проблема не только правовая, но и экзистенциальная. Подобное применение высоких технологий фактически не оставляет места для приватности, для личного пространства. Пребывание под неусыпным контролем камер неизбежно окажет весьма негативное психологическое воздействие на граждан. Какой-то части населения, возможно, удастся постепенно и безболезненно адаптироваться к усиленному вниманию «Большого брата». Однако представляется, что для многих это чувство нахождения под постоянным надзором станет жестким психологическим инструментом, этаким дамокловым мечом, принуждающим человека к постоянному самоконтролю, и источником нервного напряжения, вплоть до истощения. Власть алгоритмов, позволяющих манипулировать человеком посредством непрерывно собираемой о нем информации, может обернуться новой, изощренной формой геноцида.

Введение в повседневную практику систем искусственного интеллекта и цифровых технологий, постановка их на службу власти могут способствовать переформатированию всего жизненного уклада общества. А.А. Громыко отмечает, что в ситуациях форс-мажора появляется «побочный продукт мобилизации ресурсов государства для борьбы с тем или иным кризисом. В такие периоды государство обращается к дополнительным инструментам принуждения, а когда кризис проходит, не спешит от них отказываться. Так, борьба с международным терроризмом в начале XXI в. привела к беспрецедентному росту полномочий исполнительной ветви власти и спецслужб в большинстве стран, в том числе в области массо-

вой прослушки и слежки»[85]. Таким образом, нельзя абсолютно исключить, что опыт реалий пандемии не спровоцирует внедрение социальных инноваций, не обладающих созидательным потенциалом и ведущих к возникновению новых форм социальных отношений, новых форм свободы индивидов и даже нового типа социума. На наш взгляд, научное сообщество должно своевременно реагировать на подобные потенциально возможные шаги властей, инициировать широкую общественно-научную дискуссию, дабы скорректировать курс действий, поумерить аппетиты государственного аппарата принуждения, затормозить политику ограничения фундаментальных прав граждан.

E.N. Gnatik

The World in the Age of Security Obsession: Risks, Limitations, Opportunities

Abstract. **The article is devoted to the consideration of some aspects of the transformation of social reality. The announcement of a pandemic provoked an unprecedented situation: humanity is faced with a completely different concept of reality. In particular, the current conditions, stimulating a breakthrough in the development of NBIC-technologies, contribute to the strengthening of the paradigm that absolutizes the technocratic component of civilizational development. Against the background of a general depression and a decline in economic activity, there is an explosive growth in the field of bioengineering, information and cognitive research. The «new normal» of the coronavirus era, associated with the unprecedented breadth of use of artificial intelligence systems, video surveillance technologies, geolocation and «Big Data», in an unusually short time has led to the emergence of new existential and legal problems.**

Keywords: **COVID-19 pandemic, NBIC-technologies, security, human rights, transformation of social reality**

85 *Громыко А.А.* Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 7.

О.В. Попова

Философский контекст пандемии

Аннотация. **В статье рассматривается философский дискурс, возникший в период развития пандемии коронавируса COVID-19. Проанализирован ряд социально-политических проблем, вызванных развитием пандемии, и показан процесс переосмысления ряда устоявшихся социально-философских понятий, таких как «лагерь», «чрезвычайное положение», «биополитика», и продемонстрированы различные философские позиции, отражающие реакцию переосмысления роли философии в контексте формирования новой пандемической реальности.**

Ключевые слова: **пандемия, коронавирус, философия пандемии, медицина катастроф, исключительное положение**

Пандемия коронавируса вызвала глобальную медикализацию социальной реальности. Различным сферам социального мира присваивали новые переносные значения, где понятия «патология», «болезнь», «здоровье», «норма» и «ненормальность» обретали новую «вирусно-социальную» нагрузку. С эпидемией коронавируса произошло то, о чем когда-то прекрасно выразилась С. Зонтаг, исследуя прагматические свойства болезни как метафоры: «Любое важное заболевание, чья причинность мутна, и для которой лечение неэффективно, имеет тенденцию быть затопленным в значении»[86].

Во время распространения пандемии ужас карантина вызвал «вирусную» реакцию о грядущей тотальности контроля, изоляции и исключения, о всевозможных теориях заговора и изобретении эпидемии. Мифы о принудительной вакцинации и чипировании воспроизводились в контексте метафоризации болезни, в рамках представлений о конструировании пандемической реальности. Понятия «вирус», «карантин», «пандемия» вышли из границ своих привычных значений, чтобы быть размещенными в сетке социально-политических категорий[87].

---

[86] Sontag S. Illness as Metaphor. Farrar, Straus and Giroux, 1978. P. 58.

[87] Подробнее об этом см.: *Попова О.В.* Модальности карантина: от медицины Шоа к медицине катастроф // Человек. № 5. С. 26–31. ISSN 0236–2007. DOI: 10.31857/S023620070012384–9.

Принимаемые в ситуации с пандемией шаги в глазах рефлексивного сообщества с такими характерными мерами, как изоляция, контроль за передвижением, цифровой социальный мониторинг, в глазах многих приобрели тоталитарные черты. Возник философский протест против мер изоляции и дистанцирования. Они расценивались как пример необоснованного погружения в милитаристский контекст прошлого.

Философ Дж. Агамбен, поднимая вопрос об изоляции и исключении, опирается на воспоминания о военных технологиях в мирное время («наследие войн в мирное время включало в себя целый ряд гнусных технологий, от колючей проволоки до атомных станций»). Карантинные меры в его контексте рассуждений лишь воспроизводят уже сложивший «лагерный» милитаристский порядок современного биополитического пространства.

Необходимо подчеркнуть, что милитаризм лексики постепенно осваивал повседневную реальность, став своего рода маркером осуществляющихся политических шагов и психологической оценки ситуации.

Ковид отождествлялся с иностранцами, требовал закрытия границ и одновременно формировал подозрительность к Другому как к Чужому, врагу, носителю опасности. С другой стороны, милитаристский дискурс постепенно окутывал социальное пространство. В ходу уже была формула универсального страха перед Другим: «Мы не в опасности, мы – опасность»[88] .

Здесь политическим дихотомиям противопоставляется принцип всеобщей опасности, когда «цыганка не опаснее моей собственной дочери, расистские категоризации теряют все свое мобилизующее обаяние при ударе»[89]. Резкая трансформация социальных отношений, характеризующаяся отходом от тактильного контакта, избеганием встреч и глобальным дистанцированием, осуществляется параллельно с конструированием общего врага-коронавируса. В то же время те, кто не желает перестраивать свою жизнь в соответствии с духом новой пандемической реальности и карантинных мер, начинают подвергаться остракизму, становятся фигурами исключения.

---

[88] *Benvenuto, S.* Forget about Agamben // Foucault, M. Agamben G., *Nancy J.L.* , Esposito R., Benvenuto S., Dwivedi D., Mohan S., Ronchi R., de Carolis M. Coronavirus and philosophers. URl: https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/ (дата обращения: 07.07.2020).

[89] Ibid.

Они расцениваются как носители опасности, как «враги», с которыми нужно договариваться, кого нужно изолировать или от которых нужно дистанцироваться. Происходит постепенное перекраивание всей ткани социальных отношений, где понятия «свой»–«чужой» утрачивают оппозиционную направленность.

Как свидетельствовать о пандемии?

Отход от неспешного мысленного экспериментирования к сложнейшим экзистенциальным проблемам дал толчок формированию новой повестки в философии. Все это происходило в режиме цейтнота. В режиме, который был полностью противоположен ее духу. Бесконечные zoom-встречи интеллектуалов, посты в соцсетях, реплики и статьи в научной периодике задавали пафос неотложенного философствования. Философия очередной раз расширила свои границы, тематизировав новую ковидную реальность.

Модальность молчания стала маргинальной в охваченной пандемической повесткой разгоряченной философской среде. В то же время она отражала медленный дух самой философии, требующей значительного количества времени для глубокого осмысления фундаментальных проблем. Отлично сказал об этом Г. Харманн: «Мне кажется, философия лучше справляется с важными вопросами, чем с неотложными… Если философ слишком быстро говорит о насущной проблеме, такой, как коронавирус, есть большая вероятность, что он просто будет толкать текущие события в свою собственную философскую позицию, а не бросать вызов своему собственному мышлению относительно того, что происходит»[90].

Позиция Г. Харманна, выраженная в противовес сформировавшемуся бурному дискуссионному полю, заряжена этически. Молчание философа на тему пандемии выступает одновременно и переходом от теоретических подходов, и уходом от «забалтывания» и профанизации проблемы к практическим мерам, которых все ждут с огромных нетерпением. Практика становится моральным долгом.

Практическая помощь во время развития пандемии принимала самые разнообразные формы. Можно было не быть врачом,

90 *Harman G.* Lockdown and the Sense of Threat. URl: https://baykusfelsefe.com/2020/05/06/tecrit-ve-tehdit-lockdown-and-the-sense-of-threat-graham-harman/ (дата обращения: 07.07.2020).

работая в «красной зоне», но успешно исполнять волонтерские обязанности или не стать волонтером, но оказывать финансовую помощь пострадавшим людям и их близким, или же сдавать плазму крови. Идея дара захватывала разные слои населения и заставляла людей объединяться, чтобы противостоять кризису и смерти.

В контексте этого процесса актуализировался вопрос о роли философии. Должен ли философ стать экспертом в пандемической теме? Каким образом он должен практиковать философию в экзистенциальной ситуации? Как он должен говорить о ней? Не должна ли сама трагичность ситуации накладывать определенные этические ограничения на способы мыслить о пандемии? Представленная выше позиция Г. Харманна отражает такую идентичность философии, которая укоренена лишь в своем собственном контексте и действие которой осуществляется «в масштабе веков и тысячелетий»[91]. Он едко замечает: «Я не против прочесть, что Бадью или Жижек скажут о COVID-19, но я бы предпочел услышать мнение губернатора Калифорнии»[92]. Умаление роли своей экспертной философской оценки становится особенно уместным во время кризиса, когда сталкиваешься с катастрофой и где целесообразным становится воздержание от суждений: «Бывают моменты, когда каждый из нас должен просто молчать и слушать, и важно распознать те моменты, когда они приходят»[93].

Практика осознанного молчания обусловлена, как минимум, двумя обстоятельствами: во-первых, ограниченность наших знаний о каком-то предмете взывает к приостановке экспертных суждений; во-вторых, как моральные существа актом молчания мы можем выражать солидарность с принявшими на себя удар трагической ситуации. Этот акт молчания аналогичен молчанию, которое можно наблюдать при уходе людей из жизни, при испытании шокового немого состояния перед разворачивающимися страданиями, когда любые слова – излишни.

К. Малабу пишет об особой этичности воздержания от суждений: «Я восхищаюсь теми, кто может проанализировать ны-

[91] *Harman G.* Lockdown and the Sense of Threat. URl: https://baykusfelsefe.com/2020/05/06/tecrit-ve-tehdit-lockdown-and-the-sense-of-threat-graham-harman/ (дата обращения: 07.07.2020). .

[92] Ibid.

[93] Ibid.

нешний кризис, вызванный пандемией «Ковид-19», с точки зрения глобальной политики, капитализма, исключительного положения, экологического кризиса, стратегических отношений Китай–США–Россия и т.д. Лично на данный момент я, наоборот пытаюсь быть "личностью". Это, опять-таки, не из-за какого-либо индивидуализма, а потому что, наоборот, я думаю, что эпоха, приостановка, ограничение социальной ответственности – иногда единственный доступ к изменчивости, способ чувствовать себя ближе ко всем изолированным людям на Земле. По этой причине я стараюсь быть как можно более одиноким в своем одиночестве»[94]. Позиции Г. Харманна и К. Малабу, отражающие свой путь поиска философской истины, противоположны классическому проторенному пути, который осуществляется от лица субъектов речи, письма и действия.

Им следуют философы, старающиеся максимально объяснить феномен пандемии, подвести под него ряд авторских философских теорий, концептов, метафор. Они привносят в пандемическую реальность новые черты и смыслы, но лишают ее трагизма, экзистенциального характера.

Молчание о пандемии этично в том смысле, что оно указывает на необходимость сопричастности с теми, кому не дано право голоса, кто изолирован в силу своей природы и находится в особой онтологически уязвимой позиции. В этой связи позицию воздержания от суждений можно спроецировать не только в контекст пространственного исключения, вызываемого ограничительными противоэпидемическими мероприятиями (карантином), но и исключения, вызванного самой природой человека. Природой недостаточной, дающей сбои и зачастую замыкающей человека в самом себе. Лишенные зрения, слуха и других способов восприятия мира, люди пребывают в хроническом онтологическом карантине, отчасти компенсируемом возможностями общения[95]. Их изоляция в отличие от внешнего карантина не кратковременна, а онтологически устойчива. Режим чрезвычайной ситуации в этом случае охватывает всю жизнь.

---

[94] *Malabou, C.* To Quarantine from Quarantine: Rousseau, Robinson Crusoe, and "I" https://critinq.wordpress.com/2020/03/23/to-quarantine-from-quarantine-rousseau-robinson-crusoe-and-i/ (дата обращения: 07.07.2020).

[95] Подробнее об этом см: *Попова О.В.* Пандемия и фигура философа // Человек. 2020. № 6. С. 11–30. DOI: 10.31857/S023620070012383–8.

Пандемия и этика в режиме цейтнота

Развитие пандемии сопровождалось инверсивными процессами. Аномальное переворачивание смыслов, резкая трансформация логики социальной жизни и идентичности самого человека характеризуют сущность экзистенциальных ситуаций, где под вопрос ставятся основания всех вещей.

Пандемия стала своего рода экспериментальным распятием, способным «проверить гипотезы, которые идут от политики к последствиям глобализации, к трансформации коммуникации во времена Интернета – достигая высот тончайших метафизических спекуляций»[96]. Инверсия пандемии заключается в резкой смене социальных ролей и человеческих лиц и, кроме того, она сопровождалась поиском новых моральных оснований повседневной деятельности, прорастанием этики в режиме цейтнота. Классические нормы и принципы, определяющие развитие современной биоэтики, потерпели фиаско, поскольку оказание медицинской помощи больным во многом носило экспериментальный характер, применимый скорее к военному времени, где проблемы автономии пациента, информированного согласия отступают на второй план перед проблемой спасения наибольшего количества жизней, решение которого в условиях ограниченности ресурсов оказывалось невозможным без использования медицинской сортировки, триажа. В целом пандемия вскрыла проблему справедливости в медицине. Распределение дорогостоящих ИВЛ – лишь один из многочисленных примеров отношения к тяжелобольному пациенту как к объекту калькуляции. Подобные примеры были связаны с распределением средств индивидуальной защиты медработников, машин скорой помощи и т.д. и, в конечном итоге, с сортировкой самих больных в условиях ограниченных ресурсов здравоохранения.

Пандемия коронавируса показала определенную «нищету» морали в условиях катастрофы. Устоявшиеся формы человеческого поступания никогда не могут быть разрешены окончательно, заставляя мораль пульсировать, не позволяя ей принимать законченные формы. Современные этика и биоэтика оказались беспочвенными. В ситуации пандемической катастрофы под

---

[96] Ronchi, R. The virtues of the virus. URl: https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers (date of access: 07.07.2020)

них, как оказалось, нельзя подвести универсальное мировоззренческое основание.

Попытки выработать универсальные этические подходы в обращении с пациентами терпели крах в каждодневной клинической реальности. Оказание помощи больным в экстремальных условиях, при недостатке персонала и оборудования, необходимости распределения аппаратов ИВЛ и кислородных масок, при дефиците средств защиты и времени приводило к агонии нормогенеза. Защита одних при обречении на смерть других в условиях дефицита ресурсов стала особенностью этики пандемии.

Режим чрезвычайной ситуации коснулся и разработки вакцин. Она также осуществлялась в режиме цейтнота, минимизируя требования к этическим стандартам, заложенным в этике клинических исследований. Был резко сокращен период испытания вакцины на клеточных культурах, животных и на человеке. В прессе появлялись данные о недобровольном характере испытаний, недостаточном информировании испытуемых, а также о нерегламентированных испытаниях исследователями вакцины на самих себе. В ситуации с пандемией оказалось чрезвычайно сложно осуществить калькуляцию рисков и дать оценку обоснованности проведения экспериментов.

Принцип эгалитаризма не отменялся, но отчаянно корректировался эпидемической реальностью. Важным стало уже не столько сохранение морального лица медицины, сколько недопущение еще большего количества человеческих жертв. Была сделана ставка на стратегию действий, которую М. Эпштейн емко назвал протективом. В отличие от детектива, расследующего преступления (а фактически обвиняющего медицинское сообщество во всех смертных грехах), протектив работал над тем, как не допустить большей катастрофы, как защитить «от преступления, уже ставшего нормой, то есть как вести себя в опыте выживания на пределе?[97]. Философский контекст пандемии оказался связан с вопросом о принципах организации самой системы здравоохранения, в целом, о проблеме справедливости в медицине, когда коммерческая страховая составляющая в медицине стала работать против человека, приковывая внимание к эгалитарной модели организации здравоохранения, например

[97] *Эпштейн М. Г*ерой нашего времени – человек в футляре. URl: https://snob.ru/profile/27356/blog/167044/ (дата обращения: 07.07.2020).

подобно опыту Кубы[98]. В этой связи особенно примечательно высказывание Г. Харманна: «Общественное здравоохранение – это один из самых ярких аргументов против либертарианского индивидуализма, система здравоохранения – подобно американской, по сути, является коммерческой. Это нужно изменить. Но когда я говорю, говорю это не как философ, а просто как обычный избиратель и, возможно, как активист»[99].

Заключение

Фиаско клинической этики и ограниченность существующих биоэтических подходов в условиях пандемии вызвали интерес к этических максимам, которые могли бы стать ориентирами в экстремальных ситуациях, подобных пандемии коронавируса.

И если в дискурсивном этическом поле происходило сражение эгалитаристских и утилитаристских принципов, в пространствах больниц всего мира шло перераспределение ресурсов.

Так, в США, в нью-йорских больницах начинает внедряться оценка состояния в баллах с целью понимания того, сколько сможет дать ему лет жизни интенсивная терапия. При этом в более выигрышном состоянии оказываются пациенты молодого возраста. Однако этой тактике медицинской сортировки, утверждающей право сильного, противостояла принятая в штате Джорджия и городе Атланте практика генетического тестирования лиц из группы наибольшего риска – обитателей домов престарелых, инвалидов, наиболее слабых, уязвимых категорий граждан»[100].

Кроме противоположных по духу способов распределения ресурсов пандемия актуализировала антагонистичные типы характеров, противоположные по своей моральной наполненности. Один из них был связан с образом врача, героически отдающего себя спасению людей, жертвующего своим здоровьем в «красной зоне», не защищенного необходимыми медицинскими средствами и подвергающего свою жизнь опасности и риску смерти от

[98] См. об этом:
[99] *Harman G.* Lockdown and the Sense of Threat. URl: https://baykusfelsefe.com/2020/05/06/tecrit-ve-tehdit-lockdown-and-the-sense-of-threat-graham-harman/ (date of access: 07.07.2020).
[100] *Эпштейн М.* Кого спасать, если нельзя спасти всех? Экстремальная этика в условиях коронавируса // https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/13/84885-kogo-spasat-esli-nelzya-spasti-vseh.

эпидемии. Этот самоотверженный характер прекрасно запечатлен в скульптуре грустного сгорбившегося ангела петербургского художника Романа Шустрова, посвященной медицинским работникам, пожертвовавшим собой во время борьбы с пандемией.

С другой стороны, все сильнее укоренялась в общественном сознании идея максимально закрытого, футлярного человеческого характера, позволяющего полностью оградиться от представляющего опасность пандемического социального мира, обеспечив себе абсолютную безопасность. Образ интеллектуала, обезопасившего свое существование во время пандемии цифровыми технологиями, променявшего привычную социальную активность на zoom-встречи и различные формы дистанцирования, создал определенный тип несколько одичавшего, но во многом самодостаточного типа пандемической личности, открывающейся миру исключительного через цифровые окна.

Проницательно пишет М. Эпштейн, вспоминая характер «человека в футляре» Беликова, долгое время являющегося хрестоматийным примером скудости и посредственности: «…современный Беликов – герой самоизоляции, подающий пример гражданской сознательности и ответственности. Он не вызывает ничего, кроме уважения, ибо, изолируя себя от мира, тем самым изолирует мир от себя. Через его чехлы не прорваться никакому чиху»[101].

В экзистенциальных условиях пандемии осуществлялась определенная ломка этических представлений, разрабатывались новые подходы к распределению общественных ресурсов, формированию концепций справедливости и блага. Основанная на социальных константах и конвенциях общественная мораль была скомпрометирована в процессе распространения пандемии. Большинство этических принципов оказались втянуты в воронку пандемического кризиса, хаотически регулируя возникающие клинические проблемы. Футлярность «беликовых» стала нравственно оправданной, фундаментально уместной и повсеместно одобряемой.

Синдром обеленного «Беликова», охватив широкие слои населения, достигает своего предела. Достаточно вспомнить о том, что многими людьми новые волны пандемии рассматриваются уже не как помеха привычной жизни, но как способ продолжить свое обособленное упрощенное существование со сведенными

[101] *Эпштейн М.* Герой нашего времени – человек в футляре. URl: https://snob.ru/profile/27356/blog/167044/ (дата обращения: 07.07.2020).

к минимуму социальными потребностями. В то же время прорастают и ростки героической этики. Одному типу футлярности противостоит другой. «Правильная» футлярность одетых в тяжелые защитные спецкостюмы («скафандры») врачей, круглосуточно работающих в условиях сверхчеловеческих физических и психологических нагрузок, возвращает гуманистическое лицо современной медицине и демонстрирует, как возможно сверхчеловеческое человеческое.

Литература

1. *Агамбен Д.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: «Европа», 2011. 256 с.

2. *Жирар Р.* Чума в литературе и мифах. URl: https://batenka.ru/aesthetics/reading/girard/ (дата обращения: 07.07.2020).

3. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента, Наука, 1999. С. 459.

4. *Суворов А.В.* Встреча Вселенных, или Слепоглухие пришельцы в мире зрячеслышащих. М.: ООО «Изд-во «Эксмо», 2018. 512 с.

5. *Эпштейн М.* Герой нашего времени – человек в футляре. URl: https://snob.ru/profile/27356/blog/167044/ (дата обращения: 07.07.2020).

6. *Эпштейн М.* Герой нашего времени. Как коронавирус меняет культурный код и место человека в современном мире. URl: https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/30/85165-geroy-nashego-vremeni (дата обращения: 07.07.2020)

7. *Эпштейн М.* Кого спасать, если нельзя спасти всех? Экстремальная этика в условиях коронавируса // https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/13/84885-kogo-spasat-esli-nelzya-spasti-vseh

8. *Agamben G.* The Invention of an Epidemic // Foucault, M. Agamben G., Nancy J.L., Esposito R., Benvenuto S., Dwivedi D., Mohan S., Ronchi R., de Carolis M. Coronavirus and philosophers. URl: https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/ (дата обращения: 07.07.2020).

9. *Authers, J.* How Coronavirus Is Shaking Up the Moral Universe // Bloomberg. March 29, 2020. URl: https://finance.yahoo.com/news/coronavirus-shaking-moral-universe-040151856.html.

10.*Benvenuto, S.* Forget about Agamben // Foucault, M. Agamben G., Nancy J.L., Esposito R., Benvenuto S., Dwivedi D., Mohan S., Ronchi R., de Carolis M. Coronavirus and philosophers. URl: https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/ (дата обращения: 07.07.2020).

11.*Dwivedi, D. Mohan S.* The Community of the Forsaken: A Response to Agamben and Nancy. URl: https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/ (дата обращения: 07.07.2020).

12.*Harman G.* Lockdown and the Sense of Threat. URl: https://baykusfelsefe.com/2020/05/06/tecrit-ve-tehdit-lockdown-and-the-sense-of-threat-graham-harman/ (дата обращения: 07.07.2020).

13.*Luce, E.* The pandemic vocabulary // Financial Times. URl: https://www.ft.com/content/244e1fe8–695d-11ea-800d-da70cff6e4d3 (дата обращения: 07.07.2020).

14.*Malabou, C.* To Quarantine from Quarantine: Rousseau, Robinson Crusoe, and "I" https://critinq.wordpress.com/2020/03/23/to-quarantine-from-quarantine-rousseau-robinson-crusoe-and-i/ (дата обращения: 07.07.2020)

15.*Nancy, Jean-Luc.* Viral Exception // Foucault, M. Agamben G., Nancy J.L., Esposito R., Benvenuto S., Dwivedi D., Mohan S., Ronchi R., de Carolis M. Coronavirus and philosophers // URl: https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/.

16.*Ronchi, R.* The virtues of the virus. URl: https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/ (дата обращения: 07.07.2020)

17. *Sontag S.* Illness as Metaphor. Farrar, Straus and Giroux, 1978. 88 p.

O.V. Popova

Philosophical Context of the Pandemic

Abstract. **The article examines the philosophical discourse that arose during the development of the COVID-19 coronavirus pandemic. A number of socio-political problems caused by the development of the pandemic are analyzed, and the process of rethinking a number of well-established socio-philosophical concepts, such as "camp", "state of emergency", "biopolitics" the context of the formation of a new pandemic reality.**

Keywords: **pandemic, coronavirus, pandemic philosophy, disaster medicine, exceptional situation**

В.Г. Недорезов, Л.Ю. Писарчик

Гуманистический вектор исследования этики генной инженерии в философии И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина

Аннотация. Академик И.Т. Фролов много лет отдал разработке глубокой и своеобразной концепции человека. При этом у него сложилось новое понимание и науки, которое выразилось в требовании учитывать «человекоразмерность» тех проблем, которые относятся к познанию человека. Разрабатывая комплексный и междисциплинарный подход к исследованию человека, И.Т. Фролов проанализировал проблему этики генно-инженерных исследований. Цель статьи – показать ценностные основы данной этики в понимании И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина, а также проанализировать этические аспекты проблемы «конструирования» человека. В статье показаны особенности исследования этики генно-инженерных исследований И.Т. Фроловым и рассмотрены основные установки И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина на формирование гуманитарной экспертизы, применяемой в современных научных исследованиях человека. И.Т. Фролов видел необходимость противопоставления технократическому сознанию гуманистических ценностей, которые в современных условиях весьма востребованы. Кроме того, И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин разработали проблемы этики науки и подвергли критике редукционистские подходы к исследованию человека и сциентистские подходы к науке. Изучение методологии критики односторонних подходов к изучению человека сегодня весьма актуально, так как биологизаторские подходы по-прежнему имеют широкое хождение, особенно в связи с распространением трансгуманизма.

Ключевые слова: этика науки, генная инженерия, биоэтика, гуманитарная экспертиза, трансгуманизм

Введение

В философии академика И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина мы находим современную и глубокую концепцию человека и этики науки (Академик Иван Тимофеевич Фролов: Очерки. Воспоминания. Избранные статьи 2001; Белкина Г.Л., Корсаков С.Н. Становление отечественной биоэтики 2014; Корсаков С.Н., Тищенко П.Д. Жизнь как творчество: биографический очерк к 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук Бориса Григорьевича Юдина 2014). В рамках этих концепций они уделили значительное внимание изучению этики генетических исследований. Их идеи требуют осмысления, так как в них содержится много того, что помогает сегодня понять сущность научно-технического прогресса, особенности технонауки и ее воздействие на человека, противоречия современной общественной жизни, природу человека и его ценность. Кроме того, они заложили основы анализа сциентистских и техницистских подходов к исследованию человека и общества и показали их основной методологический изъян – редукционизм.

Этика генно-инженерных исследований

Человечество в XX веке столкнулось с новой большой проблемой, о которой пишет Дж. Уолд: «Технология рекомбинантной ДНК [генная инженерия] ставит перед нашим обществом проблемы, беспрецедентные не только в истории науки, но и жизни на Земле. Она передает в руки людей способность переконструировать живые организмы, продукты примерно трех миллиардов лет эволюции… Это, вероятно, представляет собой самую большую этическую проблему, с которой когда-либо приходилось сталкиваться науке» (Choi D.J., Bain K. 2010). Знаменитый биохимик Эрвин Чаргафф тоже предупреждал человечество: «Технология генной инженерии представляет собой бóльшую угрозу для мира, чем появление ядерных технологий» (Ibid.).

Выдающийся отечественный философ И.Т. Фролов видел все сложности, которые несет с собой генная инженерия, и приложил много усилий для анализа этого явления. Согласно И.Т. Фролову, достижения генетики должны использоваться в познании человека и в его «обслуживании», в решении задач его здоровья и развития, но в целом человек – это социальное существо и о

его формировании можно говорить как о социальной задаче. Однако это не означает, что мы должны оставить без внимания «…реальные перспективы человека в биологическом плане, которые открываются, в частности, в связи с исследованием проблем генетики человека, медицинской генетики, получившим интенсивное развитие в последние годы, особенно в результате успехов генетической (генной) инженерии» (Фролов И.Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения 1983, с. 240). Известны три сферы корректировки механизмов наследственности человека: 1) евгеника (улучшение наследственных свойств человека путем устранения генных комбинаций, ответственных за наследственные заболевания); 2) генетическая (генная) инженерия (направленное изменение генетического аппарата); 3) евфеника (трансформация функций генов для того, чтобы получить улучшенный фенотип) (Там же, с. 241).

Американские ученые, П.Н. Берг и его коллеги, создали рекомбинантные молекулы ДНК, они «рассекали» и «сшивали» молекулы ДНК. Эта технология состоит в соединении фрагментов ДНК in vitro, то есть речь идет о технологии ведения эксперимента «в пробирке», вне живого организма. Такие генно-инженерные манипуляции появились после открытия рестриктаз (ферментов, рассекающих ДНК) и лигаз (ферментов, сшивающих фрагменты ДНК). В 1972 году Берг и его коллеги получили первую рекомбинантную молекулу ДНК. Это открывало возможности создания новых лекарств и придания сельхозкультурам заранее заданных свойств. Особенно же важно то, что генетика дала надежду людям, страдающим от наследственных заболеваний. Однако сами исследователи по инициативе П.Н. Берга первыми стали поднимать вопрос об опасностях, которые несут новые технологии. Они и предложили объявить мораторий на особенно опасные направления исследований. Итоговое коммюнике, принятое на конференции в Асиломаре (США, 1975 г.) содержало следующее требование: «…большая часть работ по конструированию рекомбинантных молекул ДНК может проводиться, если применяются достаточные меры предосторожности, главным образом биологические и физические барьеры, позволяющие удерживать вновь созданные организмы в пределах лаборатории» (Фролов И.Т. Философия и история генетики: поиски и дискуссии 1988, с. 315). Данные требования приняли не все, но большая часть научного сообщества поддержала такие ограниче-

ния. Однако, по мнению И.Т. Фролова, в данном случае не должно иметь место самоуспокоение: «…хотя и приняты определенные правила генно-инженерных работ, вряд ли уместно преуменьшать их потенциальную опасность. Ведь тем самым мы невольно преуменьшаем и опасность вообще бесконтрольного исследования и технологического применения генно-инженерных работ, особенно когда речь заходит о разработке биологического оружия, разного рода неоевгенических проектах ”формовки людей” с помощью генной инженерии, клонирования и т.п.» (Там же, с. 322–323). Угрозы при проведении таких исследований могут возникнуть самые разнообразные: некомпетентность или небрежность при проведении экспериментов, эксперименты могут проводиться с целью получения прибыли или их результаты попадут в руки преступного сообщества, наконец, наиболее опасный вариант – это использование таких технологий для решения военных задач. Академик В.А. Энгельгардт относительно этой угрозы человечеству высказал следующие соображения: «…главная угроза заключается не в самих опытах как таковых, а в том, чтобы они не стали предметом оперирования в руках людей легкомысленных и беспечных или же в руках злонамеренных элементов. Против этих опасностей и должны быть направлены первоочередные усилия» (цит. по: Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: Поиски и дискуссии 1986, с. 294).

Правота западных и отечественных ученых, а также И.Т. Фролова, исследовавшего эти проблемы, вскоре подтвердилась. ООН стала разрабатывать соответствующие документы, которые позволили бы ограничить и контролировать подобные исследования. Так, в 1997 году был разработан и принят документ под названием «Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека» ООН, в котором сказано, что практика клонирования с целью воспроизведения человека не допускается. То есть объявлен запрет на репродуктивное клонирование человека. Там говорится также, что ряд резолюций предлагают ЮНЕСКО активно поощрять и развивать этические исследования, направленные на анализ последствий научно-технического прогресса в биологии и генетике с целью соблюдения прав человека и главных свобод. В 2005 году появилась «Декларация Организации Объединенных Наций о клонировании» (Декларация Организации Объединенных наций о клонировании человека 2005), в которой окончательно подтвержден запрет на такого вида работы. Наконец, «Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека» (Всеобщая

декларация о биоэтике и правах человека 2005) содержит принципы организации биомедицинских исследований, что важно для закрепления прав и свобод человека и обеспечения его защиты.

Правильный ответ на вопрос о вмешательстве в биологическую природу человека необходимо давать с учетом того, что биологическая наука стоит в самом начале познания человека. Такова позиция И.Т. Фролова. И здесь сциентистское самомнение совершенно неприемлемо. Кроме того, надо учесть социальные условия западного капиталистического мира, где имеются определенные настроения у ученых о возможности формировании генетически отличных каст (каста интеллектуальных управленцев и гораздо более многочисленная группа людей с ослабленными умственными способностями) (Фролов И.Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения 1983, с. 243). Это очень опасная идея, по мнению И.Т. Фролова, но сегодня она совершенно цинично преподносится некоторыми авторами как последнее слово науки. Например, рассуждая о применении новых технологий в будущем обществе, В. Турчин и К. Джослин пишут: «…надо ожидать, что только часть, вероятно небольшая, человечества образует сверхсущества, большинство же останется в состоянии ”человеческого планктона”» (Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест 2013, с. 267).

Изменения генетической природы человека вызывают опасения, так как они могут за собой повлечь непредсказуемые последствия. В условиях капитализма это усугубляется рыночными подходами к проблемам. Поэтому эти вопросы требуют дальнейшего глубокого изучения, а их реализация возможна только на научной и гуманистической основе. И.Т. Фролов отмечает: «Потенциальные возможности изменения человеческой индивидуальности с помощью генетических методов, пересадки или регенерации органов, нейрохирургии или нейрофармакологии ставят перед наукой и обществом в острой форме вопрос о гарантиях сохранности будущих поколений. Для этого необходимо установить допустимые пределы манипулирования основным генетическим материалом человека как биологического вида, вообще всякого воздействия на его индивидуальные качества» (Фролов И.Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения 1983, с. 245). И.Т. Фролов ссылается на слова известного генетика Б.Л. Астаурова о том, что человек должен обращаться за-

ботливо и бережно как с внешней средой, так и со своим геномом. «В социальной фазе своей эволюции он должен заслужить себе новое наименование – Человек мудрый и гуманный – Homo sapiens et humanus» (цит. по: Там же, с. 257). Это будет, согласно И.Т. Фролову, превращением «века биологии» в «век человека».

Но пока в науке возникают весьма острые проблемы. Так, некоторые исследователи стали формировать свое представление о статусе человеческого эмбриона. Для этого они генетическими технологиями трансформируют его, после чего он не может рассматриваться как существо, защищенное и со стороны морали, и со стороны права (Попова О.В. Этика нелинейности: моральные дилеммы в эпоху биотехнологий 2019, с. 340). Чтобы обезопасить себя от возможных обвинений в ликвидации живого существа, такие исследователи прибегают к методу ANT (altered nuclear transfer) или «переноса измененного ядра». Один из генов деактивируется, и такая деформация эмбриона приводит к невозможности его развития и в перспективе превращения в человека. Тем самым, аргумент «от потенции», согласно которому моральный статус эмбриона определяется тем, что он потенциально может развиться в человека, в таких исследованиях устраняется и вроде бы освобождает исследователей от моральной ответственности и юридических санкций (Там же, с. 341).

Для защиты эмбрионов была разработана соответствующая аргументация – SKIP. «SKIP – это аббревиатура, состоящая из начальных букв аргументов для обоснования ценности жизни эмбриона. К ним относятся видовой аргумент (das Speziesargument), аргумент континуума (das Kontinuumsargument), аргумент идентичности (das Identitatsargument), аргумент потенциальности (das Potentialitatsargument)» (Там же). Согласно видовому аргументу, не существует людей, представителей вида Homo Sapiens, не обладающих человеческим достоинством. Аргумент континуума буквально означает неразрывность, то есть в основе этого аргумента лежит тезис, что в формировании и развитии эмбриона нет разрывов, способных вывести его за пределы человеческого. Аргумент идентичности предписывает рассматривать эмбрион как начало жизни и человеческого существа, которое на разных этапах существования сохраняет качества, требующие нравственного отношения. И, наконец, аргумент потенциальности подразумевает рассмотрение достоинства эмбриона в связи с его потенциальным превращением в человека, то есть существо,

обладающее определенными качествами, требующими признания его человеческого достоинства (см.: Там же, с. 341–342).

Создание таких клонированных эмбрионов, не обладающих жизнеспособностью, или, другими словами, биологических артефактов, не может рассматриваться как нормальное исследование, соответствующее моральным нормам. Поэтому О.В. Попова, на наш взгляд, абсолютно права в своей негативной оценке подобных действий: «...сконструированный эмбрион с деактивированными генами – это артефакт, созданный с целью соответствия эмбриона имени ”нечеловек”, артефакт с заданными свойствами» (Там же, с. 344).

На основе такого создания и использования биологических артефактов и конструирования в живых системах идет развитие современной синтетической биологии. Цель у такого конструирования прагматическая. «Развитие синтетической биологии, – пишет О.В. Попова, – подразумевает использование биологических компонентов для разработки живых систем» (Там же, с. 345). Х. Новотны и Дж. Теста так характеризуют данную технологию: «Амбиции синтетической биологии заключаются в стремлении преодолеть современный [полуремесленный] исследовательский подход к жизни, строящийся на напряженном ad hoc экспериментировании, и перейти на новый уровень сборки биологических систем из стандартизированных частей, взятых ”с полки” [своеобразного склада или, что еще удобней, заказанных к нужному сроку по каталогу у поставщиков биотехнологических полуфабрикатов]» (цит. по: Тищенко П.Д. Конструирование человека: идеалы и технологии 2015, с. 41). П.Д. Тищенко такие биомедицинские технологии оценивает следующим образом: «...задача конструирования человека выражает некоторый предел исторического процесса, который (как планируют трансгуманисты) поставит человечество на грань с постчеловеческим существованием, т.е. с превращением в тотальный артефакт» (Там же, с. 40). То есть такие технологии ведут к трансформации человека в постчеловека и автоматически ставится под сомнение ценность человека. Человечество, конечно, напоминает ученым об этом, например, по поводу идеи клонирования человека в США высказывались религиозные организации следующим образом: «...это – покушение на человеческое достоинство» (Глэд Д. Будущая эволюция человека. Евгеника XXI века 2005, с. 50).

Только отбросив все гуманистические соображения, можно блокировать развитие человеческого эмбриона и объявить его

«нечеловеком», или применить «терапию зародышевого пути». «Генная инженерия, – пишет Д. Глэд, – быстро развивается. В случае, если один или оба будущих родителя являются носителями генетических заболеваний, врач может осуществить искусственное осеменение in vitro и затем провести эмбриональный скрининг – доимплантационную генетическую диагностику, чтобы выбрать здоровый эмбрион для имплантации в матку. Подобные евгенические мероприятия уже теперь предпринимаются на добровольной основе» [Там же, с. 36]. Но все это граничит с антигуманизмом. Множество таких технологических решений предлагается в рамках биомедицины чисто механически, без каких-либо сомнений.

Так, теоретик трансгуманизма Н. Бостром считает, что все возражения, направленные против инженерии зародышевой линии, напрасны и не могут разжалобить трансгуманистов. Вот по каким причинам. «Утверждается, – пишет он, – что способность отбирать гены наших детей и создавать так называемых дизайнерских младенцев развращает родителей, которые будут рассматривать своих детей как простые товары. Затем мы начнем оценивать наше потомство в соответствии со стандартами контроля качества, и это подорвет этический идеал безоговорочного принятия детей, независимо от их способностей и качеств. Готовы ли мы пожертвовать на алтарь потребительства те глубокие ценности, которые воплощены в традиционных отношениях между ребенком и родителями? Стоит ли стремление к совершенству этой культурной и моральной цены?» (Bostrom N. 2003). Ответ Бострома на этот вопрос малоубедителен. Он считает, что хороших последствий генетического вмешательства обязательно будет больше, и пишет: «В отсутствие веских аргументов в пользу того, что негативные последствия будут преобладать, такие предположения не дают оснований против продвижения технологии» (Ibid.). Приведем еще один его пассаж, который говорит сам за себя: «Каждая крупная технология имеет негативные последствия» (Ibid.). Мол, ничего не поделаешь. Но немыслимо представить себе, что люди будут подбирать цвет глаз ребенка, цвет волос, пол и т.д., как в автомобильном салоне, где продавец раскладывает перед клиентами цветные пластинки, указывающие на цвет автомобиля. Но самое неприемлемое то, что неиспользованные эмбрионы уничтожаются.

Специалист по этике Р. Нельсон предлагает свое видение этих проблем. Он пишет: «Чем больше мы узнаем о возможностях ген-

ной инженерии, как о практических, так и о предполагаемых возможностях в настоящее время, тем больше мы вынуждены думать о природе, значении и ценности человеческой жизни» (Nelson J.R. 1985). Мы поддерживаем именно такую постановку вопроса. Недооценивать опасность, которую несут генетические исследования, нельзя. Об этом пишут и другие заинтересованные исследователи: «3 апреля 2015 года группа видных биологов и специалистов по этике, пишущих в Science, призвала к мораторию на генную инженерию зародышевой линии; модификации генома человека, которые будут переданы будущим поколениям. Мораторий будет применяться к технологии под названием CRISPR / Cas9, которая позволяет удалять нежелательные гены, вставлять желательные и широко перекодировать практически любую последовательность ДНК» (Jasanoff S.J., Hurlbut B., Saha K. Human genetic engineering demands more than a moratorium 2015). Генная модификация с помощью такой технологии открыла человечеству перспективы эффективной борьбы с причинами наследственных заболеваний. «Сторонники моратория заявили, что теперь, когда технология создания зародышевых линий человека уже реализуется, пора наметить разумный путь вперед. Они рекомендуют четыре действия: приостановить клинические применения; создать экспертные форумы; вести прозрачные исследования; создать максимально представительную группу для рекомендации политических подходов» (Ibid.). Названные выше авторы отмечают, что подобный прецедент уже был, а именно в 1975 году в Асиломаре (Калифорния) проходила конференция по рекомбинантной ДНК. При подготовке к конференции, а именно за два года до нее «ученые объявили добровольный мораторий на эксперименты, которые, по их мнению, могут поставить под угрозу здоровье человека и окружающую среду» (Ibid.).

Иван Тимофеевич Фролов уже тогда, в 70-е годы прошлого века обращал внимание философов и научной общественности на эти проблемы и высоко оценил Асиломарский мораторий, о чем мы писали выше. Интенсивное развитие генетических технологий вызвало появление моральных дилемм и, как следствие, необходимость их решать в ходе компетентных дискуссий. Интерес к исследованию философских проблем генетики возник у И.Т. Фролова еще в период написания им фундаментальной работы «Генетика и диалектика» (1968) (Фролов И.Т. Генетика и диалектика 1968). Постоянное внимание к исследованию этических проблем

генетики уделялось во Всесоюзном межведомственном центре наук о человеке, созданном И.Т. Фроловым в 1989 г. при Президиуме АН СССР, и в Институте человека РАН, созданном им в 1991 г. (История ИЧ РАН). С 1990 по 2003 г. под руководством И.Т. Фролова, а затем Б.Г. Юдина велись исследования этико-социальных аспектов Международного научно-исследовательского проекта «Геном человека». Расшифровка генома человека стала одним из самых великих достижений XX в. «Антропогенетика сегодня является важнейшей отраслью человеческих знаний. Ее открытия определяют темпы и направленность социально-экономического развития общества, оказывают существенное влияние не только на философию и мораль, но и на право, религию и другие сферы культуры, поскольку они затрагивают проблемы управления природой человека и всего живого на Земле» (Найдыш В.М., Гнатик Е.М. Философские проблемы антропогенетики и генной инженерии (статья первая) 2008, с. 30).

Надо также отметить, что под руководством И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина вместе с центром «Биоинженерия» РАН проводились исследования этических и правовых проблем генной инженерии. Кроме того, И.Т. Фролов курировал Государственную программу «Приоритетные направления генетики» и поддержал программу развития гуманитарных наук «Человек, наука, общество: комплексные исследования» (Попова О.В. Исследование этических проблем генетики в отечественной философской традиции (к истории идеи биотехнологического конструирования человека) 2017, с. 20). В 1992 г. усилиями И.Т. Фролова и его коллег был создан и стал функционировать Российский национальный комитет по биоэтике. В рамках этих организаций реализовалось множество проектов междисциплинарных исследований человека, а также велись исследования в области этики науки.

Ценность человека

И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин писали о ценности человека и необходимости соблюдения этических и гуманистических норм при его исследовании. Программа комплексного исследования человека, намеченная И.Т. Фроловым – талантливым ученым и выдающимся организатором науки – беспрецедентна и возвращение к ее реализации крайне необходимо, так как детища И.Т. Фролова, то есть Института человека с 2004 г. не существует. Ю.М. Резник пишет, что

в Институте философии РАН «продолжает работать направление комплексных проблем изучения человека и ряд секторов антропологической направленности» (Резник Ю.М. Ценностные основания философии человека И.Т. Фролова: взгляд в ненаступившее будущее 2017, с. 184]. Но уже нет возможности обеспечить полноформатное комплексное исследование человека и реализовать все программы.

Исследования проблем комплексного исследования человека И.Т. Фролова и проблем этики науки его же и Б.Г. Юдина опередили свое время. Ими были поставлены вопросы познания человека и развития науки, которые и сегодня являются актуальными. Это подтверждают современные исследования биоэтических проблем, проблемы природы человека и его будущего и проблемы «конструирования человека». Многие авторы, пишущие по этим проблемам, обращаются к научному наследию И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина.

О природе человека, конструировании человека и проблеме трансгуманизма Б.Г. Юдин много писал в последний период жизни. «Проблема конструирования человека может считаться одной из традиционных проблем для Института человека РАН. Вместе с тем она приобрела особую актуальность в связи с новейшими достижениями в области биотехнологий и информационных технологий. Возникли трансгуманистические прожекты тотального преобразования природы человека, обеспечения его бессмертия» (Корсаков С.Н., Тищенко П.Д. Жизнь как творчество: биографический очерк к 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук Бориса Григорьевича Юдина 2014, с. 14). По мнению Б.Г. Юдина, новые технологии воздействия на человека приводят к возникновению необычных, ранее не возникавших ситуаций, требующих этического осмысления. Он имеет в виду «такие предельные ситуации, которые представляют собой грань между собственно человеческим существом и тем, что таковым не является» (Юдин Б.Г. Границы человеческого существа в мире новых технологий 2011, с. 5–6). Существуют, согласно Б.Г. Юдину, четыре пограничные зоны, где человек находится в особенно уязвимой ситуации: зона между жизнью и смертью, зона репродукции, зона «человек и животное» и зона «человек и машина».

В пределах каждой зоны биомедицинские технологии позволяют осуществлять различные, прежде невозможные действия, и в каждой из этих зон возникает вопрос: «что такое человек?». В первой зоне решающее значение имеет проблема «смерти мозга», так как

от этого зависит целая цепочка вопросов, связанных с трансплантацией органов. Во второй зоне особое внимание вызывает проблема экстракорпорального оплодотворения и проблема эмбриональных стволовых клеток. В этом случае человеческие эмбрионы создаются не только для терапевтических целей для оказания помощи парам, страдающих бесплодием, но и для исследовательских целей. Например, преимплантационная диагностика позволяет не только выбирать эмбрион без дефектов для имплантирования женщине, но и осуществить выбор среди эмбрионов такого, «который в процессе своего развития превратится в ребёнка с какими-то определёнными характеристиками, привлекательными для его родителей» (там же, с. 13). А это уже близко к евгеническим проектам «улучшения» человека, и этические вопросы возникают здесь потому, что люди могут обращаться не по терапевтическим соображениям к этой технологии, а именно в надежде на осуществление отбора.

Весьма сложна и проблема «человек–животное». Как отмечает Б.Г. Юдин, некоторые западные исследователи еще в середине 70-х годов прошлого века решили, что настало время, когда можно создавать существ, не являющихся в буквальном смысле людьми, а химер и киборгов, которых можно использовать на тяжелых и опасных работах. Эта идея не получила особой поддержки. Однако в современных условиях гибриды и химеры человека и животных уже производятся для исследовательских целей, а также для получения каких-либо необходимых биоматериалов и лекарственных препаратов. Но сегодня эта проблема осложняется в связи с тем, что существует ксенотрансплантация, то есть пересадка органов от животного человеку (Там же, с. 16). Человеку нелегко (или невозможно) смириться с наличием в нем «частей» животного. Сложность заключается и в том, что вирусы и бактерии, которые несет организм животного, могут не представлять для него опасности, но попав в человеческий организм вместе с пересаженными органами, они будут представлять смертельную угрозу.

Наконец, такая пограничная зона, как зона «человек–машина», тоже представляет собой сферу применения биоэтической экспертизы. Это вызвано тем, что человек за всю свою историю создал множество орудий и технических устройств, которые являются его искусственным продолжением, и это до сих пор не вызывало особых вопросов. Но современные технические устройства могут применяться не только в труде или осуществлять терапевтическое воздействие на человека, как, например, очки

у слабовидящего человека, но и выступать средством его «улучшения». Имеется в виду евгеническое или трансгуманистическое «улучшение», когда меняются качества, свойства и функции человека, а может быть, и его природа в целом. Б.Г. Юдин ставит закономерный вопрос: «…каковы те пределы, перейдя которые мы уже имеем дело не с человеком, а с кем-то (или чем-то) другим?» (Там же, с. 18). То есть речь идет об идентичности человека.

Острота этих вопросов весьма велика. В этих условиях необходимо новое обращение к опыту исследования проблемы человека и идеям этики науки, которые так фундаментально и глубоко разработали И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин, отстаивая тезис о необходимости диалектического взаимодействия науки, ценностей и гуманизма как нового типа науки. Большое внимание И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин уделили гуманитарной экспертизе научных исследований и проектов. Экспертиза сегодня является важнейшим инструментом контроля за научными исследованиями в области биомедицины. Каким образом можно защитить человека в современных условиях от угроз, которые несет ему технонаука? Б.Г. Юдин отмечает, что в современных условиях уже действуют три вида контроля, направленного на реализацию прав человека и защиты его достоинства. Во-первых, это информированное согласие пациента или испытуемого, применяемое в лечебных и исследовательских учреждениях; во-вторых, существует требование знакомить научную общественность с результатами исследований в публикациях; в-третьих, введена экспертиза этическим комитетом проекта проведения научных исследований (Юдин Б.Г. Наука в обществе знаний 2014, с. 183–184). Что же касается технонауки, то в ней возникла новая ситуация: научные исследования сегодня влекут за собой с необходимостью процессы этической рефлексии и регуляции исследований. Поэтому Б.Г. Юдин отмечает, что этическое сопровождение научных исследований стало нормой [там же, с. 184].

Заключение

И.Т. Фролов разработал глубокую концепцию человека, основанную на гуманистических ценностях. Время также потребовало от него и его коллеги и единомышленника Б.Г. Юдина

разработки этики науки, чтобы воплотить в жизнь тезис о гуманизации науки. Этика генно-инженерных исследований тоже всегда была в центре внимания И.Т. Фролова. Он был знаком со многими крупными учеными нашей страны и зарубежья, вел с ними дискуссии, а также поддерживал рабочие отношения. Ему сразу стало понятно, какую опасность несут человечеству генно-инженерные исследования при их бесконтрольном применении. Те аксиологические принципы, ценности-регулятивы, которые сформулировал И.Т. Фролов для области генетических исследований и «конструирования человека», сегодня применяются в науке в качестве методологических установок исследования. Все они имеют гуманистический характер. Это такие принципы, как гуманизм, историзм, человекоцентризм, целостное видение человека. Нельзя также обойтись в исследовании человека без таких установок и регулятивов, сформулированных И.Т. Фроловым, как комплексность, междисциплинарность, диалектический характер исследования, «дополнительность» биологических и социальных методов познания при доминировании социальных. Все это является методологическим и аксиологическим инструментарием, способным направить исследования человека в нужное русло и предотвратить применение к человеку односторонних, редукционистских подходов, об опасности которых предупреждали И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин.

И.Т. Фролов внес огромный вклад в развитие отечественной антропологии. Фактически он совершил антропологический поворот в отечественной философии. Этот выдающийся философ пользовался большим авторитетом в научных кругах. Идеи И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина требуют дальнейшего изучения, так как в их творчестве мы находим подходы и решения, которые помогают сегодня найти оптимальные пути исследования человека и общества, а также они показали тот образ гуманизированной науки, на который научное сообщество должно ориентироваться.

Литература

1. Академик Иван Тимофеевич Фролов: Очерки. Воспоминания. Избранные статьи / под ред. В.С. Степина. М.: Наука, 2001.

2. *Белкина Г.Л., Корсаков С.Н.* Становление отечественной биоэтики // Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 66–84.

3. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml

4. *Глэд Д.* Будущая эволюция человека. Евгеника XXI века. М.: Захаров, 2005.

5. Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014.

6. Декларация Организации Объединенных наций о клонировании человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml

7. История ИЧ РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.frolov-it.ru/historyich.html.

8. *Корсаков С.Н., Тищенко П.Д.* Жизнь как творчество: биографический очерк к 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук Бориса Григорьевича Юдина // Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 7–14.

9. *Найдыш В.М., Гнатик Е.М.* Философские проблемы антропогенетики и генной инженерии (статья первая) [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия. 2008. № 4. С. 29–35. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-problemy-antropogenetiki-i-gennoy-inzhenerii/viewer.

10. *Попова О.В.* Этика нелинейности: моральные дилеммы в эпоху биотехнологий // Мир человека: неопределенность как вызов / под ред. Г.Л. Белкиной. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 335–351.

11. *Попова О.В.* Исследование этических проблем генетики в отечественной философской традиции (к истории идеи биотехнологического конструирования человека) [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 20–30. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-eticheskih-problem-genetiki-v-otechestvennoy-filosofskoy-traditsii-k-istorii-idei-biotehnologicheskogo-konstruirovaniya/viewer.

12. *Резник Ю.М.* Ценностные основания философии человека И.Т. Фролова: взгляд в ненаступившее будущее // Ценностные

основания научного познания / под ред. Г.Л. Белкиной. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 177–186.

13. *Тищенко П.Д.* Конструирование человека: идеалы и технологии [Электронный ресурс] // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Московского гуманитарного института, 2015. С. 36–64. Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/humexp/biblio/%D0%A0%D0%A2%D0%9122.pdf.

14. *Турчин В., Джослин К.* Кибернетический манифест [Электронный ресурс] // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д.И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 263–269. Режим доступа: http://2045.ru/pdf/globalfuture2045.pdf

15. *Фролов И.Т.* Генетика и диалектика. М.: Наука, 1968.

16. *Фролов И.Т.* Перспективы человека: опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. 2-е изд. М.: Изд-во пол. лит., 1983.

17. *Фролов И.Т.* Философия и история генетики: поиски и дискуссии. М.: Наука, 1988.

18. *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки: поиски и дискуссии. М.: Политиздат, 1986.

19. *Юдин Б.Г.* Границы человеческого существа в мире новых технологий [Электронный ресурс] // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 12: Биоэтическое обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий: сб. ст / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Московск. гуманитарного ун-та, 2011. С. 4–21. Режим доступа: https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/2011/collections/Bioethics-Workbooks-12.pdf.

20. *Юдин Б.Г.* Наука в обществе знаний // Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 174–185.

21. *Bostrom N.* 2003. Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective. Journal of Value Inquiry. Vol. 37. No. 4: pp. 493–506. Available at: https://nickbostrom.com/ethics/genetic.html

22. *Choi D.J., Bain K.* 2010. The Ethics of Genetic Engeeniring. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/62c9/be0c9c129c8ca44321866875a34eed7033b8.pdf?_ga = 2.67048557.271249641.1597334271–1609547263.1584187075

23. *Jasanoff S.J., Hurlbut B., Saha K.* 2015. Human genetic engineering demands more than a moratorium. Political science. April, Tuesday 7. Available at: https://www.theguardian.com/science/political-science/2015/apr/07/human-genetic-engineering-demands-more-than-a-moratorium.

24. *Nelson J.R.* 1985. The Human Problem of Human Genetic Engineering // *Milunsky A., Annas G.J.* (eds) Genetics and the Law III. Springer, Boston, MA. Available at: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978–1-4684–4952–5_8.pdf.

V.G. Nedorezov, L.Yu. Pisarchik

Humanistic Vector for Studying the Ethics of Gene Engineering in the Philosophy of I.T. Frolov and B.G. Yudin

Abstract. **Academician I.T. Frolov devoted many years to the development of a deep and unique concept of man. At the same time, he developed a new understanding of science, which was expressed in the requirement to take into account the «human dimension» of those problems that relate to human cognition. Developing an integrated and interdisciplinary approach to human research, I.T. Frolov analyzed the problem of ethics in genetic engineering research. The purpose of the article is to show the value foundations of this ethics in the understanding of I.T. Frolov and B.G. Yudin, and also to analyze the ethical aspects of the problem of human «construction». The article shows the features of the study of the ethics of genetic engineering research by I.T. Frolov and considered the main installations of I.T. Frolov and B.G. Yudin on the formation of humanitarian expertise used in modern human scientific research. I.T. Frolov saw the need to oppose the technocratic consciousness with humanistic values, which are in high demand in modern conditions. In addition, I.T. Frolov and B.G. Yudin developed the problems of the ethics of science and criticized reductionist approaches to human research and scientist approaches to science. The study of the methodology of criticism of one-sided approaches to the study of man is very important today, since biologic approaches are still widely used, especially in connection with the spread of transhumanism.**

Keywords: ethics of science, genetic engineering, bioethics, humanitarian expertise, transhumanism

References

1. Akademik Ivan Timofeevich Frolov: Ocherki. Vospominaniya. Izbrannye stat'i. 2001. / pod red. V.S. Stepina [Academician Ivan Timofeevich Frolov: Essays. Memories. Selected articles / ed. V.S. Stepin]. M. Izd. "Nauka".
2. *Belkina G.L., Korsakov S.N.* 2014. Stanovlenie otechestvennoy bioetiki [Formation of national bioethics] // Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniya: sb. st. K 70-letiyu Borisa Grigor'evicha Yudina. [Humanitarian landmarks of scientific knowledge: Sat. Art. On the 70th anniversary of Boris Yudin / ed. P.D. Tishchenko]. M. Izd. "Izdatelskiy dom Navigator".
3. *Bostrom N.* 2003. Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective // Journal of Value Inquiry. Vol. 37. No. 4. Available at: https://nickbostrom.com/ethics/genetic.html.
4. *Choi D.J., Bain K.* 2010. The Ethics of Genetic Engeeniring. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/62c9/be0c9c129c8ca44321866875a34eed7033b8.pdf?_ga = 2.67048557.271249641.1597334271–1609547263.1584187075.
5. Deklaratsiya Organizatsii Ob»yedinennykh natsiy o klonirovanii cheloveka 2005 [United Nations Declaration on Human Cloning]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml.
6. *Frolov I.T.* 1968. Genetika i dialektika [Genetics and dialectics]. M. Izd. "Nauka".
7. *Frolov I.T.* 1983. Perspektivy cheloveka: Opyt kompleksnoj postanovki problemy, diskussii, obobshcheniya [Human Perspectives: The Experience of Complex Problem Formulation, Discussions, Generalizations]. 2 ed. M. Izd. "Izdatel'stvo politicheskoy literatury".
8. *Frolov I.T.* 1988. Filosofiya i istoriya genetiki: poiski i diskussii [Philosophy and history of genetics: searches and discussions]. M. Izd. "Nauka".
9. *Frolov I.T., Yudin B.G.* 1986. Etika nauki: Poiski i diskussii [Ethics of Science: Searches and Discussions]. M. Izd. "Politizdat".

10. *Gled D.* 2005. Budushchaya evolyuciya cheloveka. Evgenika XXI veka [Future human evolution. Eugenics of the XXI century]. M. Izd. «Zakharov».

11. Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniya: sb. st. K 70-letiyu Borisa Grigor'evicha Yudina 2014. / pod red. P.D. Tishchenko [Humanitarian landmarks of scientific knowledge: Sat. Art. On the 70th anniversary of Boris Yudin / ed. P.D. Tishchenko]. M. «Izdatelskiy dom Navigator».

12. Istoriya I Ch RAN [History of the Human Institute of the Russian Academy of Sciences]. Available at: http://www.frolov-it.ru/historyich.html

13. *Jasanoff S.J., Hurlbut B., Saha K.* 2015. Human genetic engineering demands more than a moratorium. Political science. April, Tuesday 7. Available at: https://www.theguardian.com/science/political-science/2015/apr/07/human-genetic-engineering-demands-more-than-a-moratorium/

14. *Korsakov S.N., Tishchenko. P.D.* 2014. Zhizn' kak tvorchestvo: biograficheskiy ocherk k 70-letiyu chlena-korrespondenta Rossiyskoy Akademii Nauk Borisa Grigor'yevicha Yudina [Life as creativity: a biographical sketch to the 70th anniversary of Boris Grigorievich Yudin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences] // Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniya: sb. st. K 70-letiyu Borisa Grigor'evicha Yudina. [Humanitarian landmarks of scientific knowledge: Sat. Art. On the 70th anniversary of Boris Yudin / ed. P.D. Tishchenko]. M. Izd. "Izdatelskiy dom Navigator".

15. *Najdysh V.M., Gnatik, E.M.* 2008. Filosofskiye problemy antropogenetiki i gennoy inzhenerii (stat'ya pervaya) [Philosophical problems of anthropogenetics and genetic engineering (article one)] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Filosofiya. [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Philosophy]. No. 4. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-problemy-antropogenetiki-i-gennoy-inzhenerii/viewer.

16. *Nelson J.R.* 1985. The Human Problem of Human Genetic Engineering // Milunsky A., Annas G.J. (eds) Genetics and the Law III. Springer, Boston, MA. Available at: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978–1-4684–4952–5_8.pdf.

17. *Popova O.V.* 2013. Issledovaniye eticheskikh problem genetiki v otechestvennoy filosofskoy traditsii (k istorii idei biotekhnologicheskogo konstruirovaniya cheloveka) [Investigation of ethical problems of genetics in the national philosophical tradition (to

the history of the idea of biotechnological design of a person)] // Znanie. Ponimanie. Umenie. [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-eticheskih-problem-genetiki-v-otechestvennoy-filosofskoy-traditsii-k-istorii-idei-biotehnologicheskogo-konstruirovaniya/viewer.

18. *Popova O.V.* 2019. Etika nelineynosti: moral'nyye dilemmy v epokhu biotekhnologiy [Ethics of nonlinearity: moral dilemmas in the era of biotechnology] // Mir cheloveka: neopredelennost' kak vyzov / pod red. G.L. Belkinoj. [The world of man: uncertainty as a challenge / ed. G.L. Belkina]. M. Izd. "LENAND".

19. *Reznik Yu.M.* 2017. Tsennostnyye osnovaniya filosofii cheloveka I.T. Frolova: vzglyad v nenastupivsheye budushcheye [The value foundations of the philosophy of man I.T. Frolov: a look into the future that has not come] // Cennostnye osnovaniya nauchnogo poznaniya / pod red. G.L. Belkinoj. [The value foundations of scientific knowledge / ed. G.L. Belkina]. M. Izd. "LENAND".

20. *Tishchenko P.D.* 2015. Konstruirovaniye cheloveka: idealy i tekhnologii [Human design: ideals and technologies] // Rabochie tetradi po bioetike. Vyp. 22: Filosofskij analiz proektov konstruirovaniya cheloveka: idealy i tekhnologii: sb. st. / pod red. P.D. Tishchenko. [Workbooks on bioethics. Issue 22: Philosophical analysis of human design projects: ideals and technologies: collection of articles. Art. / ed. P.D. Tishchenko]. Available at: https://iphras.ru/uplfile/humexp/biblio/%D0%A0%D0%A2%D0%9122.pdf.

21. *Turchin V., Dzhoslin K.* 2013. Kiberneticheskiy manifest [Cybernetic manifesto] // Global'noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBIKS) i transgumanisticheskaya evolyuciya / pod red. D.I. Dubrovskogo. [Global future 2045. Convergent technologies (NBICS) and transhumanistic evolution / ed. D.I. Dubrovsky], pp. 263–269. Available at: http://2045.ru/pdf/globalfuture2045.pdf (accessed 1.08.2020) (In Russ.).

22. Vseobshchaya deklaratsiya o bioetike i pravakh cheloveka 2005 [Universal Declaration on Bioethics and Human Rights]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml.

23. *Yudin B.G.* 2011. Granitsy chelovecheskogo sushchestva v mire novykh tekhnologiy [The boundaries of the human being in the world of new technologies] // Rabochie tetradi po bioetike. Vyp. 12: Bioeticheskoe obespechenie innovacionnogo razvitiya biomedicinskih tekhnologij: sb. st / pod red. P.D. Tishchenko [Working

papers on bioethics. Issue 12: Bioethical support for innovative development of biomedical technologies: collection of articles. Art / ed. P.D. Tishchenko]. Available at: https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/2011/collections/Bioethics-Workbooks-12.pdf .

24. *Yudin B.G.* 2014. Nauka v obshchestve znaniy [Science in the knowledge society] // Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniya: sb. st. K 70-letiyu Borisa Grigor'evicha Yudina / pod red. P.D. Tishchenko. [Humanitarian landmarks of scientific knowledge: Sat. Art. On the 70th anniversary of Boris Yudin / ed. P.D. Tishchenko]. M. "Izdatelskiy dom Navigator".

Г. Хёрц (Германия)

Критерии экспериментов на людях. Наука как моральный авторитет

Аннотация. В статье немецкого ученого рассматривается важная биоэтическая проблема: критерии экспериментов на людях. Автор затрагивает исторический, моральный и политический аспекты проблемы. Основное внимание он уделяет гуманистической критике экспериментов на людях. Он делает вывод, что критерии оценки экспериментов на людях зависят от целей эксперимента. Он оправдан, если цели имеют гуманистический характер. Освещаются дискуссии в мировой этике науки. Основное внимание автор уделяет германскому опыту в этой области и специально останавливается на научных контактах в области биоэтики, которые развивались между немецкими учеными и И.Т. Фроловым.

Ключевые слова: биоэтика, эксперименты на людях, И.Т. Фролов

С того момента, как по приказу президента Трумэна американские самолеты сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, широко обсуждается вопрос об ответственности ученых, и многие пытаются найти практические решения данной проблемы. Чудовищные последствия этой операции положили начало многочисленным дискуссиям. Для кого-то случившееся стало уроком. Физик Клаус Фукс был противником власти национал-социалистов в Германии и был готов принять участие в разработке средства сдерживания, которое бы снизило риск в случае использования нацистской Германией нового оружия. Ученый был шокирован последствиями атомной бомбардировки. В итоге он стал борцом за мир [Flach, Fuchs-Kittowski, 2008]. Последствия антигуманного эксперимента над невинными жителями двух городов, оправданием которого была война с Японией, обернулись обширными задачами для медицины, здравоохранения, психологии и др. Тем самым антигуманный военный эпизод в то же время стал вызовом для науки. Но проблема еще шире. Как вообще обстоит дело с экспериментами, проводимыми на людях? Эти эксперименты гуманны или антигуманны?

Какие опасности они в себе таят? Какую помощь они оказывают тем, кто в них вовлечен? И какова связь между идеальной и реальной этикой?

Предметом данной статьи являются важнейшие аспекты ответов на эти вопросы. Во-первых, речь идет о как таковых взаимоотношениях науки и гуманизма. Данные отношения представляют собой основополагающее условие для второго вопроса, подлежащего рассмотрению, а именно, какие вызовы медицинской этике несут в себе эксперименты на людях. В-третьих, необходимо проанализировать требования к экспериментам на людях на различных этапах их жизни от рождения до смерти. В-четвертых, в качестве вывода из данных рассуждений будут рассмотрены отношения между идеальной и реальной этикой, а также гуманистические критерии.

1. Наука и гуманизм

Нести ответственность перед человечеством – наш долг. Это касается и ученых. Наука суть рациональное освоение действительности, сочетающее в себе поиск истины с оценкой и использованием имеющихся знаний. Будучи культурной силой, она направлена на получение знаний, что предполагает и сохранение культурного наследия, являющего собой единство материальной и духовной культуры. Это нужно учитывать в образовательном процессе и при разработке новых форм рационального, эстетического и предметного освоения действительности. К таковым относится и развитие новых технологий как средств, утверждающих господство человека, изменяющего и творящего природную, социальную, интеллектуальную и духовно-культурную среду. Что касается экспериментов на людях, то новые устройства, применение информационных технологий и цифровизация способны не только облегчать симптомы больных, инвалидов и всех нуждающихся в помощи, но и по возможности сделать их здоровыми, трудоспособными и уверенными в себе людьми. Наука участвует в разработке новых устройств, вспомогательных средств (таких, как протезы) и аналитических инструментов, будучи производительной силой, вносящей непосредственный либо косвенный вклад в разработку соответствующего экспериментального оборудования. С точки зрения рассматриваемой здесь комплексной проблематики, если наука использует

эксперименты на людях для гуманистического преобразования жизненных условий, она также обладает гуманной силой. Эта гуманная сила является ее целевой функцией, поскольку несет в себе программу повышения качества жизни всех вовлеченных в данный процесс индивидов в соответствии с гуманистическими критериями [Hörz, 2014]. Так что если наука оценивает знания, полученные в ходе экспериментов, по этим критериям и анализирует их потенциальное применение, выявляя возможности и риски, которые необходимо учитывать, она может стать моральным авторитетом. Поэтому гуманисты призывают всех, кто так или иначе участвует в экспериментах на людях, придерживаться гуманистических критериев, чтобы не допустить злоупотреблений. Таким образом, постановка проблемы носит комплексный характер. Речь идет как о фундаментальных отношениях между наукой и гуманизмом, так и о взаимосвязи между теорией, экспериментом и медицинской практикой, поскольку наука не является моральным авторитетом по умолчанию. Она может стать таковым, если исследователи и преподаватели будут помнить о своей ответственности, а также будут расширять свою этическую компетентность в области экспериментов на людях, оценивая результаты своей деятельности в соответствии с тем, как данные результаты могут способствовать повышению качества жизни людей.

Наряду с этим существуют комитеты по этике, которые дают оценку моральной стороне того или иного поведения и принимаемых решений и выносят суждения по поводу допустимости / недопустимости конкретных исследований в определенной стране. В Германии на исследования стволовых клеток по этическим соображениям наложены юридические ограничения. Споры вызывают аборты, однополые браки и преимплантационная генетическая диагностика (ПГД). Применение генетически модифицированных продуктов, с одной стороны, не одобряется, а с другой – находит сторонников, руководствующихся выгодой, но при этом не оценивающих сопутствующие риски. На основе профессионального знания (что есть) формулируются моральные нормы (как должно быть), которые затем превращаются в правовые нормы (как должно быть, с общественными санкциями в случае нарушения данных норм). По сопряженным с этими феноменами философским проблемам давно ведутся международные дебаты.

«Наука и гуманизм» – общая тема конференций в Дойчландсберге (Австрия) в 1979–1991 гг. Иоганн Гётчль, директор Института науковедения имени Людвига Больцмана в Граце, возглавлял международную группу исследователей, занимавшуюся подготовкой этих мероприятий; я входил в ее состав, отвечая в ней за выбор тем и контакты с приглашенными учеными из Восточной Европы [Hörz, 2017]. Иван Тимофеевич Фролов (1929–1999) и Галина Леонидовна Белкина из Москвы приняли активное участие в нескольких конференциях, выступив на них с интересными докладами. Тема конференции 1988 г. – «Научный прогресс и условия гуманизации» [Wissenschaftsforschung, 1988].

В предисловии к сборнику докладов 1988 г. Иоганн Гётчль указал на причины, побудившие инициативную группу ученых организовать эту конференцию: «Международный организационный комитет... ощутил дефицит теорий в философских исследованиях науки, а именно в оценке знаний, в ориентации на гуманное выстраивание научно-технического прогресса». Тем самым предполагалось, что ученые, представлявшие различные общественные системы, но чувствовавшие себя приверженцами гуманизма, поделятся своим опытом [Ibid., s. 5]. Так, Фролов и Белкина сделали доклад на тему «Гуманистические аспекты научно-технического развития». Они анализировали тот этап научно-технического развития, который во многом определит будущее. Согласно им, в «век биологии» развивается смежная область между микроэлектроникой и генной инженерией. Это порождает острые этические и гуманистические проблемы. «Человек приобретает силу, с которой он должен обращаться с крайней осторожностью» [ibid., s. 86]. Докладчики критиковали ученых, преуменьшавших потенциальную опасность.

В своей научной работе Фролов много занимался философскими проблемами биологии и последствиями экспериментов на людях. В докладе «Жизнь и познание» он следующим образом резюмировал результаты своих исследований: «“Жизнь и познание” – так называется один из последних сборников моих работ, и в этих двух словах, вероятно, содержится вся полнота вопросов, которые занимали меня как философа на протяжении всего моего научного пути и движут мной до сих пор». Далее, по поводу экспериментов на людях он заявил: «В нынешних условиях общие оценки принимают конкретную форму, особенно в

случаях экспериментов на людях. Следует сказать, что любые эксперименты на людях в определенном смысле означают вмешательство в область неприкосновенных прав и свобод человека. Тем не менее они могут быть контролируемыми, но при этом соответствующими системе моральных и других ценностей общества. Эти общие принципы, по существу, определяются тем, какое общество в каждом конкретном случае одобряется и воплощается в жизнь и как понимаются сам человек и основы гуманизма. И все же, несмотря на существующие разногласия по поводу этих проблем, сегодня, как полагают многие ученые, существует потребность во взаимоприемлемой системе международных соглашений, которые могли бы регулировать биологический (генетический, медицинский и т.п.) познавательный процесс человека. Нужны строгая этическая оценка теории и практики исследований и социальный контроль, которые должны быть основаны на государственном и международном законодательстве» [Frolov, 2020]. Таким образом, более чем справедливо, чтобы широкая общественность была осведомлена о вызовах, которые этике и особенно медицинской этике бросают гуманные и антигуманные эксперименты, и этот вопрос мы сейчас рассмотрим.

2. Этические вызовы экспериментов на людях

В истории имели место самые разные эксперименты на людях. Так, медики до сих пор борются с последствиями атомной бомбардировки японских городов. Против людей совершались ужасающие преступления, чему немало примеров. Достаточно вспомнить войну во Вьетнаме и американскую операцию по дефолиации агентом «оранж». В докладе, сделанном 3 февраля 2016 г., утверждается: «В конце ноября 1961 г. тогдашний президент США Джон Ф. Кеннеди одобрил предложение о проведении “тщательно контролируемых” операций по дефолиации во Вьетнаме. Джунгли, в противном случае непроходимые, должны были быть очищены с помощью гербицидов, с тем чтобы пресечь поставки грузов партизанам-коммунистам, постоянно оказывавшим давление на союзника США – Южный Вьетнам. Это был один из самых серьезных просчетов администрации Кеннеди. Ведь среди применявшихся “радужных ядов” был и агент “оранж”. С января 1965 г. по апрель 1970 г. его распыляли на боль-

шей части разделенной страны; временами потребность в нем американских войск во Вьетнаме была настолько велика, что химическая промышленность США была не способна поставлять достаточное количество гербицидов для нужд американского сельского хозяйства. Тем не менее вскоре стало очевидно, что агент “оранж” губителен не только для растений, но и для людей, пусть и опосредованно. На обработанных им территориях значительно увеличилось количество новорожденных с пороками развития. Кроме того, число онкологических заболеваний у местных жителей и солдат США, контактировавших с цистернами с ядом либо подвергшихся воздействию распыленного в воздухе вещества, существенно превышало средние показатели. Прежде всего именно по этой причине применение агента спустя пять лет было прекращено, но через доброе десятилетие возросло число жалоб от ветеранов, страдавших от долгосрочных последствий использования яда» [Kellerhoff, 2016]. Такие военные преступления представляют собой вызов для науки, которая должна найти способ помочь пострадавшим. Полностью забыть о подобных вызовах можно лишь в том случае, если войны вообще исчезнут из жизни людей.

Широкомасштабные антигуманные эксперименты на людях, которые должны быть осуждены по соображениям гуманности, происходили неоднократно в прошлом и в настоящем. Есть примеры опытов, в результате которых людям был нанесен немалый вред. В XIX в. в немецких клиниках проводились неэтичные эксперименты, в ходе которых больных прививали возбудителями сифилиса и гонореи. Во времена Третьего рейха концлагеря служили полем для врачебных экспериментов. Так, в изоляторах и больницах для заключенных концентрационных лагерей Бухенвальд, Равенсбрюк, Нойенгамме, Нацвайлер-Штрутгоф, Заксенхаузен и Гогенлихен проводились опыты с желтой лихорадкой, стафилококками, бактериями клостридиями и столбнячной палочкой, брюшным тифом, дифтерией, сыпным тифом и токсичными веществами. Кроме того, например в Освенциме и Дахау, люди подвергались насильственной стерилизации, а также воздействию высокого давления и низких температур. Большинство подобных экспериментов были инициированы государственными, полугосударственными либо частными учреждениями и проводились в сотрудничестве с известными профессорами и врачами. «И в США проводились недостойные опыты на людях, из которых

наиболее печальную славу снискало “Исследование сифилиса в Таскиги”. В период с 1932 по 1972 г. более 400 чернокожих больных сифилисом не были проинформированы о своем диагнозе; их не лечили, а только наблюдали. Этот эксперимент проводился Службой общественного здравоохранения США в сотрудничестве с Департаментом здравоохранения штата Алабама, Департаментом здравоохранения округа Мейкон, Институтом Таскиги, Больницей для ветеранов Таскиги и частнопрактикующими врачами и не принес никаких новых научных результатов» [Textor, 2020].

А как насчет экспериментов на людях в рамках научных исследований? С гуманистической точки зрения они также должны соответствовать определенным критериям. В нашей книге, посвященной этическим проблемам, мы утверждаем: «Исследователи не могут руководствоваться исключительно экономической выгодой, престижем, технической осуществимостью или научной новизной. Нужно помнить о социальной и индивидуальной пользе, минимизировать риски, упрощать процесс принятия решений, обеспечивать свободу решений всем, кого затрагивает эта ситуация, а также гарантировать то, что исполнители будут нести ответственность за свои действия. Иными словами, это означает моральное требование уважать целостность личности. По сути, человек не должен становиться объектом науки. Он всегда должен признаваться субъектом, который по своей воле и в соответствии со своими собственными чувствами одобряет (либо не одобряет) вмешательство в свое тело. Все медицинские процедуры подразумевают определенный риск. Подобный риск существует постольку, поскольку в жизни есть место объективной случайности. Это касается любых трансплантаций яйцеклеток, а также выявления физических увечий во время УЗИ при беременности. Необходимо проинформировать беременную женщину либо супружескую пару об обнаруженных пороках развития плода или о тех или иных осложнениях. Однако морально нагруженное решение давать или не давать жизнь этому ребенку должна, посоветовавшись с партнером, принимать сама будущая мать. Это зона ее ответственности. Потом она должна придерживаться этого решения и морально принять его. Это, конечно же, не всегда легко. Большое значение имеют ободрение и утешение» [Hörz, Hörz, 2013, s. 28].

Способна ли этика обеспечить практическую релевантность поведенческих стратегий? Такая потребность существует, но

осуществить ее, естественно, непросто. Этика действительно может служить ориентиром для индивидуального и группового поведения, но будут ли конкретные люди вести себя морально приемлемым образом в той или иной ситуации, зависит от их образования, опыта и, в конечном счете, от их воли. Пандемия COVID-19 демонстрирует сложность данной проблемы. Вакцины пока нет. Ее тщательно тестируют. СМИ же сеют панику. Политики принимают различные меры, которые вызывают относительное одобрение. В определенном смысле можно сказать, что действия по выходу из данного кризиса – это тоже эксперимент на людях. Соблюдаются ли гуманистические стандарты? В связи с пандемией в мае 2020 г. мэр Тюбингена Борис Пальмер потребовал дать оценку проводимому лечению и, в частности, заявил: «В Германии мы, возможно, спасаем людей, которые через полгода все равно умерли бы – от старости и имеющихся у них заболеваний». Это возмутило многих. Политический редактор газеты Südkurier Биргит Хофманн написала политику письмо, в котором назвала такой подход бесчеловечным. Далее она заявляет: «Как Вам пришло в голову взвешивать жизни, на одной чаше весов – старые, на другой – молодые; с одной стороны, человеческая жизнь, с другой – экономические решения? <...>И даже если Вы не имели этого в виду, в конечном счете, скоро при принятии подобных решений очередь дойдет и до происхождения людей, их социального статуса и инвалидности. Конечно же, нам следует продумывать, что рационально с медицинской точки зрения и как это согласовать с экономическими и социальными издержками» [Hofmann, 2020]. Анализ данного навязанного нам эксперимента, безусловно, принесет новые знания в областях медицины, науки и политики.

Но вернемся к этике и ее возможностям. Возможности ее ни в коем случае не стоит переоценивать. Тем не менее ее задача, как и прежде, состоит в том, чтобы на основе своего анализа давать людям поведенческие ориентиры. Однако мы часто наблюдаем недооценку этики. На деле ей приходится сталкиваться с лакунами и в собственном анализе. Еще не было всесторонне изучено то, как достигнутый человечеством глобальный уровень нравственного развития отражается на конкретных социокультурных общностях. Деструктивные тенденции недостаточно осознаются, а моральные ориентиры, которые могли бы способствовать личностному развитию, не находят достойного применения. Это

ограничивает международное сотрудничество и коммуникацию, а возможности решения глобальных проблем растрачиваются впустую. Названный анализ, с учетом социологического материала, должен осуществляться специалистами в области этики. Полученные в результате такого анализа знания, которые при идеальном сценарии развития событий должны служить ориентиром для человеческого поведения, могут применяться в различных вариантах на самых разных уровнях, в частности в семье и в школе; они могут использоваться политиками, группами, партиями, организациями и отдельными людьми. При этом необходимо помнить о взаимосвязи между свободой воли человека в принятии решений и сферой его ответственности. Чего может добиться индивид исходя из своих возможностей? С кем он участвует в тех или иных акциях? Какие организует сам? Вообще говоря, гуманизм требует сохранения человеческой жизни независимо от этнического происхождения человека, его социального положения, телосложения, умственных способностей и возраста. Это нужно учитывать и в экспериментах на людях. Речь идет о сознательном построении осмысленной жизни и постоянном расширении свободы воли индивидов и групп людей. Необходимо соблюдать права человека и уважать человеческое достоинство.

Это касается и медицинской этики. О ней пишут следующее: «В последние годы на медицинскую этику большое влияние оказывают изменения, происходящие в сфере прав человека. В плюралистическом и многокультурном мире со множеством различных моральных традиций ключевые международные конвенции по правам человека могут дать медицинской этике основу, которая будет принята повсюду, независимо от национальных и культурных границ. Кроме того, врачи часто сталкиваются с медицинскими проблемами, вызванными нарушениями прав человека, такими как принудительная миграция и пытки. И их глубоко затрагивает дискуссия о том, является ли здравоохранение правом человека, поскольку ответ на этот вопрос в каждой конкретной стране в значительной мере определяет, кому открыт доступ к медицинской помощи. <…> Помимо этого, медицинская этика тесно связана с законодательством. В большинстве государств существуют законы, предписывающие, каким образом врачи должны решать этические вопросы, связанные с лечением пациентов и медицинскими исследованиями. Кроме того, медицинские комиссии и регулирующие органы каждой страны

могут наказывать и наказывают врачей за этические просчеты. Тем не менее этика и закон не конгруэнтны. Довольно часто этика диктует более строгие правила поведения, нежели закон, а иногда она требует от врачей нарушать законы, предполагающие неэтичное поведение. Также законы значительно различаются от страны к стране, тогда как этика применима повсюду, независимо от национальных границ» [Handbuch der ärztlichen Ethik, 2005, s. 14]. Как реализовать подобные требования на разных этапах жизни? Есть ли различия в экспериментах на людях с рождения до смерти? Рассмотрим теперь эти вопросы.

3. Эксперименты на людях на разных этапах жизни

Дискуссии об экспериментах на людях на разных жизненных этапах не новы. Я тоже, в качестве специалиста в области философии науки, участвовал в многочисленных междисциплинарных национальных и международных дебатах на эту тему. Например, данной проблеме была посвящена международная конференция в Париже в 1974 г., в которой я принимал активное участие. В заключении своей работы «Человек против материи?» я отметил: «Медицина и биология порождают ряд философских и этических вопросов. При каких условиях можно проводить эксперименты на людях? Как наркотики влияют на структуру личности? Является ли аборт убийством человека? Оправдана ли эвтаназия с моральной точки зрения? В чем состоит достоинство смерти?» Эти вопросы широко обсуждались специалистами из 41 страны, представлявшими самые разные области знания, на парижском междисциплинарном коллоквиуме в сентябре 1974 г., темой которого была «Биология и будущее человека». Данные проблемы занимают многих ученых и вообще всех, кого касаются результаты и проблемы биологических и медицинских исследований. Пациента интересует возможность излечения; политику, ответственному за распределение финансовых средств, важна эффективность исследования. Врач сталкивается не только с техническими трудностями при подготовке и осуществлении, например, трансплантации органов. Он узнает о психологических проблемах живого донора и должен правильно определить смерть, в случае если использует органы мертвого донора. Каждый гуманист должен уточнить свою концепцию свободы, если он хочет

занять определенную позицию в отношении терапевтических экспериментов на людях. Ему следует задуматься о своем отношении к смыслу жизни, когда есть общественный запрос на определение правового статуса эвтаназии, как это имело место во Франции, в случае с Жаком Моно.

Развитие этики, ориентированной на данную естественнонаучную проблематику, таит в себе определенные опасности. Если моральные требования предъявляются слишком поспешно, это может помешать важным исследованиям, чьи результаты могли бы послужить человеческому благу. Если же требования слишком мягкие, это во многом открывает двери антигуманизму. Участники вышеупомянутой конференции констатировали, что все врачи с помощью имеющихся у них технических средств способны ставить эксперименты на людях, будь то оперативные вмешательства, бесконтрольное применение недостаточно проверенных лекарственных средств и др. Так, пытаясь опередить конкурентов, некоторые осуществляют не вполне подготовленные эксперименты, чей риск, вследствие этого, невозможно предвидеть. Вот что об этом говорится в актуальном предисловии 2015 г.: «Научно-техническая революция не только потребовала определенных реакций на развитие оружия массового уничтожения и антропогенные экологические катастрофы, но и, посредством научных знаний и достижений медицины, напрямую повлияла на человека как такового. Начались дискуссии о генной инженерии. Я указал на связь между осмысленной жизнью и качеством жизни в условиях ограниченного здоровья.

В дискуссии об аборте (прерывании беременности) я подчеркивал как право матери принимать решения в отношении своего собственного тела, так и обязанность общества поддерживать людей с ограниченными возможностями и осмысленно интегрировать их в общественную жизнь. Таково требование гуманизма, вне зависимости от идеологических различий. Притом, что смерть неизбежна, для меня речь шла, прежде всего, о том, чтобы оказывать людям помощь в жизни, и делать это нужно до самого ее конца. Эти вопросы сейчас широко обсуждаются в науке и политике в связи с проблемами инклюзии, эвтаназии и защиты жизни. Обоснованные тогда ключевые идеи по-прежнему актуальны» [Hörz, 1974, s. 45f; см. также актуальное предисловие: Hörz, 2015, s. 11].

Анализируя доклады, сделанные на парижской конференции по эвтаназии, я рассматривал в том числе и позицию Жака

Моно (1910–1976) в главе «Есть ли право на смерть?» На этот счет я отметил: «Без сомнения, здесь речь не может идти о смерти, наступающей естественным путем, потому что, хотя медицина многое узнала о причинах смерти, благодаря чему она часто продлевает жизнь, все же она не может сделать человека бессмертным. В этом отношении вопрос о праве на смерть лишен смысла. Речь, скорее, о том, может и должен ли человек самостоятельно решать, когда именно ему умереть. Он уже в известной мере принимает подобное решение, когда, например, отказывается от рекомендованного лечения, прибегает к запрещенному медициной поведению или совершает самоубийство. Тем самым, следуя Ж. Моно, вопрос состоит в определении юридического статуса эвтаназиии, или же в том, имеет ли человек право обратиться к кому-нибудь за помощью в прерывании жизни. При этом некоторые ученые различают активную и пассивную эвтаназию. В соответствии с этим различением, активная эвтаназия – это непосредственная врачебная помощь, приводящая к смерти, в то время как пассивная эвтаназия означает воздержание от необходимой терапии. Конечно же, здесь существуют сложные проблемы – прежде всего, если речь заходит о конкретных экстремальных случаях, когда очевидна неизбежность скорой смерти и, человек, например, испытывает практически невыносимые боли. И все же подобные экстремальные случаи не служат оправданием правовых норм, разрешающих активную или пассивную эвтаназию. В ходе круглого стола, состоявшегося в рамках парижской конференции "Биология и будущее человека" и посвященного вопросу о том, может ли медицина признать право на смерть, идея юридического закрепления права на эвтаназию была отвергнута и христианами, и марксистами, и врачами, и философами. У всех, прежде всего, вызывал озабоченность тот факт, что расширение практики эвтаназии, что, вероятно (!), может быть оправдано с точки зрения экстремальных случаев, нельзя юридически проконтролировать. Опыт немецкого фашизма, в частности, демонстрирует, как разного рода варварские правовые нормы использовались для уничтожения людей. При всех идеологических различиях именно эта антифашистская политическая позиция объединила самых разных ученых» [Hörz, 1974, s. 188]. В настоящее время в разных странах действуют различные правовые нормы в отношении эвтаназии. Так, по поводу Германии в Википедии можно прочесть: «Ассистированный су-

ицид означает помощь в совершении самоубийства путем предоставления соответствующего средства (обычно медикамента). В Германии эта практика легализована. Существовавший ранее запрет на "коммерческое содействие" (осуществляемое врачом или ассоциацией, предоставляющей услуги эвтаназии) был снят: 26 февраля 2020 г. Федеральный конституционный суд объявил статью 217 Уголовного кодекса, введенную в 2015 г., неконституционной и, следовательно, недействительной» [Sterbehilfe, 2020].

А как насчет экспериментов на разных этапах жизни? Все начинается с уже упоминавшегося аборта. С этической точки зрения, независимо от юрисдикции органов правосудия в той или иной стране, в каждом конкретном случае необходимо взвешивать интересы всех вовлеченных сторон. Так, что заслуживает большего уважения с точки зрения морали – право на жизнь еще не родившегося ребенка или же право матери распоряжаться своим телом? В случае со всеми гуманистически ориентированными экспериментами, направленными на сохранение жизни, улучшение физических и умственных способностей, определение состояния здоровья с целью оказания медицинской помощи, а также достижение прогресса в медицине, необходимо ответить на следующие вопросы. Сопряжена ли общественная польза с личной выгодой? Отвечают ли эксперименты, проводимые с людьми и на людях, моральным требованиям? В ответах на данные экзистенциальные вопросы находят свое отражение антагонистичные философско-этические позиции. Это проясняет проблему морального поведения. Кто и как себя ведет и в соответствии с какими ценностями и нормами? В рамках теоретических и практически ориентированных дискуссий специалистов речь обычно идет о долге сохранять человеческую жизнь, а также о помощи женщинам и парам, желающим иметь детей, об отношении к абортам, обязательном медицинском обслуживании, трансплантации яйцеклеток и пр. С различных мировоззренческих позиций обсуждаются такие вопросы, как потенциальное уничтожение жизни, «недостойной жизни» (что диагностируется на раннем этапе посредством современных технологий вроде ультразвука при обследовании беременных), бессмертие души, естественная смерть и смерть с врачебной помощью (эвтаназия). Врачебный долг сохранять человеческую жизнь в настоящее время по всему миру выглядит особенно проблематичным: противодействие наплыву беженцев, межэтнические конфлик-

ты, голод, детские страдания (дети – жертвы войны, дети-солдаты, детский труд, проституция и т.п.), трудности с получением образования влияют на отношение к жизни среди подрастающего поколения, на желание иметь детей и тем самым на будущее развитие человечества.

Здесь и должна оказать содействие этика, которая может проанализировать гуманность процедур, предлагаемых в рамках различных потенциальных способов решения проблем. На этой основе можно разработать поведенческие стратегии для участников соответствующих экспериментов и для всех, кого они затрагивают, включая тех, на помощь кому они направлены. Следует предостеречь от предъявления к этике чрезмерных требований и, таким образом, переоценки ее возможностей. Этика не замена профессиональных знаний. Она может направлять нравственное поведение в гуманистическом ключе, однако соблюдение гуманистических предписаний зависит от различных факторов. Какие правовые нормы действуют в данной стране? Какие нормы являются основой группового и индивидуального поведения в конкретной социокультурной общности? Носят ли они гуманистический характер? Готовы ли члены данной социокультурной общности придерживаться этих норм? Так что вопрос о критериях экспериментов на людях в медицине, психологии, науке в целом связан с политикой и правом, а также с конкретными жизненными условиями и опытом вовлеченных в данный процесс групп и индивидов. Было бы иллюзией считать, что абсолютно все проблемы, которые сопряжены с экспериментами, проводимыми на отдельных людях и группах людей, могут быть решены посредством морального императива, представляющего собой инструкцию для каждого конкретного человека. В то же время если необходимый для экспериментов на людях уровень нравственного развития в конкретной социокультурной общности недостаточно анализируется и принимается во внимание, имеет место недооценка этики.

Между тем многое изменилось в том, что касается социального положения семьи, моральных предписаний и запретов в области сексуального поведения, абортов и отношения общества к детям, «рожденным вне брака». Какие-то табу остались в прошлом. Тем не менее старые споры о прерывании беременности по-прежнему продолжаются, и его сторонники и противники находят все новые аргументы «за» и «против». Точка

зрения на эту проблему в значительной мере зависит от идеологической позиции в отношении жизни и смерти. Бесспорно, даже оплодотворенная человеческая яйцеклетка представляет собой потенциальную индивидуальную жизнь, которая далее на каждом этапе развивается и может привести к рождению существа, которое все активнее осваивает реальность, сознательно изменяя окружающую среду. Таким образом, тот, кто рассматривает исключительно жизнь плода, должен осудить аборт как уничтожение потенциальной индивидуальной человеческой жизни. Однако отказ от прерывания беременности одновременно влияет и на жизнь матери. Она уже взрослый человек, активно и осознанно осваивающий реальность, творчески изменяющий ее и формирующий определенные жизненные условия. А значит, женщина должна иметь возможность принимать решения относительно своего тела и его будущего. Если прерывание беременности запрещено законом или осуждается с точки зрения морали, это право женщины и в конечном счете ее свобода ограничиваются. Таким образом, ориентироваться лишь на жизнь плода при решении связанных с этим проблем было бы исключительно односторонним взглядом. Тем самым вся человеческая сущность сводилась бы к характеристикам одного-единственного индивида. Полностью сформировавшаяся личность, будущая мать, должна принять информированное решение относительно своего будущего, посоветовавшись с партнером и врачами. Ей следует подумать о последствиях своего решения, а именно потенциальном бесплодии в будущем и, возможно, сожалении о нерожденном ребенке и уничтожении зарождавшейся личности.

Принять подобное решение помогают консультации специалистов, но последние не должны принимать решения за людей. С точки зрения индивидуальной свободы выбора во время консультации ни в коем случае нельзя оказывать моральное давление на женщину. Ответственность за собственные решения и способность следовать им – показатели целостности личности. Общественность, включая медицинский персонал, семью и др., не могут подвергать моральному осуждению женщину, воспользовавшуюся своим правом на аборт. Однако беременность должна прерываться лишь в исключительных случаях. Планирование беременности, ставшее возможным благодаря использованию противозачаточных средств, в настоящее время в нашей

культуре служит отражением зрелости личности. Не существует природного или социального механизма, который бы в 100% случаев порождал заботливых матерей. Необходимо принимать во внимание партнерские отношения, среду, социальные нужды и т.п. В СМИ довольно часто сообщают о безнадзорных детях. Иногда желание иметь детей не осуществимо в силу биологических и медицинских причин. Это может привести к моральным конфликтам в паре, разводу или психологическим проблемам. В некоторых случаях возможна терапия, например трансплантация яйцеклеток. Если при этом уважается достоинство личности, тогда против данной процедуры не может быть никаких моральных возражений. Однако по моральным соображениям не может быть места торговле детьми, генетической игре с яйцеклетками, «вживлению» чужих яйцеклеток без явно высказанного на то желания, а также какого-либо «бизнеса на генетическом материале». Не все, что технически осуществимо, может быть реализовано без каких-либо моральных опасений. Все подобные действия должны быть оправданы с гуманистической точки зрения. Поэтому на призывы к исключительно экстракорпоральному зачатию людей нужно отвечать моральными предписаниями.

Для конкретных нравственных решений этические рамки по принципу «хорошо» / «плохо», «морально» / «аморально» намечены лишь в самом широком смысле. Эти рамки предполагают немало вариантов поведения. Выбор конкретного варианта определяется социальной ситуацией, общественным мнением, существующим моральным давлением и общими условиями существования, но, прежде всего, он зависит от уровня развития личности, ее зрелости, характера и образования. И хотя клятва медицинского работника делать все возможное для благополучия пациента важна, сама по себе она не гарантирует принятия решения, следующего моральным нормам. В принятии решения может понадобиться помощь. В частности, ценность представляют советы коллег. Прибегнет ли конкретный медицинский работник к помощи коллег, зависит от различных факторов – от его собственной позиции, от желания или нежелания открыться другому человеку, от того, насколько доверительные отношения сложились между коллегами и т.п. Здесь нужно различать идеальную и реальную этику, что актуально и для экспериментов на людях. К этому вопросу мы сейчас и перейдем.

4. Эксперименты на людях: об отношениях идеальной и реальной этики

На вопрос о том, на что способна этика, мы отвечаем в нашей книге, посвященной этическим проблемам: «Этика суть теоретическое основание практического морального поведения. Это предполагает общее обоснование критериев, с помощью которых можно провести различие между моральным и аморальным. Мораль охватывает все формы поведения людей по отношению друг к другу. Речь идет об обычаях и нравах, сопряженных с социокультурными идентичностями, возникших в процессе истории и культивировавшихся в качестве традиций, на данный момент уже вполне устоявшихся. Этика не решает моральных проблем индивидов и социальных групп. Она их описывает и объясняет, выводит нормы из гуманистических оснований и очерчивает условия, необходимые для их соблюдения. Это много и в то же время мало. Много потому, что лучше искать объяснения с помощью этики, чем предпочитать жить без любой моральной теории; меньше, чем хотелось бы, потому что вполне можно морализировать без какого-либо практического результата» [Hörz, Hörz, 2013, s. 24].

Мы понимаем этику как составляющую гуманизма и обращаем внимание на разницу между идеальной и реальной этикой: «Гуманизм – это целевая функция деятельности, стратегия, необходимая для построения структур, и критерий оценки прошлых и текущих действий, а также планов на будущее. Тем не менее мы должны различать идеальную и реальную этику. В рамках идеальной этики обличаются военные злодеяния, осуждается насилие, слышатся призывы к большему состраданию, критикуется мораль спекулянтов, но не называются причины, которые могут быть устранены с помощью социальных действий, с тем чтобы были созданы условия для морального поведения. В этой связи давайте вернемся к личной проблеме, связанной с рождением ребенка, которому нужны заботливые родители и тепло семейного очага. Медицина позволяет осуществить такое желание. В действительности же это подчас превращается в бизнес по доставке заказанного ребенка. Это не ново. Всегда имели место случаи купленного или принудительного усыновления. Новым является расширение предложения за счет искусственного оплодотворения. Преимплантационная генетическая

диагностика даже позволяет соблюдать стандарты качества при производстве и доставке людей. Сторонник идеальной этики будет возмущен и в первую очередь потребует введения запретов. Тогда как сторонник реальной этики этим не удовлетворится. Ведь есть родители, которым исполнение желания иметь детей приносит счастье, а ребенку или детям – безопасность. Следовательно, данный запрет носит антигуманный характер. Однако должны быть сформулированы правила, с помощью которых можно наиболее гуманно использовать новые технологические возможности. Тем самым в рамках реальной этики нужно учитывать экономические интересы, престиж, интриги и другие факторы, которые определяют действия людей, вовлеченных в торговлю людьми. Рабство было отменено не для того, чтобы возродить его, потому что бездетным супружеским парам нужен молодой слуга, который, будучи куплен и усыновлен, в любом случае дешевле и более зависим, чем помощник по хозяйству, нанимаемый по контракту» [ibid., s. 188].

Мы пишем о роли случая как события из поля различных возможностей, которые могут быть реализованы с той или иной вероятностью, в соответствии с объективными обстоятельствами или посредством сознательных либо бессознательных человеческих действий. Случайные отклонения от генетико-биотического поля возможностей имеют место и в биотических или социальных условиях. Как реагируют родители, искусственно зачавшие ребенка, если результат не вполне соответствует их ожиданиям? В некоторых дискуссиях по этому поводу приводятся примеры полного любви обращения с ребенком, а также горя и страданий родителей, которые вынуждены заботиться о ребенке, которого они захотели иметь. Как вообще, так и в конкретных случаях люди вольны принимать решения, а затем им приходится жить с последствиями своих решений.

Выводы

Во-первых, эксперименты с людьми и на людях должны проводиться гуманно. Так что необходимо всё тщательно проверять, чтобы убедиться, что риски сведены к минимуму, что обеспечена не только личная выгода, но и общественная польза, что всем заинтересованным сторонам гарантирована свобода выбора и что все участники несут ответственность за свои действия. Если

мы признаем гуманистические принципы, мы не допустим проведение эксперимента, нарушающего целостность личности и достоинство человека. Тем самым разрешаются эксперименты на себе, осуществляющиеся по воле самого индивида, но запрещаются такие групповые и видовые эксперименты, при которых ущемляется человеческое достоинство. Также под запрет попадают эксперименты, в которых индивиды, не получая достаточной информации, лишены или будут лишены свободы выбора.

Во-вторых, нужно избегать всего, что унижает достоинство людей и ограничивает их свободу выбора собственного жизненного пути, если тот остается в пределах гуманистических правовых и моральных правил. Данные правила, включающие в себя предписания и запреты, должны всегда проверяться на соответствие гуманистическим принципам. Давайте вспомним упоминавшиеся примеры – такие как эвтаназия, аборт, исполнение желания иметь детей. Если они неадекватны, больше не соответствуют требуемым условиям или вообще содержат в себе антигуманные элементы, их необходимо исправить. При необходимости это может быть осуществлено посредством акций протеста.

В-третьих, при вмешательстве в человеческий генетический материал с целью улучшения условий жизни людей, включая лечение болезней, нужно использовать достижения научно-технического прогресса. По поводу критериев их использования ведется немало споров. С одной стороны, устанавливаются биотические границы (запрет на вмешательство в стволовые клетки), а с другой – продолжается неконтролируемый прогресс. Ожидают своей очереди решения по поводу клонирования клеток и расширения человеческого вида за счет клонов. Это потребует дальнейших морально-философских размышлений о сущности и достоинстве человека. Стоит рассмотреть аргументы в пользу иных способов получения стволовых клеток, помимо эмбрионов. Некоторые ученые предпочитают исследовать взрослые стволовые клети, которые, будучи изолированы от тканей человека, также способны превращаться в разные типы клеток.

В-четвертых, вообще говоря, в рамках экспериментов на людях сопряженная с гуманизмом реальная этика должна, исходя из природы человека, определять фундаментальные ценности, которые будут конкретизироваться в каждой отдельной ситуации. Необходимо развивать гуманистический потенциал науки и устранять риски, которые она может в себе нести. Оттого повы-

шается значение гуманистической экспертизы новых технологий. Однако необходимы критерии, в соответствии с которыми можно оценить необходимый гуманистический потенциал. Если бы мы придерживались требования осуществлять всё, что можно осуществить, это могло бы иметь опасные последствия для индивидов, групп и всего человечества. Вот почему нужно точнее определить то, что оправдано с гуманистической точки зрения и желательно для развития современных технологий в целом и, в частности, для экспериментов на людях. Чипы с видимыми личными данными препятствуют защите данных. Эксперименты с людьми и на людях нуждаются в гуманистических критериях, которые не могут быть установлены посредством простых положений вроде представления о том, что достойная защиты жизнь начинается с зачатия, без учета свободы выбора того, кто эту жизнь дает, или посредством запретов на основе биологических ограничений.

Таким образом, люди постоянно находятся в зоне напряжения между генетически детерминированной индивидуальностью со своим собственным жизненным проектом и равенством, которого требует общество. По своей природе люди представляют собой (а) совокупность конкретно-исторических социальных отношений и глобальных природных условий в индивидуальной форме, которая (б) оказывается единством природных и социальных, материальных и идеальных, рациональных и эмоциональных, сознательных, подсознательных и бессознательных факторов, посредством которых они (в) осознанно желают сделать свои жизненные условия более эффективными и гуманными. Социальный принцип солидарности требует гуманных социальных стратегий для всех сфер между самоопределяемой генетической индивидуальностью и освобождением всех членов общества во всех регионах мира, что может быть гарантировано и реализовано в конкретно-исторических условиях с помощью определенных рамочных условий. Антирасистское воспитание, в котором проявляется напряжение между индивидуальной генетической обусловленностью и социальным запросом на равенство, является одним из аспектов реализации гуманистической программы, направленной на ликвидацию социальных структур, в которых люди подвергаются угнетению, клевете и эксплуатации.

Уровень свободы следует оценивать с точки зрения сущностных человеческих поведенческих стилей и потребностей, кото-

рые в ходе истории все лучше осознавались человечеством и за которые боролись угнетенные социальные классы. К таковым относятся следующие. Как гарантировать людям культурно и индивидуально значимую деятельность? Как развивать социальную коммуникацию, способствующую личностному росту? Как повысить материальный и культурный уровень жизни всех членов общества? Как обеспечить развитие индивидуальности? Какую помощь могут получить люди с ограниченными возможностями и как их интегрировать в общество? Данные вопросы касаются критериев, по которым можно оценить уровень свободы в тех или иных социальных системах. Эти общие критерии применимы и к экспериментам на людях.

Литература

1. *Flach G., Fuchs-Kittowski K.* Ethik in der Wissenschaft – die Verantwortung der Wissenschaftler: zum Gedenken an Klaus Fuchs // Abhandlungen der Leibniz-Sozietät. Berlin: trafo Wissenschaftsverlag, 2008. Bd. 21.

2. *Frolov I.T.* 2020. URL: http://www.frolov-it.ru/deutsch.html (Zugriff: 07.05.2020).

3. Handbuch der ärztlichen Ethik. 2005 // Weltärztebund / World Medical Association, WMA. URL: https://www.bundesaerztekammer.de/fileadmin/user_upload/downloads/WMA_aerztliche_Ethik.pdf.

4. *Hofmann B.* Alte Menschen in der Corona-Krise. 2020. URL: https://www.suedkurier.de/baden-wuerttemberg/alte-menschen-in-der-corona-krise-sehr-geehrter-herr-palmer-sie-sind-zu-weit-gegangen;art417930,10510109.

5. *Hörz H.* Humanistic criteria of the development of science and technology // Platz und Rolle des Humanismus in der zukünftigen Zivilisation / hrsg. von G.L. Belkina. Moskau, 2014. s. 147–161.

6. *Hörz H.* Mensch contra Materie? Standpunkte des dialektischen Materialismus zur Bedeutung naturwissenschaftlicher Erkenntnisse für den Menschen. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1976. Digitalisiert mit einem aktuellen Vorwort von 2015. URL: http://www.max-stirner-archiv-leipzig.de/dokumente/Hoerz_Mensch_contra_Materie.pdf.

7. H*örz H.* Wissenschaftsforschung: Konfrontation oder Kooperation? Deutschlandsberger Symposien von 1979 bis 1991 // Leibniz

Online. 2017. N 28. URL: https://leibnizsozietaet.de/wp-content/uploads/2017/06/Hoerz_2.pdf.

8. *Hörz H.E.,* Hörz H. Ist Egoismus unmoralisch? Grundzüge einer neomodernen Ethik. Berlin: trafo Verlag, 2013.

9. *Kellerhoff S.* Kannten die USA die Risken von Agent Orange? 2016. URL: https://www.welt.de/geschichte/article151739512/Kannten-die-USA-die-Risiken-von-Agent-Orange.html

10. T*extor M.R.* Experimente am Menschen – ethische und juristische Aspekte. 2020. URL: https://www.ipzf.de/experimente.html (Zugriff: 10.05.2020).

11. Sterbehilfe. 2020. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Sterbehilfe.

12. Wissenschaftlicher Fortschritt und die Bedingungen für Humanitätsgewinn // Zeitschrift für Wissenschaftsforschung: interdisziplinäres Organ für Wissenschaftsforschung und Wissenschafttheorie / hrsg. von Ludwig-Boltzmann-Institut für Wissenschaftsforschung. Graz: Literas Universitätsverlag, 1988. Bd. 4, Heft 2.

Пер. с нем. Я.В. Евсеевой

H. Hörz (Germany)

Criteria for Experiments on the Humans. Science as a Moral Authority

Abstract. **An important bioethical problem is considered in the article of a German scientist: criteria for experiments on humans. The author touches on the historical, moral and political aspects of the problem. He focuses on the humanistic criticism of experiments on humans. He concludes that the criteria for evaluating human experiments depend on the goals of the experiment. It is justified if the goals are of a humanistic nature. The discussions in the world ethics of science are covered. The author pays special attention to the German experience in this field and specifically focuses on the scientific contacts in the field of bioethics that developed between German scientists and I.T. Frolov.**

Keywords: bioethics, experiments on humans, I.T. Frolov

С.Ш. Хаят, Л.Ф. Курило

Проблема статуса эмбриона человека в контексте развития новых биомедицинских технологий

Аннотация. **Прогресс в развитии биомедицинских и генетических технологий неизбежно сопровождается возникновением все новых этических и правовых проблем, меняет парадигму в отношении репродуктивного поведения, планирования деторождения.**

В статье рассмотрены этические и правовые вопросы, связанные с проблемой статуса эмбриона человека, выбором пола плода, редактированием генома и другими биомедицинскими технологиями.

Ключевые слова: **вспомогательные репродуктивные технологии, статус эмбриона человека, редактирование генома, выбор пола плода**

В научных и общественных дискуссиях регулярно поднимается вопрос о новых технологиях – спасут ли они человечество или уничтожат его? Техногенные амбиции наряду с экономическими интересами могут привести к потребительскому отношению к организму человека. Так, в сфере генной инженерии человек может предстать источником биологического материала, носителем определенной последовательности генов или набора мутаций, лишаясь при этом всей полноты своих индивидуальных и социальных качеств. Таким образом, трансформируется идея ценностно-нейтрального исследования. Исследователю приходится решать ряд проблем этического характера и отвечать на некоторые нравственные вопросы, например: до какого предела возможно вмешательство в природные процессы?

В настоящее время научные открытия в области генной инженерии ставят перед правоведами и законодателями развитых в данной области стран необходимость формирования механизмов правового регулирования отношений. Причем формулирование концептуального подхода необходимо завершить до того,

как ученые приступят к клиническим испытаниям достижений генной инженерии на человеке.

В 2013 г. в области генной инженерии произошел революционный прорыв в связи с разработкой технологии редактирования генома CRISPR/Cas9.

Редактирование генома – это технология генной инженерии, благодаря которой может быть проведено включение, удаление или перемещение фрагментов ДНК в геноме организма, с использованием «молекулярных ножниц» – специально спроектированных ферментов – эндонуклеаз. Метод состоит из нескольких этапов: выбор целевой последовательности генома и определение типа необходимого воздействия; создание геннонаправленной конструкции и доставка ее в клеточное ядро; анализ участка генома, подвергнутого воздействию введенного фермента. Система является мощным инструментом для внесения направленных изменений в геномную ДНК, также позволяет встраивать новые гены, либо, наоборот, удалять крупные участки нуклеотидных последовательностей, исправлять или заменять отдельные генетические элементы и фрагменты генов.

Таким образом, данная технология и открыла принципиально новые возможности для манипуляций на уровне генома высших организмов: система позволяет эффективно воздействовать на заданные участки ДНК, а универсальность генетического кода позволяет подвергать модификации различные организмы (от бактерий до высших растений, животных и человека) и типы клеток.

Генетическое редактирование оказалось перспективным для решения не только многих фундаментальных вопросов биологии и генетики развития, но и в практической биотехнологии, генной терапии, трансплантологии, фармакологии и т.д.

При помощи CRISPR/Cas9 получен ряд мутантных лабораторных животных (мышей, крыс, лягушек, рыб). Эти модельные организмы открывают новые перспективы для исследований в области биологии развития, иммунологии и изучения генетических заболеваний человека и животных. На основе данной технологии разрабатывают возможности получения линий животных и растений, способных синтезировать белки человека, например инсулин, необходимый больным сахарным диабетом, или альбумин, использующийся при лечении геморрагического шока, ожогов и цирроза печени [1].

Использование в медицинской генетике данной технологии возможно в нескольких вариантах. Первый – *ex vivo*: клетки пациента, содержащие мутантный ген, редактируют «в пробирке», размножают до необходимого количества и вводят исправленные клетки пациенту. Второй способ – *in vivo*: редактирование происходит в теле пациента, систему CRISPR/Cas9 вводят в его организм с помощью вектора, это гораздо более сложный вариант и пока практически не разработан. Наконец, самый неоднозначный по числу сопровождающих его проблем, эмбриональный подход – редактирование генома эмбриональных клеток.

В 2015 г. были опубликованы результаты первого эксперимента с системой CRISPR/Cas9 на эмбрионах человека (ЭЧ), ДНК которых содержала мутацию, приводящую к развитию бета-талассемии, тяжелого генетического заболевания, при котором нарушается синтез гемоглобина. Авторы продемонстрировали, что система генетического редактирования осуществляет целенаправленное расщепление в гене β-глобина, который при мутации вызывает бета-талассемию [2]. После этой публикации возрос интерес к обсуждению перспективы применения в клинике редактирования генома зародышевой линии (клеток – предшественников гамет, зрелых гамет или эмбрионов) и связанных с этим этических проблемах. Комитет по биоэтике Совета Европы отреагировал публикацией заявления о технологиях редактирования генома, в котором обращается к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины. Статья 13 этой Конвенции запрещает такие вмешательства в геном человека, которые могут передаваться потомкам. А статья 18 данной Конвенции запрещает создание эмбрионов человека в исследовательских целях. Ряд морально-этических вопросов, связанных с регулированием использования технологий генетического редактирования и последствиями их применения, широкие возможности злоупотребления технологией, а также отсутствие понимания места новых технологий в правовом поле подтолкнули мировое сообщество к необходимости проведения международного саммита по редактированию генома человека (1st International Summit on Human Genome Editing, 2015) [3]. На саммите технология CRISPR/Cas9 была одобрена для редактирования генов, ассоциированных с заболеваниями. Кроме того, было высказано, что эту технологию можно было

бы использовать и для «улучшения» человека, если бы удалось выявить гены, ответственные за долголетие, преодоление возрастной деградации, улучшение умственных способностей, толерантность к той или иной пище и т.д. На саммите также обсуждали проблемы в этой области, в первую очередь – риск неточного редактирования и сложность предсказания последствий изменений генов, с которыми столкнется популяция человека. Отметили необходимость изучения последствий в ряду поколений носителей измененных генов.

В 2016 г. в Великобритании было разрешено использование технологий редактирования генома на здоровых эмбрионах человека, при условии, что в течение семи дней эксперимент будет завершен, а эмбрионы разрушены. Не подписывая Конвенцию Совета Европы по **правам человека и биомедицине,** возражая против запрета создания эмбрионов для исследовательских целей, Великобритания проводит наиболее либеральную политику в отношении применения биомедицинских технологий. В 2018 г. **Наффилдский совет по биоэтике** Соединенного Королевства одобрил «редактирование человеческого генома». Данное заявление вызвало широкий общественный резонанс. В свете последних достижений науки в области генной инженерии и биомедицины Совет высказал позицию, согласно которой при определенных обстоятельствах изменение ДНК человеческого эмбриона может быть «морально допустимым».

Многие программные документы, профессиональные рекомендации и группы авторов либо заявляют, либо предполагают, что использование метода в клинике может быть приемлемым при соблюдении определенных условий. Чаще всего указываемые требования включают адекватную безопасность и эффективность метода, достижение общественного консенсуса, а также надлежащее управление [4].

Исследования последних лет продемонстрировали техническое несовершенство и небезопасность метода генетического редактирования на эмбрионах человека [5, 6].

Основные выявленные проблемы включают:

1) мозаицизм, состояние, когда не все клетки эмбриона имеют одинаковую (желаемую) последовательность ДНК;

2) нецелевые эффекты, когда изменения в геноме происходят хаотично, вне последовательности-мишени;

3) целевые, но нежелательные модификации.

На сегодняшний день технология редактирования генома не обладает достаточной специфичностью, чтобы полностью гарантировать её безопасность. Мутации, возникающие в нецелевых локусах хромосом вследствие введения редактирующих конструкций, могут влиять на организм ребенка и передаваться из поколения в поколение, а их эффекты не всегда будут доброкачественными, предсказуемыми или обратимыми.

Таким образом, большая часть научного сообщества в настоящее время считает клиническое применение редактирования генома преждевременным, и многие группы исследователей призвали ввести мораторий на такое использование [7, 8]. Тем не менее дальнейшее внедрение данной технологии в клинике не исключено.

Важно не допустить злоупотреблений – использования достижений генетики для выращивания органов и тканей, отбор лучших качественных характеристик эмбрионов, на формирование евгенистических подходов, в конечном итоге это увеличит социальное и экономическое неравенство.

Наряду с решением методологических задач, связанных с совершенствованием технологий редактирования генома, важно рассмотреть и социальные проблемы, возникающие, прежде всего, с медицинским применением таких методов. Кто должен решать, какие биотехнологические продукты или подходы к лечению могут быть разработаны, а какие должны быть запрещены? Возможно ли добровольное согласие на участие в исследованиях с высоким риском для жизни и здоровья организма? Какие состояния могут быть скорректированы генной терапией? Будут ли дорогостоящие методы лечения, основанные на редактировании генома, доступны только определенным слоям населения? Не приведет ли это к дискриминации в обществе?

Перед экспертным сообществом и государством встаёт ряд задач, таких как формирование общественной позиции, исключение возможной дискриминации или социального разделения в обществе и совершенствование нормативно-правовой базы применения технологии редактирования генома.

Обсуждение этических аспектов редактирования генома вызывает, по существу, те же проблемы, которые долгое время обсуждаются в правовом аспекте: нравственный и правовой статус эмбриона человека, приемлемость использования эмбрионов для исследований или использование эмбрионов, которые

в противном случае были бы утилизированы, а также правовые ограничения использования эмбрионов человека в научных исследованиях.

Вопрос определения статуса эмбриона человека – это ключевая проблема современного национального, внутреннего и международного законодательства.

Основополагающей в этой проблеме является тема определения стадии развития ЭЧ или плода, с которой он может рассматриваться как личность в этическом и правовом смысле, становится человеческим существом (human being), имеющим право на защиту человеческого достоинства, жизни и неприкосновенности [9].

В статье 17 Конституции РФ сказано, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Одной из главных проблем является определение момента рождения человека, который в соответствии с законодательством России не конкретизирован, в то время как момент наступления смерти в статье 9 Закона РФ от 22.12.1992 г. № 4180–1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» определяется как момент наступления необратимой гибели головного мозга.

На протяжении десятилетий обсуждения этой важной проблемы не решен вопрос о том, когда при развитии ЭЧ начинается его собственная жизнь, которая должна защищаться законодательно: с момента зачатия; на стадии зиготы (оплодотворенная яйцеклетка); ЭЧ на стадии дробления или имплантации (пре-эмбрион); ЭЧ в начале формирования или функционирования нервной системы или от начала сердцебиения и т.д.?

Широкое обсуждение проблемы статуса ЭЧ, проводимое в мире в последние годы [10–12], свидетельствует о сложности, противоречивости, на сегодня – неразрешимости вопроса об определении статуса ЭЧ. Как отмечают, определение критериев морального статуса ЭЧ является философской проблемой. После этого встают эмпирическая и научная проблемы – какая стадия становления ЭЧ соответствует этим критериям: генетическая, биологическая, личностная, интересов, возможностей? [13]

Проблема статуса эмбриона человека приобретает особую актуальность на фоне стремительного развития технологий репродуктивной медицины. В 2018 г. исполнилось 40 лет со дня рождения Луизы Браун – первого ребенка, зачатого в результа-

те экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). К настоящему времени с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) были рождены более 7 млн детей. ВРТ и сопутствующие им процедуры непрерывно совершенствуются, и все большее число семей с их помощью преодолевают бесплодие [14].

Например, не решен вопрос о длительности криоконсервации невостребованных в цикле ЭКО эмбрионов – срок устанавливается во многих странах законодательно, от 5 до 10 лет, после чего ЭЧ должны быть разрушены. Определены рекомендации к вопросу о том, кто решает судьбу не использованных ЭЧ. Если сохраняющиеся эмбрионы более не требуются для данной женщины, только она (или данная супружеская пара) распоряжаются их дальнейшей судьбой. Каковы могут быть решения о дальнейшей судьбе не использованных в ВРТ эмбрионах человека? В международных документах рекомендуют три возможных варианта решения: передать ЭЧ другой женщине, нуждающейся в терапии бесплодия; согласиться на его разрушение или разрешить проведение исследований с ЭЧ. Подчеркивают необходимость соблюдения одного из главных правил – отсутствие экономической выгоды при передаче ЭЧ другим супружеским парам.

Международное законодательство по каким-либо вопросам имеет приоритет перед внутренним законодательством ряда стран. «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора», гласит часть 4 статьи 15 Конституции РФ. «В случае, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Федеральным законом правила в сфере охраны здоровья, применяются правила международного договора» – пункт 5 статьи 3 главы 1 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ.

Согласно специальным международным рекомендациям и законодательству, цели исследований на эмбрионах человека должны быть строго определены и ограничены. В статье 18 Конвенции о правах человека и биомедицине (далее – Конвенция): пункт 1: «В тех странах, где исследования на эмбрионах разрешены законом, необходимо обеспечивать надлежащую защиту эмбриона»; пункт 2: «Создание эмбрионов для целей исследований запрещено». Помимо терапевтических (т.е. лечения самого

бесплодия) допускают использование ЭЧ для диагностических целей (когда имеются медицинские показания к проведению предимплантационной генетической диагностики, ПГД). Некоторые страны не запрещают «невостребованных» для терапии бесплодия ЭЧ при добровольном информированном согласии их «владельцев» (доноров) передавать для отработки и совершенствования самой техники ЭКО и диагностических методов. В других странах допускают использование ЭЧ, при согласии их «владельцев», для проведения фундаментальных исследований. По международному положению [11, 15], допустимо проводить вышеуказанные действия с ЭЧ не позднее 14-го дня его развития (на этом сроке у ЭЧ формируется первичная полоска, из которой в дальнейшем развиваются элементы нервной системы, т.е. начинается развитие самого эмбриона).

Федеральный закон РФ № 180-ФЗ, 2016 г. «О биомедицинских клеточных продуктах». Статья 3. Принципы осуществления деятельности в сфере обращения биомедицинских клеточных продуктов. Пункт 4) недопустимость создания эмбриона человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов; пункт 5) недопустимость использования для разработки, производства и применения биомедицинских клеточных продуктов биологического материала, полученного путем прерывания процесса развития эмбриона или плода человека или нарушения такого процесса.

Еще одна проблема, связанная со статусом эмбриона человека, – проблема выбора пола плода. Европейское общество по вопросам репродукции человека и эмбриологии (European Society of Human Reproduction and Embryology) в 2013 г. рекомендовало выполнение предымплантационной генетической диагностики (ПГД) для выбора пола, чтобы предотвратить развитие сцепленных с полом наследственных заболеваний. Помимо выявления и предупреждения тяжелых форм генетической патологии, биомедицинские технологии могут быть использованы и для выбора пола плода без медицинских показаний. Гендерные предпочтения родителей считаются дискриминацией ребенка. Это противоречит современным представлениям биоэтики большинства стран мира, поэтому во многих из них были введены законодательные ограничения на проведение данных исследований. Так, в Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине (1997 г.), статья 14),

указано на недопустимость использования медицинских технологий, направленных на оказание помощи в продолжении рода, в целях выбора пола будущего ребенка, за исключением случаев, когда это делается для предотвращения наследования ребенком заболевания, сцепленного с X хромосомой [15].

Одним из нежелательных последствий массового выбора пола плода может стать возникновение гендерного дисбаланса в обществе. Среди новорожденных существует небольшое преобладание мальчиков над девочками, при этом естественное соотношение полов при рождении (СПР) составляет примерно 1,05. Анализ данных национальных переписей населения разных стран свидетельствуют о том, что в последние десятилетия осуществление выбора пола плода привело к изменению в популяциях человека соотношения полов при рождении – от 110 до 120 мужчин на 100 женщин [16].

С течением времени в разных регионах дисбаланс полов сдвигался в пользу детей мужского пола. С середины 1980-х гг. в ряде азиатских стран (Китай, Индия и Южная Корея) показатель сместился в сторону преобладания мальчиков [16, 17]. Например, в Китае в 2014 г. СПР оценивался в 1,16 и в Индии в 2012 г. – в 1,10 [18]. В 1990-е гг. – в некоторых странах Кавказа (Азербайджан, Армения и Грузия) был отмечен рост СПР [31], в 2000-е – в Черногории, Албании и Вьетнаме [16].

Важно учитывать, что на отношение к полу будущего ребенка оказывают влияние этнические, культурные, религиозные воззрения. В 1994 г. в Индии был принят закон, запрещающий использование пренатальной диагностики с целью сохранения плода определенного пола не по медицинским показаниям. Попытки обжаловать этот запрет привели к тому, что в 2003 г. Верховный суд Индии отдельно наложил запрет на использование ВРТ и ПГД для выбора пола будущего ребенка [19].

В Китае в 1995 г. был принят закон «Об охране здоровья матери и ребенка», регламентирующий проведение пренатальной диагностики во всех случаях, кроме определения пола плода не по медицинским показаниям. Показанием к определению пола при пренатальной диагностике или с помощью ПГД считают обнаружение врачом аномалий развития у плода или подозрение на наличие у него наследственного заболевания. Во всех случаях решение о проведении генетической диагностики принимает врач, а медицинское учреждение, проводящее диагностику,

должно соответствовать требованиям Министерства здравоохранения Китая.

В США отсутствуют какие-либо федеральные законы, которые запрещали бы использовать ПГД для выбора пола ребенка. Американское общество репродуктивной медицины (American Society for Reproductive Medicine) разрешило выбор пола при проведении ПГД для поддержания равновесия полов детей в семье и удовлетворения желания родителей выбрать пол будущего ребенка. Некоторые клиники открыто рекламируют возможность использования ПГД для выбора пола ребенка, поэтому США становится одним из центров медицинского туризма и для этих целей [20].

В ряде стран выбор пола законодательно не регламентирован и практикуется клиниками по их усмотрению. Все это свидетельствует об отсутствии в мире упорядоченного международного законодательства и единого мнения по данному вопросу.

В Российской Федерации вопрос о выборе пола плода регулируется законодательно. Так, в статье 55 федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» указано, что при использовании ВРТ выбор пола будущего ребенка не допускается, за исключением случаев возможного наследования заболеваний, сцепленных с Х-хромосомой

Стремительный прогресс в области репродуктивной медицины, распространение ЭКО в мире, постоянное расширение спектра современных ВРТ свидетельствует о том, что актуальность связанных с ними этических и правовых проблем будет только возрастать. Пока отношение к современным биомедицинским технологиям, в том числе позволяющим выбрать пол плода, неоднозначно как в России, так и в других странах мира, поскольку осведомленность населения недостаточна. Проблема носит комплексный характер, и при ее решении необходимо учитывать мировоззренческие, религиозные аспекты разных обществ. Необходимо выработать социально ответственное решение с учетом, во-первых, негативных социальных последствий, к которым бурное развитие ВРТ может привести и уже привело в тех странах, где традиционно предпочитают рождение сыновей, – это выраженное изменение соотношения полов, а во-вторых, наличие происходящих в мире в целом демографических процессов – миграции населения, которая может изменить генети-

ческий груз популяции, в частности частоту Х-сцепленных заболеваний или заболеваний, которые ограничены определенным полом.

Биоэтика возникла как попытка разработать в биомедицине ориентиры, следуя которым можно было бы предотвратить негативные последствия развития медико-биологических наук. Стремительный прогресс в области биомедицинских технологий меняет парадигму в отношении репродуктивного поведения, планирования деторождения. Широкое распространение использования ЭКО в мире, постоянное развитие современных методов, в том числе ВРТ, свидетельствует о том, что актуальность данных методов будет нарастать, встречая новые биоэтические проблемы. У такой тенденции есть как положительные свойства (лечение заболеваний, профилактика генетических нарушений, повышение качества жизни человека), так и отрицательные последствия, в том числе и те, которые могут проявиться с течением времени. Отдаленные последствия применения новых биомедицинских технологий недостаточно изучены. Необходимо учитывать возможные негативные последствия направленного изменения эволюции человека с помощью биомедицинских технологий, исследовать возможность того, что генетические улучшения в отдельных популяциях могут стать источником социального неравенства, и многие другие вопросы, которые встают перед современным обществом и в будущем.

Решение биомедицинских этических и правовых вопросов – относительно новая и сложная задача. Оно может быть достигнуто только при совместных усилиях специалистов разного профиля, включая медиков, правоведов, философов, теологов, социологов при условии широкого информирования общества относительно этико-правовых проблем биомедицинских технологий и понимания членами общества необходимости их решения. Необходимо соблюдать основной тезис медицины: «Прежде всего – не навредить» (primum non nocere).

Литература

1. *Пестрикова А.А.* Риски геномных исследований Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 55–61.

2. *Liang P., Xu Y., Zhang X., Ding C., Huang R.,* et al. CRISPR/Cas9-gene editing in human tripronuclear zygotes. Protein Cell, 2015. 6: 363–72.

3. The National Academies of Sciences, Engineering, Medicine. International Summit on Human Gene Editing: a global discussion. 2015. URL: https://www.nap.edu/read/21913/chapter 1].

4. National Academies of Sciences Engineering and Medicine. Human Genome Editing: Science, Ethics and Governance. Washington, D.C.: 2017. 847.

5. *Wolf D.P., Mitalipov P.A., Mitalipov S.M.* Principles of and strategies for germline gene therapy. Nat Med 2019.

6. *Niemiec E., Howard H.C.* Ethical issues related to research on genome editing in human embryos. Comput Struct Biotechnol J., 2020; 18: 887–896.

7. *Brokowski C.* Do CRISPR germline ethics statements cut it? Cris J 2018. 1 (2): 115–125

8. *Lander E.S., Baylis F., Zhang F., Charpentier E., et al.* Adopt a moratorium on heritable genome editing. Nature 2019. 567 (7747): 165–168.

9. *Курило Л.Ф.* Некоторые морально-этические проблемы репродукции человека. 151–171. Биомедицинская этика / ред. В.И. Покровский. М.: Медицина, 1997.

10. *Kurilo L.F.* Nature and status of the embryo: scientific aspects. Proceed. 3d Sympos. on Bioethics Medically-assisted procreation and the protection of the human embryo, Council of Europe, CDBI, Strasbourg, 15–18 December 1996, 1–19.

11. *Englert Y., Friart S., Gjertsen G., De Hilster E.A. M., Kurilo L. et al.*. Theprotection of the Human Embryo in vitro. Report by the Working Party on the Protection of the Human Embryo and Fetus (CDBI-CO-GT3). Steer.Committee Bioethics (CDBI), Council of Europe, Strasbourg, VI/2003; 44).

12. *Brown MT.* The Moral Status of the Human Embryo. J Med Philos, 2018. 13; 43 (2): 132–158.

13. *Hermeren G.* Nature and status of the embryo: Philosophical aspects. Report-Council of Europe’s Third Symposium on Bioethics 1996; Strasbourg.

14. *Niederberger C., Pellicer A., Cohen J. et a*l. Forty years of IVF. Fertil Steril 2018; 110 (2): 185–324.

15. European Convention for the protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with Regard to the Applica-tion of Biology and Medicine (Council of Europe 1997). Available at: https://rm.coe.int/168007cf98.

16. UNFPA. Sex imbalances at birth: current trends, consequences and policy implica-tions. Bangkok: UNFPA Asian and Pacific Regional Office, United Nations, 2012.
17. *Gu B., Roy K.* Sex ratio at birth in China, with reference to other areas in East Asia: what we know. Asia Pac Popul J., 1995. 10 (3): 17–42.
18. *Mussino E., Miranda V., Ma L.* Changes in sex ratio at birth among immigrant groups in Sweden. Genus, 2018. 74 (1): 13
19. *Madan K., Breuning M.H.* Impact of prenatal technologies on the sex ratio in India: an overview. Genet Med, 2014. 16 (6): 425–32.
20. *Bayefsky M.J.* Comparative preimplantation genetic diagnosis policy in Europe and the USA and its implications for reproductive tourism. Reprod Biomed Soc Online 2016; 3: 41–7.

S.Sh. Khayat, L.F. Kurilo

The Problem of the Status of the Human Embryo in the Context of the Development of New Biomedical Technologies

Abstract. **Progress of biomedical technologies changes the paradigm regarding reproductive behavior, introducing countless ethical, legal, and social challenges. The paper covers of the moral status of human embryo, ethical aspects of sex selection, genome edition and other key pressure-points concerning assisted reproduction technologies.**

Keywords: **assisted reproductive technologies, the moral status of human embryo, genome editing technologies, sex selection**

В.П. Веряскина

Человек в новой реальности XXI века: биотехнологические вызовы и их социальные последствия

Аннотация. В работе рассматривается ряд важнейших направлений биотехнологий, связанных с воздействием на человека и общество в XXI веке. В этой связи показываются возможности влияния технологий превентивной, персонализированной и регенеративной биомедицины на продолжительность и качество жизни, борьбу с наследственными болезнями, а также возможности управления поведением, потенциал нейротехнологий и репродуктивных практик на основе генной инженерии. Рассматриваются сценарии образа человека будущего в прогнозах экспертов.

Автор приходит к выводу, что применение биотехнологий несет в себе амбивалентные тенденции, наряду с позитивными эффектами существуют серьезные риски, в частности связанные с закреплением социального неравенства на биологическом уровне, социальные проблемы в связи с увеличением продолжительности жизни на основе достижений и использования на практике биотехнологий. Ситуация, обусловленная развитием биотехнологий, требует выбора пути в будущее с учетом этических, моральных регулятивов и экзистенциальных ценностей. Синергетический эффект реализации биотехнологий показывает вектор трансформации человека новой современности XXI века.

Ключевые слова: человек, биотехнологии, управление поведением, превентивная и персонализированная медицина, генная инженерия, практическая философия, неравенство, риски, этика, будущее

Обращаясь к проблемам, связанным с человеком, особенно в связи с актуальными сегодня вопросами о воздействии технологий на жизнь современного человека, мы видим глубокую мудрость и философскую проницательность идей творчества академика Ивана Тимофеевича Фролова. Они как смыслообра-

зующий ориентир оценки будущего. «Будущее человека получит огромные возможности, вероятнее всего, благодаря использованию изменчивости генофонда, а не стандартизации некоторой формы Homo sapiens. И хотя подобная стандартизация может стать осуществленной… мы отвергаем отвратительную мысль о выведении подгрупп людей, приспособленных к исполнению различных заданий, – это было бы, возможно, высокоэффективное, но очень плохое общество. Если человек начнет контролировать свою собственную эволюцию, он должен ясно представлять себе *определенные ценности* (курсив мой. – *В. В.*), к реализации которых будут приложены его усилия» [17, с. 279]. В этой связи важно обратиться к анализу того, какую роль играют биотехнологии в структуре четвертой промышленной революции и переходу к новому, шестому технологическому укладу.

Ключевые детерминанты нового технологического уклада

Под технологическим укладом понимается система тесно взаимосвязанных технологий, обусловливающих принципиальные взаимосвязанные сдвиги в структуре экономики и общества, позволяющие говорить о появлении новой социальной реальности. Исследователи технологических изменений и практики бизнеса прогнозируют ряд существенных особенностей, связанных с реализацией шестого технологического уклада [5]. Во-первых, волна технологий шестого технологического уклада будет базироваться на конвергенции био-нано-информационных технологий. В ядре шестого уклада оказываются такие группы отраслей, как информационно-коммуникационные и тесно связанные с ними материаловедение, биомедицинские технологии, робототехника и когнитивные технологии, новая энергетика, беспроводные сети связи и новое образование; во-вторых, применительно к гуманитарной сфере – это радикальное продление человеческой жизни; возникновение рынка человеческих способностей; изменения общественного отношения к приватности персональной информации. Речь может идти о «сохранении суверенитета личности перед мощным давлением всепроникающих СМИ и глобальных информационных структур» [5], а также сохранение суверенитета человеческой природы как уникальной целостной системы. Поэтому становятся экзистенциально важными ответы на ключевые вызовы будущего,

в первую очередь гуманитарного и антропологического характера. При этом обсуждается, связанная с риском ответов на эти процессы концепция технологической сингулярности, определенная Вернером Виджем о том, что технологическая сингулярность наступит как результат развития искусственного интеллекта и самовоспроизводящихся машин, интеграции человека с вычислительными машинами, либо значительного скачкообразного увеличения возможностей человеческого мозга за счет биотехнологий. Особенно возрастает роль биомедицинских технологий, которые непосредственно оказываются связанными с человеческой жизнью, качеством этой жизни, продлением биологической жизни, медикализацией смерти и отодвиганием границ старости.

Тренд на продление жизни и преодоление старости: роль биомедицинских технологий

Биомедицинские технологии становятся в реализации наступающего нового технологического уклада ядром социальных изменений в формировании новой реальности. По оценкам экспертов они на рубеже 20–30-х годов XXI века станут ключевыми, и что следует особенно подчеркнуть, экономически наиболее перспективными и востребованными. Среди биомедицинских технологий в этот период приоритетными станут генетическая диагностика и генная терапия, производство совместимых с человеческим организмом искусственных тканей и органов, биосинтез лекарств, клеточная терапия.

В рамках самой генетики формируется новая ключевая отрасль медицинских технологий – фармакогенетика. Она основывается на исследовании взаимосвязей между болезнями, генами, протеинами и фармакологическими средствами. На основе результатов расшифровки генома человека возникает новое направление в медицине – создание таргетных препаратов. В настоящее время в области развития биотехнологий, ориентированных на продление и улучшение качества жизни, появляются направления превентивной, персонализированной и регенеративной медицины. Каждое из этих направлений опирается на последние достижения в области расшифровки генома человека и синтетической биологии, а в США и странах Европейского союза начаты проекты по исследованию человеческого мозга. Обратимся кратко к характеристикам каждого из этих направлений.

Превентивная медицина

Данное направление нацелено на изменение и переход от концепции, условно обозначенной как «лечение болезней», при которой к старости у человека возникает ряд сопутствующих хронических заболеваний, к новой концепции «поддержания здоровья» с использованием данных о геноме конкретного человека, а также различных биосенсоров для постоянного контроля состояния здоровья. Можно отметить, что данное направление фактически можно понимать как трансформацию человека под воздействием биомедицинских технологий.

Как отмечают авторы прогноза «Вызов 2035», системный переход на превентивную медицину будет иметь развитие следующих тенденций:

- прежде всего – это борьба с онкологическими заболеваниями, сокращающими качество жизни, чаще у поколения пожилых людей. Это разработка нового поколения фармакологических препаратов на основе изучения и расшифровки генома и технологизации результатов исследования генов, ответственных за различные онкологические заболевания;
- развитие иммунотерапевтических препаратов нового поколения и вакцин, способных активировать иммунитет против опухолей;
- внедрение технологий, основанных на использовании эмбриональных стволовых клеток;
- разработка технологий производства специализированных продуктов, направленных не на оздоровление человека вообще, а на решение конкретных проблем потребителей с учетом их физиологических особенностей.

Персонализированная медицина

Это другое направление, актуальное в области развивающихся биотехнологий, которое нацелено на использование лекарств и методов, адаптированных к конкретному человеку с применением как данных о геноме конкретного человека, так и различных вариантов таргетной терапии.

Проблемами данных направлений является то, что, несмотря на успехи в удешевлении секвенирования человеческого генома, еще далека от реализации разработка *комплексного* подхода к формированию превентивной и персонализирован-

ной медицины на основе расшифровки генома человека. Однако этот тренд является магистральным в развитии биотехнологий и будет реализован в будущем и отчасти уже есть в настоящем. В экономически развитых странах Запада, Японии лечение на основе новой парадигмы – воздействие на генетическом уровне, переход от воздействия на орган или систему к воздействию на гены и протеины – декларируется в понимании трансформации системы здравоохранения. Это переход от клинической системы здравоохранения к превентивной. По данным Докладов о человеческом развитии в рамках Программы развития ООН (ПР ООН), страны с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала имеют среднюю продолжительность жизни 80 и более лет [8]. В России такой показатель составляет 72,4 года. Еще одним важным актуальным направлением в развитии биотехнологий является регенеративная медицина.

Регенеративная медицина

В области регенеративной медицины технологические прорывы связаны с использованием стволовых клеток и 3-Д биопринтеров для печати органов. Эти исследования находятся на стадии отработки технологий. По прогнозам, например, человеческая почка для пересадки будет напечатана посредством биопечати в формате 3-Д не ранее 2030 года. Какие выводы и оценки можно сделать относительно роли биомедицинских технологий?

Биотехнологии и их влияние на социальные последствия развития

Нужно отметить, что основной тренд в области биомедицины будет связан с растущим спросом на технологии преодоления старости и продления жизни. Развитие персонализированной медицины, радикального продления человеческой жизни, управление когнитивными способностями, возможно, прямого интерфейса мозг–компьютер, ведет к качественному росту возможностей индивида. Вместе с тем с успехами в науке и основанными на них технологииями, и это очень важно для социальных последствий таких инноваций, в новой современности могут возникать новые проблемы и новые риски для развития как индивида, так и общества.

Контекст, в котором в настоящее время в мире развиваются новейшие технологии, связан с социальным неравенством. Это неравенство как в доходах, так и в возможностях.

Концептуальный подход к новому пониманию неравенства в XXI веке, развиваемый Программой ООН, концентрируется в пяти ключевых положениях [7]: диспропорции в уровне человеческого развития остаются широко распространенными, несмотря на достижения сокращения крайних видов депривации; несмотря на процессы конвергенции в базовых возможностях, формируется новое поколение проявления неравенства и при этом наблюдается дивергенция в расширенных возможностях. Увеличивается неравенство доступа к расширенным возможностям[102]. Проявления неравенства накапливаются в течение жизни, отражая глубокий дисбаланс сил, влияющий на последующее развитие человека; оценка проявлений неравенства в уровне человеческого развития требует новых подходов к его измерению; действовать необходимо до того, как дисбаланс экономических сил будет закреплен на политическом уровне.

В мире растет массовый протест, и на него толкает не абстрактный эталон несправедливости, а сравнение с положением и статусом других людей. Даже в самой богатой стране мира США «на 10% самых богатых американцев приходится 86% национального благосостояния, а на остальных 90% – всего 14%. В глобальном масштабе беднейшая половина человечества (3,5 млрд) владеет 1% общемирового богатства, ровно столько приходится на 85 самых богатых людей на Земле» [2, с. 94]. Доступ к новейшим технологиям тоже может быть ограничен доходом. По данным на 2016 год, в России эти возможности коррелируются значительным социальным неравенством, как и в мире. Все последние годы отношение средних уровней денежных доходов 10% населения с самым высоким доходом и 10% населения с самым низким составляет показатель 16–17. Это децильный коэффициент, который дает значимую картину неравенства по доходам. Этот разрыв в социальном неравенстве увеличивается, а решение проблем делегируется на индивидуальный уровень «политики жизни».

[102] Базовые возможности предполагают условия для выживания детей в раннем возрасте, доступ к начальному образованию и основным технологиям, устойчивость к потрясениям, например к климатическим. Расширенные возможности предполагают доступ к качественным услугам на всех уровнях образования и здравоохранения.

Вместе с этим возникает еще более опасная и новая форма неравенства, связанная с доступом к новейшим эффективным технологиям и коммерционализацией услуг, основанных на биотехнологиях. Впервые за длительный исторический период появляются возможности превращения человеческих способностей в своего рода рыночный актив. Уже в ближайшие 10–15 лет отмечается возможность возникновения рынка управления человеческими способностями путем использования нейрофармакологии, таких как ноотропы и нейроимплантаты, включая нейрокомпьютерный интерфейс. В будущем (вторая половина 2030-х годов) возможно начало применения модификации генома человека. *«Поскольку речь идет о явно рыночных продуктах, впервые за сотни лет возникает риск биологического закрепления социально-экономического неравенства»* [5, с. 26]. Данная ситуация является абсолютно новой для экономики, политики, культуры современного общества, основанного на идее исходного фундаментального биологического равенства людей. Фактический перевод социально-экономического неравенства в социально-биологическую плоскость может означать такие социальные последствия, которые окажутся трудноразрешимыми или не разрешимыми вообще.

Размышляя о социальных последствиях экономических успехов и преобразований в современную эпоху перехода к постиндустриальному развитию и экономике знаний, не следует забывать о возможных негативных сценариях развития, наряду с успешными, ориентированными на общее благо и гуманистические смыслы. Думается, не случайно известная работа Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее» [18] работа начинается с раздела «Пути в будущее», с обращения к двум знаменитым антиутопиям Джорджа Оруэлла «1984», вышедшего в 1949 году, и Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» [21], которая вышла в 1932 году. Она имеет прямое отношение к проблеме социальной роли биотехнологий. Вместе с тем важно обратить еще внимание на другое. Фукуяма выбирает эпиграфом к главе «Пути в будущее» эпиграф из работы Мартина Хайдеггера «Вопрос о технологии»: «Угроза человеку исходит в первую очередь не от потенциально смертельных машин и технологических аппаратов. Настоящая угроза всегда направлена против сути человека» [24]. В данном случае, в связи с научными и технологическими возможностями перевода социально-экономического неравенства в социально-биологи-

ческую плоскость, важен контекст цитаты из работы М. Хайдеггера, который и приводится Ф. Фукуямой. Приведем ее в силу важности полностью: «Отныне наступают более благоприятные условия для более широких форм господства, подобных которым не было никогда. И даже это еще не самое важное: создана возможность возникновения международных расовых союзов, чьей целью будет создать расу господ, будущих "хозяев земли" – новую, неимоверную аристократию, стоящую на почве суровейшего самоузаконения, в котором воля философических правителей и художников-тиранов будет держаться тысячелетиями, – высший род людей, который благодаря превосходству своей воли, знания, богатства и влияния используют демократическую Европу как самый податливый и услужливый инструмент, чтобы держать в руках судьбы Земли, *чтобы работать как художники над "человеком" как таковым»* [18, с. 309] (курсив мой. – *В. В.*). Это уже похоже на сценарий глобального тоталитаризма, в котором наука и биотехнологии могут быть использованы в интересах отдельных групп. Сам Ф. Фукуяма опроверг свой собственный прогноз о конце истории на основе победивших во всем мире либеральной демократии и капитализма и связал продолжающуюся историю именно с биотехнологиями. «Мы не только не видим сейчас такого конца, но, кажется, стоим на старте периода, невиданного в истории прогресса технологий. Биотехнология и более глубокое понимание наукой человеческого мозга будут иметь существенные политические последствия – они заново откроют возможности социальной инженерии, от которой отказались общества, обладающие технологиями двадцатого века» [18, с. 30]. Средства социальных инженеров прошлого и авторов утопий, таких как агитпроп, трудовые лагеря, фрейдизм, бихевиоризм, перевоспитание, считает Фукуяма, не основаны на знании неврологической структуры или биохимической основы мозга; ни в одном из них нет понимания генетических истоков поведения, а следовательно, и нет никаких средств на них воздействовать. В ближайшие 30–50 лет такая ситуация может измениться. «По мере того как мы открываем не просто корреляцию, но фактические молекулярные связи между генами и такими чертами личности, как разум, агрессия, сексуальная идентичность, преступные склонности, алкоголизм и тому подобное, все яснее становится, что эти знания можно применить для конкретных социальных целей» [18, с. 31]. Это применение ставит этические вопросы и перед роди-

телями об улучшении качеств своих потомков, и перед политиками о допустимости вмешательств в человеческую природу, способных изменить эволюцию человеческого вида. Хотя многие из проблем связаны с вероятными путями в будущее, есть уже те пути, которые реализуются сегодня, порождая многообразие возможных сценариев развития под воздействием биотехнологий.

Сценарии возможного будущего

Каждый из них описывает различные варианты, которые могут реализоваться в ближайшие 30–50 лет, некоторые реализуются уже сегодня.

Управление поведением

В результате прогресса нейрофармакологии возникают возможности влиять на поведение личности, что уже используется психологами. Человеческая личность более пластична, чем это раньше предполагалось. Психотропные вещества используются в Америке для коррекции поведения детей и взрослых. Прозак и риталин усиливают некоторые черты характера, такие, например, как самооценку и способность к сосредоточению. Сейчас они имеют побочные эффекты и предлагаются в случае клинической необходимости, но в будущем будут использоваться на основе геномики и персонализированной медицины. С иронией или всерьез Ф. Фукуяма заявляет, что «флегматики станут живыми и веселыми, мрачные люди – открытыми и общительными. Можно будет носить одну личность в среду и совсем другую – на выходные. Не будет больше извинений подавленным или несчастным. Даже “нормально” довольные люди смогут сделать себя еще довольнее, не беспокоясь о привыкании, похмельи или повреждении мозга при долговременном использовании» [18, с. 21].

Многие исследователи обращают внимание на то, что репертуар управленческих техник в будущем значительно расширится, причем в единстве биотехнологий с другими новейшими технологиями. В списке, составленном Германом Каном, на который обращает внимание Ю. Хабермас, показано, в каких направлениях представлено большое количество техник контроля за поведением и изменением личности [20, с. 108]:

- это новые и более всеобъемлющие техники надзора, мониторинга и контроля;

- новые, более надежные «образовательные и пропагандистские техники», влияющие на частное и общественное поведение;
- практическое использование непосредственной электронной коммуникации для стимуляции работы мозга;
- новые и разнообразные лекарственные препараты для контроля над утомляемостью, релаксацией, тревожностью, настроением, личностью, восприятием, фантазиями;
- проверенные возможности «перемены» пола.

Риски управленческих техник в будущем и отчасти уже реализующиеся в настоящем в том, что человеческое поведение отщепляется от системы норм культуры и заменяется непосредственно через физическое и психологическое влияние в субсистемы типа человек–машина, в результате чего теряется субъектность человека, свобода быть автором своего жизненного проекта, своей жизненной стратегии. В этом же направлении действуют и психотехнические манипуляции, исключающие субъектную интерпретацию культурных норм. Биотехнологическое вмешательство в эндокринную систему и генетическую передачу наследственной информации может привести к еще более глубокому контролю над поведением. Вывод и оценку, которую дает Ю. Хабермас в связи с перспективами таких процессов, следующий: «Самообъективация человека была бы завершена в запланированном отчуждении – люди стали бы творить свою историю по собственной воле, но неосознанно» [20, с. 32]. Таким образом, место определенного культурой самопонимания социального жизненного мира занимает самоовеществление человека в рамках целерационального действия и адаптивного поведения с ущербностью его полноценной субъектности. Социальные последствия такого сценария – быть марионеткой, что не является привлекательной перспективой. Кроме сценария управления поведением, другой сценарий можно условно обозначить следующим образом.

Долгая жизнь и преодоление старости всеми возможными средствами

Успехи исследования стволовых клеток позволяют ученым регенерировать практически любую ткань тела для замены изношенных в процессе старения и создать условия для ожидаемой продолжительности жизни более чем за 100 лет, при этом

используя и другие технологии, например биопечать на 3-Д принтере. Эти технологии помогут преодолеть многие болезни в старости, связанные с повреждением мозга от болезни Альцгеймера до обратимости повреждений от инсульта.

Возможности биотехнологий при этом сценарии развития оказывают влияние на политику и имеют также важные социальные последствия. Продление жизни связано с демографическими изменениями. В XXI веке заметно увеличилась средняя продолжительность жизни и одновременно вместе с этим происходит резкое падение коэффициента рождаемости. Данные мониторинга этих процессов дают впечатляющую картину, представленную в Докладах о человеческом развитии в рамках ПР ООН, начиная с 1990 года по настоящее время.

Рост продолжительности жизни ставит вопросы о социальном обеспечении, о соотношении работающих и пенсионеров, о повышении пенсионного возраста, об изменении электоральной структуры населения, разделении стран не только по доходу, культуре, но и по среднему возрасту населения. Могут возникнуть и межпоколенческие конфликты, связанные с трудовой занятостью. Но самый важный вопрос, на наш взгляд, это экзистенциальный вопрос не только о количестве, но и качестве жизни. Социология медицины открыла два периода старости. Это касается, по крайней мере, людей в развитых странах. Первый период продолжается от 65 лет и иногда за 80, и человек может ожидать в этом периоде здоровой и активной жизни. Оптимистические взгляды о продлении жизни относятся в основном к этому периоду. Биотехнологии и медицина имеют достижения, относящиеся к этому периоду, которыми стоит гордиться. Но существует и вторая категория, вторая фаза старости, после 80, в которую сейчас входит большинство долгожителей в развитых странах. Это тот период, когда способности атрофируются, а человек возвращается в детство, становится зависимым. Социальный эффект возрастающей продолжительности жизни будет зависеть от соотношения численности этих двух групп, от «равномерности» будущего прогресса продления жизни, связанного не только с поддержанием здоровья тела, но и интеллектуальных, ментальных параметров духа. Взрывной рост численности второй категории может быть назван «богодельней национального масштаба». Существующая сейчас медицинская биотехнология может лишь поддержать жизнь в теле при сильно сниженном

качестве этой жизни, развивая медикализацию смерти. На эти аспекты обращает внимание ряд исследований [1]. Кроме того, сдвиг демографического равновесия в сторону этих двух категорий населения будет иметь глубокие последствия для самого смысла жизни и смерти. Во имя чего и для чего продолжающееся существование имеет смысл, даже пусть и на основе предлагаемых возможностей биотехнологий.

Успехи и риски генной инженерии

Наряду с успехами лечения болезней на основе расшифровки генома человека существуют проблемы медицинские, технические и этические, связанные с манипуляцией природой человека. Генная инженерия – самая революционная из всех биотехнологий. Сейчас генная инженерия используется в сельскохозяйственной биотехнологии для создания генетически модифицированных организмов, а следующий этап прогресса в ее применении к людям, что ставит вопрос о новом виде евгеники с вытекающими моральными последствиями по вопросу о возможности изменения природы человека. Уже сейчас осуществляются предимплантационная генетическая диагностика и скрининг человеческих зародышей с целью выявления дефектных генов, приводящих к наследственным заболеваниям. К технологии генной инженерии относится вопрос о клонировании человека, а главным успехом этой технологии будет «младенец на заказ». Это наиболее отдаленная перспектива, причем поначалу это будет привилегией очень обеспеченных людей.

На сегодняшнем этапе развития биотехнологий генной инженерии важно, что эти вопросы и проекты будущего ставятся и обсуждаются [12]. Чтобы генетическая модификация человека стала возможной, нужно более глубокое знание и понимание синергетических эффектов генома человека, что на данном этапе отсутствует, решение вопроса, связанного с этикой экспериментов на людях, внимание к последствиям вмешательства в естественное соотношение полов, которое может дать серьезные социальные последствия в демографических процессах.

На все возрастающее значение демографических проблем в современном мире, связанных со старением населения и снижением темпов рождаемости в развитых странах, указывает развитие биотехнологий, связанных с репродукцией. Это и социальная непрерывность воспроизводства человека, и биологи-

ческое продолжение вида. По мнению известного английского социолога Э. Гидденса, «биологическая» репродукция к настоящему времени является полностью социальной. Она становится полем, где превалирует множество выборов (политика стиля жизни), где «конец» репродукции как судьбы связан с «концом природы». Это означает следующее, пишет Э. Гидденс [23]:

потенциал генной инженерии представляет дальнейшее прекращение репродукции как природного процесса, то есть нарушается целевая связь между жизнью и биологической эволюцией;

перемена пола влияет не только на репродукцию, но и на физическую конституцию и проявление сексуальности, возникает проблема гендерной идентичности и самоидентичности;

репродуктивные технологии видоизменяют возрастные оппозиции между фертильностью и стерильностью;

искусственное оплодотворение и зачатие в пробирке полностью отделяет репродукцию от традиционных категорий гетеросексуального опыта.

Становится возможным суррогатное отцовство, материнство, в том числе и для использования в гомосексуальных браках. Создание новой жизни впервые становится делом обдуманного конструирования (рождение Луизы Браун 25 июля 1978 года ознаменовало прорыв в репродукции человека).

Какие технологии репродукции ждут нас в будущем и отчасти реализуются уже сегодня? В работе «Современность и самоидентичность» [23] Э. Гидденс отмечает:

- оплодотворение в пробирке, оплодотворение яйцеклетки вне тела человека;
- оплодотворенный эмбрион помещается в матку с помощью техники ДНК-амплификации (распространение);
- мужские и женские эмбрионы могут быть различены, и эмбрион желаемого пола имплантирован;
- возможна заморозка эмбриона, что дает возможность множественных беременностей без стимулирования яичников;
- возможность однояйцевым близнецам быть рожденными годы спустя отдельно друг от друга;
- проблема эктогенеза (то есть создание человеческой жизни вне тела: производство детей без беременности) и клонирование.

Какие выводы и оценки можно сделать из жизненной политики, основанной на индивидуальном выборе и современных

технологиях? Во-первых, усиливается представление у человека новой современности XXI века о том, что традиционное духовное *совершенствование* не имеет того значения, как это понималось в прошлом, на его место приходят взгляды о рациональном, прагматичном *улучшении* человека с помощью биотехнологий и телесных практик, а также свободы распоряжения телесными продуктами и частями тела. Именно поэтому Ю. Хабермас считает, что мы «на пути к либеральной евгенике» [19] и речь идет о самоинструментализации человеческого вида.

Во-вторых, индивидуальное принятие решений в сфере жизненной политики, может привести к непредсказуемым последствиям, таким как гендерный дисбаланс и дисбаланс по половому признаку, воздействуя на трансформацию институтов семьи и материнства.

В-третьих, даже если генная инженерия никогда в своих амбициозных вариантах не станет реальностью, три этапа развития биотехнологий – расширение знаний о генной причинности, нейрофармакология и продление жизни для политики XXI века будут иметь важные последствия. Они вызовут дискуссии об их влиянии на понимание концепции равенства людей, их способности к моральному выбору, они изменят наше понимание личности и идентичности, поставят вопрос о сохранении природы человека как основы его духовного и морального существования. «Изначальный философский вопрос о “правильной жизни” сегодня, по-видимому, обновляется в своей антропологической всеобщности. Новые технологии вынуждают нас вести публичный дискурс о правильном понимании культурной жизни как таковой. И у философов больше нет никаких благовидных предлогов отдавать предмет этой дискуссии на откуп представителям биологических наук и вдохновленных научной фантастикой инженеров» [19, с. 26].

В контексте новейших технологий вопрос, который Ю. Хабермас ставит для человечества в XXI веке, остается открытым, но все равно потребует определенного ответа: «Сможем ли мы рассматривать самих себя как ответственных авторов истории своей жизни и уважать других лиц как “равных нам по происхождению”, – это в известной степени зависит от того, как мы понимаем себя антропологически в качестве видовых существ. Сможем ли мы рассматривать генетическую самотрансформацию вида как путь к росту автономии отдельного человека – или

мы подорвем на этом пути нормативное самопонимание личностей, ведущих свою собственную жизнь и оказывающих друг другу равное уважение?» [19, с. 40]. Эти вопросы – предупреждение о социальных рисках биотехнологий и необходимости политического и этического контроля над биотехнологиями.

Человек будущего в новой реальности XXI века в прогнозах экспертов

Прогнозов, рисующих образ будущего и человека новой реальности XXI века, достаточно много. Мы обратимся кратко к двум работам К. Шваба [22] – президента Всемирного экономического форума в Давосе и Криса Скиннера [13] – Консультанта Всемирного банка и эксперта Всемирного экономического форума.

Работа К. Шваба опирается на обобщение опыта и взглядов ведущих мировых экспертов в области экономики и технологий, а также лидеров крупнейших корпораций. К. Шваб технологические драйверы четвертой промышленной революции распределяет по трем блокам, реализующим мегатренды: физическому, цифровому и биологическому. К физическому относятся благодаря своей материальности – беспилотные транспортные средства, 3-Д печать, передовая робототехника, новые материалы: Цифровой блок связан с Интернетом вещей, многочисленными датчиками, удаленным мониторингом, цепочками блоков – «распределенная база данных» (биткоин), цифровыми платформами и т.п. Самый впечатляющий – это биологический блок, связанный с достижениями генетики, синтетической биологии, индивидуализированной и прецизионной медицины, биологической инженерии. Снижение стоимости и упрощение генетического секвенирования окажет свое позитивное влияние. Проект «Геном человека» был осуществлен за 10 лет и стоил 2,7 млрд долларов США. Сегодня секвенирование генома может осуществляться за несколько часов при стоимости менее тысячи долларов. Важно при этом подчеркнуть главное: «Фактически наука развивается такими темпами, что на пути прогресса встают уже не технические, а юридические, нормативные и этические ограничения… При этом нам остается только найти ответ на самый трудный с точки зрения этики вопрос: каким образом генное редактирование революционизирует медицинские исследования и процедуры лечения?» [22, с. 35]

В рамках международного экспертного совета Всемирного экономического форума по вопросам будущего программного обеспечения и общества было проведено исследование и опубликован отчет в 2015 году [4]. В нем обозначены в Приложении глубинные изменения – 21 технологическое изменение и два дополненных, включающих переломные моменты, касающиеся этих технологий с примерной датой их появления на рынке. Среди них два непосредственно касающихся человека. Это нейротехнологии и спроектированные существа. В этих прогнозах, что важно, отмечаются не только положительный, но и отрицательный, а также неопределенный эффект и глубинные изменения в действии. Обратимся к одному из них.

Нейротехнологии

Переломный момент в их развитии – это первый человек с искусственно имплантируемой памятью в мозгу. Лучшее понимание того, как работает мозг, важно во всех сферах индивидуальной и социальной жизни. Сейчас активно финансируются два проекта. Проект «Человеческий мозг» в Европе и «Исследование мозга посредством развития инновационных нейротехнологий» в Америке. Они направлены на научные и медицинские исследования. Нейротехнологии также применяются для мониторинга мозговой деятельности и изменения взаимодействия мозга с миром. Например, уже в 2015 году портативность и доступность нейрошлемов дает беспрецедентные возможности.

Положительные эффекты нейротехнологий [22, с. 195–196]:

- Инвалиды отныне могут контролировать протезные конечности или инвалидные коляски при помощи мысли.
- Нейронная обратная связь, то есть возможность осуществлять мониторинг мозговой деятельности в режиме реального времени, предлагает огромное количество возможностей для успеха в борьбе с пагубными привычками, для регулирования диеты и улучшения результатов – от спортивных до академических.
- Способность собирать, обрабатывать, хранить и сравнивать большие объемы данных о мозговой деятельности позволяет нам повысить диагностику и лечение мозговых заболеваний и психических проблем.

- В судебной практике появится возможность разбираться с делами на более индивидуализированном уровне и принимать более дифференцированные решения об ответственности по уголовным делам, в отличие от типовых решений, которые применяются сегодня.
- Следующее поколение компьютеров по изучению мозга сможет рассуждать, делать предсказания и реагировать также, как это делает кора головного мозга человека.

Отрицательные эффекты:

- Мозговая дискриминация: люди – это не только их мозг, следовательно, в зависимости от ситуации, возникает риск принятия решений на основе данных о мозге в сферах от юриспруденции до управления кадрами, от потребительского поведения до образования.
- Угроза чтения мыслей, снов, желаний и отсутствие частной жизни.
- Угроза медленной, но неотвратимой утраты творчества или человеческого участия, возникающая (по большей части) в результате преувеличения возможностей наук о мозге.
- Стирание границ между человеком и машиной.

Неопределенные или одновременно положительные и отрицательные эффекты:

– культурное изменение;
– потеря человеческой коммуникации;
– повышение результативности;
– расширенные когнитивные возможности человека, приводящие к новым типам изменений.

Что касается глубинных изменений в действии, то они уже сегодня реализуются в социальной жизни. Например, суперкомпьютер Watson компании IBM на основе миллионов медицинских баз данных помогает врачам выбирать варианты лечения для сложных пациентов. Нейропротезы позволяют инвалидам контролировать искусственные конечности и экзоскелеты. Можно сделать вывод, что нейротехнологии несут в себе амбивалентные тенденции и выбор, в том числе этический, останется за человеком, на основе приоритетов иерархий ценностей, которые несет в себе нейрореволюция со своими следствиями масштабных изменений в обществе [15].

На пути к сверхчеловеку

Крис Скиннер – считает, что мы вступаем в эпоху, способную породить сверхчеловека, способного жить гораздо дольше, преодолев 100-летний рубеж, и возможно, уже родился ребенок, который проживет 150 лет. «Секрет нашего будущего долголетия таков: внутри человек станет немного машиной, а машина немного очеловечится. Робокоп уже реальность, ведь гидравлические протезы реагируют на сигналы мозга, а значит, стал возможен бионический человек. По мнению одного из ведущих футурологов, в ближайшие 35 лет появятся киборги. Добавьте в эту "солянку" возможности продления жизни, связанные с использованием нанороботов, или сохранение личности в Сети после физической смерти – и мир предстанет совершенно иным» [13, с. 39]. На пути к сверхчеловеку уже формируются технологии, способные его создать. К. Скиннер приводит топ-лист уже существующих технологий, которые меняют человечество и позволят жить по 150 и более лет. Назовем их: [13, с. 196–198] *Генетическое редактирование*. Редактируя ДНК яйцеклетки, сперматозоида или эмбриона, можно будет исправлять дефектные гены и передавать такие «генетические заплатки» следующим поколениям. Это позволит избавить от тяжелых наследственных заболеваний, защитить от инфекций, болезни Альцгеймера и возможно, от старения. При этом есть опасения, что подобная технология ведет нас к антиутопии, считает К. Скиннер, где живут «сверхлюди» и «дизайнерские дети» у тех, кто это может себе позволить.

Печать суставов на 3-Д принтере. 20 лет назад появилась технология трехмерной печати и идея создания «запчастей» для человеческого тела приблизилась к реальности. Сустав моделируется объемно, подгоняется индивидуально и после проектирования на печать уходит около 40 часов, стоимость такого сустава по сравнению с высококачественными протезами мала.

Печать человеческих органов. До сих пор технологии медицинской 3-Д печати использовались для изготовления протезов. Технологии развиваются, и 3-Д принтеры позволяют работать с вязкими материалами (коллагенами, альгинатами, фибринами), входящими в состав тканей организма, что может в будущем позволить обходиться без трансплантации органов и тканей.

Выращивание частей тела. Во всем мире ученые занимаются совершенствованием технологий по выращиванию утраченных или искалеченных частей тела.

Диагностика организма изнутри. Сегодня врачи уже пользуются нанотехнологиями, внедряя в организм человека видеокамеры, миникомпьютеры и другие устройства для более точной и точечной диагностики и результатов лечения.

Продление жизни. Хотя воскрешение людей кажется чем-то нереальным, есть компании, которые ставят такую цель. Например, стартап Humai. Реализовать это предполагается с помощью искусственного интеллекта, сохраняя информацию о мыслях и поведении людей. Собрав информацию о человеке, останется сконструировать роботизированное тело, в котором мозг продолжает жить после гибели биологического тела.

Об этом же идет речь и в других прогнозах [5]. Личность окажется оторванной от физического тела; постепенная замена органов на искусственные приведет к возникновению нового типа идентичности (людей-андроидов), для которых граница между «естественным» живым и «искусственным» живым будет размыта. «Настоящая проблема, к поиску решения которой человечество должно приступить уже сейчас, это не противостояние между искусственным интеллектом и живым индивидом, а исчезновение различия между первым и вторым. Искусственные и естественные организмы будут постепенно интегрированы друг с другом, что исключает апокалиптические сценарии противостояния людей и роботов. Однако сопутствующие изменения приведут к острой социальной проблеме, к необходимости управлять перераспределением прав между новыми разновидностями личностей» [5, с. 70–71].

Обзор возможностей, которые дают технологические и планируемые достижения четвертой промышленной революции, подводит нас к главным вопросам: что будет ценно для «сверхчеловека», которому подвластно искусственное продолжение жизни и биоинженерные технологии, жизнь в мире, где любые физические и духовные потребности могут быть удовлетворены роботами? Как быть с неравенством и возможностью закрепления его на биологическом уровне? Останутся ли в будущем ценности потребительского общества и самого капитализма, ориентированного прежде всего на экономическую эффективность? На сегодня это открытые вопросы, связанные с выбором пути в

будущее. Настоящее сегодняшнего этапа развития под воздействием технологий социологи называют биокапитализмом.

Биокапитализм: его вызовы и социальные последствия

В обществе, основанном на знаниях, которое называют «когнитивным капитализмом», быстро растет значимость наук о жизни, что дает основания называть новейшую мутацию капитализма биокапитализмом. Его суть – сопряженность наук о жизни и основанных на них технологиях и моделях экономической политики. Биокапитализм – это феномен переопределения жизни посредством процессов коммодификации [25] (Каушик Раджан). Коммерциализация наук о жизни и технологий на их основе затрагивает различные стороны человеческой жизни как целостного процесса.

В этом процессе можно, на наш взгляд, выделить три наиболее важных складывающихся тренда, в которых видны социальные последствия биотехнологий.

Экономический тренд новейшего капитализма: жизнь как самый дорогой капитал.

Этот этап описывается понятиями «тело-машина», «самосозидание», «самопредпринимательство», «жизнь как бизнес», «человеческий капитал». Человек на этой стадии развития капитализма, связанной с переходом к постиндустриальному развитию и экономике знаний, становится источником нематериальных активов, приносящих прибыль (интеллектуальный, культурный, человеческий капитал). Он выступает как «сырье», где его мотивация, творчество, гибкость, эмоциональная компетенция составляют определяющую часть капитала. Отсюда возникает установка: вкладывать в свой труд не просто профессионализм, а всего себя. Возникает «человек-предприятие», конкурентная борьба заставляет его заботиться о человеческих качествах. Труд выступает все больше и больше как работа над собой, как персональная модернизация, как самосозидание, а жизнь рассматривается в данном ключе как бизнес. А. Горц проницательно обратил внимание на сущностный момент биокапитализма, в поле воздействия которого оказывается вся жизнь целиком. «Такое самопредпринимательство ведет к тому, что

человек и вся его жизнь превращается в труд, сбывается на рынке. *Жизнь становится самым дорогим капиталом*. Граница между частной жизнью и работой размывается, причем не потому, что рабочая и нерабочая деятельность требует одних и тех же умений, а потому что вся жизнь оказывается в плену экономического расчета и стоимости» [6, с. 18]. Продажная цена рабочей силы зависит не только от производительности труда, но и самопредпринимательства в самом широком смысле, так как все стороны жизни могут быть превращены в бизнес. Продаются здоровье, красота, зачатие и т.п., и современные биотехнологии могут поспособствовать успешности такой коммерции. Этот рыночный фундаментализм показывает важнейший тренд ситуации человека новой современности XXI века – подчинение индивидуальной человеческой жизни главной цели – производству прибыли.

Второй тренд – это модель антропогенного типа производства, направленная на эффективность подготовки и участия человека в трудовой деятельности, это воспроизводство человека человеком. Человеческая жизнь должна постоянно воспроизводиться в своем качестве, отвечающем потребностям экономики, живой труд (рабочая сила) нуждается в амортизации. Итальянский исследователь К. Марацци пишет: «В экономически развитых странах складывается модель антропогенного типа, то есть модель "производства человека человеком", в которой возможности эндогенного глобального роста обеспечиваются прежде всего развитием сектора образования (вложения в человеческий капитал), сектора здравоохранения (демографическая эволюция, биотехнологии) и культуры (инновации, коммуникации, креативность). В этой модели рост непосредственно обусловлен деятельностью человека, его способностью к общению, к выстраиванию отношений, новаторству и творчеству» [10, с. 114]. Не случайно в мире актуализируется и обсуждается проблема безусловного базового дохода, нацеленная, как на вопрос амортизации при социальном воспроизводстве человеческих ресурсов, так и на решение проблем с неполной занятостью [11]. В теме воспроизводства важно отметить феномен биотехнонауки. «На когнитивной фазе капитализм преобразует отношение "капитал-труд" в отношение "капитал-жизнь"» [9, с. 124]. В такой ситуации сфера услуг расширяется настолько, что производятся не столько вещные товары, сколько жизнь, органы, тела, все, что

может коммерционализироваться, при этом новый капитализм использует арсенал конвергентных технологий. Биотехнонаука реально подчиняется капиталу, возрастает сфера именно персональных услуг – индустрий здоровья, телесных индустрий, и производство сдвигается все более в сторону воспроизводства биологического и социального в человеке и тем самым управления его жизнью.

В этой связи можно сделать важный вывод о том, что изменение персональности происходит все более под воздействием внешних факторов – технологий, а не внутренних мотиваций духовного развития личности.

Третий тренд – тренд жизненной политики (Э. Гидденс) действует в этом же направлении. Как отмечалось, жизненная политика как политика выбора индивидуального стиля жизни, формирующего самоидентичность человека как рефлексивный проект, опирается на достижение биотехнологий и связана с телесными практиками в сфере репродуктивных технологий, в выборе пола, распоряжения телесными продуктами и частями тела и т.п.

Проблема генетической дискриминации личности

Кроме доминирующих тенденций, связанных с биотехнологиями, важной проблемой с ее социальными последствиями является вопрос о генетической дискриминации личности. Выполнение программы «Геном человека» дало исследователям возможность генотипировать многие патологии и другие качества человека, однако оно же дало возможность дискриминировать людей по определенным качествам вне зависимости от того, насколько эти качества проявляются фенотипически.

Исследования в области генетики позволяют определить ряд наследственных факторов с высоким уровнем пенинтрантности, определяющих генетическую предрасположенность к ряду тяжелых психических патологий. Поэтому существуют нормы, связанные с недопуском таких людей к определенным видам деятельности. Вместе с тем камень преткновения в том, что существует нерегулируемое использование генетической информации индивида, особенно крупными корпорациями. Кроме отбора работников, их наем, увольнение и рабочая дисциплина, которые

могут осуществляться на основе отбора по гендерному, расовому, возрастному и образовательному принципам, что также характеризует дискриминационные практики и технологии социальной инженерии, возможна дискриминация или использование отбора работников на основе генетических кодов. «Ученые из Сингапура выяснили, что люди с версией гена HTR2A менее подвержены перепадам настроения и как следствие являются более покладистыми работниками. Люди с низким уровнем гормона стресса кортизола охотнее смиряются с низким текущим доходом в надежде на будущее. Высокий уровень тестостерона уменьшает способность человека работать в команде» [14, с. 271–272].

Вопрос о пренатальной и предимплантационной диагностике тоже соотносится с проблемой генетической дискриминации, так как решает вопрос, кому можно родиться, а кому – нет. Встает в этой связи ключевая морально-этическая проблема о статусе эмбриона. С какого времени это человеческая жизнь, имеющая права на жизнь и защиту в законодательном порядке. На сегодняшний день нет единого мнения и это указывает на сложность и неразрешенность вопроса об определении статуса эмбриона человека.

Обобщая многообразие направлений анализа, связанных с биотехнологиями, можно сделать вывод. Человеку, обществу, государству XXI века, существующим в мире новейших технологий, придется решать проблему амбивалентности ответов на вызовы: либо приоритет коммерции и прибыли на вершине иерархии ценностей, либо выживание человечества и ценность каждой человеческой жизни и гуманистического развития человеческой цивилизации, о которых писал И.Т. Фролов. «Теория, социология и этика биологического познания – вот те новые компоненты, диалектическое взаимодействие и развитие которых, проникающие в самое “тело науки” и становящиеся необходимым атрибутом “биологического” мышления, во многом определяют продвижение вперед биологического познания в новых и неведомых пока направлениях.

Путь движения биологического познания к человеку позволит решить многие социально-этические проблемы, связанные с сегодняшним кризисным состоянием науки в условиях капиталистического отчуждения человека и возможности практического использования исследования жизни против самого человека, против жизни вообще» [16, с. 447] (курсив мой. – *В. В.*)

Литература

1. *Агамбен Дж.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011. 256 с.; *Шизер Джулиан.* Помогает ли нам медицина? / М.: Изд-во АД Маргинем Пресс, 2019. 144 с.

2. *Бауман З.* Ретротопия / пер.с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

3. *Веряскина В.П.* Мифы, мечта и реальность века НТР в сценариях будущего // Мифология века НТР: утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений в науке. От Франкенштейна и эликсира бессмертия до «биокиборгов» и «постчеловека» / отв.ред. Г.Л. Белкина, ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 302–320.

4. Всемирный экономический форум «Глубинное изменение – технологические переломные моменты и социальное воздействие»: исследовательский отчет / Международный экспертный Совет Всемирного экономического форума по вопросам будущего программного обеспечения и общества. Ноябрь, 2015.

5. Вызов 2035 / И.Р. Агамерзян и др. Сост. В.В. Буров М.: Изд-во «Олимп-Бизнес», 2016. 240 с.

6. *Горц А.* Знание, стоимость, капитал. К критике экономики знаний // Логос, 2007. № 4 (61). С. 5–63.

7. Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке / опубликовано для Программы Развития Организации Объединенных Наций (ПР ООН). 368 с.

8. Индексы и индикаторы. Обновленные статистические данные 2018 / опубликовано для ПР ООН. 122 с.

9. *Корсани А.* Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм: информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос, 2007. № 4 (61). С. 123–143.

10. *Мараццы К.* Тело-машина и его амортизация // Когнитивный капитализм // Логос, 2007. № 4 (61). С. 114.

11. *Парайс Ван, Вандерборхт Ф.* Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики / пер. с англ. А. Гусева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. 440 с.

12. Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идо-

лах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? / отв.ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова; предисл. С.Н. Корсакова. М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.

13. *Скиннер К.* Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого / пер. с англ. О. Сивченко; науч.ред. К. Щеглова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 304 с.

14. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс / Пер.с англ. Н. Усовой. М.: Изд-во «АД Маргинем Пресс», 2020.

15. *Фернандес А., Шрироман Н., Гуревич Б., Ульер О*, 2015. «Всепроникающая нейротехнология: революционный анализ более чем 10 тыс. заявок на патенты, изменяющих медицину, здравоохранение, развлечение и бизнес». Sharp Brains. США 2006. http://sharpbrains.com/pervasive-neurotechnology/

16. *Фролов И.Т.* Избр. труды: в 3 т. Т. 1: Жизнь и познание / М.: Наука, 2002. 463 с.

17. *Фролов И.Т.* Философия и история генетики: Поиски и дискуссии. 2-е изд., стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 424 с.

18. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ОАО «Люкс», 2004. 349 с.

19. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М.: Весь мир, 2002. 144 с.

20. *Хабермас Ю.* Наука и техника как идеология. М.: 2007.

21. *Хаксли О.* О дивный новый мир. Через много лет: романы / пер. с англ. О. Сороки, В. Бабкова. Примеч. Т. Шишкиной, В. Бабкова. СПб.: Амфора, 1999. 541 с.

22. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М.: Эксмо, 2019, 209 с.

23. *Giddens A*. Modernity and Self-Identity. 1991. Stanford, California: Stanford Universirty Press. 256 p.

24. *Heidegger M.* Bask Writings (New York: Harper and Row, 1957), p. 308.

25. *Rajan K.* Biocapital. The constitution of postgenomic Life. Duke, U.P, 2006. P. 346.

V.P. Veryaskina

The Human in the New Reality of the XXI century: Biotechnological Challenges and Their Social Consequences

Abstract. In the work of guidelines for biotechnology related to the impact on humans and society in the XXI century. In this regard, the possibilities of technologies of preventive, personalized and regenerative biomedicine for the duration and quality of life, the fight against hereditary diseases, as well as the possibilities of managing behavior, the potential of neurotechnology and reproductive practices based on genetic engineering are shown. The scenarios of the image of the future person in the forecasts of experts are considered.

The author concludes that the use of biotechnology carries ambivalent trends, along with biological positive effects, there are serious risks, in particular, associated with the consolidation of social inequality at the level, social problems in connection with the use of life expectancy based on achievements and use in practice. biotechnology. The situation caused by the development of biotechnology requires choosing a path taking into account ethical, moral regulations and existential values. The synergistic effect of the implementation of biotechnologies shows the vector of the history of man of the new modernity of the XXI century.

Keywords: human, biotechnology, behavior management, preventive and personalized medicine, genetic engineering, practical philosophy, inequality, risks, future

Ф.Г. Майленова

Интернет-технологии и трансформация личности в VUCA-мире

Аннотация. Период с начала 2020 года был отмечен небывалой скоростью изменений в глобальном масштабе, которая определялась, в первую очередь, обрушившейся на мир пандемией коронавируса, с одной стороны, и кризисом аналитических институтов в области политики, экономики, финансов, образования, с другой. Все чаще в работах обозревателей и аналитиков можно встретить выражения «новая реальность», «непредсказуемое развитие ситуации», «наступивший в 2020 VUCA-мир». При этом в связи с массовым переходом на онлайн-работу и учебу огромную роль в нашей жизни стали играть интернет-технологии. Интернет с его небывалым количеством информации, которая ежеминутно обрушивается на наш мозг, все глубже врастает в нашу жизнь. Каким образом многократное ускорение ритма жизни и глобальных изменений, в частности переход важнейших аспектов жизни человека в виртуальное пространство, влияет на наши личностные и интеллектуальные качества? Как современный человек приспосабливается к жизни в постоянно меняющейся реальности VUCA-мира, каковы позитивные и негативные последствия этой трансформации? Все эти вопросы находятся в фокусе внимания множества исследователей.

Ключевые слова: трансформация личности, Интернет-технологии, VUCA-мир, мир SPOD, ускорение темпов изменения, информационные технологии, улучшение человека, самооптимизация

Введение, или Жизнь в условиях хаоса

Мы все являемся свидетелями и участниками уникального периода в жизни человеческой истории. Период с начала 2020 года был отмечен небывалой скоростью изменений в глобальном масштабе, которая определялась, в первую очередь, об-

рушившейся на мир пандемией коронавируса, с одной стороны, и кризисом аналитических институтов в области политики, экономики, финансов, образования, с другой.

Возможно, до пандемии многие не обращали внимания (или не видели) на явные примеры угрозы экономическому балансу, мир представлялся более предсказуемым. Однако уже сегодня всем становится очевидно, что хаос, который возникает в результате стремительных непредвиденных изменений практически во всех отраслях нашей жизни, будет лишь нарастать, и нам всем предстоит учиться жить в условиях этого хаоса. Все чаще в работах обозревателей и аналитиков можно встретить выражения «новая реальность», «непредсказуемое развитие ситуации», «наступивший в 2020 VUCA-мир».

Появившись в 1990-е годы, термин VUCA, который расшифровывается как volatility – нестабильность, uncertainty – неопределённость, complexity – сложность, ambiguity – неоднозначность, стал чрезвычайно популярен в бизнес-среде среди консультантов и менеджеров для описания условий, в которых работают современные компании. Придя из мира бизнеса, сегодня этот термин приобрёл более широкое толкование, и в данной статье мы говорим о человеке и его поиске своего места в мире, который сегодня характеризуется вышеперечисленными качествами VUCA.

Способность адаптироваться к новым, постоянно меняющимся условиям важна не только в работе и учёбе современного человека, но и для построения линии поведения в жизни в целом. Жить в VUCA-мире – это значит быть готовым изменяться, быть гибким и способным не цепляться за результаты предыдущего опыта в надежде воспроизвести его и получить тот же результат… Умение отбросить своё мнение, отказаться от прошлых убеждений, быстро взять на вооружение новые, а затем отбрасывать их снова и снова – эти личностные качества свойственны современным успешным лидерам, которые создали и продолжают создавать новые технологии и современные корпорации с использованием новейших технологий, и рынок будущего, по-видимому, принадлежит именно им. При этом даже головокружительный успех и баснословные прибыли не гарантируют завтрашнее благополучие. Сегодня в мире современного бизнеса нельзя достичь успеха и затем спокойно долгие годы «жить на дивиденды». Все стало настолько изменчиво, что сегодняшний успех и богатство могут внезапно исчезнуть завтра, что и

произошло, например, с ресторанным бизнесом и индустрией развлечений, ставшими убыточными в период пандемии. Серьёзные изменения и потрясения претерпевает также сфера образования.

Мир VUCA приходит на замену миру SPOD

Скорость изменений во многих отраслях жизни человека сейчас намного выше, чем десять или двадцать лет назад. Говоря о новом мире VUCA, нередко упоминают старый привычный мир, который также имеет свою аббревиатуру – SPOD-мир. Он расшифровывается: steady (устойчивый), predictable (предсказуемый), ordinary (простой) и definite (определенный), и многие из нас все ещё мысленно живут в уходящем SPOD-мире, ностальгируя по временам стабильности, когда можно было получить образование и всю жизнь работать по полученной специальности, зная, как сложится жизнь и не переживая, что предприятия могут внезапно разориться и закрыться, законы поменяться, а полученная профессия вовсе исчезнуть. Однако именно на долю ныне живущего поколения досталась тотальная трансформация картины мира – начиная с отрицания былых ценностей в связи с исчезновением страны и казавшегося незыблемым государственного строя до перестройки всей нашей повседневной жизни в результате развития новейших технологий и особенно возникновения сети Интернет и тотального внедрения ее в нашу жизнь. То будущее, о котором писали фантасты, наступило внезапно и неотвратимо, человечество в одночасье оказалось в новом мире, удивительным образом напоминающем характерные черты того самого VUCA-мира, который доселе описывал лишь новые веяния в современном бизнесе.

Термин VUCA изобрёл в 1987 году и затем распространил американский полковник и бихевиористский психолог Стефан Гаррос, который предложил концепцию VUCA для работы над решением задачи, порученной руководством Пентагона: как военным действовать максимально эффективно в непредсказуемых условиях, когда боевая обстановка постоянно меняется? Модель боевых действий полковника Гарроса включала следующие характеристики[103]:

[103] Мир VUCA и лайфхаки для успешного выживания в нем – от Lectera и Международной академии менеджмента. 20 апреле 2021. URL: https://magazine.lectera.

– ***изменчивость*** (volatility), или быстрая скорость перемещения армий (наличие реактивных истребителей и атомных подводных лодок);

– ***неопределенность*** (uncertainty), или недостаток предсказуемости (возможность вмешательства сторонних сил, которые могут коренным образом изменить ход событий);

– ***сложность*** (complexity), связанная с необходимостью эффективного управления большим количеством боевых единиц;

– ***двусмысленность*** (ambiguity), как постоянный риск получить дезинформацию.

В конце двухтысячных этот термин перекочевал в повседневную жизнь и начал использоваться в бизнес-среде, став обозначением нестабильных условий на рынке. В профессиональном бизнес-сообществе понятие «VUCA-мир» становится нарицательным и нередко упоминается в выступлениях и докладах на конференциях. XII Международная конференция BIS Summit 2019, прошедшая 4 сентября 2019 года в Москве получила название «Кибербезопасность в эпоху стратегической неопределенности. Как выжить в VUCA-мире»[104] и была посвящена информационной безопасности и новым ценностям в мире постоянно меняющихся стратегий и ежедневно обновляемых тактик.

В 2020 году в связи с обрушившейся на мир пандемией, которая уничтожила или видоизменила все имеющиеся экономические, культурные и политические связи, все процессы многократно ускорились. О VUCA-мире уже не только дискутируют, а пытаются в экстренном порядке создавать программы выживания и развития в условиях этого мира.

Автор знаменитого древнекитайского трактата «Искусство войны», посвященного военной стратегии и политике, Сунь-Цзы утверждал, что эффективные модели, созданные для успешного ведения войны, хорошо работают и в мирные времена. Так произошло и с термином VUCA – он оказался удобной моделью для описания современного мира. Слегка дополненные, четыре понятия из аббревиатуры VUCA, какими их придумал Стефан Гаррос,

---

com/ru/articles/mir-vuca-i-laifkhaki-dlya-uspeshnogo-vyzhivaniya-v-nem-ot-lectera-i-mezhdunarodnoi-akademii-menedzhmenta (дата обращения 30 мая 2021 г.)

[104] XII Международная конференция Business Information Security Summit «Кибербезопасность в эпоху стратегической неопределенности. Как выжить в VUCA-мире». Москва, 24 сентября 2019г. Организатор – Ассоциации Business Information Security (BISA). URL: https://ict2go.ru/events/12514/ (дата обращения 30 мая 2021 г.)

перекочевали сначала в мир современного бизнеса, затем стали использоваться в ещё более широком формате, уже для описания мира в целом. Считается, что выбор именно таких характеристик для описания современного мира и места человека в нем показывает, что больше нельзя рассчитывать на гарантированную стабильность в чем бы то ни было, и всем нам придётся учиться жить в мире намного более изменчивом и неопределённом, нежели он был, когда мы в него пришли. Современное расширенное толкование термина VUCA выглядит следующим образом.

– ***Нестабильность*** характеризуют неустойчивые ситуации, непредсказуемые по своей природе, скорости, объёму, динамике, изменениям. Кажущаяся стабильность может прерваться в любой момент, непонятна ее продолжительность. Многие бизнесы сегодня вынуждены вести деятельность на нестабильных рынках и в быстроменяющихся финансовых, политических, социальных обстоятельствах, к которым в последние два года прибавились ещё санитарно-медицинские, также весьма изменчивые и непредсказуемые.

– ***Неопределённость*** означает отсутствие надежной информации для прогнозирования последствий и планирования необходимых действий. То, что раньше считалось очевидным и бесспорным, утрачивает свою силу, и руководители больше не могут основывать свои решения на прошлом опыте. Например, неожиданный выход нового продукта конкурента на рынок или появление новых интернет-площадок ставит под вопрос будущее бизнеса и рынка, а технологические новинки, будучи удачно внедрены в производство, способны перевернуть рынки в самое короткое время.

– ***Сложность*** подразумевает ситуации, где много взаимосвязанных элементов и огромный объём информации – «уравнение со множеством неизвестных». Такое большое количество факторов значительно усложняет процесс принятия решения и планирования. Например, выход на международные рынки предполагает следование многочисленным новым, ранее не известным правилам и нормам, в том числе весьма серьёзное влияние могут оказать неявные культурологические нюансы.

– ***Неоднозначность*** определяется отсутствием чётких правил игры. Иногда это вызвано ситуационной новизной и сомнениями, которые могут возникнуть при попытке принимать решения в новом контексте. Переход от печатных газет, затем ТВ к циф-

ровому медиа и социальным сетям в Интернете – пример новой динамичной бизнес-модели и весьма неоднозначной ситуации, когда возможности бизнеса и поведение клиентов в новой среде ещё не изучены и не могут быть до конца известны.

VUCA-мир – это тот мир, в котором мы живем сейчас, изменчивый и сложный, где невозможно быть уверенным в завтрашнем дне на сто процентов, и сказанное верно не только по отношению к бизнесу. Придя из мира бизнеса, этот термин приобретает сегодня более широкое толкование, и теперь мы можем говорить о человеке и его поиске своего места в мире, который сегодня характеризуется вышеперечисленными качествами. Умение быстро обрабатывать информацию и принимать решение в условиях дефицита исходных данных и времени, действовать, не зная заранее результата и, возможно, будучи готовым к тому, что все может в одночасье рухнуть, кажется, эти качества – именно то, что нам нужно для успешного взаимодействия с миром. Для эффективного взаимодействия с VUCA-средой важно развивать соответствующие профессиональные и личностные навыки. Боб Йохансен в книге «Лидеры создают будущее: десять новых качеств для неопределенного мира»[105] описал качества успешных управленцев, и среди них он подчеркивает четыре главных качества, которые должны стать VUCA-ответом на вызовы VUCA-мира. Эти качества VUCA-Prime: VIsion (видение). Understanding (понимание), Clarity (ясность), Agility (быстрота), симметрично противопоставленные тем, что перечислены выше, по мнению автора, призваны помочь руководителям преуспеть в сложном и постоянно меняющемся мире современного бизнеса.

Повсеместное внедрение новейших технологий и роботов с искусственным интеллектом приводит к тому, что множество профессий, сегодня являющихся вполне успешными, могут быть заменены роботами или вовсе исчезнуть. По оценкам McKinsey, в результате развития технологий к 2030 году от 75 до 375 млн человек (а это 3–14% от общей численности рабочей силы в мире), будут вынуждены сменить свои профессии либо станут безработными[106]. По мнению агентства стратегических инициатив и

[105] Robert Johansen. Leaders Make the Future: Ten New Leadership Skills for an Uncertain World. Berrett-Koehler Publishers; 2nd edition (May 7, 2012), 275 pages. ASIN : B007QW599C. URL:https://www.amazon.com/Leaders-Make-Future-Leadership-Uncertain-ebook/dp/B007QW599C (дата обращения 30 мая 2021).

[106] McKinsey Global Institute December 2017. JOBS LOST, JOBS GAINED: WORKFORCE

Сколково, создателя Атласа новых профессий, на вымирание и попадание в карьерный тупик обречены 57 современных профессий. Многие представители популярных и распространённых сегодня профессий, таких как юрист, менеджер, администратор, водитель, диспетчер, оператор, экономист, кассир, специалист по учёту и снабжению и другие – постепенно, к 2030 году, могут потерять работу, если не пройдут дополнительного обучения[107]. Из карьерного тупика смогут выйти лишь те, кто сумеет гибко перестроиться и изменить пространство приложения имеющихся навыков, используя новые технологии, либо обучиться новой профессии. При этом постоянное изменение производства и обновление техники приводит к тому, что в развитых странах работник в среднем не менее пяти раз в течение трудовой жизни меняет специальность. Как говорят специалисты, сегодня так называемое непрерывное образование – это не вопрос выбора, а уже данность, с которой нельзя не считаться. И именно в обучении, которое сейчас продолжается буквально всю жизнь, и готовности меняться люди ищут и находят новые возможности, пути и направления развития, чтобы не просто выжить, а быть успешными в стремительно меняющемся мире.

Трансформация личности в условиях VUCA

Умение мгновенно принимать решения и не тратить время и силы на долгие размышления, ориентироваться в технологических новинках и интернет-ресурсах, которые также постоянно меняются и обновляются, «поймать волну», быстро менять стратегию, чтобы опередить конкурентов, – все эти качества касаются не только работы и бизнеса, они затрагивают уже саму суть личности. Стать эффективным, устойчивым к стрессам, быстрым и решительным, обрести способность не просто приспособиться к постоянно меняющимся условиям, а полюбить перемены и научиться их оборачивать в свою пользу – всему этому готовы обучить современные коучи, которые повсеместно заменили вчерашних психотерапевтов.

TRANSITIONS IN A TIME OF AUTOMATION. URL: McKinsey (дата обращения 30 мая 2021 г.).

[107] ПРОФЕССИИ-ПЕНСИОНЕРЫ – 57 ПРОФЕССИЙ // БУДУЩЕЕ РЫНКА ТРУДА. Агентство стратегических инициатив, Сколково. URL: https://atlas100.ru/future/ (дата обращения 30 мая 2021 г.).

Однако так ли радужно обстоят дела в этом пространстве самосовершенствования? Карл Седерстрём и Андре Спайсер, профессора бизнес-школы в области организационных исследований, в своей книге «Отчаянно ищущий саморазвития: год внутри движения по совершенствованию»[108] называют тенденцию к самооптимизации «амбициозным нарциссизмом» и утверждают, что бесконечная изнурительная гонка за совершенством ведет не к обретению, а к потере себя.

Нельзя отрицать важность коммерческого успеха для человека, и наиболее успешные люди обладают также особыми чертами характера и интеллектуальными стратегиями, которые стремятся изучить и использовать специалисты в области консультирования и психотехнологий. Между тем не только бизнес-структуры и политические системы, но и современный мир в целом, так же как и каждый человек в отдельности, при постоянно развивающемся и ускоряющемся технологическом прогрессе становятся более и более уязвимыми. В среде специалистов все чаще слышатся тревожные сигналы, что столь стремительное ускорение жизни, сопровождаемое вторжением в неё Интернета, пагубно сказывается на когнитивных способностях нашего мозга.

Благодаря цифровым технологиям и сети Интернет скорость и объём получаемой информации возросли настолько, что обычный человек чаще всего попросту не успевает даже уследить за тем миром, в который он оказался заброшен. Скорость восприятия и реагирования нередко оказывается сопряжена с поверхностным, недостаточно глубоким пониманием и неумением анализировать информацию, количество которой, по-видимому, чрезмерно для нормальной работы нашего мозга. Современная эпоха Интернета диктует свои законы и правила, следуя которым человек вынужден менять свои привычки, стиль жизни, и эти изменения могут оказаться гораздо более глубинными, чем мы привыкли думать.

Интернет-технологии: какова цена быстроты и удобства?

Человечество с энтузиазмом восприняло новые возможности, которые даровало появление интернета. И если старшее поколе-

[108] Carl Cederström; ANDRÉ SPICER. Desperately Seeking Self-Improvement: A Year Inside the Optimization Movement. November 2017 DOI: 10.2307/j.ctv62hfwn ISBN: 9781682191026 Stockholm University.

ние ещё может вспомнить и сравнить «доинтернетовские» времена и сегодняшние, то подрастающее поколение, родившееся в эпоху интернета, уже имеет совершено другую картину мира. С каждым днём появляется все больше невероятно удобных новинок и усовершенствований, которые призваны служить росту продуктивности и эффективности. Можно не тратить время на рутинную часть работы, отдав ее различным умным приложениям, а самим заниматься наукой и творчеством.

Однако выяснилось, что пользователи интернета не просто не сумели с пользой распорядиться временем, сэкономленным от рутинных дел, напротив, у них его перестало хватать даже на то, на что ранее время находилось, – на общение с близкими, на просмотр классических фильмов, на неспешное вдумчивое чтение книг и серьезных содержательных статей. Из удобного инструмента Интернет все больше превращается в пространство жизни, и его влияние порождает изменения не только в образе жизни, но и в интеллектуальных способностях. Николас Карр в своём эссе с говорящим названием «Google делает нас глупее?»[109] предпринимает попытку показать, как интернет влияет на наш мозг и неотъемлемые продукты его деятельности – память, внимание, мышление, восприятие себя и мира вокруг. И автор далёк от оптимизма, о чем можно судить как по названию этого эссе, так и его знаменитой книге «ПУСТЫШКА. Что Интернет делает с нашими мозгами»[110], ставшей Номинантом Пулитцеровской премии 2011 года (Нехудожественная литература). Сравнивая эпоху печатной книги, научившей человечество фокусировать своё внимание, позволяя развиться особому глубокому типу мышления и творчества, и эпоху Интернета, которая стала питать мозг мелкими кусочками информации из множества разрозненных источников, Николас Карр делает вывод, что Всемирная сеть с ее ценностями скорости и оптимизации переформатирует не только наше мышление, но и наши эмоции, и нашу мораль.

Постепенно теряя способность к концентрации, размышлению и глубокой рефлексии, мы получаем взамен навык бы-

---

[109] Nicholas Carr. Is Google Making Us Stupid? What the Internet is doing to our brains. / The Atlantic.TECHNOLOGY. July/August 2008. Электронный ресурс: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868/ (дата обращения 15 ноября 2020 г.).

[110] Карр Николас Дж. ПУСТЫШКА. Что Интернет делает с нашими мозгами / пер. Миронова П.В. М.: Изд-во BestBusinessBooks, 2012. 256 С.

строго скольжения на поверхности информационных волн, не вникая в суть и не задерживаясь ни на чем подолгу. Мобильный интернет предоставляет возможность обращаться к источнику информации в любой момент и практически повсеместно, но за это невероятное удобство мы расплачиваемся ежедневными человеко-часами, буквально «пожираемыми» сетью, в которой идёт постоянная борьба за наше внимание. А ведь внимание – это наша жизненная и психическая энергия, которую мы столь легко и бездумно растрачиваем на сомнительного качества статьи без автора, развлекательные видеоклипы, различные игры и «желтые» новости, которыми переполнена есть Интернет, и кто-то впоследствии конвертирует эту энергию в свою прибыль. Однако пока что этот путь не столь очевиден, как прежняя товарно-денежная схема, и многие по-прежнему не замечают того колоссального ущерба, который нам наносит «бесплатная» всемирная сеть интернет. Этот ущерб обернут в упаковку пользы, удобства и удовольствия, так как, кроме прочего, программы в социальных сетях устроены так, что мозг человека постоянно получает дозы пассивного удовольствия, которые мало-помалу порождают зависимость: многие пользователи уже не могут не заглядывать поминутно в социальные сети, постоянно проверяют электронную почту, не будучи способными контролировать свою тягу. Утверждение о том, что интернет-зависимость имеет ту же природу, что и зависимость от алкоголя и наркотиков, уже не вызывает удивления и возражения в среде специалистов, на сегодняшний день это доказано с помощью различных исследований. Одно из первых таких исследований было проведено группой китайских ученых под руководством Хао Лэя из центра магнитно-резонансных исследований в городе Ухань в Китае в 2012 году[111]. В результате исследования была выявлена связь между интернет-зависимостью и поражением белого вещества головного мозга в областях, отвечающих за эмоциональную обработку данных, принятие решений и когнитивный контроль. Подобные патологические изменения белого вещества головного мозга также ранее были зафиксированы при различных химических формах зависимости, в частности при употреблении алкоголя и кокаина.

[111] Интернет-зависимость меняет головной мозг. 13 января 2012 // BBC. Русская служба. – URL: https://www.bbc.com/russian/science/2012/01/120112_internet_addiction_brain (дата обращения 15.11.2020 г.).

Николас Карр в своих публикациях также подчёркивает, что в результате постоянного браузинга и бесконечного движения от одной ссылки к другой с задержкой на каждой странице не более нескольких мгновений нужная и важная информация вытесняется из оперативной памяти, не успевая отложиться в долгосрочной. Мы не просто не вникаем в суть того, что мы читаем, смотрим или слушаем, со временем обнаруживается, что в тех случаях, когда мы встречаем нужную нам информацию, осознаём это и пытаемся на ней сосредоточиться, мы сталкиваемся с тем, что нам трудно понимать и усваивать ее, несмотря на усилия. Более того, подобные усилия, которые необходимы для восприятия серьёзной (не развлекательной) информации даются все тяжелее, начинают казаться непосильным напряжением. Видимо, мы живем с постоянно уставшим мозгом, который работает (увы, без особых результатов) постоянно, и поэтому выходит из строя, подобно тому как постоянное переедание вредной едой выводит из строя организм человека, в то же время оставляя его голодным из-за недополучение полезных веществ.

Как утверждает Эрик Франсен (Erik Fransén)[112], научный сотрудник Стокгольмского королевского технологического института, человеческий мозг может быть перегружен потоком информации, стекающей с экрана нашего компьютера, и забивая оперативную память новыми единицами постоянно наплывающей информации, мы всё сильнее расшатываем наши когнитивные фильтры и теряем действительно важные данные. Он говорит, что мозг может легко стать жертвой информационной перегрузки даже после обычного сеанса просмотра социальных сетей, в результате меньше информации из рабочей памяти попадает в долгосрочное хранилище. Полностью отдаваясь во власть новых информационных привычек, мы теряем возможность не только эффективно работать, но и способность к креативному мышлению. Будучи наполнен до отказа готовыми образами, взятыми из сети, наш мозг постепенно перестаёт продуцировать свои собственные. В результате мы имеем парадокс: общее снижение интеллектуального уровня в эпоху не бывалой ранее доступности информации и образования. Удастся ли нам воспользоваться благами и удоб-

[112] *Erik Fransén.* Online Time Is A Brain Buster // RedOrbit. September 20, 2013. – URL: https://www.redorbit.com/news/science/1112953779/facebook-social-media-affects-on-brain-short-term-working-memory-neurons-092013/ (дата обращения 01.12.2020 г.).

ствами, предоставляемыми нам Интернет-технологиями, не расплачиваясь за это утратой важнейших интеллектуальных возможностей и способностей, – в определённой мере зависит от каждого из нас.

Заключение

Прежний мир, в котором многие из нас родились и выросли, так называемый SPOD-мир, безвозвратно уходит в прошлое. Все наши навыки и жизненные установки, которые были успешны в устойчивом (steady), предсказуемом (predictable), простом (ordinary) и определенном (definite) мире SPOD, уже не работают, и в перспективе, как полагают авторы этой теории, всем нам предстоит перестроиться для жизни в VUCA-мире – изменчивом, нестабильном (volatility), неопределённом (uncertainty), сложном (complexity) и неоднозначном (ambiguity), видимо, развив соответствующие личностные качества. Однако все ли подобные изменения желательны? Какова цена, которую мы платим за скорость, мобильность и умение понимать решения, не опираясь на авторитеты и длительный опыт? Предельно облегчённый поиск и доступность информации благодаря интернет-технологиям, дающий иллюзию обладания всеми знаниями мира, снижает ценность науки и всестороннего образования. Учитывая, что все эти изменения происходят при тотальном вторжении сети интернет в нашу повседневную и частную жизнь, представляется актуальным всестороннее междисциплинарное исследование культурного, интеллектуального и мировоззренческого влияния Интернета на человека и его природу. Интернет из удобного инструмента познания превращается в среду обитания нашего сознания. Тревога по поводу тех трансформаций, которым подвергается наш мозг и соответственно мышление, усиливается в связи с наблюдаемой зависимостью от интернета людей всей возрастов.

Не превращается ли искусственный интеллект из помощника в хозяина нашей жизни? Сможет ли человек будущего остаться разумным пользователем тех технологических изобретений, которые вторгаются все глубже в его жизнь, и не превратиться в бездумное существо, без конца потребляющее пассивные удовольствия и не способное критически мыслить и творить?

Литература

1. *Карр Николас Дж.* Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами / пер. П.В. Миронова. М.: Изд-во BestBusinessBooks, 2012. – 256 С.

2. Мир VUCA и лайфхаки для успешного выживания в нем – от Lectera и Международной Академии менеджмента. 20 апреле 2021. URL: https://magazine.lectera.com/ru/articles/mir-vuca-i-laifkhaki-dlya-uspeshnogo-vyzhivaniya-v-nem-ot-lectera-i-mezhdunarodnoi-akademii-menedzhmenta (дата обращения 30 мая 2021 г.).

3. ПРОФЕССИИ-ПЕНСИОНЕРЫ – 57 ПРОФЕССИЙ // БУДУЩЕЕ РЫНКА ТРУДА. Агентство стратегических инициатив, Сколково. URL: https://atlas100.ru/future/ (дата обращения 30 мая 2021)

4. *Carl Cederström; André Spicer*. Desperately Seeking Self-Improvement: A Year Inside the Optimization Movement. November 2017 DOI: 10.2307/j.ctv62hfwn ISBN: 9781682191026 Stockholm University

5. *Erik Fransén*. Online Time Is A Brain Buster // RedOrbit. September 20, 2013. – URL: https://www.redorbit.com/news/science/1112953779/facebook-social-media-affects-on-brain-short-term-working-memory-neurons-092013/ (дата обращения 01.12.2020 г.).

6. *Nicholas Carr*. Is Google Making Us Stupid? What the Internet is doing to our brains. / The Atlantic.TECHNOLOGY. July/August 2008. Электронный ресурс: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868/ (дата обращения 15 ноября 2020 г.).

7. McKinsey Global Institute December 2017. JOBS LOST, JOBS GAINED: WORKFORCE TRANSITIONS IN A TIME OF AUTOMATION. URL: McKinsey (дата обращения 30 мая 2021 г.).

8. *Robert Johansen*. Leaders Make the Future: Ten New Leadership Skills for an Uncertain World. Berrett-Koehler Publishers; 2nd edition (May 7, 2012), 275 pages. ASIN : B007QW599C. URL:https://www.amazon.com/Leaders-Make-Future-Leadership-Uncertain-ebook/dp/B007QW599C (дата обращения 30 мая 2021 г.).

9. Интернет-зависимость меняет головной мозг. 13 января 2012 // BBC. Русская служба. – URL: https://www.bbc.com/russian/science/2012/01/120112_internet_addiction_brain (Дата обращения 15.11.2020 г.).

10. XII Международная конференция Business Information Security Summit «Кибербезопасность в эпоху стратегической неопределенности. Как выжить в VUCA-мире». Москва, 24 сентября 2019г. Организатор – Ассоциации Business Information Security (BISA). URL: https://ict2go.ru/events/12514/ (дата обращения 30 мая 2021 г.).

F.G. Maylenova

Internet Technologies and Personality Transformation in the Vuca-World

Abstract. **The period since the beginning of the year 2020 has been marked by an unprecedented speed of change on a global scale driven primarily by the coronavirus pandemic that befell the world on the one hand and the crisis of analytical institutions in politics, economics, finance and education on the other. More and more often in the works of observers and analysts one can find the expressions «new reality», «unpredictable developments», «the VUCA world of 2020». And with the general shift to online work and learning, internet technology has played a huge role in our lives. The internet, with its enormous quantity of information that is bombarding our brains on a minute-by-minute basis, is becoming more and more ingrained in our lives. How does the multiple acceleration of the rhythm of life and global changes, in particular the move of crucial aspects of human life into virtual space, affect our personal and intellectual qualities? How modern humans are adapting to life in the ever-changing reality of the VUCA-world, what are the positive and negative consequences of this transformation – all these questions are in the centre of attention of many researchers.**

Keywords: **personality transformation, Internet technologies, VUCA-world, SPOD world, accelerating the pace of change, information technology, human improvement, self-optimization**

Р.Р. Белялетдинов

В поисках нового понимания субъекта: нейроисследования морали и рациональная модель автономии

Аннотация. **Представление о рациональном автономном субъекте активно развивается в связи с приростом нейробиологического знания. Эмоции сегодня рассматриваются не как побочный продукт мышления, мешающий формировать ясное представление, а в качестве важного, если не ключевого, мотиватора, задающего вектор рациональных конструкций. Быстроразвивающаяся область знания – исследования просоциального поведения – заставляет задуматься над тем, что рациональный субъект множественен по меньшей мере в том, что касается собственно самого суждения и эмоций, которые могут быть с ним связаны. В статье проводится сопоставление концептуально-субстанциалистского и нейробиологического морального субъекта.**

Ключевые слова: **автономия, моральный субъект, просоциальность**

Представление о субъекте как о рациональном автономном акторе укоренилось в философии как ключевая историко-философская модель человека. Боэций, выражая квинтэссенцию античного представления о человеке, определяет его как «индивидуальную субстанцию разумной природы»[113]. Через одиннадцать веков Декарт рассматривает мышление как условие существования, утверждая: “cogito ergo sum”. Еще через два века у И. Канта мы читаем: «…он [человек] субъект морального закона, который свят в силу автономии своей свободы»[114]. Рациональная моральная автономия субъекта рассматривается как условие подлинной целостности не только в теоретическом, но и практическом значении. Проблема рационального самоубий-

113 *Неретина С.С.* Боэций: древо творения // Ориентиры… М., 2006. №. 3. С. 98–132. С. 120.

114 *Кант И.* Критика практического разума // Соч. В 8 т. Т. 4. М: Чоро, 1994. С. 478.

ства, возникшая в контексте биоэтики уже в середине XX века, не может быть преодолена в силу невозможности нарушения теоретической целостности рационального субъекта, который сам по себе является не только разделенным на аргументацию и сам акт действия, но и одновременно единым и неразрушимым по своему содержанию. Философский анализ показывает, что допустимо только *теоретическое* решение о возможности разрушения рационального субъекта через самоубийство, но не само исполнение разрушения рационального субъекта, которое вступает в фактическое противоречие с самим носителем принятого рационального решения[115].

Между тем концептуальная модель рационального автономного субъекта в последние двадцать лет активно развивается в связи с приростом нейробиологичекого знания, с одной стороны, и технологий исследования мозга, с другой. Эмоции, как выясняется, не побочный продукт мышления, часто мешающий формировать ясное представление, а важный, если не ключевой, объект исследований, который, как предполагается, задает характер и содержание рациональных конструкций. Быстроразвивающаяся область знания – исследования просоциального поведения – заставляет задуматься над тем, что рациональный субъект множественен по меньшей мере в том, что касается собственно самого суждения и эмоций, которые могут быть с ним связаны.

В этом свете феномен морального поведения – сложноорганизованный процесс, опосредованный социальными нормами и философскими принципами. Он воспринимается человеком в период формирования в семье, в процессе образования и в ежедневной социальной практике. Между тем поведение опосредуется аффективными (изучаемыми моральной психологией) и биологическими (нейропептидными и генетическими) причинами. В большинстве случаев первичным стимулом морального поступка является интуитивная аффективная реакция, связанная с неприятием определенного действия или события вне рационального объяснения. Базовая часть того, как человек *устроен* морально, лежит в понимании «биомеханики» морали, в том, до какой степени нравственные поступки когнитивны, как соотносятся когнитивно-семантические и поведенческие уровни и насколько более высокий уровень организации морали, прежде

[115] *Юдин Б.Г.* Возможно ли рациональное самоубийство // Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 294.

всего философско-интеллектуальный, может воздействовать на биологические процессы.

Просоциальность как результат переноса простейших функций сохранения потомства на социальную организацию и перестраивание механизмов нейропептидного стимулирования для вознаграждения/подавления поведенческих стратегий – один из ключевых тезисов биологической экспансии нейробиологий в область этики. Он опирается на эволюционную нейробиологию – процесс изменения специализации нейропептидов.

Система вознаграждения/наказания в социальном поведении могла возникнуть на основе инверсии рептильного «страха и оцепенения» в «неподвижность без страха» – навыка, необходимого для выкармливания потомства у млекопитающих благодаря анатомическим особенностям мозга[116]. Один из старейших нейропептидов, окситоцин, изначально отвечавший за стимуляцию питания и безопасность собственного организма, в процессе эволюции и естественного отбора менял свою функциональность и стал важным элементом построения устойчивых парных связей у животных. Прерийные полевки, а также некоторые приматы строят устойчивые отношения именно по причине их опосредованности функционированием окситоцина в гипоталамусе. Разрыв отношений или ограничение общения эти животные переживают как беспокойство, нейробиологически выражающееся в повышении кортикотропин-рилизинг фактора.

Усложнение социальной системы людей в процессе развития человеческого общества, возникновение устойчивых коммуникаций, признание/непризнание определенных типов действий через одобрение или изгнание опосредовано трансфером функций нейропептидов, некогда ответственных за воспитание потомства, а теперь отвечающих на стимуляцию поведенческих стереотипов, определяющих отношения свой/чужой, норма/девиация, друг/враг. Изоляция, изгнание, прекращение общения – формы наказания не только на социальном уровне, но и на уровне биохимии мозга.

Этическое одобрение или непризнание могут быть и не опосредованы когнитивным актом и установлением причинно-следственных связей или применением руководящих этических принципов. Ряд психологических исследований, посвященных

[116] *Wiseman H.* The myth of the moral brain: The limits of moral enhancement. MIT Press, 2016. C. 49.

моральной реакции на аморальные, но вместе с тем безопасные триггеры, показывает, что испытуемые переживают неприязнь к определенным, не несущим вреда действиям, но не могут объяснить эту неприязнь в терминах рационального морального осуждения.

М. Хейд и Дж. Херш провели сравнительное исследование реакции либерально мыслящих и консервативно настроенных респондентов на нехарактерные (но при этом безвредные для окружающих) сексуальные практики и обнаружили аффективно-интуитивную реакцию, для которой предложили термин «моральная ошеломленность» (dumbfounding)[117], которая характеризуется смятением и неспособностью объяснить моральную ситуацию с точки зрения причинно-следственных, то есть когнитивных, связей. Этические рациональные основания, когда разум направляет моральное суждение, вовсе не гарантируют, что опровержение рациональных обоснований изменит убеждения респондентов. Убеждения имеют под собой аффективную структуру и всегда найдутся иные рационально оформленные обоснования для аргументации убеждений, опровержение которых будет столь же бессмысленно. В этой связи доказательное опровержение некоторых поведенческих стратегий контрпродуктивно[118].

Представление о морали как о дедуктивной машине, транслирующей контринтуитивные универсальные максимы, плохо соотносится с реальными импульсами поступков, оцениваемых как моральные или аморальные.

Отсутствие связи между когнитивной интерпретацией действия и самим действием выявляется в «играх доверия»[119]. Назальное администрирование[120] нейропептида окситоцина повышает на 17% доверие между партнерами и количество заключенных коммерческих сделок при сопоставлении с контрольной группой, но только при условии социальной коммуникации[121] и

---

117 *Haidt J., Hersh M.A.* Sexual morality: The cultures and emotions of conservatives and liberals 1 //Journal of Applied Social Psychology. 2001. Т. 31. №. 1. С. 191–221.

118 Там же.

119 *Suhler C., Churchland P.* The neurobiological basis of morality // The Oxford handbook of neuroethics. 2011. С. 52.

120 *Born J. et al.* Sniffing neuropeptides: a transnasal approach to the human brain // Nature neuroscience. 2002. Т. 5, №. 6. С. 514–516.

121 *Kosfeld M. et al.* Oxytocin increases trust in humans // nature. 2005. Vol. 435. No 7042. С. 673–676.

ведения переговоров с реальным контрагентом (при заключении сделок с роботизированным контрагентом этот параметр не изменяется).

Нейробиологический механизм поощрения и наказания определенных действий не ограничивает автономию, он уже существует как биологическая структура, будучи частью социальной коммуникации и влияя на признание/непризнание социальных практик и явлений, окрашивая отношение к ним как одобрение или предубеждение/исключение, в некоторых случаях в обход интеллектуальным усилиям. Обращение к этим, уже немного изученным нейробиологическим механизмам как структурам, которые могли бы войти в биотехнологию морального биоулучшения, в целом соответствует распространению социально-медикализированных концепций.

Однако намерение сделать человека моральным, то есть переосмыслить рационального морального субъекта вне его собственной компетенции в определении того, что морально, а что нет, значительно сложнее. Активное вмешательство и некогнитивное редактирование устойчивых моделей поведения, когнитивных с точки зрения философии и автономных с точки зрения биоэтики, проблематизирует этику как сферу философии и биоэтику как сферу автономии, так как подразумевает фактическое создание нового морального субъекта с редактируемой автономией.

Проблема нового субъекта

Нейробиологические модели-репрезентации эмпатии и эмоций позволяют рассматривать субъекта как внутренний асоциальный процесс, а социальное поведение – как результат этого внутреннего процесса. Если условно «старый» моральный рациональный субъект субстанциален как целое автономное Я, то рядом с ним возникает новый, понятный в терминах объективации эмоций, поведения и морали множественный субъект, состоящий из суммы нейробиологических процессов, формирующих его синтетическое Я – результат взаимодействия изолированных от социума (наследуемых) нейробиологических процессов и социальной среды.

Проблема нейрообъективации морали – пожалуй, один из заметных философских дискурсов, возникших в западной фи-

лософии и биоэтике в последние 15 лет и связанных с попыткой превращения нейроисследований морали в социогуманитарную концепцию. Первоначально предложенная И. Перссоном и Дж. Савулеску концепция морального биоулучшения вытекает из экологического алармизма и распространения технологий, использование которых создает все условия для реализации сценариев «абсолютного вреда» – нанесения крайнего ущерба всему живому. С технической точки зрения? они предлагают использовать такие нейробиологические механизмы, как способность нейромедиатора серотонина подавлять агрессию, а окситоцина – поддерживать различные формы просоциального поведения[122]. Расширение не только знаний, но и нейробиологических решений, которые способствовали бы управлению мотивацией человека действовать морально в ситуациях, в которых ему свойственно пренебрегать интересами другого человека, не прибегать к эксплуатации, насилию и т.п., может стать гарантией развития функциональных биотехнологических форм улучшения человека.

Если предположить, что моральное поведение – это нейропроцесс, то есть и «сломанные» нейропроцессы, которые должны свидетельствовать о различении условной нормальности и девиантности. В 2009 году ученые в Кембриджском университете определили 27 генов, связанных с синдромом Аспергера, аутизмом и эмпатией. Позднее было доказано[123], что способность определять и понимать эмоции других людей генетически детерминирована. Участники исследования проходили тест «Определение когнитивного состояния по глазам», в ходе которого они должны были назвать характер когнитивной деятельности людей, видя только область их глаз на фотографии (задумчивый, веселый и т.п.). В задачу ученых входил поиск генетических полиморфизмов, которые бы коррелировали со способностью восприятия эмоций другого человека. В исследовании авторы ссылаются на открытие о расположении гена LRRN1 в третьей хромосоме. Этот ген экспрессирует в полосатое тело – область мозга, связанную с когнитивной эмпатией. Тот факт, что этот ген чаще встречается у женщин, объясняет, почему женщины более склонны к эмпатии, чем мужчины.

---

[122] *Savulescu J., Persson I.* Moral enhancement, freedom and the god machine // the Monist. 2012. Vol. 95. No 3. P. 667.

[123] *Rakić V.* Genome Editing for Involuntary Moral Enhancement // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2019. Vol. 28. P. 46–54. DOI:10.1017/S0963180118000373/

Другой пример гипотетически детерминированного поведения – наличие гена MAOA (neurotransmitter-metabolizing enzyme monoamine oxidase A). Низкий уровень экспрессии этого гена ассоциируется с агрессивностью молодых мужчин[124], выросших в неблагополучной среде. Дети, подверженные насилию и обладающие генотипом, в котором реализуется высокая экспрессия гена MAOA, в меньшей степени склонны к антисоциальному поведению.

Выбор между волей и благом представляет собой значительно более радикальный подход к морали как необходимому конститутивному свойству человеческой природы. С другой стороны, этот выбор опирается на новые знания, объясняющие биологические основания этики. Вместе с тем идея морального биоулучшения в целом хорошо соответствует биоинженерному характеру гибридной технонауки, в основании которой лежит концепция эпистемного сдвига[125]: применение новейших технологий без тщательного исследования побочных, не только биомедицинских, но и социальных последствий. Взамен предлагается революция в организации поведения человека.

Концептуальная проблема морального поведения

Моральное рациональное поведение в оптике нейронауки – скорее биологизированное явление, в отличие от в классической моральной философии, где основанием морального поведения служат либо рациональные аргументы и ценностные модели, либо стремление приумножения блага. С точки зрения нейробиологии, моральное поведение является процессом, управление которым лишь частично принадлежит сознанию, а значит, и моральному субъекту. Пожалуй, один из основных выводов концепции морального биоулучшения состоит не в том, что автономия может быть ограничена или нейротехнологическая утопия морального биоулучшения может быть противопоставлена концепции традиционного морального воспитания. Основной вызов,

[124] *Rakić V.* Genome Editing for Involuntary Moral Enhancement // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2019. Vol. 28. P. 46–54. DOI:10.1017/S0963180118000373/

[125] Rommetveit, Wynne 2017 – *Rommetveit K., Wynne B.* Technoscience, imagined publics and public imaginations // Public Understanding of Science. 2017. Vol. 26. No 2. P. 133–147. DOI: 10.1177/0963662516663057/

который сформировался в связи с осознанием возможности морального биоулучшения, – это насколько уязвим и вместе с тем, возможно, устойчив статус рационального автономного актора.

Кризис модели рационального морального субъекта, таким образом, связан не с возникновением новой философской концепции морального субъекта, а напротив, с развитием естественных наук и нейровизуализацией, а также со становлением концептуальных подходов к созданию нейросетей и искусственного интеллекта, которые проблематизируют морального субъекта и его рациональную мотивацию, требуя его существенного рефлексивного до-осмысления в этике и биоэтике.

Если обратиться к дискуссии, которая возникла между сторонниками и противниками морального биоулучшения, то можно отметить, что противники морального биоулучшения человека приводили аргументы, суть которых сводилась не столько к попытке осознать, как трансформируется субъект морали внутри нейробиологии, сколько к тому, что философские модели морального субъекта обладают абсолютной ценностностью, а отказ от них изменит общество. Так, Бьюкенен говорит о социогуманитарных последствиях раскола общества в силу трансформации моральной мотивации[126], Дж. Харрис абсолютизирует аутентичную свободу как условие существования человека[127], а Х. Вайзман указывает на нередуцируемость морального акта[128], имеющего одновременно культурное и эмоциональное происхождение.

Между тем проблема состоит не столько в том, что моральный субъект не может становиться объектом трансформации, сколько в том, что моральный субъект получает новую структуру, которую еще следует осмыслить. Можно это сделать достаточно прямолинейно, как предлагает В. Ракич, интерпретируя моральное поведение как механизм, который, в конечном счете, будет понят (можно представить мозг как опыт телесного осмысления историй и их репрезентаций, отказавшись от прямого редукционизма)[129]. Можно представить моральное поведение как систему

[126] *Buchanan A.* Moral status and human enhancement. Philosophy & Public Affairs, 2009, 37. P. 346–381.

[127] Харрис 2019 – *Харрис Дж.* Моральная слепота – дар Божественной машины/ пер. с анг. Р.Р. Белялетдинова // ΠΡΑΞΗΜΑ. 2019. 4 (2). С. 244–253.

[128] *Wiseman H.* The myth of the moral brain: The limits of moral enhancement. MIT Press, 2016.

[129] *Rakić V., Wiseman H.* Different games of moral bioenhancement // Bioethics. 2018.

глобальной безопасности, следуя концепции Савулеску. Так или иначе, сама концепция автономии как продукт рефлексивных желаний, свободы и преследования собственных интересов существенно расширяется в силу обретения новых знаний относительно работы мозга.

Насколько метатеории морали, такие как утилитаризм и деонтология, могут стать регуляторами нового понимания морального субъекта и его автономии и как именно это может происходить? – вопросы, на которые может быть дано множество самых разных ответов. Тем не менее некоторые ответы складываются не столько на теоретическом уровне, как в рамках обсуждения идеи морального улучшения, сколько и на практическом – при обсуждении конкретных ситуаций, где возможно перераспределение автономии в пользу просоциального блага или, напротив, при необходимости обратного перераспределения блага в пользу автономии. Важно принимать во внимание то, что сама граница автономии становится более гибкой и подвижной, а ее ограничение оказывается предметом нейробиологии, а не исключительной территорией прямого легального или физического запрета правового регулятора.

Вместе с тем сама проблема рациональной автономии оказывается связанной как с естественной автономией, данной от рождения, так и с концептуальной автономией – правом нейробиологической регуляции, ограничения, либо расширения, способности к принятию автономных решений, например, за счет контроля эмоционального поведения. Границы рациональной автономии теперь могут рассматриваться не только как абсолютное право, но и как необходимость защиты права на абсолютное право на автономию, которое может быть просто стерто из рефлексии, как на это указывает Дж. Харрис[130]: мы можем иметь заграничный паспорт и знать, что можем им воспользоваться, – и ни разу его не использовать, а можем иметь этот паспорт, но не знать, что он у нас есть. Ограничение автономии через управление нейроэмоциональными механизмами – это как раз способ «забыть» представление о том, что сама способность автономии обладает статусом существования. Поскольку нейробиологические исследования морали постепенно объективируют базовые

Vol. 32. No. 2. – С. 103–110, doi: 10.1111/bioe.12415/

[130] Харрис 2019 – *Харрис Дж.* Моральная слепота – дар Божественной машины / пер. с анг. Р.Р. Белялетдинова // ΠΡΑΞΗΜΑ. 2019. 4 (2). С. 244–253.

моральные мотивации, превращая их в объект, который перестает быть натальным процессом и преобразуется в понятный механизм, рефлексивный экспертный контроль за этими технологиями, которые находят применение и в нейроэкономике, и в других прикладных дисциплинах, следует внимательно исследовать и при необходимости тщательно анализировать их возможные социогуманитарные траектории.

Литература

1. *Неретина С.С.* Боэций: древо творения // Ориентиры… М. 2006. №. 3. С. 98–132.

2. *Кант И.* Критика практического разума // Соч.: в 8 т. Т. 4. М: Чоро, 1994. – 630 с.

3. Харрис 2019 – *Харрис Дж.* Моральная слепота – дар Божественной машины/ пер. с англ. Р.Р. Белялетдинова // ΠΡΑΞΗΜΑ. 2019. 4 (2). С. 244–253.

4. *Юдин Б.Г.* Возможно ли рациональное самоубийство // Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 284–296.

5. *Armstrong P.B.* Stories and the Brain: The Neuroscience of Narrative. JHU Press, 2020.

6. *Born J. et al.* Sniffing neuropeptides: a transnasal approach to the human brain //Nature neuroscience. 2002. Vol. 5. No 6. С. 514–516.

7. *Buchanan A.* Moral status and human enhancement. Philosophy & Public Affairs, 2009. 37. P. 346–381.

8. *Haidt J., Hersh M.A.* Sexual morality: The cultures and emotions of conservatives and liberals 1 // Journal of Applied Social Psychology. – 2001. Vol. 31. No 1. С. 191–221.

9. *Rakić V.* Genome Editing for Involuntary Moral Enhancement // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2019. Vol. 28. P. 46–54. DOI:10.1017/S0963180118000373/

10. *Rakić V., Wiseman H.* Different games of moral bioenhancement // Bioethics. – 2018. – Vol. 32. No 2. С. 103–110, doi: 10.1111/bioe.12415/

11. *Savulescu J., Persson I.* Moral enhancement, freedom and the god machine // The Monist. 2012. Vol. 95. No 3. P. 667.

12. *Suhler C., Churchland P.* The neurobiological basis of morality // The Oxford handbook of neuroethics. 2011. C. 33–58. C 52.

13. Rommetveit, Wynne 2017 – *Rommetveit K., Wynne B.* Technoscience, imagined publics and public imaginations // Public Understanding of Science. 2017. Vol. 26. No 2. P. 133–147. DOI: 10.1177/0963662516663057

14. *Wiseman H.* The myth of the moral brain: The limits of moral enhancement. MIT Press, 2016.

R.R. Belyaletdinov

Pursue a New Understanding of the Who: Researches in the Field of Neuroscience of Morality and Rational Model of Autonomy

Abstract. The concept of a rational autonomous subject is actively developing in connection with the growth of neurobiological knowledge, on the one hand, and brain research technologies, on the other. Emotions become not so much a by-product of thinking, which often interferes with the formation of a clear idea, but an important, if not the key motivator that sets the nature and content of rational constructions. A rapidly developing field of knowledge – research on prosocial behavior – makes one think that the rational subject is plural, at least as far as the judgment itself and the emotions that may be associated with it are concerned. The article compares the conceptual-substantialist and neurobiological moral subject.

Keywords: autonomy, moral subject, prosociality

И.Р. Камалиева

Экзистенциально-философские аспекты доверия к врачу в современной медицине

Аннотация. **Автором обозначены экзистенциально-философские аспекты доверия пациента к врачу в условиях современной медицины, в которой происходит трансформация фундаментальных оснований отношения «врач – пациент» с неформальных на формализованные. В результате возникает дефицит доверия со стороны пациента к медицине и врачу. Поскольку врач всегда выступает в роли власть имущего, проблема недоверия к врачу выражается в страхе перед ним, и потому именно экзистенциальные факторы взаимодействия могут быть решающими. В связи с этим только врач, способный обеспечить экзистенциальную составляющую в условиях формализации отношений в медицине и вызывающий иррациональное доверие больного человека, может предотвратить недоверие пациента как к себе, так и по отношению ко всему институту здравоохранения.**

Ключевые слова: **современная медицина, врач, пациент, рациональное доверие, иррациональное доверие, экзистенциально-философские аспекты**

Прогрессирующая медикализация современной культуры, ведущая к расширению влияния медицины на образ жизни человека, актуализирует и без того значимую проблему взаимодействия врача и пациента. Медицина традиционно предполагает коммуникацию людей на основе сострадания по отношению к больному человеку со стороны врача и доверия по отношению к врачу со стороны пациента. Однако в современной культуре происходит «смещение» оснований и смыслов в отношении «врач – пациент».

В сегодняшней ситуации прогрессирующей институциализации медицина стремительно теряет свою индивидуально-личностную ориентированность на конкретного пациента: медицинская помощь начинает оказываться строго согласно утверж-

денным государственным стандартам, при этом ее моральное регулирование стремительно замещается правовым.

В условиях медикализации культуры и формирования ею запросов к современной научной медицине, власть последней над человеком как объектом медицинской практики стремится к приобретению ею всех возможных форм – от имевшейся и ранее личной власти-авторитета врача, основанной на его знании, до укрепляющейся неолиберальной власти социального института здравоохранения, действующего через предоставление свобод посредством «фармакологизация общества» [6, с. 49]. То есть «влияние медицины на образ жизни носит диффузный, подчас косвенный характер и не сводится к прямым терапевтическим вмешательствам: меняются сами модели сознания и стандарты поведения человека» [6, с. 50]. Отношение института здравоохранения к больному человеку, опосредованное фарминдустрией, также теряет индивидуальную ориентированность – пациент становится безликим потребителем продукта, обеспечивающим прибыль.

Скептическое отношение к деперсонализированным социальным институтам, способствующее возникновению недоверия, распространяется и на официальную государственную медицину и чревато фатальными последствиями для больного человека. В процессе лечения в формализованные отношения неизбежно вплетается экзистенциальная составляющая, нехватка которой порождает скепсис как сомнение в возможности получить «участную» помощь врача в качестве опоры на пути лечения. Снижение уровня доверия к официальной медицине в глазах ряда пациентов и вытекающее из этого обесценивание экспертного знания врача, как утверждает П.Я. Аронсон, опираясь на результаты социологического исследования, служит причиной отказа от профессиональной медицинской помощи (кроме экстренных случаев) и становится одной из основных практик самосохранительного поведения [2, с. 5]. Кроме того, вызывают настороженность и нарративы о клинической медицине, тематизирующиеся в бинарной оппозиции «живой – мертвый», выявленные автором в процессе интервьюирования с целью выяснения причин обращения к альтернативной медицине (знахарство, целительство и пр.) взамен научной: «пока жива, к врачам не хожу», «иду к врачам, только если помираю» и т.д. [2, с. 6]. Таким образом, возможное прогрессирование недоверия к совре-

менной медицине обусловливает необходимость философского осмысления феномена доверия в отношении «врач – пациент».

По мнению Г.Г. Хубулавы, недоверие к врачу как к человеку, имеющему недоступные для пациента знания и порождающую страх власть над его жизнью и здоровьем, уже изначально содержится в форме отношения «врач – пациент». Хубулава отмечает экзистенциальный корень власти, которую врач имеет над пациентом и которая является источником «страха и трепета», ссылаясь на слова из Библии: «Бог говорит Моисею: “Число дней твоих сделаю полным”. Пациент воспринимает врача как человека, которому известно число дней. Врач в силах, по мнению пациента, это число продлить или сократить» [14, с. 5].

Учитывая, что в современную эпоху биотехнологий медицина имеет возможность контролировать рождение человека посредством достижений репродуктологии, а его смерть – обыденной медицинской отраслью – реаниматологией, врач становится исполнителем акта дарения и отзыва имени «человек» [12, с. 33]. Данное профессиональное, морально отягощенное обязательство накладывает на него дополнительное обременение властью в глазах общества, усиливающее страх пациента в отношении врача.

Как правило, больной человек вверяет врачу собственное тело и личность в состоянии переживания страдания – как в состоянии болезни, так и от осознания несоответствия собственного тела общепринятым в культуре нормам. По мнению П.Д. Тищенко, «разные социальные и исторические обстоятельства формируют свои специфические практики медикализации человеческой жизни, в которых «помощь» не только облегчает страдания, предлагая средства для достижения здоровья (а через них и сам концепт «здоровья»), но и, в определенном смысле, создает их» [12, с. 38]. В связи с этим необходимо рассмотреть доверие в отношении «врач – пациент» в состоянии переживаемого пациентом страха, возникшего в результате ситуации угрожающей неизвестности перед болезнью и/или необходимостью вверить чужому человеку – врачу, самое дорогое и близкое – свои тело и жизнь. В данном случае страх перед угрозой для жизни может быть основанием как абсолютизации доверия к врачу, когда врач становится спасителем в глазах пациента, так и крайней степени сомнения, подозрительности, недоверия, и здесь этот страх – условие для настороженности, опасения и в

этом смысле – недоверия. Соответственно, сам феномен доверия к врачу необходимо рассматривать в связи с личной безопасностью.

Согласно интерпретации веры Э. Фроммом [13] и анализу механизма акта доверия В.В. Емельяненко [5], доверие возможно рассматривать как рациональное и иррациональное. Рациональным можно признать доверие, основанием которого является положительный интерактивный собственный или чужой опыт, а также экспертное заключение, позволяющие полагать объект доверия надежным. Иррациональным – доверие, связанное с полаганием объекта доверия авторитетным, при этом принимаемым только эмоционально, без необходимости обоснования этого принятия, то есть не в результате рассудочной деятельности. Следует признать, что доверие в отношении «врач – пациент» складывается, во-первых, из доверия к медицине как социальному институту; во-вторых, из персонифицированного доверия со стороны пациента к врачу (как рационального, так и иррационального).

Р. Витч выделил следующие модели коммуникации врача и пациента в современной медицине: «инженерная, пастырская (патерналистская), коллегиальная и контрактная» [3, с. 67]. Являясь идеальными моделями, они не могут существовать в чистом виде в медицинской практике. Инженерная модель, предполагающая полное игнорирование врачом личности живого пациента при вмешательствах в его организм невозможна по причине того, что врач – человек, осознающий цену своей ошибки и ее последствия для больного. Однако при работе с человеческим биоматериалом, либо при посмертном изъятии органов, условно применима. Разумеется, в данном случае вопрос доверия пациента к врачу не встает, потому как личность больного человека как таковая отсутствует. Коллегиальная модель, предполагающая равное участие врача и пациента в процессе лечения, маловероятна по причине отсутствия у пациента фундаментальных знаний в области научной медицины. Однако такая модель возможна при лечении коллеги-врача. Наиболее вероятно взаимодействие врача и пациента в рамках существовавшей всю историю медицины патерналистской модели и приходящей ей на смену контрактной модели, развивающейся в условиях страховой медицины. Однако, учитывая, что субъектом медицинской практики все же является врач и именно он профессионально «видит»

болезнь пациента, патернализм врача имманентно присутствует и в контрактной модели. В связи с этим доверие пациента по отношению к врачу правильнее рассматривать, всегда имея в виду патернализм последнего, поскольку «активная “субъектная” сущность врача одновременно производит зависимую, пассивную, но также «субъектную» сущность пациента и саму иерархическую связь микросоциального отношения (власти–зависимости) между ними. Метафорой подобного отношения является отношение знающего и умеющего “отца” к незнающему и неумеющему “сыну”» [12, с. 38].

В условиях современной медицины сталкиваются между собой, с одной стороны, ожидание гуманности и милосердия в ответ на доверие со стороны больного человека, с другой – предоставление врачом взамен этого объективного научного знания и беспристрастной информации. Так неизбежно формируется «напряжение, рассогласование между естественнонаучной и гуманистической составляющей в медицинском опыте» [7, с. 3]. Данное рассогласование формирует социальное противостояние «врач – пациент» – своеобразный конфликт, возникший на межличностном уровне, но вышедший по содержанию за рамки изначально определенной, специальной сферы отношений. К тому же, огромная значимость современной медицины для общества порой стирает границы между личным и социальным относительно доверия к медицине и врачу – трагедия одного пациента способна приобрести общественное значение и повлиять на уровень доверия ко всему институту медицины. Учитывая, что сегодня каждый случай конкретной врачебной ошибки или несоответствия действий конкретного врача ожиданиям пациента получает общественную огласку, вызывая настороженность в отношении всех представителей медицины, изучение доверия в отношении «врач – пациент» именно в контексте их межиндивидуального взаимодействия (от человека – к человеку) в условиях современной медицины видится наиболее целесообразным. Учитывая амбивалентную природу феномена, заключающуюся в проявлении доверия «в единстве и противодействии с недоверием» [16, p. 93], в ситуации цивилизационно обусловленного расширения границ формализованных барьеров доверия и недоверия, актуализируется проблема восполнения прогрессирующего дефицита доверия в неформальных отношениях. То есть проблема доверия актуализируется в ситуации, когда человек

ждет «участной» помощи, а получает медицинскую услугу в рамках действующего института здравоохранения.

В основе доверия пациента по отношению к врачу лежит, во-первых, доверие как фундаментальная установка по отношению к миру, присущая природе человека изначально [1]; во-вторых, доверие как базовая потребность, связанная с его онтологической безопасностью [11]. Доверие как фундаментальная установка, позволяющая взаимодействовать с окружающим миром, в безопасных ситуациях является нейтральным в связи с «рутинизацией телесной безопасности в обстановке повседневной жизни», когда «элементарное доверие выражается как “вынесение за скобки” возможных событий или проблем, которые при определенных обстоятельствах могут стать причиной для беспокойства [15, p. 193]. Другими словами, в рутинных ситуациях доверие не осознается специально как значимое.

Но у пациента в ситуации болезни, неразрывно связанной с нарушением его телесного здоровья и угрозой жизни, доверие как фундаментальная установка трансформируется в интенцию, то есть «направленность сознания». Пациент в состоянии страдания и переживания болезни находится в ситуации «кризиса доверия» в результате одновременно возникшего недоверия к себе и недоверия к миру. Это связано с тем, что человек теряет доверие к собственному телу, которое из близкого и знакомого стало неподвластным источником тревоги и страдания, препятствующим доверительному взаимодействию с миром, наполненным отныне далекими, чужими смыслами здоровых людей. В отличие от здорового, у больного человека доверие как фундаментальная установка, подвергаясь угрозе разрушения «кокона доверия», обеспечивающего «онтологическую безопасность», трансформируется в базовую потребность. Чем значительнее угроза фундаментальной установке, тем значительнее у человека базовая потребность в доверии для обеспечения его онтологической безопасности. И в данном случае врач – единственный человек, который в состоянии удовлетворить данную потребность, становясь «спасителем».

Значимость медицины и врача для современного человека наиболее отчетливо обозначена в исследованиях Э. Гидденса. Рассуждая о том, что «судьба человека как направление, в котором должна протекать его жизнь, – предопределена его роком, который уготован будущим», он приходит к следующему выво-

ду: «Хотя вокруг понятий судьбы и рока можно сгруппировать огромное множество верований, в большинстве из них связующим звеном между судьбой и роком выступает смерть» [15, p. 109]. Одним из судьбоносных моментов – «особым обстоятельством», на взгляд Гидденса, является обращение к врачу за «роковым решением» – выставлением медицинского диагноза. То есть научная медицина, ввиду ее непосредственного влияния на продолжительность жизни человека, способствовала смещению акцента с веры в предопределенность судьбы на институциональное доверие к медицине и персонифицированное доверие к врачу. Таким образом, отодвигая наступление смерти, медицина в целом и врач в частности принимают на себя ответственность за риски, ожидающие тело и сознание человека в случае болезни или по мере его старения, которое в современной культуре также равнозначно заболеванию. То есть спасителем должен стать врач вместо бога, который теперь ответственен «за число дней» потенциального пациента.

Однако современный врач как эксперт в области естественнонаучной, институциональной медицины, вынужденный оценивать риски, которые несут в себе заболевания, с позиции критического научного анализа (подвергающего сомнению субъективные ощущения пациента), вносит скептицизм в интерактивный процесс взаимодействия людей. В современной медицине, в которой имеет принципиальное (регулируемое в том числе правом) значение исполнение социальной роли врачом, отношение меняется с «человек (врач) – человек (пациент)» на «врач (человек) – пациент (человек)». То есть человеческое меняется на социально-ролевое. И поэтому врачом в гораздо меньшей степени признаются «истинными» субъективные переживания и жалобы пациента, нежели объективные результаты проведенных лабораторных исследований. Но для переживающего болезнь человека наиболее значимы именно его страдания и желание избавиться от них, а результаты медицинских исследований являются часто лишь научной, не всегда доступной для понимания информацией. Больной человек ждет *человеческого* отношения, а врач относится к нему как к пациенту, выполняя свои врачебные, институционально закрепленные обязанности. И возникает коллизия: врач, вступая в контакт с пациентом, сразу встает по отношению к нему в позицию именно врача, представителя медицинской науки и практики, а пациент (как больной, страда-

ющий человек) ждет от него сопереживания, сочувствия, доверия к его субъективным переживаниям. В данной ситуации врач из милосердного спасителя превращается в хладнокровного функционера деперсонализированного социального института медицины, внушающего страх в связи с имеющимися у него и отсутствующими у больного (пациента) знаниями и властью над жизнью пациента.

Т.П. Скрипкина утверждает, что «человек, как правило, переживания доверия к себе и к миру чаще всего не рефлексирует в виде чувства доверия/недоверия; он осознает это в виде эмоциональных сигналов – страха, опасности, неуверенности и т.п.» [11, с. 128]. То есть в отношении «врач – пациент» страх пациента мы можем интерпретировать как недоверие к врачу, не оправдавшему ожидания, возлагавшиеся на него как на спасителя, поскольку эта миссия была частично утеряна в процессе трансформации медицины в биомедицину в секуляризирующемся обществе.

Изучая основания современных проблем взаимодействия врача и пациента, И.В. Силуянова констатирует наличие нравственного парадигмального кризиса, возникшего в процессе сциентизации медицины, находящейся в состоянии перехода от «традиционной нравственной парадигмы» (которую возможно сохранить, ограничив применение биотехнологий) к «новой нравственной парадигме, оправдывающей и приветствующей все, чего достигла и чем владеет медицина» [10, с. 160]. Ценностями традиционной парадигмы автор признает «милосердие, спасение жизни, сострадание, бескорыстную помощь страждущему», ценностями новой парадигмы, опирающейся на естественнонаучное знание и биотехнологические достижения, – «”качество жизни”, здоровье, прибыль и доход» [10, с. 161]. Ситуация смены этической парадигмы в клинической медицине, существующей в рамках института здравоохранения, с гуманистической на рационалистическую детерминировала и коммуникативный кризис в отношении «врач – пациент».

И если доверие со стороны пациента к врачу в патерналистской модели взаимодействия имело в преобладающей степени иррациональный характер, так как пациент видел во враче милосердного сострадательного спасителя, то при контрактной модели доверие по существу должно приобрести характер раци-

ональный, то есть стать доверием к врачу как к обладателю экспертного научного знания.

Однако Э. Гидденс, изучив проблему доверия в контексте существования современного человека в медикализирующейся культуре и выделив, с одной стороны, доверие к врачу-эксперту, обладающему знанием, как к «оператору абстрактных систем в точке доступа», и персонифицированное, с другой стороны, пришел к выводу, что доверие к абстрактным системам не приносит морального удовлетворения по сравнению с персонифицированным [15]. Состояние болезни, в котором находится пациент, сопряжено с физическим, душевным и экзистенциальным страданием – состоянием «экзистенциальной тревоги и ужаса», которое Гидденс противопоставляет доверию [15, p. 109]. То есть необходимым условием создания «кокона доверия», обеспечивающего «онтологическую безопасность» и «преграждающего путь экзистенциальным беспокойствам», является моральное удовлетворение, которого можно достичь только при наличии иррационального доверия к врачу со стороны пациента. Таким образом, в условиях смены нравственной парадигмы в медицине, повлекшей за собой и коммуникативный парадигмальный сдвиг, иррациональное доверие к врачу не может быть полностью заменено рациональным, потому что страх как сущностное проявление страдающего пациента имеет экзистенциальное основание. То есть только рациональный подход к решению роковых жизненных ситуаций, связанных с болезнью, не всегда оправдан. Для современного человека, тяготеющего к абсолютизации рационалистической установки и стремящегося следовать ей и в неформальных отношениях, данные убеждения могут иметь фатальные последствия.

Результатом рационализации медицинской практики стало проявление противодействия со стороны пациентов как реакция на невнимательное отношение врача к личности болеющего человека. Например, Д.В. Михель, изучив антропологическую проблематику «пациентского опыта и различных примеров естественной истории в ее социокультурном контексте», приходит к выводу о том, что «во многих случаях оказание помощи тем, кто страдает, связано с насилием над личностью», что «касается, в первую очередь, тех способов лечения, которые призваны спасать жизнь пациентов, но не устранять их страдания» [8, с. 105]. Анализируя истоки возникновения пациентских движе-

ний против оперативных способов лечения рака груди и методов терапии психиатрических заболеваний во второй половине прошлого века в США, автор обозначает указанные способы лечения как «репрессивные культурные механизмы». Данную социокультурную тенденцию, направленную на массовое оздоровление общества, можно обозначить как «тоталитаризацию научной медицины». Она, в совокупности с обозначенными Михелем «медикализацией явлений болезни» в XX веке и биологизацией медицины (в которой, в силу ее технологических достижений, стало господствовать биомедицинское мышление), также способствовала снижению уровня доверия к врачу на межиндивидуальном уровне взаимодействия как к исполнителю «репрессивных культурных механизмов».

В условиях смены этической парадигмы в медицине происходит трансформация феномена доверия в отношении «врач – пациент» с иррационального на рациональное. Можно с уверенностью предположить, что контрактная модель коммуникации в современной медицине, призванная оценивать риски для здоровья и жизни пациента, содержащая в своем основании научный скептицизм, будет способствовать дальнейшему усилению кризиса доверия в отношении «врач – пациент». Современное здравоохранение пытается решить возникшие проблемы деперсонализированного отношения к пациенту, создавая новые модели организации медицинской помощи. Например, 4П-медицина, интегрирует «понятия персонализации (индивидуальный подход к каждому пациенту), предикции (выявление предрасположенности к развитию заболевания), превентивности (предотвращении появления заболеваний), партисипативности (мотивированного участия пациента)» [9, с. 48]. Однако специалисты, признающие панацеей при решении проблем человеческих отношений в современном здравоохранении идеологию 4П-медицины, к сожалению, не учитывают, что инновационные концепции здравоохранения внедряются через призму научных открытий в сфере биоинформатики, транскриптомики, генетики и других технических и естественных наук, что только усиливает биологизаторский подход к проблемам страдающего человека, тем самым актуализируя проблему изучения его экзистенциальных состояний. Более того, в условиях 4П-медицины страх пациента, провоцирующийся принципом предикции, способствует прогрессированию кризиса доверия в отношении «врач – паци-

ент», поскольку становится крайне прибыльным товаром: «Пока отсутствуют методы профилактики, предотвращения реализации признака патологического гена, то клиент покупает лишь страх» [12, с. 33].

Процессы сциентизации и институализации медицины в условиях медикализирующейся культуры привели к формализации отношений между врачом и пациентом и дефициту неформальных отношений в их межиндивидуальном взаимодействии. Возникает необходимость экзистенциально-философского переосмысления и определения онтологического статуса доверия в отношении «врач – пациент» в условиях опосредования непосредственных связей между людьми нормативными принципами правового (контрактного) регулирования. Феномен доверия к врачу, несмотря на достижения биомедицины, сегодня формируется из рационального доверия к институциональной медицине и к экспертному знанию врача, а также иррационального доверия к врачу как к гуманному «участному» человеку, наделенному властью над телом и личностью пациента, ожидающего помощи в своей особой ситуации. И причем именно последнее не редко порождает первое и второе. Встретив именно «участного» врача, пациент не испытывает и недоверия к медицине вообще и профессионализму врачей в целом. То есть именно экзистенциальные факторы могут быть решающими. В связи с этим иррациональное доверие как безусловное стремление пациента к безопасности жизненного мира, который, согласно идее Э. Гуссерля, всегда стоит за любой научной картиной [4], следует признать основанием феномена доверия к врачу и предпринять попытки поиска способов его сохранения в современной ситуации смены нравственных парадигм в медицине.

Литература

1. *Ардашкин И.Б.* Доверие в науке и религии: к вопросу о становлении культуры доверия // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 56–60.

2. *Аронсон П.Я.* Отказ от профессиональной медицинской помощи как следствие утраты доверия экспертному знанию врача и институциональной среде здравоохранения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 3. № 20. С. 5–9.

3. *Витч Р.* Модели моральной медицины в эпоху революционных изменении // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 67–72.

4. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления / пер. Э.А. Бернштейн. М.: АСТ, 2000. 452 с.

5. *Емельяненко В.В.* Феномен доверия как предел интенции в воззрениях Эдмунда Гуссерля // Наука и бизнес: пути развития. 2012. № 12 (18). С. 22–26.

6. *Желнин А.И.* Биовласть как общесоциальный феномен и ее современные кризисные трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 49–56.

7. *Кириленко Е.И.* Медицина как феномен культуры: опыт гуманитарного исследования: дис. … докт. филос. наук. Томск, 2009. 339 с.

8. *Михель Д.В.* История болезни в социокультурном контексте: философское осмысление медико-антропологических исследований пациентского опыта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Философия. Филология. № 2 (20). 2016. С. 88–109.

9. *Пальцев М.А., Белушкина Н.Н., Чабан Е.А.* 4П-медицина как новая модель здравоохранения в Российской Федерации // Оргздрав: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. № 2. 2015. С. 48–54.

10. *Силуянова И.В.* Избр. О профессии врача. М.: Изд-во «Форма Т», 2008. 256 с.

11. *Скрипкина Т.П.* Антиномия доверия к миру и доверия к себе в человеческом бытии // Развитие личности. 2011. № 3. С. 111–131.

12. *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФ РАН, 2001. 178 с.

13. *Фромм Э.* Человек для самого себя. Исследование психологических проблем этики / пер. Э.М. Спировой. М.: АСТ, 2010. 362 с.

14. *Хубулава Г.Г.* Философско-антропологический анализ коммуникации врача и пациента: дис. … докт. филос. наук. СПб., 2016. 309 с.

15. *Giddens A.* Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. Cambridge: Polity Press, 1991. 264 p.

16. *Glushko I., Lavrukhina I., Polomoshnov A.* Trust/distrust as factor of constructing social reality // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2018. Vol. 21. No 1. P. 92–98.

I.R. Kamalieva

Existential and Philosophical Aspects of Trust in a Doctor in Modern Medicine

Abstract. **The author outlines the existential and philosophical aspects of the patient's trust in the doctor in the conditions of modern medicine, in which the fundamental foundations of the "doctor-patient" relationship are being transformed from informal to formalized. As a result, there is a lack of trust on the part of the patient in medicine and the doctor. Since the doctor always acts in the role of the powerful, the problem of mistrust in the doctor is expressed in the fear of him, and therefore it is the existential factors of interaction that can be decisive. In this regard, only a doctor who is able to provide an existential component in the conditions of formalization of relations in medicine and arouses the irrational trust of a sick person can prevent the patient's distrust both in himself and in relation to the entire institution of health care.**

Keywords: **modern medicine, doctor, patient, rational trust, irrational trust, existential and philosophical aspects**

References

1. Ardashkin, I.B. (2013). *Doverie v nauke i religii: k voprosu o stanovlenii kul'tury doveriya* [Trust in science and religion: on the question of establishing a culture of trust]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 370, pp. 56–60.

2. *Aronson, P.Ya.* (2006). *Otkaz ot professional'noj medicinskoj pomoshchi kak sledstvie utraty doveriya ekspertnomu znaniyu vracha i institucional'noj srede zdravoohraneniya* [Refusal of professional medical care as a result of loss of trust in the expert knowledge of the doctor and the institutional healthcare environment]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen]. Vol. 3, No. 20, pp. 5–9.

3. *Witch, R.* (1994). *Modeli moral'noj mediciny v jepohu revoljucionnyh izmenenii* [Models of moral medicine in the era of revolu-

tionary change]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. No. 3, pp. 67–72.

4. *Gusserl', E.* (2000). *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskie razmyshleniya* [Logical research. Cartesian reflections], transl. by E.A. Bernshtejn. Moscow: AST Publ., 452 p.

5. *Emel'yanenko, V.V.* (2012). *Fenomen doveriya kak predel intencii v vozzreniyah Edmunda Gusserlya* [The phenomenon of trust as the limit of intention in the views of Edmund Husserl]. *Nauka i biznes: puti razvitiya* [Science and business: development paths]. No.12 (18), pp. 022–026.

6. *Zhelnin, A.I.* (2018). *Biovlast' kak obshhesocial'nyj fenomen i ee sovremennye krizisnye transformacii* [Biopower as a general social phenomenon and its modern crisis transformations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. No. 41, pp. 49–56.

7. *Kirilenko, E.I.* (2009), *Medicina kak fenomen kul'tury: opyt gumanitarnogo issledovaniya*: dis. … dokt. filos. nauk [Medicine as a cultural phenomenon: the experience of humanitarian research: dissertation]. Tomsk, 339 p.

8. *Mihel', D.V.* (2016). *Istoriya bolezni v sociokul'turnom kontekste: filosofskoe osmyslenie mediko-antropologicheskih issledovanij pacientskogo opyta* [The history of the disease in a sociocultural context: the philosophical interpretation of medical-anthropological studies of patient experience]. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Philosophy. Philology»]. No. 2 (20), pp. 88–109.

9. *Paltcev, M.A., Belushkina, N.N., Chaban, E.A.* (2015). *4P-medicina kak novaja model' zdravoohranenija v Rossijskoj Federacii* [4P-medicine as a new model of healthcare in the Russian Federation]. *Orgzdrav: Novosti. Mnenija. Obuchenie. Vestnik VShOUZ.* [Orgzdrav: News. Opinions. Training. Bulletin of VSHOUZ]. No 2, pp. 48–54.

10. *Siluyanova, I.V.* (2008). *Izbrannye. O professii vracha* [Selected. About the profession of doctor]. Moscow: Forma T Publ., 256 p.

11. *Skripkina, T.P.* (2011). *Antinomiya doveriya k miru i doveriya k sebe v chelovecheskom bytii* [The antinomy of trust in world and trust in oneself in human existence]. *Razvitie lichnosti* [Personal development]. No 3, pp. 111–131.

12. *Tishhenko, P.D.* (2001). *Bio-vlast' v jepohu biotehnologij* [Bio-power in the Age of Biotechnology]. Moscow, IFRAN, 178 p.

13. *Fromm, E.* (2010). *Chelovek dlya samogo sebya. Issledovanie psihologicheskih problem etiki* [Man for himself: an inquiry into the psychology of ethics], transl. by E.M. Spirova. Moscow: AST Publ., 362 p.

14. *Hubulava, G.G.* (2016). *Filosofsko-antropologicheskij analiz kommunikacii vracha i pacienta: dis. … dokt. filos. nauk* [Philosophical-anthropological analysis of the communication doctor and patient: dissertation]. St. Petersburg, 309 p.

15. *Giddens, A.* (1991). Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. Cambridge: Polity Press Publ., 264 p.

16. *Glushko, I., Lavrukhina, I., Polomoshnov, A.* (2018). Trust/Distrust as Factor of Constructing Social Reality. Journal of legal, ethical and regulatory issues. Vol. 21, No. 1, pp. 92–98.

И.А. Бирич, О.Г. Панченко

Образование в эпицентре антропологического вызова (от Вернадского к Вернадскому)

Аннотация. Статья посвящена проблеме образования в современной России. Начинается она с концепции народного образования, разрабатываемой и реализуемой известным русским ученым В.И. Вернадским в разные периоды его долгой жизни (1865–1945). Для ученого образование было тесно связано с демократизацией общественной жизни в России и с развитием лучших качеств человека. Как создатель теории биосферы и ноосферы он связывал образование последней с развитием человеческого духа и разума в качестве важнейшего компонента биосферы. Второй параграф раскрывает современное состояние российского образования, приведшее в результате его непрерывной двадцатилетней модернизации к резкому отчуждению молодого поколения от старшего, от культурных и моральных обязательств. Особенно этому поспособствовала цифровая образовательная среда, утвержденная Министерством просвещения в качестве Национального проекта «Образование» без согласования с родительской и педагогической общественностью и не прошедшая гуманитарной экспертизы. Какой антропологический вызов обслуживает современное образование? В третьем параграфе мы возвращаемся к учению В.И. Вернадского как альтернативе сегодняшнему тупику в образовании, рассказываем о принципах ноосферного образования.

Ключевые слова: В.И. Вернадский, народное образование, автономия высшей школы, демократизация общественной жизни, теория Вернадского о биосфере и ноосфере, Форсайт-проект 2030, цифровая образовательная среда как ловушка для юных, ноосферное образование

Нельзя отложить заботу о вечном и великом
на то время, когда будет достигнута для всех

возможность удовлетворения своих
элементарных нужд. Иначе будет поздно.
Мы дадим материальные
блага в руки людей, идеалом которых будет –
«хлеба и зрелищ».
В. Вернадский
(Из дневников. 16 марта 1918 г.)

Говорить о новациях в образовании, подразумевая IT-технологии и цифровизацию – это значит не понимать истинные цели внедрения этих процессов в школу, и высшую в том числе, или высокомерно наплевать на социокультурное значение образования в обществе, что, впрочем, одно и то же. Даже то, что различные информационные платформы оказались в полной боевой готовности к началу пандемии, лучше всего иллюстрирует позицию власти по отношению к молодому поколению: заманить гаджетами, а потом оболванить любой ценой под видом массовой заботы о здоровье и «демократических свободах». Бюрократы в своем формализме взяли себе в помощники искусственный интеллект вместо того, чтобы развивать естественный. «И все заверте…» – как писал сатирик начала XX в. А. Аверченко. Преподаватели делают вид, что учат, а учащиеся делают вид, что учатся. Но каковы будущие «плоды» подобного просвещения на вкус, никто предсказать пока не может. Вернее, может, но прогнозы ученых расходятся с прогнозами начальства. Вот об этом и поговорим.

1. В.И. Вернадский о задачах образования и высшей школы

Обратимся к такому известному научному авторитету, как русский гений Владимир Иванович Вернадский. По его мнению, главной задачей интеллигенции является народное образование. В народном образовании, отмечал он, заинтересовано государство, семья, человеческая личность, общественные организации. С ним связаны теснейшим образом такие великие творения духовной жизни человечества, как наука, философская мысль, религия, художественное творчество. В.И. Вернадский, будучи поистине преданным своей стране, обеспокоенным ее будущим и будущим ее народа, в статье «Задачи высшего образования

нашего времени» [3] разработал принципы организации народного образования, к которым он отнес: реформу министерства просвещения, создание единой общеобразовательной школы, автономию высшей школы. Это целостная система реорганизации: начинать надо все три звена одновременно, порознь она не будет иметь эффекта.

В системе высшего образования В.И. Вернадский отстаивал идею академической свободы университетов. Так, в протест на университетский устав 1884 г., принятый министерством по указанию лично Александра Ш и значительно урезавший права профессорских коллегий, он сформулировал собственную концепцию реформы образования. По его мнению, высшая школа сможет лучше выполнять свою роль в обучении молодого поколения, если не будет зависеть от администрации. При этом он ссылался на опыт средневековых университетов, которые пользовались автономией, т.е. сами определяли содержание обучения, сами выбирали преподавателей. Сравнивая западную и отечественную системы образования, он отмечал, что преподавательский состав в России находится в унизительном положении, будучи под надзором управленческих органов, урезывающих их самодеятельность. В.И. Вернадский пытался предотвратить расправу над высшей школой и отмечал, что всякое стеснение ее автономии отрицательно скажется на русской культуре, будущности нации и формировании нового поколения ученых. Как будто вчера писал!

В. Вернадский отмечал: нет сейчас вопроса более грозного и более важного, чем вопрос о народном образовании. По В. Вернадскому, высшее образование всегда находится в подвижном состоянии, в стадии быстрого роста, который обусловлен тремя общими для всего человечества обстоятельствами:

- развитием знания и научной организации,
- демократизацией общественной и государственной жизни,
- распространением единой культуры на весь Земной шар [3].

К проблеме высшей школы ученый и профессор университета обратился еще раз в 1913 году. В той же статье «Задачи высшего образования нашего времени» мы находим строки, актуальные и для нас. Вернадский мечтал об «организации учащегося народа», когда учиться придется каждому, причем непрерывно и всю жизнь. Потребуется не только высокая квалификация работающих граждан, но и их постоянная переквалификация.

В центре единого культурного образованного общества, в соответствии с идеями Вернадского, должна находиться свободная, самостоятельная и независимая личность, способная познавать мир, руководить обществом, вести научную деятельность. Таким образом, интеллигенция, будучи творцом культуры, должна оценить свободу личности в качестве свободы для ее творчества, а никак не иначе. В.И. Вернадский верил, что именно знания и духовные усилия формируют культуру, объединяющую цивилизованное общество.

Короткое время (август – сентябрь 1917 г.) В.И. Вернадский занимал во Временном правительстве пост исполняющего обязанности заместителя министра народного просвещения С.Ф. Ольденбурга – своего друга и товарища по кадетской партии [1]. Свою деятельность по организации высшей школы он строит на следующих основных положениях:

1. Ускоренный рост научного знания предполагает его быстрое распространение и практическое приложение.

2. Демократизация общества, демократизация государства и учебных заведений основываются на гуманизме и его принципах.

3. Каждый человек, независимо от пола, расы, возраста и других различий, должен иметь свободный доступ к сокровищам мировой и отечественной культуры.

4. Между всеми звеньями системы образования должны быть последовательность и преемственность, а сами эти звенья должны быть общедоступными для всех и каждого.

5. Наука не уничтожима. Она обладает относительной самостоятельностью в своем развитии, несмотря на политические, социальные, религиозные и т.п. изменения в обществе

6. В образовании ярко выражено разнообразие, и обусловлено оно как общегосударственными, так и религиозными, а также местными (региональными) условиями (обстоятельствами, особенностями).

7. Проблемы образования должны носить приоритетный характер, независимо от политического строя России.

8. Люди науки, культуры должны обладать стратегическим мышлением и понимать, что знания – это тот вид духовной культуры, который объединяет человечество.

9. Чем большими знаниями обладает население, чем больше свободы имеется для развития личности («меньше трений и тор-

мозов для ее деятельности»), тем больше полезной энергии вырабатывается этим населением [4].

Более того, В.И. Вернадский вновь возвращается к образовательной роли интеллигенции в докладе «Русская интеллигенция и новая Россия». На съезде Таврической научной ассоциации (1920), будучи ректором Таврического университета, он с горечью и тревогой говорил о старой русской интеллигенции следующее: «Никогда в истории не было примера, чтобы мозг страны интеллигенция не понимала, подобно русской, всего блага всей огромной важности государственности… Живя в огромном государстве, со столь же огромными естественными богатствами, интеллигенция совершенно не была связана с производительными силами страны, ничего не делая для развития этих сил» [7,с. 568].

Анализируя сложившуюся ситуацию, В.И. Вернадский заключает: в условиях небывалой разрухи, в процессе огромного внутреннего перенапряжения создается новая интеллигенция – для новой России. Он выражает надежду, что новая русская интеллигенция будет понимать и ценить государство и сохранять его единство. Новая интеллигенция отдаст свои силы, свои знания великой работе по развитию производительных сил государства. И в соответствии с новыми задачами, по его представлению, должна быть построена новая школа.

Спасение России, рассуждал ученый в трудные для страны послереволюционные годы, заключается в поднятии и расширении образования и знания. Только этим путем возможно достижение правильного государственного управления, только поднятием культуры возможно сохранить сильно пошатнувшееся мировое значение нашей Родины. Страна, которая не работает самостоятельно в области научной мысли, которая только усваивает образование, т.е. чужую работу, есть страна мертвая. Россия жестко расплатилась и расплачивается за архаичность своего управления, за то, что в XX в. власть находилась в руках людей полуобразованных или необразованных, чуждых научной мысли, выработанной человечеством. Эти люди, ничего не понимая, вели русский народ к поражениям, унижениям и страданиям, они давили свободную научную мысль и свободную культурную работу русского общества [3].

О чем пишет Вернадский? О царской России или провидчески о Советской России, в которой в 30-е гг. смертельно боролись

сначала с русской философией и евразийством, затем с космологией и педологией и, в конце концов, с генетикой и социологией? Потом настала «зачистка» культурного фронта. Гибли люди, на защиту многих своих соратников вставал Владимир Иванович, так как был не только ученым, но и в равной степени гражданином своей Родины, бесстрашным человеком [1].

В.И. Вернадский и сам выступал с сомнительными для советской идеологии идеями. В 20-е гг. XX в. он начал разрабатывать и высказывать основные положения своего учения о биосфере и ноосфере. Уже тогда им были осмыслены возможности человеческого разума в глобальном преобразовании мира, перспективы влияния человека на природу, необходимость скорейшей гармонизации их взаимоотношений. Сохранилось интересное письмо П. Флоренского 1929 г. В. Вернадскому, в котором он как ученый с энтузиазмом поддержал его учение о биосфере и в заключение предложил следующее: «Со своей же стороны хочу высказать мысль, нуждающуюся в конкретном обосновании и представляющую, скорее, эвристическое начало. Это именно мысль о существовании в биосфере того, что можно было бы назвать пневматосферой, т.е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа… есть много данных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственной особой сферы вещества в космосе» [10, с. 198].

Именно в ответе на это письмо Вернадский, уже знакомый с богословской диссертацией Флоренского, высказал необычную для советского ученого мысль: «Мне кажется, мы сейчас переживаем очень ответственный перелом в научном мировоззрении. Впервые в научное мировоззрение должны войти явления жизни, и может быть мы подойдем к ослаблению того противоречия, которое наблюдается между научным представлением о Космосе и философским или религиозным его постижением. Ведь сейчас все дорогое для человечества не находит в нем – в научном образе Космоса – места. Надеюсь свидеться с Вами и затронуть некоторые вопросы, поднятые в вашем письме. С искренним уважением В. Вернадский. 13 октября 1929 г.» [Там же, с. 199]. Вернадский переписывался с коллегой даже тогда, когда тот оказался на Соловках (через посредничество его жены), вплоть до 1937 г.

К 1930-м годам В.И. Вернадский уже глубоко размышлял над данным процессом и привез из Сорбонны, где читал лекции, другое его обозначение – ноосфера. Ноосфера означает новое состояние биосферы и всей планеты целиком, при котором сознательная активность человека, человеческого разума становится не только решающим фактором эволюции биосферы, но и важным условием ее сохранения. Ноосфера – это сфера разумной активности людей по преобразованию окружающей среды, «мыслящая оболочка Земли», когда нематериальная мысль человека становится «геологическим» фактором, материально трансформирующим планету. Планета обретает некий общепланетарный Мозг, который берет на себя ответственность за ее дальнейшее развитие. Ноосфера есть царство разума человеческого, по мысли В.И. Вернадского [5].

Таким образом, принадлежность В.И. Вернадского к ярким представителям вузовской интеллигенции способствовала формированию главных принципов просветительской деятельности – нравственное воспитание, всестороннее образование, окультуривание человека как представителя цивилизованного общества. Задача человека, был убежден Вернадский, заключается в доставлении наибольшей пользы окружающему миру.

Но наряду с этим, продолжает рассуждать Вернадский, нельзя забывать, что человек в этой жизни должен достигнуть возможно большего счастья, которое состоит в достижении умственного и художественного кругозора. Умственный кругозор – это наука; художественный – изящные искусства, поэзия, музыка, живопись, скульптура и даже религия – мир человеческой фантазии, мир идеалов. К сожалению, всего этого достигает человек в результате страдания поколений, живших до нас, и сотен тысяч людей в наше время. Потому так необходимо работать над поднятием и улучшением, – над развитием человечества.

До 1917 г. Вернадский исповедовал либеральные идеи, наряду с активной научной деятельностью был представителем земского самоуправления, членом Государственной Думы от партии кадетов. Октябрьскую революцию осудил, во время Гражданской войны находился в Крыму, был выбран ректором Таврического университета в Симферополе. После взятия Крыма красными войсками мог покинуть Россию, но из России не уехал. Именно благодаря упорству В.И. Вернадского, настойчиво следовавшего своей цели в разработке принципов реорганизации народного

и высшего образования, достойного граждан великой страны, им были заложены основы системы просвещения, науки, воспитания в целях формирования ноосферы – для ученого это были два взаимосвязанных процесса. Когда страна реализовывала эти принципы в 60–70-е гг. XX в., ее образование было признано лучшим в мире.

2. Современные проблемы человека в образовании

Сегодня каждый преподаватель высшей школы готов подписаться под каждой строкой великого ученого, посвященной целям и задачам образования: в деле формирования умного молодого поколения мы отброшены к периоду столетней давности. И пусть нас не смущают успехи цифровизации – это пиррова победа. Молодые люди с аттестатом зрелости и с гаджетами в руках в массе своей необразованны, некультурны, безнравственны, не любят русский язык и неграмотны, зато обожают развлекаться и обращать на себя всеобщее внимание – не важно чем, да хоть деревянную действующую церковь в старинном городке спалить 200-летней древности. Вот это слава! Но самое печальное, они не бездарны: то-то много хакеров и блогеров развилось.

Конечно, нас могут упрекнуть, что мы сгустили краски. Всегда есть замечательные представители молодого поколения, например, современные волонтеры. Их процент одинаков в любые эпохи, они такими рождаются. Проблема в остальных, которые как раз попадают в руки тех, кто любит манипулировать массами. А здесь без цифровизации не обойтись. И что имеем? Противостояние родительско-педагогической общественности и представителей властных структур.

«Мы движемся к цифровой диктатуре» – такие тревожные сигналы в последние месяцы звучат всё громче. Ускорила это движение и пандемия, под прикрытием которой реализуются не самые лучшие, с точки зрения граждан, проекты. И хуже всего в настоящий момент дела обстоят в образовательной сфере.

Программа цифровизации образования была запущена задолго до коронавируса. В 2016 г. был утверждён проект «Цифровая образовательная среда», согласно которому к 2025 г. 11 миллионов учащихся должны пройти обучение на онлайн-курсах.

Нацпроект «Образование» предусматривает внедрение образования детей по индивидуальным учебным планам и даже «снятие правовых барьеров» для реализации этих программ в сетевой форме. И речь здесь идёт именно о постепенном внедрении электронного обучения.

Приказ Министерства просвещения от 17 апреля 2019 г. предусматривает создание «цифрового образовательного профиля» каждого учащегося. Что именно кроется за этим – неизвестно. Зато понятно, что целью является перевод образования на цифровую основу как в содержательном, так и организационном плане. В конце этого же года в Минпросвещения был принят ещё один документ, в котором говорится о создании и развитии «условий для реализации образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий и персонализации обучения». Уже идет пилотный эксперимент «по внедрению модели цифровой образовательной среды» в 15 регионах страны.

Что же мы видим? Получается, что цифровая трансформация образования «благодаря» пандемии и связанным с ней ограничениям была только подстёгнута, а запущенный процесс разрушения традиционной школы теперь идёт ускоренными темпами. А ведь и об этом говорится в планах Минобразования по внедрению цифровых технологий в образовательный процесс, как и об «обучении в облаке», использовании соцсетей, симуляции поведения учителя и применении в обучении «технологии дополненной реальности».

Это всё почти совпадает с главными тезисами скандального «Форсайт-проекта 2030», который планирует ликвидацию традиционной системы образования к 2030 г. А одним из инициаторов этого проекта является «Всемирный банк». В презентационном ролике проекта, представленном недавно Г. Грефом, главой Сбербанка (?!), роль учителя практически сводится к нулю – он становится просто наставником, который собирает некие образовательно-информационные модули для каждого ученика. Выполнять задания школьники будут на цифровой платформе, а проверять их станет искусственный интеллект. Для чего в этом процессе нужен учитель? А он и не нужен.

Что такое «цифровое образование», мы начинаем понимать уже сейчас, когда COVID-19 снова загнал огромное количество

школьников на дистанционное обучение. Мало того что за предыдущий «дистант» проблемы со здоровьем получили почти 80% школьников, когда и уроки-то были короткими, и количество их сокращённым. Что выявил новый этап дистанционного обучения? Прежде всего, далеко не все дети справились с образовательными платформами – в чьих-то руках этот инструмент работает, а в чьих-то нет. К тому же очень сложно заставить детей быть внимательными, когда они сидят дома у мониторов много часов подряд. Плохо работают сами платформы, контент постоянно зависает. Да и, надо признать, учителя тоже не очень готовы к такому методу обучения, как и далеко не все родители могут помочь своим детям в освоении школьной программы. А между тем дети, сидя у мониторов едва ли не сутками, получают букет разных заболеваний – от психологических до физических. За последним, как считают специалисты, кроется отказ мозга от анализа сложных и объёмных текстов, а также провокация «цифрового слабоумия» у детей. Вот мы иронизировали над тем, что у молодых «клиповое мышление», а их надо пожалеть, они – жертвы изменившейся ментальности и коммуникаций.

Осенью прошлого года (2020) участники «круглого стола» «Концепция возрождения образования и науки в России», прошедшего в Петербургском Доме ученых, — ученые, профессора, академики, представители родительских объединений, общественные деятели – направили открытое письмо президенту РФ Владимиру Путину, в котором выразили категорическое несогласие с политикой правительства РФ в сфере образования и науки [8]. Прежде всего в части финансирования, а также с отнесением науки и образования к сфере услуг. Стратегической ошибкой названо принятие Болонской системы для высшей школы и введение тестовой системы проверки знаний в средней школе (ЕГЭ, ОГЭ, ВПР). Проекты «Образование 2030» и «Детство 2030» названы противоречащими базовым ценностям российской цивилизации и традициям советского и российского образования. Подчёркнуто, что «дистант» является образовательной катастрофой. Предложены конкретные шаги по выходу из катастрофического положения.

В марте 2021 г. в Москве собирается Конгресс работников образования, науки, культуры и техники (КРОН-8) на тему «Пути преодоления кризиса образования, науки, культуры, экономики России». В Резолюции конгресса более 11 страниц, делается по-

пытка скорректировать Закон об образовании. В Конгресс вошли шесть общественных и профсоюзных организаций:

Общероссийское общественное движение «Образование для всех»	
Профобъединение «РКК-Наука»	
Всероссийский профсоюз работников Российской академии наук	
Межрегиональный профсоюз работников высшей школы «Университетская солидарность»	
Межрегиональный профсоюз работников образования «Учитель»	
Общественное движение «Гражданская инициатива за бесплатное образование и медицину	

Родительская общественность волнуется и не хочет сдаваться. В конце этого учебного года в Государственной Думе прошел «Круглый стол», посвященный цифровым методам обучения. Выступали эксперт Общественного уполномоченного по защите семьи, кандидат юридических наук Анна Швабауэр и министр цифрового развития и связи Максут Шадаев. От Министерства просвещения никого не было. Диалог не получился. На все законные вопросы эксперта, почему до сих пор нет гуманитарной и медицинской экспертизы образовательных цифровых технологий, тяжеловес Шадаев только снисходительно ответствовал, что все уже давно утверждено [9].

А теперь представим, что цифровизация образования победила. Ее авторы рисуют нам радужное будущее: «умный город», «умный дом», «умная школа». А люди умные? А люди со шлемами на головах с детства живут в виртуальной реальности, какой хотят. Лишенные трудностей и воли, это уже и не люди. Вам нравится такое будущее? А нам кажется, что будущее в этом сюжете предвидится совсем другим. Его показал наш замечательный режиссер Г. Данелия в фильме «Кин-дза-дза!». На этой пустынной после экологической катастрофы планете с цифровизацией все

отлично, ее жители читают мысли друг друга, поэтому контакты в порядке и язык не развит, как у зверушек, но есть субординация, тянутся к искусству, умеют создавать голограммы. Техника высочайшая: умный город под землей, воду синтезируют в подземельях рабы, есть персональные летательные аппараты, миниатюрные ракетные двигатели, что уносят в просторы галактик при желании. Только спичек нет, чтобы ракету завести. За спичку готовы унижаться, предадут, продадут, бросят в пустыне. Души нет у пацаков. И смысла жизни тоже.

Чтобы такого не произошло, чтобы эволюция на Земле, создавшая у людей естественный разум и чуткую душу, не пошла вспять, мы вновь обратимся к учению В.И. Вернадского о ноосфере.

3. Ноосферное образование – утопия или прогноз ученого?

Образование есть инструмент для развития разумного начала человечества, соответственно оно оказывает влияние на скорость образования ноосферы, о чем и заботился Вернадский. Образовательные институты должны быть источниками формирования ноосферы через передачу и освоение знаний, развитие творческого потенциала населения, художественной и духовной культуры, а также их сбалансированное применение в разумной деятельности.

Сегодня на фоне провала Национального проекта «Образование» в философии развивается теория ноосферного образования, направленного на развитие ноосферы на планете. Контуры подобного образования возникли уже в трудах В.И. Вернадского, где эта идея нашла обоснование в принципе творческого характера самого человеческого разума. «Господство человека над внешней природой и господство в самом человеке сил разума над низшими инстинктами – вот что является условием перехода биосферы в ноосферу», – писал ученый [5, с. 92]. В.И. Вернадский, рассуждая о предпосылках вхождения человечества в сферу разума, считал необходимым, наряду с научной мыслью, давать молодому поколению широкое универсальное образование.

Разумность человечества, согласно его взглядам, связана не только с развитием научного знания, но и с проникновением его

в культуру, он предполагал, что все ученые, педагоги и наставники, учреждения всех уровней будут участниками ноосферного образования и воспитания. Ученый включал в воспитательный процесс даже эстетическое влияние природы и космоса на человека как особое проявление законов Бытия в пространстве Вселенной. Сегодня вопрос о приоритете антропокосмического и экоцентрического подходов к научной и образовательной деятельности должен опираться на такое представление о ноосфере, в котором этический и нравственный потенциал всего человечества должен формировать степень равновесия жизни на планете на уровне Вселенских законов.

Образование в этом пространстве направлено на формирование у молодого поколения представлений о целостности мира и единстве человека с природой и обществом, об освоении человечеством целей и задач эволюции Вселенной. В процессе такого образования возникает чувство ответственности за судьбу цивилизации, вырабатывается стратегия поведения человека, нацеленная на будущее. Образование для устойчивого развития жизни на планете должно носить системный характер, быть направлено на воспитание цельной личности, развитие ее духовных качеств, творческого начала, чувства соединения с природой и Вселенной.

Подводя итог можно сказать, что образование – это процесс, а ноосфера – результат. Сам Вернадский полагал, что эволюция наделила целостный разум человека гораздо большим значением в социальной, культурной и государственной области, чем это принято считать.

В чем же Вернадский предлагал искать опору? «Надо, чтобы в народе имелись значительные группы людей, которые не ломаются бурей, но творят и созидают. Необходимо прямо смотреть в глаза происшедшему, пересмотреть все устои своего общественного верования, подвергнуть все критике… надо, чтобы слово разбудило мысли и чувства людей, которые до сих пор жили бессознательно… Мне представляется разум и чувство тесно-претесно переплетенным клубком: одна нить – разум, а другая – чувство, и всюду они друг с другом соприкасаются…» – писал он [6, с. 132]. Он сам, безусловно, принадлежал к этой когорте людей.

Какой выбор должно сделать человечество в XXI в., по какому пути ему идти? Это только коэволюция, которая включает в себя

Науку, Природу как планетарное хозяйство и Гармонию политического и социального устройства нашего дома – планеты Земля и самое главное – Человека космического, человека разумного, с опережающим экологическим и научным мышлением. Принцип устойчивого развития – принцип мировоззренческий, он требует смену парадигмы мышления, экономики, технологии, межнационального общения, что как раз и не было учтено на конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году.

Экологические, философские, научные, экономические притязания на смену парадигмы мышления человечества и конкретной личности возвращают нас к идеям В.И. Вернадского об особом значении и статусе образования в демократическом государстве, о его непрерывности в течение всей жизни человека.

Новым форматом взаимодействия системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки с высшим и школьным образованием была, например, первая научно-практическая конференция «Образование нового поколения. XXI век» по теме «Образование и космос» [об этом см.: 11, с. 187–196].

Мысль о «переходе к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига», о человеке как будущем «гражданине Вселенной» еще в XIX и начале XX в. звучала из уст философа Н.Ф. Федорова, учителя физики К.Э. Циолковского, вдохновляла писателей, поэтов, художников Серебряного века. Научные открытия, инженерные решения опирались на прочный духовный и культурный фундамент. Космический прорыв стал ярким выражением, по мнению русского философа И.А. Ильина, «творческой идеи России», той всечеловеческой ее роли, о которой говорили А.С. Пушкин и Ф.М. Достоевский. И если наша держава хочет соответствовать своему историческому и духовному назначению, то она должна всемерно развивать космическое мировоззрение и ее плод – ноосферное образование.

Образование в XXI в. становится планетарной проблемой. В его основу должна лечь мысль о человеке как существе, творчески действующем в мире и ответственном за этот мир. Выдающиеся представители русского космизма, ноосферной мысли России говорили об универсальных задачах рода людского, призывали к преодолению социальной, межгосударственной, национальной, религиозной розни, утверждали, что нужно направлять совокупную энергию человечества не на вражду с себе подобными, а на

решение глобальных проблем, угрожающих самому существованию рода людского. При этом они не ограничивали регуляцию природы пределами земной планеты, подчеркивали космичность явлений жизни, фундаментальную взаимосвязанность земных процессов и процессов, протекающих во Вселенной. Такой антропологический вызов должен быть принят молодыми!

Литература

1. *Аксенов Г.П.* Три биографии Владимира Вернадского. М.: Архив Российской академии наук, 2014. 164 с.

2. *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Киев: Наук. думка, 1994.

3. *Вернадский В.И.* Задачи высшего образования нашего времени // Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989.

4. *Вернадский В.И.* Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс, 2004, с. 553–567.

5. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 520 с.

6. *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989.

7. *Вернадский В.И.* Русская интеллигенция и новая Россия // Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс, 2004. С.568–569.

8. Концепция возрождения образования и науки в России: открытое письмо Президенту РФ В.В. Путину от научной и педагогической общественности. https://zen.yandex.ru/media/shevkin/nauchnaia-i-pedagogicheskaia-obscestvennost-protiv-grefovsciny-i-asmolovsciny-5f76e39d7f726b6a39674980 (дата обращения 20 июня 2021 г.).

9. Круглый стол ГД от 31 мая 2021 г. https://youtu.be/RdXXba8kBf8 (дата обращения 20 июня 2021 г.).

10. Переписка В.И. Вернадского и П.А. Флоренского // Новый мир. 1989. № 2. С. 195–204.

11. Философия русского космизма и будущее мировоззрение: сб.ст. по материалам межвузовской конференции / ред. кол. Б.Н. Бессонов, И.А. Бирич, А.Е. Черезов; отв.ред. И.А. Бирич. М.: МГПУ, 2014. 244 с.

I.A. Birich, O.G. Panchenko

Education at the Epicenter of the Anthropological Challenge (from Vernadsky to Vernadsky)

Abstract. The article is devoted to the problem of education in modern Russia. It begins with the concept of public education, developed and implemented by the famous Russian scientist V.I. Vernadsky at different periods of his long life (1865–1945). For the scientist, education was closely related to the democratization of public life in Russia and the development of the best human qualities. As the creator of the theory of the biosphere and noosphere, he associated the formation of the latter with the development of the human spirit and mind as the most important component of the biosphere. The second paragraph reveals the current state of Russian education, which led as a result of its continuous twenty years of modernization to the abrupt alienation of the younger generation from the older generation, from cultural and moral obligations. This was particularly facilitated by the digital educational environment, approved by the Ministry of Education as the National Education Project without coordination with the parent and pedagogical public . and failed humanitarian examination. What kind of anthropological challenge serves modern education? In the third paragraph we return to the teachings of V.I. Vernadsky as an alternative to today's impasse in education, we talk about the principles of noospheric education.

Keywords: V.I. Vernadsky, People's education, Autonomy of high school, democratization of public life, Vernadsky's theory about the biosphere and the noosphere, Forsyth Project 2030, The digital education environment as a trap for the young, noospheric education

Ёити Фудзии (Япония)

Биополитика и война

Аннотация. **Статья посвящена вопросам биополитики. В современной биологии вопрос о расах утратил прежнюю однозначность. Не следует забывать, что идеи расового превосходства нередко становятся причинами развязывания войн. Генетические исследования этнических различий, считает автор, не могут использоваться в качестве аргументов этнической неполноценности и обоснования геноцида. Гуманизм требует уважать различия между людьми.**

Ключевые слова: **биополитика, война, расизм, коронавирус**

В 2020 году отмечается 75-я годовщина окончания Второй мировой войны. Можно сказать, что Великую Отечественную войну и Тихоокеанскую войну спровоцировали расовые раздоры и дискриминация. В настоящее время лица азиатского происхождения являются объектами расистских нападений в Европе и Америке. Дискриминационное отношение к восточным народам в указанных регионах в первой половине прошлого столетия вызывали представления о «жёлтой опасности». В настоящее время в связи с эпидемией коронавируса существует большой интерес к проблеме «биовласти», впервые подробно разработанной М. Фуко. Отталкиваясь от этой концепции, в статье идет речь о том, как в разные исторические моменты проявлялись представления японского правительства об отношениях японцев с представителями других рас и наций, что нередко это становилось причиной военных конфликтов.

Сначала попробуем точно сформулировать вопрос по поводу определения терминов расы и нации, которые оказали решающее влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику на Западе и Дальнем Востоке в XX веке.

Согласно Философскому энциклопедическому словарю (2010), нация – это народ, который создал себе зависящее от него правительство и имеет в своем распоряжении территорию, границы которой более или менее уважаются другими нациями. И согласно тому же словарю, в антропологии раса – это группа людей, в которой характерный внешний облик обусловлен общими наследственными конституционными признаками (цветом кожи, формой головы, формой лица и носа, формой и цветом волос, размерами тела и т. д.).

История термина «раса» берет своё начало в XVIII веке. Это понятие было введено немецким врачом Иоганном Фридрихом Блуменбахом. В своей книге «Об естественных различиях в роде человеческом», изданной в 1795 году, он классифицировал человечество на пять рас – монголоидную (жёлтая раса), малайскую (коричневая), негроидную (чёрная), американоидную (красная) и кавказскую (белая). Представителей последней он считал самыми красивыми. Ещё раньше шведский ботаник Карл Линней в десятом издании своей книги Systema Naturae (1758) почти аналогично подразделил человечество на четыре группы по цвету кожи и внешним признакам. В принципе приведённая версия этого не совсем научного деления до сих пор широко используется и изучается в школах даже в наше время.

Сейчас категоризация людей только на основе цвета кожи и морфологических типов черепа больше не может считаться биологической концепцией. Тем не менее представление о том, что расы обладают устойчивыми и неизменными чертами, которые люди не могут выбирать, и её признаки передаются детям, сохраняется стойко до сих пор.

Неудивительно, что в конце XVIII века учёные разработали теорию о расах. В те времена под влиянием философии Просвещения вопросы, связанные с условиями и качеством жизни, а также с политическими и экономическими проблемами, привлекли внимание буржуазии, и она стала контролировать жизнь людей, которая раньше считалась уделом церкви и Бога. В конце XVIII века появилась, по выражению М. Фуко, «биополитика» человеческого рода, под которой имеется в виду совокупность процессов, включающих в себя пропорцию рождений и смертей, уровень воспроизводства населения, его рост и т. д.[131] С тех пор основные биологические признаки человеческого вида стали соотноситься с политическими стратегиями, включая европейский колониализм, который позволял одним расам относиться к представителям других как к недочеловекам.

Слово «наука» звучит универсально, но в контексте различных систем убеждений наука функционирует неразномерно; время и общество меняют образы науки, которым учёные следуют и верят в них как во всеобщую истину. Практически наука о расах владела умами не только настоящих учёных, но и

[131] *Фуко М.* Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. С. 256–257.

лжеучёных на Западе с XIX века до конца прошлого столения, и даже сейчас обыкновенные люди считают эту квазинауку очевидной. С другой страной, в Восточной Азии с конца XIX века люди не считали себя единой «жёлтой расой». Японцы, корейцы и китайцы склонны считать себя разными как нации и подчеркивать своё культурное, а также физические отличие от других наций.

Наука о расах широко распространилась в западном обществе, где благодаря французскому писателю Жозефу Артюру де Гобино выдумалась интрига доминирования белой расы над другими. В эссе «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853) этот французский дворянин создал идею расовой иерархии – белая, жёлтая и чёрная. Кроме того, он настаивал на превосходстве белой расы над другими, а также подчеркивал важность расовой чистоты для сохраненния этой расовой иерархии.

Позже идея Ф. Гальтона, основателя евгеники, была применена к принципу «выживания наиболее приспособленных» и помогла укрепить миф об успехах белой расы благодаря тому, что она является самой цивилизованной и самой человеческой. Злоупотребляя дарвиновской теорией естественного отбора, Гальтон попытался статистически представить «лучшую» белую расу, используя метод, напоминающий селекцию скота. Таким образом, научный расизм сформировался путём объединения идеи расы и евгеники в конце XIX века.

Через несколько десятилетий научный расизм распространился не только на Западе, но и на Востоке. Как отмечал М. Фуко, расизм оказался вписан в государственные механизмы с появлением биовласти, которая имеет жизнь своим объектом и целью[132]. В Японии в период Мэйдзи (1868–1912) дискурс о том, как улучшить японскую расу, был одной из самый горячих тем среди учёных.

Одна группа, в которую входил Ю. Фукудзава, влиятельный писатель, мыслитель и педагог, выдвинула аргумент в пользу скрещивания двух пород путём смешанных браков с людьми Запада, чтобы Япония могла физически и умственно соперничать с Западом, и рекомендовал правительству изучить результаты таких браков[133]. В те времена в первой половине эпохи Мэйдзи

---

[132] *Фуко М.* Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. С. 268.

[133] Напр.: *Такахаси Ё.* Мнение по улучшени японской расы // Избранные материалы по японской евгенике / отв. ред. З. Сузуки. Т. 1. С. 565–588.

в обществе существовала тенденция к высокой оценке подражания всему западному.

Другая группа была против гибридного размножения путём браков с генетически далекими расами, поскольку качество потомства обычно ухудшается. Эта группа настаивала на улучшении своей чистой японской расы, которая сможет достичь паритета с Западом[134].

После победы в русско-японской войне идеи первой группы, рекомендовавшей смешанные браки с западными народами, стали высмеиваться. Стало преобладать мнение, что, с евгенической точки зрения, браки с западными людьми, чьи гены значительно отличаются от японских, будут вредны для японского общества, а также о том, чтобы способствовать улучшению своей расы путём скрещивания генов лучших японцев[135].

С другой стороны, в учебнике герафии, изданном в 1910 г., появилась концепция о «народе Ямато». После победы в Первой мировой войне основное течение в японской физической антропологии сводилось к тому, что японская нация состоит из смешанных азиатских рас. В те времена Япония владела колониями в виде Тайваня и Кореи, то есть тайванцы и корейцы тоже были подданымии Японской империи и принадлежали к японской расе. Вышеуказанное антропологическое мнение полностью оправдывало идею о том, что император Японии должен господствовать во всей Восточной Азии как в своей колонии.

Кроме того, это мнение определяло расу как группу людей, имеющих общие физические особенности генов, которые отличают от других, а нацию – как группу людей, имеющих общий язык и культуру[136]. Японское правительство никогда не признавало тайванцев и корейцев нациями и вынуждало их принять японский язык и культуру, чтобы к ним не применялся принцип национального самоопределения. По определению Фуко, существо функций и исторической роли нации заключается в умении управлять собой, распоряжаться, руководить, обеспечить себе конституцию, фунционирование государственной системы и го-

[134] Напр.: *Като Х.* Взгляд на улучшение расы // Там же. С. 627–638.

[135] Напр.: *Ока А.* Фактическая ценность евгеники // Там же. Т. 3. С. 153–159.

[136] *Сакано Т.* Научное исследование и концепция расы // *Сакано Т., Такэзава Я.* Развенчание мифа о расе. Т. 2: Знания: между наукой и обществом. Токио, 2016. С. 7.

сударственной власти[137]. Разумеется, корейцы сами считают себя единой нацией, и они вели борьбу за независимость. Японцы же рассматривали тайванцев и корейцев как «полу-японцев» и позиционировали их как низшую ступень в стратифицированном японском обществе – вплоть до дня поражения в войне на Тихом океане.

В противовес японской политике включения различных народов в империю, где ведущую роль играл «народ Ямато», будучи смешанной нацией, политика нацистов Германии последовательно преследовала чистоту арийцев и основывалась на теории арийского превосходства. В своей работе американский историк Н. Наймарк, высказывает мнение, что неспособность современного суверенного государства терпеть большие группы меньшинств в пределах своих границ приводит иногда к программам ассимиляции, а иногда к этническим чисткам, в зависимости от политических обстоятельств и исторического контекста[138]. Упрощенно говоря, в случае Японии была принята первая программа, а в случае нацистов – вторая.

Заимствуя идею Гобино о расовой чистоте и превосходстве белой расы, нацисты развили свою расовую политику и продвигали идею вымышленной «арийской» расы. Гитлер упомянул расовую ценность в своей неопубликованной секретной «Второй книге», говоря, что важность ценности крови Народа только тогда становится полностью эффективной, когда эта ценность признана Народом, должным образом ценима и уважаема. Анализируя такой дискурс расовой гигиены, Фуко выразил его следующим образом: «Мы защищаем общество от всех биологических опасностей другой расы, этой под-расы, контр-расы, которую мы, вопреки себе, создаем»[139]. Было бы неверно приписывать эту идеологию расизма и политику геноцида только Гитлеру и нацизму. Как отметила британский журналист А. Саини, истоки научных идей расовой гигиены, приведших к геноциду, имелись не только в Германии, но такие идеи постоянно передавались учёными-расистами на Западе на протяжении более века, и были поддержаны уважаемыми интеллектуалами, политическими лидерами и т.д.[140] Поэтому в Германии объектами расизма и

[137] *Фуко М.* Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. С. 237.
[138] *Naimark, N.M.* Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-century Europe, 2001. P. 8.
[139] *Фуко М.* Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. С. 78.
[140] *Saini A.* Superior: The Return of Race Science. Beacon Press, 2019. P. 41.

гонений были евреи, славяне и т.д., а в дргих странах Запада отношение белого сообщества к другим расам, особенно к народам Восточной Азии, было презрительным. Так называемая «жёлтая опасность» доказала, что западный расизм осуществил разрыв внутри того биологического континуума, к которому обращалась биовласть[141], и они пытались помешать жёлтой расе лишить их преимущества белой расы.

Это навязчивое заблуждение относительно «желтой опасности» возникло из некоторых сочинений и событий. Первое: книга британского историка Чарльза Пирсона «Национальная жизнь и характер», изданная в 1893 году, когда у западных великих держав не было конкурентов в мире. Поэтому футуристический обзор писателя о том, что цветные расы будут угрожать западной цивилизации, удивил английских читателей. Второе: это статья графа Ацумаро Коноэ, который был японским политиком и журналистом, а также отцом будущего премьера Фумимаро Коноэ. В статье, опубликованной в 1898 году после тройственной интервенции России, Франции и Германии (1895), он выдвинул свою идею союза жёлтой расы, которая основывается на том, что японцы и китайцы должны строить тесные отношение, и жёлтая раса и белая раса должны будут боротся за своё выживание в конце концов, потому что как китайцы, так и японцы – смертельные враги белой расы. Это мнение вызвало глубокую реакцию и чувство опасности на Западе. Кроме того, западное общество расценило победу Японии в русско-японской войне как кризис западной цивилизации.

В США расисты враждебно смотрели на иммигрантов из Восточной Азии в 1870–1940-х годах. Среди них считалось само собой разумеющимся, что они принадлежат к выйсшей расе, и что, если их не ограничивать, низшие расы смогут превзойти высшие расы. Увеличение числа иммигрантов из Китая, позже из Японии, вызвало антииммигранскую кампанию в Калифорнии. В свою очередь последовала негативная реакция со стороны японцев, и это ещё больше усилило кампанию. Парламент США принял закон об ограничениях для китайцев в 1882 году, а в 1923 году закон о запрете их иммиграции, который фактически был также законом об ограничениях для японцев. Принятие законопроекта вызвало ярость большей части японцев и изменило

---

[141] *Фуко М.* Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. С. 269.

настроения японских интеллектуалов с проамерикансих на антиамериканские. Они стали воображать, что Япония может выиграть войну с США так же, как она выиграла войну с Россией.

В результате этот закон побудил японское правительство захватить Маньчжурию как место, куда японцы могут мигрировать. Мировая депрессия 1929 года, которая нанесла серьезный ущерб японской экономике, привела японскую армию к мысли рассматривать Маньчжурию как «Lebensraum» для японцев и как плацдарм для военных операций в Китае – аналогично тому, как Гитлер рассматривал Восточную Европу как «Lebensraum» для арийской расы.

Гитлер связывал свои исторические взгляды на расу с концепцией «Lebensraum» и писал, что политика есть искусство проведения борьбы Народа за свое Земное существование. Внешняя политика – это искусство защиты временно необходимого жизненного пространства, определяемого по количеству для Народа. Внутренняя политика – это искусство сохранения необходимости применения силы для Народа в форме защиты его расовой ценности и количества. Его точка зрения на политику в Европе сопоставима с политикой Японии в отношении Маньчжурии. После того как Квантунская армия основала Маньчжоу-Го, японское правительство сделало его базой продовольственного и кормового снабжения Японии и для этого разработало проект по отправке миллионов крестьян в эту колонию на 20 лет. Но, конечно, места, куда были оправлены японские крестьяне, были землями, которые китайцы обрабатывали веками, а японская армия их только грабила. Это привело к негодованию китайцев и заставило их нападать на японцев.

В соответствии с политикой расовой гигиены Гитлера, японское правительство решило отправить молодых японских женщин в Манчьжурию, чтобы защитить там расовую чистоту «народа Ямато». Было проведено соответствующее обучение, и девушкам запретили выходить замуж за китайцев. Но, на самом деле правительство ожидало, что эти женщины скорее станут рабочей силой для селькохозяйственных работ, чем будут рожать детей[142]. После поражения Японии в 1945 году в процессе репатриации из колоний некоторые японские девушки были изнасилованы советскими солдатами. В местечке Фуцукаити, префек-

---

[142] *Аиба К. и др.* Как создавалась маньчжурская «невеста континента»?: подходить к пустоте в истории военного образования. Токио, 1996. С. 199–202.

тура Фукуока, недалеко от порта для приема людей с материка, японские власти создали временную больницу, где беременные женщины, которые смогли вернуться живыми, могли делать аборты. Истинная цель этого органа состояла в предотвращении сексуальных заболеваний, а не в защите этих женщин[143].

В 2020 году японские исследователи в области санитарии и генетики пытались выяснить, существуют ли у японцев какие-либо генетические преимущества, которые позволили бы им поддерживать низкий уровень заболеваемости новым видом коронавируса и смертности от него. В июне 2020 года на просьбу объяснить «успехи» Японии вице-премьер Асо Таро хвастливо заявил, что между Россией и Японией уровень подверженности населения коронавирусу отличается в пользу Японии[144]. Однако последующая ситуации с подверженностью населения коронавирусу доказала, что никаких фантастических преимуществ у Японии не существвет. Следует отметить, что генетики часто бывают склонны приходить к неоправданным выводам об этническом превосходстве какой-либо нации, и мы не должны забывать о том, что эта научная дисциплина раньше поддерживала идею превосходства или неполноценности рас.

Таким образом, «биовласть», появившаяся в XVIII веке, осуществляет политику в области колонизации, семьи, брака, образования и т.д. и одновременно вмешивается в контроль над телом, поведением, здоровьем и повседневной жизнью людей. Кроме того, она заботится о защите чистоты крови и сохранении доминирования своей расы. Нередко именно это становится целью различных войн.

Литература

1. *Фуко М.* Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
2. *Naimark N.M.* Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-century Europe. Harvard University Press, 2001.
3. *Saini A.* Superior: The Return of Race Science. Beacon Press, 2019.

[143] *Футамацу Х.* «Манчьжурин» для иммигрантов – ложь и правда пионерского отряда в Маньчжурии и Монголии. Токио, 2015. С. 205–206.
[144] *Wingfield-Hayes R.* Coronavirus: Japan’s mysteriously low virus death rate // BBC News. Tokyo, 4 July 2020.

4. *Wingfield-Hayes R.* Coronavirus: Japan's mysteriously low virus death rate // BBC News. Tokyo, 4 July 2020.

5. *Аиба К. и др.* Как создавалась маньчжурская «невеста континента»?: подходить к пустоте в истории военного образования. Токио: Акаси-шотэн, 1996 (на яп. яз.).

6. *Арараги С.* Международная социология по миграции Японской империи. Токио: Фудзи шуппан, 2008. (на японс. языке).

7. *Мията М., Ягю К.* Политическое мышление в нацистской Германии. Токио: Субунся, 2002 (на яп. яз.).

8. *Оса С.* Теория по расе и расиализации в современной Японии и трансформация дискурса по «смешанному браку» // Журнал гуманитарных наук. Киотский университет. 2019 (на яп. яз.).

9. *Сакано Т., Такэзава Я.* Развенчание мифа о расе. Т. 2, Знания: между наукой и обществом. Токио: Токио унив. шуппанкай, 2016 (на яп. яз.).

10. *Сатоу Х., Окабэ Ё.* Выясним японское образование в Колонии. Токио: Косейся, 2020 (на яп. яз.).

11. *Сузуки З.* Избранные материалы по японской евгенике. Т. 1, 3, 5. Токио: Курес шуппан, 2010. (на японс. языке).

12. *Футамацу Х.* «Манчьжурин» для иммигрантов – ложь и правда пионерского отряда в Маньчжурии и Монголии. Токио: Хэйбонся, 2015 (на яп. яз.).

13. *Хиросэ И.* Жёлтая опасность: родословие за сто лет. Токио: Кобунша, 2020 (на яп. яз.).

Youichi Fujii (Japan)

Biopolitics and War

Abstract. **The article is devoted to the issues of biopolitics. In modern biology, the question of race has lost its former unambiguity. It should not be forgotten that ideas of racial superiority often become the causes of wars. Genetic studies of ethnic differences, the author believes, cannot be used as arguments of ethnic inferiority and justification of genocide. Humanism demands respect for the differences between people.**

Keywords: biopolitics, war, racism, coronavirus

А.А. Воронин

Допинг в контексте «искусственное – естественное»

Аннотация. В спорте, как одном из глобальных институтов современного общества, место человека быстро меняется. Спортсмен, особенно в спорте высших достижений, становится объектом различных манипуляций ради достижения победного результата. Исчерпав предельные возможности организма, спортсмены прибегают к стимуляторам, часть которых опасны для здоровья и не признаны легальными. Среди них видное место занимает допинг, ставший серьезной проблемой морального, правового и телесного характера. В статье ставится под сомнение корректность противопоставления «естественное – искусственное» в обсуждении проблемы допинга. Анализ показывает, что не менее важная компонента этой проблемы – «социальное», а точнее говоря, весь социальный контекст большого спорта, и прежде всего – его организационная структура. Проблему допинга ни решить, ни понять невозможно вне учета социальной структуры спорта больших достижений

Ключевые слова: **профессиональный спорт, допинг, риск, мотивация, спортсмен, тренер, организационная структура, естественное, искусственное, социальное**

Спорт стал глобализирующим фактором чуть ли не с момента своего зарождения – и не только потому, что взрывообразно расширил ареалы своего распространения. В самой сути спорта – внедрение точных и универсальных способов измерения человеческих двигательных способностей – обнаружилась формула «поверки алгеброй гармонии». Мировой рекорд, пусть поставленный в никому не известной деревеньке, общезначим потому, что протокол о его достижении «оцифрован», как сейчас говорят. то есть зафиксирован метрической системой мер. Универсальная мера измерения приравняла страны и континенты в едином стремлении одолеть не просто соперника, а любого соперника в заочном сопоставлении силы, ловкости, скорости. Спорт стал мерой возможностей человеческого организма. И стал одновременно местом их преодоления, выхода за пределы не просто

обычных, а сверхобычных возможностей. Как часто бывает, благие намерения создать эталон красоты, силы и здоровья вымостили дорогу в коммерциализацию спорта, его политизацию, то есть привнесение в спорт «посторонних» компонент сделали его опасным, травматичным и часто – нечестным. Ради достижения победы и рекорда стали привычными не вполне или совсем не честные способы борьбы. Хорошо известны, в частности, «договорные» соревнования – в игровых видах спорта, в единоборствах, в гонках разного рода и т.д. Среди этих способов видное место занимают разного рода стимуляторы, мобилизующие дополнительные возможности организма к сверхвысоким нагрузкам и соответственно достижениям. Таким образом, в очередной раз высвечивается еще одна грань глобализации – разгон без тормозов чреват трагедиями.

Проблема допинга в спорте активно обсуждается и в прессе, и в науке, и в спортивной и околоспортивной среде. На официальном уровне безоговорочно признается, что допинг – это зло, приводящее к искажениям в этике спорта и в оздоровительной функции спорта. Но вопреки многим усилиям искоренить допинг проблема остается. Риск нечестной победы, даже смертельный, не останавливает спортсменов, тренеров и чиновников от спорта от фактического применения запрещенных стимуляторов. Почему? Признание Анфисы Резцовой[145], с которым соглашаются практически все спортсмены и тренеры: без допинга нет победы. Таков уровень современного спорта. Рекорды, как правило, находятся далеко за пределами возможностей человеческого организма. Да, допинг – нечестная стимуляция, но есть способы не попадаться – и медицинские, и договорные, и организационно-финансовые. Смысл борьбы с допингом, да и вообще с жульничеством, вроде мини-моторчиков на велосипедах, – людям нужен чистый эксперимент, без искажений свидетельствующий о возможностях тренированного тела (и духа) перекрыть вчерашний рекорд.

Попыткам поймать на допинге противостоят изощренные и не менее дорогие способы обойти так или иначе допинг-контроль. Дискуссия о запретах стимуляторов ведется в пределах представлений о естественном и искусственном. Естественными считаются способы подготовки и состязательных практик

[145] «Допинг – это ладно, это все делают. Мы все допингисты, весь мир в допинге». https://www.sports.ru/tribuna/blogs/russiateam/2862482.html.

без применения фармацевтических средств стимуляции. Искусственными – стимулирующие средства, попадающие в организм спортсмена извне, в основном из области медицины, фармакологии, генной инженерии. При этом искусственное нагружается отрицательными, а естественное – положительными коннотациями.

Спорт высших достижений – это «лаборатория», в которой человеческий организм испытывается на рекордные достижения. Тут интересен не Петров, не Иванов, а человек как организм. Он может принадлежать и Петрову, и Иванову. Но это не важно, важно сколько можно поднять, за сколько пробежать или проплыть, на сколько можно прыгнуть. Кто кого может поколотить. Ради этого и петровы, и ивановы отобраны с детства и ничего в жизни не знают и знать не должны. Они не люди, писал я[146], они частичные люди: они не больше, чем их организм, доведенный до пика возможности в каком-либо движении. Тренировки с трех лет и жизнь до тридцати. Всё. Больше никому ни тело, ни то, что там в нем обреталось, никому не нужны. Никому – в смысле благодарного человечества, которое протестировало на иванове-петрове некие предельные возможности отнюдь не душевного свойства. Что там этот чемпион говорит или думает, это никого не волнует. Ну, может кроме таблоидов.

Тут еще нюанс: организм – это национальное достояние. Это флаг, гимн, это кузькина мать им и вперед нам. Это деньги, это политика и это фанатизм. Это спортивная (заметьте!) честь, (спортивное) достоинство, (спортивная) справедливость и… героизм. Короче, всё хорошее.

Но от организма не требуется ничего, кроме. Ничего! Его можно и дальше использовать – депутатом, киллером, да как угодно, да-да, как угодно будет тем, кто их использует. Но ему не предписано быть организмом Человека. То есть существа разумного, ответственного, совестливого и достойного человеческого звания. Спортсмен – это сверхчеловек, он сам себе судья, законодатель и… палач. Там, за барьером, который преодолен таким тяжким трудом, в разряженной моральной и мотивационной атмосфере, уже нет места обывательским критериям допустимого и недопустимого. Там есть снисходительное, пренебрежительное игнорирование здравого смысла: «вам не понять». Первый –

146 *Воронин А.А.* О спорт, ты…// Человек. 2018. № 6. С. 130–139.

это значит исключительный! И никто тебе не указ. Спортсмен никому ничего не должен, кроме рекорда. Его так вырастили в лаборатории по имени спорт. Он не должен знать языка родного, не должен иметь манер и совести, не должен ничего, что мешает быть наверху. То есть может, но не обязан. Это правила, принятые в реальной жизни: «такова спортивная жизнь».

Двойственность спорта, о которой так выразительно написал книгу А.А. Передельский[147], состоит в двойной морали – реальной и показной. Спортсмен стоит перед дилеммой – победить всех (в том числе и свои физические возможности) и при этом оставаться на уровне позавчерашних моральных императивов «чистоты» спорта. Или использовать «маленькие хитрости» вместе с механизмами «прикрытия» греха, в надежде избежать либо разоблачения, либо наказания. Именно на его фигуре сходятся противоположные силы, они раздирают его существо не хуже пыточных изобретений Средневековья. Причем в закрытых стенах «лаборатории по имени спорт» считаются приемлемыми нечистые методы соревнований, но на открытых аренах демонстрируется показное их осуждение. Готовили к одному, а столкнулись с другим. Оказывается, спортсмен не имеет права обманывать ради победы? Не идти на всё ради страны, гимна и флага? Ради любимого и почти совсем не страшного начальства? А кусок хлеба? А детство в воде? На корте? В ринге? А подмены, подставы, договоры «в третьем раунде ляжешь», во втором пропустишь – интересы клуба! Да мы же так выросли, мы так воспитаны – не поймали – чист! Помните, как раньше говорили: не за то цыган сына бил, что воровал, а за то, что попался.

Естественные «допинги»

Речь идет не о допингах в медицинском смысле слова, поэтому слово «допинги» взято в кавычки. Речь идет о мотивации, которую тоже нельзя не назвать экстремальной. Просто перечислю, не вдаваясь в подробные описания. Тренировка как искусственное приобретение естественных качеств и свойств. Работа организма человека в экстремальных режимах, узкая специализация на определенных видах движения, многолетняя изнурительная практика тренировок и соревнований создают резервы «естественной» готовности к рекорду. Мышечная память, отра-

[147] *Передельский А.А.* Двуликий Янус. Спорт как социальный феномен. Сущность и онтологические основания. М., 2016.

ботанная годами специфическая ловкость, повышение функциональных показателей, использование особенностей строения тела, особенностей возраста, не говоря уже о строгом отборе начинающих спортсменов, – много обстоятельств, которые составляют так называемую естественную компоненту спортивного результата. Хотя о естественности тут можно говорить с очень большой натяжкой, – ведь спортсмен фактически превращается в однобокую функцию того вида спорта, которым занимается. Из его жизни изъяты многие другие сферы деятельности, которые делают человека целостным существом. Насколько это естественно? Настолько же и искусственно, раз человек поставлен в такие предписанные, жесткие рамки ради достижения весьма искусственно определенной цели. Уж если разобраться, то какое дело Иванову, Петрову и Сидорову до пределов человеческого организма? Зачем приносить себя в жертву чьему-то интересу, чьей-то любознательности, чьей-то гордыне?

Наряду с мобилизацией сил организма спортсмен мобилизует и силы души. Здесь работают социальные факторы: лидерство и статус в обществе, заработок, престиж, героизация чемпионства… Состязательная мотивация, ее разные виды – в игровых, силовых, гладких видах (бег, плавание, велосипед…) – настолько же естественная, по мнению многих авторов, компонента человеческой природы, как и агрессия, доминирование. Стремление к победе, к доминированию, славе, почету – это сильные стимулы, можно даже сказать, стимуляторы. Кто-то считает, что лидерство вписано золотыми буквами в человеческую природу, кто-то полагает, что это культурная конструкция, кто-то видит в спортивном лидерстве сублимацию общественной агрессии. Все правы, наверное, частично. Мобилизационная мотивация, поддержка – психологическая, финансовая, идеологическая (честь и достоинство клуба, страны, расы, религии, флага…) приводит к героизации спортивного подвига. Чемпион – фигура квазирелигиозного плана, он велик далеко за пределами стадиона, он гуру фанатов, медийная персона, объект обожания и поклонения. Спортсмен идентифицирует себя с чем-то большим, чем он сам, – с флагом, страной, клубом, еще чем-то возвышенным. Есть всегда что-то неопределимое, подсознательное, неявное в побудительных мотивах спортсмена. Профессиональная этика, императив «так надо», преодоление пределов…

Помимо этого, спорт стал средством заработка, стал высокооплачиваемой профессией, то есть цель спортсмена выводится из чисто телесных практик в социальные и экономические пространства. Насколько это естественно – тоже можно спорить. Победить на дистанции, поставить рекорд – это ведь значит утвердить свою персону выше всех. Но самолюбие – не самая большая добродетель. И несмотря на понятие «чистый спортсмен», «чистый спорт», все же в спорте цель оправдывает средства. Спорт как институт[148] предоставляет возможность получить работу бывшим спортсменам, так что карьера спортсмена не так уж и бесперспективна (как несколько утрировано я написал чуть выше).

Эстетическая компонента – красота как неявная и явная цель занимает важное место в спорте – и как в зрелище, и как во внутренней мотивации. Чистота движения в дзюдо важнее победы, техника дриблинга важнее гола, стиль игры бывает важнее выигрыша. В игровых видах на первое место выходит красота не только тела, а движения, команды, тактики, замысла, стратегии.

Психологическая компонента – в спорте человек достигает полного (или не очень) ощущения, что он состоялся, что он преодолел непреодолимые барьеры, что он перешагнул через природные ограничения и стал выше них. Выше своих коллег по цеху, выше всех вообще на белом свете. Это льстит самолюбию и мобилизует на борьбу за свое место в пантеоне героев.

Социальная компонента: спортсмен высокого ранга часто становится государственной персоной, он на верхнем этаже социального олимпа. Он прославлен, богат и влиятелен.

Промежуточными в данной классификации являются средства повышения результатов, связанные с развитием технологий производства инвентаря. Это тоже поле бесконечных усовершенствований, причем часть из них считается приемлемой, а часть – нет. Гибкие шесты для прыгунов в высоту прижились, а купальные (точнее говоря – спортивные) костюмы с отталкивающим воду эффектом – отменили. Инвентарь может значительно помочь спортсмену улучшить результат (примеров много: это и лыжи, и коньки, и стрелковое оружие, включая луки, обувь, новые материалы для одежды и т.д.). Но вот решения, какие новшества приемлемы, а какие нет, – дело конвенций спортивных чиновников, отчасти – спортивной общественности.

---

148 *Пономарчук В.А.* Институт спорта. Истории и реальность. Минск, 2002.

Искусственные допинги [149]

Искусственные допинги – это лекарственные препараты, которые вводятся в организм не для лечения, а для стимуляции двигательных и ментальных функций. В последние годы к арсеналу стимулирующих воздействий добавилась генная инженерия, выводящая на принципиально новый уровень всю проблематику «улучшения человека», прежде всего – его организма. За искусственными допингами очень строгий контроль, который осуществляет ВАДА – всемирная организация по допинг-контролю. Это большая и очень дорогостоящая деятельность. Но не менее изощренными являются и способы обойти контроль и спрятать так или иначе следы запрещенных препаратов. Спортсмены так и говорят: большой спорт нынче – это борьба фармацевтов, а спортсмены – просто полигон для их разработок.

Между обычными лекарствами и запрещенными средствами нет четкой грани, скорее границы определяются конвенциональным способом, и то, что вчера еще считалось безвредным, завтра уже может попасть в список запрещенных препаратов. Строгость норм соседствует с условностью конвенций, и немудрено, что такая ситуация провоцирует практики и техники «легального» обхода запретов. Рука об руку идут средства для адаптации к высоким нагрузкам, восстановительных процедур и использование

[149] К основным видам запрещенных препаратов по списку ВАДА относятся:

Категория S1: анаболические стероиды. В основном производные мужского полового гормона тестостерона. Обеспечивают рост мышц, но не сухожилий и связок. Отсюда проблема – частые разрывы ахиллова сухожилия.

Категория S2: пептидные гормоны, фактор роста и т.п. Наиболее часто используется эритропоэтин, повышающий уровень эритроцитов и гемоглобина. Основная «побочка» – тромбозы. По этой статье «залетел» знаменитый Лэнс Армстронг, многократный победитель велогонки «Тур де Франс».

Категория S3: бета-агонисты, или стимуляторы. Типичные представители: амфетамин, эфедрин. Эффект – резкое повышение агрессивности и желание соревноваться, доминировать. Опасность применения: психические расстройства, повышение АД и аритмии со смертельным исходом.

Хитрые биатлонисты обеспечивают себе медсправку «бронхиальная астма», чтобы получить разрешение на сальбутамол, но я не уверен, что «овчинка стоит выделки».

Категория S4: гормоны и метаболические модуляторы. Очень широкая и неспецифическая группа препаратов. Эффект и вред в зависимости от конкретного вида.

Категория S5: диуретики и маскирующие средства. Типичный представитель – фуросемид. Используется для сгонки веса и маскировки применения других допингов. Побочные эффекты: нарушение электролитного баланса, падение АД, нарушение сердечного ритма. Допинг с точки зрения врача (https://apteka.ru/05.05.2016).

этих же средств и препаратов как стимуляторов. Такие критерии использования фармацеи, как вред здоровью, возрастные и половые особенности организма, – очень подвижны, часто просто нерелевантны, поскольку организмы у всех разные, а критерии – обобщенные. На индивидуальных особенностях спортсменов как раз и спекулируют так называемые исключения, когда «в силу обстоятельств» стимуляторы считаются необходимыми лекарствами. Известно, что норвежские лыжники всей командой хворают астмой, что позволяет им пользоваться такими исключениями.

Сделаем шаг в сторону. Человек много веков живет в искусственно созданной им среде, которую называют второй природой. Жилище, утварь, транспорт, кухня, одежда… Вот эта вторая природа – не нечто внешнее человеку, – меняя ее, человек и сам меняется. Поговаривают даже, что вторая природа командует человеком, подчиняет его себе, уродует и губит. Так или иначе, они активно взаимодействуют, и это взаимодействие проникает очень глубоко в плоть и ткань социального как такового. Полагать, что тенденция распространения второй природы на территорию первой, то есть техники на тело, не имеет отношения к спорту, – наивно. Конечно, в спорт наряду с усовершенствованием инвентаря вторгаются попытки усовершенствовать и тело. Именно этим озабочены биотехнологии, которые используются для диагностики способностей, коррекции особенностей организма, а в скором будущем, возможно, – для создания супер-организмов, далеко превосходящих обычные. Бороться с этим трендом – все равно что пытаться остановить ветер. Но теперь, когда мы ввели в рассуждение концепт социального, поменялась и конфигурация проблемы допинга. Ее не решить и даже не понять, оставаясь в пределах изначальной оппозиции «естественное – искусственное». Мы имеем дело с триадой, устроенной куда сложнее и противоречивее, чем простая бинарная связь.

Зададим вопрос: кому из основных акторов спорта нужен допинг? В спорте есть спортсмен, тренер, зритель и руководитель. Куда ж без него. Он же политик, он же (упрощенно говоря) и спонсор. И есть развернутая инфраструктура – медицина, фармацея, эксплуатационные и технические службы, массмедиа, спортивная промышленность. Но основные фигуры – первые четыре. Оговорюсь: речь идет о большом спорте. В маленьком нет проблемы допинга. Это сразу выводит нас на линию рассужде-

ния о том, что допинг проживает только в профессиональном спорте.

Нужен ли допинг спортсмену? И зачем? Конечно, нужен, если перед ним стоит задача перекрыть рекорд. Задачу такую может поставить либо начальство, либо себялюбие самого спортсмена. Но себялюбие требует чистоты эксперимента – зачем мне самому себя обманывать? Обманывать своих соперников, которые тоже многие годы потратили на тренировки, чтобы сойтись в честном соревновании. Я себя уважать перестану. Нет, самолюбие – не мотив. Так что, скорее всего, не нужен.

Нужен ли допинг тренеру? – Конечно, нужен, если на кон поставлены козыри – личная карьера, приказ начальства, горячая любовь к родине, гимну, флагу и национальной валюте. Всё зависит от результата его воспитанника. Понимаете? Все мотивы лежат за пределами самого спорта, тренинга, заботы о здоровье молодежи, за пределами соображений порядочности и ответственности. Делать карьеру на костях? Вовлекать своих воспитанников в нечестные и опасные махинации? Снимите с тренера груз ответственности перед руководителями спорта, отмените «победу любой ценой» – и я смело скажу, что тренеру допингование ни к чему.

Нужен ли допинг зрителю? –Нет. В зрительской среде активно востребованы понятия честного соперничества, моральных устоев спорта, неприятие жульничества. Победитель, рекордсмен, чемпион – властелин сердец. Кумир должен быть кумиром во всем, в том числе и в нравственном отношении.

Нужен ли допинг руководителю? – Конечно нет. Ему лично не нужен, зачем ему собой рисковать? Он нужен его подопечным, потому что они от него зависят, они приносят ему фишки, очки, бонусы – деньги и власть. Они должны победить, чтобы он жил еще комфортнее. Руководитель ухитрился извлечь выгоду из бескорыстного (при этом замечу – не своего) интереса к высотам движения и координации и так построить институт спорта, чтобы стать бенефициаром длинной цепочки – от детских секций до госбюджета. Единственный персонаж, которому нужен допинг, – спортивный чиновник и его политический куратор. Положение усугубляется международной конкуренцией. Международные спортивные организации стали штабами по управлению сложнейшими отношениями – между странами, клубами, федерациями, финан-

совыми организациями, наукой, образованием, тренерскими сообществами, массмедийными структурами, рекламой и т.д. С ними связаны производство, организации досуга, туризма, соответствующего им бизнеса, колоссальные денежные и ресурсные потоки. Но и национальные спортивные структуры не уступают им по объему фактической власти, по строгости принятия решений, по влиянию на спортивную жизнь. Спорт опутан силовыми линиями, которые чертят организаторы и руководители спорта.

Вот здесь и зарыта собака. Вот здесь и надо искать корень проблемы допинга. Проблемы обмана, лицемерия, подтасовок, скандалов, дисквалификаций, увечий и смертей[150]. Официальные опровержения массового применения допинга разбились после бегства из РФ одного из руководителей Антидопинговой лаборатории Г. Родченкова[151]. Его разоблачения были связа-

[150] Наглядный пример обстановки в среде спортивных функционеров: «Еще один крупный спортивный функционер может угодить за решетку. Сообщения об аресте президента Федерации водного поло России, Российской федерации прыжков в воду и Федерации синхронного плавания России Алексея Власенко появились во вторник вечером в телеграм-каналах. Найти подтверждения этому долгое время не удавалось. Телефон функционера был отключен, а его соратники говорили, что не общались с ним в последнее время. Лишь в среду днем пресс-служба Басманного суда Москвы подтвердила , что к ним поступили материалы по ходатайству следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Алексея Власенко. Он обвиняется в мошенничестве в особо крупном размере (часть 4 статьи 159 Уголовного кодекса РФ). Ему грозит до 10 лет колонии. А целых три российские федерации накануне «Токио-2021» рискуют остаться без руководителя. Этот случай продолжает серию арестов российских спортивных чиновников в последние несколько месяцев. В октябре прошлого года в СИЗО был отправлен глава Центра спортивной подготовки (ЦСП) Александр Кравцов. Функционеру, который возглавлял ЦСП с 2009 года, вменяется статья 160 УК РФ «Присвоение или растрата в особо крупном размере», которая также предусматривает до 10 лет лишения свободы. В январе 2021 года под стражу были взяты глава автономной некоммерческой организации (АНО) «Арена-2018» Олег Галай и два его предполагаемых сообщника. Они обвиняются в крупном мошенничестве при строительстве объектов футбольного ЧМ-2018. А в начале марта стало известно, что к этому делу может быть причастна заместитель главы департамента управделами Минспорта России Антонина Кузнецова. Она взята под домашний арест» (https://www.sport- express.ru/obshchestvo/reviews/prezident-federacii-po-pryzhkam-v-vodu-alekseya-vlasenko-obvinyaetsya-v-moshennichestve-on-mozhet-poluchit-do-10-let-768444/?utm_referrer = https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign = dbr).

[151] Григо́рий Миха́йлович Ро́дченков (род. 24 октября 1958, Москва) — советский и российский химик-аналитик, специалист по анализу биологических образцов и выявлению допинга, кандидат химических наук. Директор «Антидопингового центра» с 2006 по 2015 год. Мастер спорта по лёгкой атлетике. Являлся членом медицинского

ны поначалу с личной обидой на руководство отечественного спорта из-за отсутствия поддержки во время допинг-скандала, и потом переросли в раскрытие всей картины жульничества и подмены проб на допинг в антидопинговых лабораториях. Его «предательство» было настолько неожиданным и серьезным, что он всерьез опасался за свою жизнь. Признать тотальную систему жульничества чиновники не могут до конца до сих пор, несмотря на развернутые доказательства, собранные в докладе Макларена[152] и вынужденные признания и отставки несколь-

---

комитета Международной федерации лыжных видов спорта (FIS). Получил всемирную известность в 2016 году после того, как дал показания о существовании в России государственной программы поддержки допинга. С января 2016 года проживает в США, является информатором Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) и одним из основных фигурантов доклада Макларена. Родченков участвует в федеральной программе США по защите свидетелей: его внешность была изменена, место жительства засекречено (https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница).

[152] «По данным доклада, подлог организован и контролировался российскими государственными органами, в частности министерством спорта, при активной помощи ФСБ. Россия в официальном письме министра спорта и президента ОКР в мае 2018 года признала неприемлемые манипуляции в антидопинговой системе, что и было выявлено в ходе расследований WADA (независимая комиссия Паунда, доклад Макларена) и МОК (комиссия Шмида)». Москва также признала решение МОК от 5 декабря 2017 года, подтвердившее выводы доклада Шмида о «систематическом манипулировании антидопинговыми правилами и антидопинговой системой в России путём сокрытия позитивных проб». 13 сентября 2018 года в письме WADA министр спорта России Павел Колобков согласился признать выводы доклада Макларена. К 18 января 2019 года российская сторона выполнила все требования Всемирного антидопингового агентства: эксперты были допущены к базе данных московской антидопинговой лаборатории, получив необходимые материалы, которые затем вывезли для установления подлинности и анализа[5–7]. Осенью 2019 года представители WADA и глава РУСАДА Юрий Ганус заявили, что в базе данных найдены “тысячи изменений”, сделанные перед её передачей представителям WADA [8–9]. В результате 9 декабря 2019 года исполком WADA единогласно принял решение отстранить Россию от международных спортивных соревнований (включая Олимпийские игры) сроком на 4 года» (материал из Википедии). Через часы после выступления Макларена были отстранены от работы упомянутые в докладе заместитель министра спорта Юрий Нагорных, советник министра по антидопинговым вопросам Наталья Желанова, заместитель директора ЦСП сборных команд России Ирина Родионова, сотрудник ЦСП Алексей Великодный и заместитель директора департамента науки и образования Минспорта Авак Абалян. В октябре 2016 года Виталий Мутко перестал быть министром спорта. Но 7 декабря 2017 года исполком МОК по результатам расследования о российской государственной системе сокрытия положительных допинг-проб пожизненно отстранил бывшего министра спорта России Виталия Мутко, ставшего нерукопожатным в мировом спортивном движении, от участия в Олимпийских играх. Аналогичное наказание получил Юрий Нагорных, бывший заместитель министра спорта, который упоминался в докладах Ричарда Макларена. 26 декабря того же года Мутко подал апелляцию. Спортивный

ких спортивных руководителей. Тем не менее до сих пор звучат нелепые попытки из уст спортивного официоза свалить очевидную вину на кого угодно, в том числе и на международные спортивные организации, и даже на происки «западных политиканов». Так, советская и российская конькобежка, депутат Госдумы Светлана Журова прокомментировала состояние российского спорта. «Над спортсменами были проведены эксперименты с допингом… Просто кто-то хотел заработать денег» – высказалась она. По ее мнению, в настоящее время никто не стесняется накладывать на российских спортсменов санкции за присоединение Крыма, а также за события 2014 года[153].

Вывод такой: противопоставление «искусственное – естественное» превратилось в противопоставление «социальное – разумное». Продолжение дискуссии о допинге только и исключительно в рамках оппозиции «естественное – искусственное» – это явный или неявный, сознательный или нет, уход от сути дела, от реальности, в которой вовсе не химия, лекарства и биотехнологии являются решающими звеньями принятия решений. Спорт так устроен, что стал своей противоположностью – опасным и лживым. Я специально утрирую ситуацию, прекрасно понимая, что не весь спорт поражен язвами обмана, что в спорте много прекрасного – и в телесном, и в душевном плане, что многие великие спортсмены находят в себе силы быть выше неприемлемой практики руководства и стимулирования… Но проблема существует, и ее обсуждение, как мне кажется, фокусируется вовсе не на ее подлинных причинах. Складывается впечатление, что противопоставление «естественное – искусственное» камуфлирует то обстоятельство, что в него вторгается социальное. Решить проблему допинга без реформы организационной структуры спорта невозможно. Для этого надо переосмыслить базовые представления об устройстве спорта высоких достижений – о личности спортсмена, о тренерской работе, о роли спортивных обществ и управленческих структур, о рекордах, и мотивах, и стимулах, и многое другое. Данная статья – приглашение к разговору на эту тему.

арбитражный суд (CAS) аннулировал решение МОК (https://ru.wikipedia.org/wiki/Доклад_Макларена).

153 https://politros.com/209186-svetlana-zhurova-ocenila-situaciyu-v-rossiiskom-sporte?utm_source = yxnews&utm_medium = desktop&utm_referrer = https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D.

A.A. Voronin

Doping in the Context of "Artificial – Natural"

Absrtact. In sports, as one of the global institutions of modern society, the place of a person is changing rapidly. An athlete, especially in high-performance sports, becomes the object of various manipulations in order to achieve a winning result. Having exhausted the maximum capabilities of the body, athletes resort to stimulants, some of which are dangerous to health and are not recognized as legal. Among them, a prominent place is occupied by doping, which has become a serious problem of a moral, legal and physical nature. The article calls into question the correctness of the «natural – artificial» opposition in the discussion of the problem of doping. The analysis shows that an equally important component of this problem is the «social», or more precisely, the entire social context of big-time sports, and above all, its organizational structure. The problem of doping can neither be solved nor understood without taking into account the social structure of the sport of great achievements.

Keywords: professional sports, doping, risk, motivation, sports man, coach, organizational structure, natural, artificial, social

М.И. Фролова

Глобальный гуманизм Аурелио Печчеи

Аннотация. В статье рассматривается теоретическая концепция первого президента Римского клуба Аурелио Печчеи. Основное внимание уделяется его гуманистическим идеям. Показано, что А. Печчеи считал ключом к решению глобальных проблем глобализацию мышления, преодоление социальных, национальных, религиозных, государственных барьеров и сознательное и целенаправленное объединение всего человечества в целях организации управления планетарным развитием. А. Печчеи обосновывал тезис о том, что глобальные опасности связаны не с замедлением, а с ускорением прогресса, и что беды человечества коренятся в его успехах. Подвергаются критике слабые стороны гуманизма А. Печчеи.

Ключевые слова: А. Печчеи, глобализация, Римский клуб, гуманизм

Аурелио Печчеи справедливо признан одним из наиболее значительных мыслителей-гуманистов XX века. Его идеи продолжают традицию гуманистической мысли, сложившуюся в кризисный период Второй мировой войны, и вместе с тем пролагают пути осмысления глобализации XXI века.

Связующую роль трудов А. Печчеи в развитии гуманистической мысли XX века неоднократно подчеркивали исследователи. И.Т. Фролов считал, что в работах А. Печчеи и его единомышленников по Римскому клубу «получила яркое и впечатляющее развитие позиция Дж. Хаксли», в соответствии с которой «решение глобальных проблем и будущее человечества ставятся в прямую зависимость от изменений его гуманистических целей, сознания, морали»[154]. И.Т. Фролов даже писал, что идеи Дж. Хаксли и А. Печчеи «выражены почти идентично»[155]. Это неудивительно; А. Печчеи сам ссылался на Дж. Хаксли[156]. Подобно Ч.П. Сноу с его идеей «двух культур», естественнонаучной и гуманитарной,

[154] *Фролов И.Т.* Философия глобальных проблем. М., 2019. С. 121.
[155] Там же. С. 207.
[156] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 72.

А. Печчеи предостерегал человечество от разрыва между техническими достижениями и культурным развитием. О.Н. Антипина отмечает, что А. Печчеи «продолжает линию исследования, начатую основателями неогуманистической концепции, – известным английским биологом Дж. Хаксли и немецким неофрейдистом Э. Фроммом»[157]. Действительно, А. Печчеи практически дословно воспроизводит тезис Э. Фромма о людях, которые «не стремятся к тому, чтобы больше иметь, но хотят быть чем-то большим и лучше служить людям»[158].

Становится все более очевидным, что «именно А. Печчеи, как оказалось после смерти этого выдающегося гуманиста в 1984 г., Римский клуб был обязан и своей наивысшей известностью, и влиятельностью. В последующие годы, как это ни печально, это движение начало затухать, несмотря на предпринимавшиеся время от времени попытки активизировать работу Римского клуба»[159]. В наше время имя А. Печчеи стало символом гуманизма, а его идеи продолжают вызывать интерес и оставаться влиятельными. В годы первых докладов Римского клуба немало ученых называли эти идеи «возрождением мальтузианского взгляда на мир» и «прямо усматривали сходства, связи между идеями Мальтуса и отправными положениями, а также конечными выводами авторов первого доклада Римскому клубу»[160]. А сегодня в популярной книжной серии «Философский поединок» вместе в качестве антиподов печатают «Опыт о законе народонаселения» Мальтуса и «Шесть целей для человечества» А. Печчеи[161].

Особенность А. Печчеи в том, что он был не ученым, а практиком. Поэтому в отличие от его предшественников, его гуманизм воплотился в конкретное дело. Речь идет не только о создании Римского клуба. Главное, что А. Печчеи четко поставил перед собой и своими коллегами задачу: произвести шоковое впечатление на мировую общественность, все продумал и организовал таким образом, чтоб в точности получить задуманный эффект. В мировом общественном мнении сложилась принципиально новая ситуация, безусловно приблизившая человечество к тому,

[157] *Антипина О.Н.* Проблема «человеческой революции» // Социум XXI: рынок, фирма, человек в информационном обществе. М., 1998. С. 235.
[158] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 231.
[159] *Фролов И.Т.* Философия глобальных проблем. М., 2019. С. 79.
[160] *Лейбин В.М.* «Модели мира» и образ человека. М., 1982. С. 6, 33.
[161] *Мальтус Т., Печчеи А.* «Слишком тесно» // Философский поединок. М., 2021. 288 с.

состоянию, к которому и хотел его привести тем самым А. Печчеи. К состоянию озабоченности будущим и осознанию серьезной ответственности за это будущее, к идее о том, что настало время, когда пришла пора меняться каждому человеку и всему человечеству. Способ, каким это было проделано, а именно – доклады Римского клуба с их «глобальной проблематикой», заслонил собой главную интенцию инициатора сложившейся новой научно-идеологической ситуации. Доклады Римского клуба вызвали бум литературы по глобальным проблемам, и в ходе их обсуждения идеи А. Печчеи в основном рассматривались в контексте подробностей и выводов глобального моделирования. Его гуманистическим идеям и идеалам уделяется гораздо меньше внимания, им посвящено сравнительно немного работ[162]. Мы же хотели бы сосредоточиться именно на этом стержне творчества А. Печчеи.

А. Печчеи называл свой гуманизм революционным, имея в виду, конечно, не политическую революцию, а «человеческую революцию», то есть осознание человечеством глобального кризиса общества потребления, радикальную смену ценностных ориентиров развития и начало сознательного управления развитием в масштабах планеты. Термин «революционный гуманизм» был нечетким и не закрепился. Иногда А. Печчеи использовал термин «новый гуманизм». Идеи нового гуманизма заслуживают пристального внимания, и мы остановимся на них ниже. В особенности они интересны в сравнении с концепцией нового гуманизма И.Т. Фролова. Симптоматично, что оба мыслителя-современника одинаково называли свои гуманистические концепции.

Нам представляется, что наиболее точным обозначением гуманистических идей А. Печчеи был бы термин глобальный гуманизм. Дело не только в том, что доклады Римского клуба положили начало глобалистике как науке. Главное в том, что А. Печчеи считал ключом к решению глобальных проблем глобализацию мышления, преодоление социальных, национальных, религиозных, государственных барьеров и сознательное и целенаправленное объединение всего человечества в целях ор-

[162] *Афанасьев В.В.* Неогуманистические концепции Дж. Хаксли и А. Печчеи. М., 1991. 29 с. Депонировано в ИНИОН АН СССР № 45423 от 10.10.1991; *Егорова Н.В.* Гуманист Аурелио Печчеи как представитель глобалистики XX века // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. Иваново, 1998. С. 450–451.

ганизации управления планетарным развитием. В известном смысле А. Печчеи воспроизвел в условиях XX века известную мысль Паскаля о парадоксальности человека, зависшего между двумя бесконечностями: макро и микро, но так и не обретшего себя: «Исследуя сложность беспредельно большого и проникая в тайны бесконечно малого, человек постиг единство Вселенной и открыл отдельные элементы того природного порядка, который объединяет все сущее на свете. Однако в этом процессе познания он не уделил достаточного внимания тому, что находится между двумя крайностями и что на самом деле важнее всего для него самого – его собственному миру и своему месту в нем»[163]. Можно дискутировать о степени утопичности выдвинутых им «целей для человечества», но нельзя не признать, что именно в подобном глобальном объединении заключалась суть его концепции.

Постараемся вычленить наиболее принципиальные и актуальные гуманистические идеи А. Печчеи. Через все его работы проходит один лейтмотив: рубежность современной эпохи во всей человеческой истории. Человечество должно осознать, что оно стоит перед выбором: продолжит ли оно свое существование, либо сорвется в турбулентность и катастрофу. А. Печчеи отчетливо выразил неоруссоистскую идею о том, что грядущие опасности связаны не с замедлением, а с ускорением прогресса, и что беды человечества коренятся в его успехах. Неоруссоизм присутствует и в мысли А. Печчеи о том, что «НТР не дает нам порой мудрости, чтобы держать под контролем наши возможности и запросы»[164]. И.Т. Фролов характеризовал эти высказывания А. Печчеи как «“новую” старую идею разделения знания и мудрости»[165]. Действительно, А. Печчеи ярко характеризует ситуацию социального отчуждения.

Но в его концепции нечетко прописано взаимодействие между тремя суперсистемами (если воспользоваться терминологией П.А. Сорокина): природой, обществом и человеком (понятым как блок «человечество – техника»). Когда А. Печчеи переходит от констатации явлений отчуждения к теоретическим выводам, он упускает опосредующую роль социальных факторов и напрямую рассматривает взаимодействие природы и техники, а также

[163] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 83.
[164] Там же. С. 211.
[165] *Фролов И.Т.* Философия глобальных проблем. М., 2019. С. 121.

человека и техники. А. Печчеи считал бесспорным тезис, на поверку оказывающийся одним из наиболее поверхностных в его анализе: научно-технический комплекс повергает в хаос всю человеческую систему. Результатом демонизации и гипостазирования науки и тенхники становится неоруссоистский алармизм, призыв «обуздать техническую революцию»[166], странный в устах человека, вся жизнь и практическая деятельность которого была посвящена дальнейшему развертыванию и продвижению НТР в экономике.

К сожалению, в методологии А. Печчеи техника продолжала пониматься как нечто внешнее, а потому и враждебное человеку. Автор риторически восклицал: «Как же все-таки дать толчок развитию самого человека, а не окружающего его мира?»[167]. Между тем техника существует в истории не в качестве стихийной силы. Техника – социальное явление, важная составляющая «неорганического тела человека» (Маркс). Если прогресс – это «лавинный и абсолютно анархический процесс, не поддающийся никакому внешнему регулированию»[168], а «техника превратилась в абсолютно неуправляемый анархический фактор»[169], оказалась неподконтрольна человеку, то не в силу своей собственной природы. Это общество утратило возможность контролировать свой технический рост. Но подобная утрата означает лишь то, что общество еще раньше утратило способность контролировать себя, свои собственные взаимоотношения и свое развитие. Общество, разъединенное социальным отчуждением, неотделимым от порядков рыночной экономики, в принципе не может выступать в качестве осознанного и целостного субъекта своего развития, не может направлять это развитие. Как можно относить к «недостаткам самого человека» социальную стратегию, в которой ради «собственного комфорта и благополучия нынешнего поколения часто бездумно и без разбора грабят и засоряют Землю»[170]. Если в обществе «люди рассматриваются главным образом как потребители», что это – вечное свойство человека, или способ существования, диктуемый человеку социальной моделью рыночных отношений?

---

166 *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 43.
167 Там же. С. 232.
168 Там же. С. 239.
169 Там же. С. 67.
170 Там же. С. 73.

Отсюда малодейственность рецептов по исправлению ситуации, которые предлагал А. Печчеи. Он возводит принцип «если нечто изобретено, оно должно быть применено», приводящий к неконтролируемому росту производства, к алчности как качеству индивида. Алчный индивид загрязняет окружающую среду и растрачивает природные ресурсы. Мыслитель-гуманист призывает индивида изменить свои качества, отказаться от одних, например, от алчности, развить другие, например ненасилие. Но захочет ли индивид менять свои качества? И сможет ли, если данные характеристики относятся к его качественной определенности? Может ли подобная попытка оказаться успешной, даже если индивид на нее решится? Неясно, кто же должен мобилизовать волю жителей Земли для радикального изменения человеческих качеств. Главное, что остается непонятным в методологии А. Печчеи: если качества человека являются врожденными, имеет ли смысл призвать изменять их, опираясь на волевое решение?

Если же вернуться к пониманию социальной определенности человеческих качеств, окажется, что индивид соотносится с природой не напрямую, а через посредство общества. Общество для него – такая же внешняя среда, только невидимая. Но от этого воздействие социальных условий на индивида не менее императивно, чем влияние природных факторов. Если общество предлагает вступающему в жизнь индивиду определенные модели поведения, следование которым должно привести его к благополучию, у индивида подчас не остается выбора. Он может задумываться об издержках и цене, которую приходится платить на пути к благополучию, но он не может изменить ситуацию, просто изменив свое отношение к ней. Необходимы сложные коллективные усилия по перестройке всей системы общественных отношений с тем, чтобы социальные условия подталкивали человека не к потребительству, а к самосовершенствованию. Без социальных изменений «толстовские» по своей сути призывы А. Печчеи отвергнуть «одномерного Homoeconomicus»[171] останутся недейственными.

Человек социален, как и техника. Поэтому мы должны рассматривать технику и человека не как абсолютно противостоящие друг другу силы, а как подсистемы, противоречиво связанные друг другом социальными отношениями. И А. Печчеи спра-

[171] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 46.

ведливо констатирует неблагополучие мировой социально-экономической и политической систем. Он пишет, что «существующий международный экономический порядок явно трещит по всем швам. Недальновидность и освященные законом права собственности пока что препятствуют его существенному обновлению»[172], что «прямо на наших глазах вступила в стадию кризиса и упадка конституционно-демократическая система Запада, и – что весьма печально – кризис традиционной демократии никоим образом не уравновешивается более здоровым институциональным устройством остальной части мира»[173]. А. Печчеи совершенно ясно понимал, что необходимым условием осуществления его мечты о человечестве, которое бы осознало свою планетарную ответственность и поставило бы под контроль управление научно-техническим развитием, является преодоление разделенности человечества: «Человечество не живет сейчас в мире с самим собой, и пока общество остается несправедливым и разделенным на части, не видать человечеству мира»[174].

Показательно, что, перечисляя линии разделения человечества, А. Печчеи называл государственно-правовые, национальные, религиозные и социальные барьеры. И предлагал весьма радикальные меры по устранению первых трех видов барьеров. Именно его предложения по ликвидации национального суверенитета и отказу от модели национальных государств вызывали, как известно, наиболее острую критику оппонентов. Но когда надо было переходить от критики социального неравенства к практическим предложениям, тексты А. Печчеи утрачивали и радикализм, и конкретность. А. Печчеи не обходит полностью вопроса о роли ТНК в современном мире, отмечает связь этого вопроса с такими проблемами как хаотичное распределение различных производств по планете, массовая нищета и безработица, истощение природных ресурсов. И делает вывод о том, что «в конечном счете возникнет необходимость переосмысления всей человеческой производственной структуры в глобальных масштабах»[175]. Показательно, что автор говорит обобщенно и неопределенно, а также переводит решение вопроса в гипотетический план и относит его к отдаленному будущему. Вероятно,

---

[172] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 78.
[173] Там же. С. 81.
[174] Там же. С. 83.
[175] Там же. С. 83.

ему казалось слишком радикальным ставить вопрос, скажем, об изъятии у владельцев такого рода собственности, как ТНК. Но о перспективе лишения национальных государств их суверенитета А. Печчеи, напротив, говорил как о ближайшей, актуальной и насущной задаче. Он даже утверждал, что национальный суверенитет «хаотического множества» государств – это главное препятствие спасения человечества, и был столь радикален, что предлагал просто игнорировать мнение множества людей, считающих суверенитет целесообразным. Между тем степень опасности разного рода расколов человечества из-за возможного сопротивления планам по ограничению влияния ТНК будет не больше, чем при попытках лишить государства суверенитета. Идеи А. Печчеи не содержат конкретных мер по сколько-нибудь серьезному ограничению прав транснациональных корпораций, о негативной роли которых в загрязнении окружающей среды он так часто писал. И этому не приходится удивляться: подобных предложений не мог содержать проект человека, многие годы служившего топ-менеджером в этих корпорациях.

Более того, А. Печчеи соглашается с ведущим теоретиком менеджмента П. Друкером о том, что «логика мирового рынка» ломает национальные границы и развивающиеся страны должны быть благодарны ТНК, ибо наем ими рабочей силы в этих странах обеспечивает им движение по пути прогресса. В этой «схеме» А. Печчеи видит «лишь преимущества для обеих сторон»[176]. Американский профессор П. Друкер, разумеется, мог в своей теории глобального «предпринимательского общества», в котором выживают только «лидеры перемен», игнорировать бедственные последствия размещения первичных производств ТНК в развивающихся странах – как для самих этих стран, так и для мировой экосистемы в целом. Но в искренности гуманистических устремлений А. Печчеи усомниться нельзя. Поэтому приходится поражаться наивности утверждений А. Печчеи о выгодности международного экономического разделения труда для развивающих стран, благо «труд, это как раз тот ресурс, в котором развивающимся странам принадлежит неоспоримое преимущество»[177]. В том то и дело, что это низкооплачиваемый труд – в странах, где стоимость рабочей силы низка из-за общей бедности. Ради этого ресурса туда и устремляется транснацио-

[176] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985.С. 102.
[177] Там же.

нальный капитал, а не для того, чтобы повышать квалификацию и уровень жизни туземных наемных работников. Это прямо противоречит его интересам. Иными словами, размещение производств ТНК в развивающихся странах – надежный способ блокировки их движения по пути к экономическому благосостоянию. Кроме того, ТНК размещают в этих странах именно те сегменты своих производств, которые не проходят фильтры экозащитного законодательства в развитых странах. Автору явно изменяет реалистичность анализа, и он уходит в сферу должного. А. Печчеи пишет о «правилах, регулирующих деятельность компаний, которые должны быть одинаково справедливыми для всех сторон и обеспечивать равным образом благоприятные условия для их дальнейшего развития»[178]. Он полагает, что, опять же «по правилам», налоги ТНК будут «выплачивать там, где получен соответствующий доход»[179]. Но тут же автор, заботясь о правах и прерогативах собственников и топ-менеджеров, оговаривается, что «штаб-квартиры международных компаний могут по-прежнему размещаться там, где им удобнее», и что «на них не должно оказываться никакого давления со стороны какого бы то ни было государства»[180]. Как будто тайной за семью печатями, а не повседневной практикой является размещение штаб-квартир ТНК в офшорных зонах именно с целью избежать «давления со стороны государств», где доход получен от эксплуатации дешевой рабочей силы. Особенно удивляет, что А. Печчеи упускает из виду глобально-экологическую составляющую проблемы размещения производств ТНК. В ряде вопросов гуманистическое видение придает мысли А. Печчеи необычайную прозорливость. Но в вопросе о действиях капиталистических корпораций гуманизм А. Печчеи принимает черты обыденного представления о гуманисте – прекраснодушном мечтателе, призывающем всех «жить дружно».

В недостаточном учете социального измерения глобальной проблематики сказывается недиалектичность концепции А. Печчеи. Ей недостает комплексного подхода к отдельным сторонам развития человечества. Тогда вскрылись бы взаимосвязи, которых не видно при первом приближении. Скажем, роль суверенитета национальных государств. Она

[178] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 102.
[179] Там же. С. 103.
[180] Там же. С. 102–103.

безусловно является фактором, разделяющим человечество. Но у народов этих государств нет иного инструмента отстаивать свои социальные права, как через социальное законодательство, принятое на национально-государственном уровне. Именно это законодательство, как известно, многократно становилось «красной тряпкой» для транснациональных корпораций, которые стремились «надавить» на государственные структуры стран мира с целью его ликвидации, либо синхронно «уводили» капиталы из тех стран, которые оказывали сопротивление. В этом глубинная причина многих кризисов, сотрясавших планетарную экономику, включая кризисный «тайфун», поразивший страны Юго-Восточной Азии в 1998 г., или же кризисные процессы в постсоциалистических странах Восточной Европы. Все эти кризисы, ослабляя национальные государства, подрывая их суверенитет, приводили лишь к усилению бедности, усугублению демографической, медицинской, энергетической и прочих глобальных проблем. Налицо сложные и многофакторные взаимосвязи между социальными и национальными, правовыми и иными аспектами развития. И резкое устранение одних препонов к объединению человечества может подчас не ослаблять, а усиливать другие.

Сильной стороной гуманистической утопии А. Печчеи является анализ «глобальной империи человека»[181]. В этом А. Печчеи проявил подлинную прозорливость. К числу решающих факторов «поворотного пункта истории», когда «человек решился вступить в прямое состязание с Природой»[182], он отнес не только овладение ядерной энергией и освоение космоса, но и стремление «изменить себя самого с помощью человеческой инженерии и манипулирования с генетическим материалом»[183]. При жизни А. Печчеи «расшифровка генетического кода» человека и «разоблачение секретов самой жизни»[184] еще не были в повестке дня человечества. Но А. Печчеи уже тогда разгадал опасности, которые несет с собой биологическая стадия НТР. Он писал: «Возможно, в погоне за прогрессом мы уже внесли в свою жизнь такие изменения, которые превышают наши способности

[181] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 63.
[182] Там же. С. 68, 70.
[183] Там же. С. 78.
[184] Там же. С. 70.

к адаптации»[185]. А. Печчеи ставил вопрос о внутренних пределах человеческого развития и выражал опасение, что активная деятельность современного человечества «может представлять опасность для его биофизических способностей»[186].

А. Печчеи предсказал и получивший распространение в эпоху глобализации сегорегационный аспект мультикультурализма, когда бытие элитных групп топографически локализуется в отрыве от существования широких масс. Он писал, что в условиях обострения глобальных проблем, с которыми уже трудно будет справиться, и прогрессирующего распада человечества «более богатые в тщетной попытке отмежеваться от общей судьбы захотят окопаться в оазисах относительной безопасности и благополучия, что приведет к новому, более глубокому расколу общества на кланы»[187]. В наше время этот феномен ярко описали З. Бауман и другие авторы. Глобализация раскалывает сами мегаполисы развитого мира изнутри. В них образуются зоны, населённые лицами, живущими на сверхдоходы в особняках с частной охраной. Эти «закрытые сообщества» с «приватизированным стилем жизни» получают юридическую автономию[188]. Как пишет З. Бауман, элита становится экстерриториальной, физически недоступной, и тот, у кого нет входного пропуска может запросто получить пулю. «Крепости», возводимые элитой, служат для неё агрессивной самозащитой от волны неблагополучия, поднятой глобализацией, создавшей сверхдоходы элиты[189]. В этих же мегаполисах в качестве дополняющей противоположности происходит концентрация тех, кто приезжает сюда из проваливающегося «третьего мира», вовлечённый в оборот глобализационными процессами. То есть по сути происходит глобализация нищеты. Дж. Хантер и Дж. Йейтс приводят высказывание директора стратегического отдела Compassion International[190]: «Экономическая глобализация – как двуглавый дракон. Освободив некоторых людей от тягот и забот повседневной жизни, она в то же время привела к тому, что в наших городах возникли трущобы»[191]. Концентрация впритык сверхбогатства и сверхнищеты – типичное

[185] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 158.
[186] Там же. С. 159.
[187] Там же. С. 85.
[188] *Хаттон У.* Мир, в котором мы живём. М., 2004. С. 195.
[189] *Бауман З.* Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004. С. 35–37.
[190] Американская организация гуманитарной помощи.
[191] Многоликая глобализация. М., 2004. С. 347.

явление сегодня для развитых стран и новых индустриальных стран. Глобализация создаёт раздробленный мир. Взаимопроникновение «первого» и «третьего» миров рождает расизм и насилие с обеих сторон. Государство же участвует в этом с помощью полицейских мер, которые оказываются неэффективными, поскольку все участники конфликтов – суть равноправные граждане. В прогнозе А. Печчеи противоположные векторы – расщепление versus объединение человечества – учитывались только как взаимоисключающие. Вследствие этого А. Печчеи был столь категоричен в указании скорого рубежа, когда рост цивилизации достигнет пределов. Но процессы эпохи глобализации оказалась диалектичнее, чем простое пролонгирование в будущее тенденций 1970-х гг. Жизнь внесла коррективы в прогноз А. Печчеи: путь универсализации человечества включил в себя свою противоположность, чем еще больше усложнил и без того тугой узел глобальных проблем. Поэтому, парадоксальным образом, опасный рубеж, о котором писал мыслитель, пока не наступил.

Можно спорить о путях перестройки человека и человечества, но нельзя ничего возразить против главного посыла А. Печчеи: «Завоеванное человеком господствующее положение в мире практически вынуждает его взять на себя общие регулирующие функции»[192]. Вот почему мы назвали учение А. Печчеи глобальным гуманизмом. Он требовал от современного человека осознать глобальную ответственность за планету, в которой человек развернул свою деятельность, за жизнь на этой планете и за будущее человеческого рода. Итальянский гуманист с горечью констатировал, что человечество, занятое «мелкими перебранками», не только не начало выполнять регулирующую роль в мировом развитии, но даже не осознало своей ответственности за глобальный кризис. Между тем человечество, полагал мыслитель, должно научиться планировать свое будущее.

Философско-историческое обоснование целей для человечества у А. Печчеи связано с деятельностным подходом к человеку. Человек приспосабливается к природе, преобразовывая ее, опираясь все больше не на врожденные способности, а на разум и технику. Но путь развития человечества не линеен. Человечество проходит определенные стадии, и переход от одной стадии к другой – узловой момент в жизни человечества. Подобно ре-

[192] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 71.

бенку, проходящему очередной возрастной кризис через обнаружение в себе более развитого центра самоуправления, человечеству «приходится вновь заново осознать свою силу и учиться жить с ней»[193]. А. Печчеи формулирует парадокс, в соответствии с которым чем больше технической силы человек применяет, тем лучше он должен учиться ею пользоваться. Поэтому все больше обостряется проблема управления развитием человеческой цивилизации. Усиление разнообразия человечества должно сопровождаться согласованностью при принятии решений по глобальным проблемам из некоторого единого центра.

Центр принятия решений для человечества – это действительно реальная проблема, и эпоха глобализации ее только обострила. Все явственнее необходимость разумного и скоординированного развития всего человечества, и все сильнее опасения, что страна, страны, международные организации и иные силы, претендующие на эту роль, будут выполнять ее в своих собственных интересах, а не в интересах человечества как целого. Но глобальные проблемы надо решать! И решать их невозможно усилиями той или иной отдельной части человечества. Поэтому во многом справедлив вывод А. Печчеи: «Нашему дальнейшему росту препятствует сама социально-политическая структура и философские основы существующего в нашем мире конгломерата обществ»[194]. А. Печчеи прямо писал, что в нашем мире «господствует анархия». Поэтому человечество не может полноценно использовать даже имеющиеся возможности роста и ресурсы Земли, ибо анархия приводит к их растрате.

А. Печчеи был озабочен такими проявлениями неэффективности глобальной системы, как демографический взрыв, случайный характер размещения производств по планете, нерациональность экономических решений, диктуемых стремлением к получению быстрой прибыли и быстрому обороту капиталовложений. Он осуждал сверхпотребление и само по себе и как некий престижный образ и стиль жизни, ведущий к расточительству. Он писал о губительной роли рекламы, которая призывает людей к бесконечному потреблению. С другой стороны, гуманист сожалел о том, что на другом социальном полюсе остаются неиспользованными огромные человеческие ресурсы – в силу неразвитости, моральной и материальной ущемленности. Но когда

193 *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 118.
194 Там же. С. 160.

дело доходило до практических рекомендаций, вновь сказывался умозрительный характер концепции А. Печчеи. Демографическую проблему А. Печчеи предлагал решать, юридически ограничивая «допустимый уровень размножения». Он призывал покончить с «нынешней практикой, при которой каждая страна самолично определяет свою демографическую политику»[195]. Мыслитель не видел, что практика «планирования семьи» негуманна. В ряде стран ее применение послужило причиной острых конфликтов и смены правительств, в других странах распространение соответствующих программ и технологий подрывает национальный генофонд. Попытка же вовсе игнорировать национальный уровень принятия демографических решений чревата тоталитаризмом планетарного масштаба, который будет прикрыт гуманистическими декларациями. Действительно, А. Печчеи, вдруг начисто забыв о ненасилии – одном из главных принципов своей концепции, – призывал «подвергнуть такие (т.е. непослушные. – *М. Ф.*) страны международному осуждению, а возможно, и другим мерам наказания»[196]. Иными словами, ударить санкциями по тем, кто не захочет отказаться от своих национально-культурных и религиозных ценностей и жить по нормам, предписанным самозванным глобальным мировым центром. Прошли десятилетия, и мы стали свидетелями подобной практики санкций и гуманитарных интервенций.

Нельзя не согласиться с А. Печчеи в том, что путь преодоления кризисной ситуации человечества связан с развитием и использованием человеческого потенциала. Концепция человеческого потенциала получила широкое распространение в том числе и в нашей стране[197]. Но «развитие в человеке способности и желания управлять собой и своим миром», о чем мечтал А. Печчеи, возможно лишь со снятием социального отчуждения, неотделимого от отношений частной собственности. Анархия производства и случайный характер его размещения по планете – результат капиталистического экономического строя. С течением времени капитализм перешел в свою государственно-монополистическую форму, которая должна была бы уменьшить хаотичность

195 *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 281.
196 Там же. С. 281–282.
197 Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / под ред. И.Т. Фролова. М., 1999. 176 с.; *Романовский Ю.М.* Человеческий потенциал и человеческий капитал России // Мир человека: неопределенность как вызов. М., 2019. С. 198–223.

планетарной экономики. Однако в условиях государственно-монополистического капитализма произошло обратное – анархия производства сделалась более разрушительной по своим последствиям именно в силу сокращения степеней свободы у акторов – сегментов мировой экономической системы[198].

Глобальность в концепции А. Печчеи подчас пересиливает гуманизм. Мы писали выше о «бережном» отношении А. Печчеи к правам транснациональных корпораций. Ограничение их деятельности, казалось бы, необходимая мера, прямо вытекающая из картины растратного «раздора и кризиса», расхищения природных ресурсов, нарисованной А. Печчеи. Но единственная практическая мера, которую предлагал А. Печчеи для решения проблемы растраты природных ресурсов – это изъятие их из-под юрисдикции национальных государств. Мера, применение которой поставило бы под удар даже то не очень эффективное природоохранное национальное законодательство, которое существует сейчас. Большинство национальных государств вместе с их населением, о слабом развитии человеческого потенциала которого сожалел А. Печчеи, зачастую выступают именно страдательной стороной в глобальной империи ТНК.

Прямо кажем, ресурсные проекты А. Печчеи не менее утопичны и не менее опасны, чем демографические. Он предлагал «глобальное управление природными ресурсами», прежде всего нефтью. Ведь даже сама постановка вопроса об изъятии нефтяных ресурсов из национальной юрисдикции может спровоцировать цепную реакцию военных конфликтов разного масштаба в самых разных регионах мира. Вопрос этот остро политичен и регулярно дискутируется, например в отношении высказываний некоторых политиков о «несправедливости принадлежности богатств Сибири одной только России». А. Печчеи забыл о требованиях мудрости и взвешенности, обязательных для мыслителя-гуманиста, когда утверждал, что «нет ни морального принципа, ни естественного закона природы, из которых прямо следовало бы, что такие-то ресурсы принадлежат той или иной нации, на территории которой они оказались»[199]. Поразительно, что А. Печчеи, постоянно подчеркивавший, что он – никоим образом не марксист, для обоснования своего проекта «глобализации» природных ресурсов, наряду с «глобальным подходом»,

[198] Критика буржуазный теорий ГМК. М., 1984. 359 с.
[199] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 284.

привлек «марксистское положение о коллективной собственности на землю и средства производства»[200]. А. Печчеи писал далее о том, что если природные ресурсы будут изъяты из суверенитета государств, это позволит мировой производственной системе повысить глобальную производительность и удовлетворять потребности миллиардов людей. Налицо полная подмена понятий. Глобальная производственная система возможна лишь при коммунизме. Сегодня же изъятие природных ресурсов будет означать их приватизацию ТНК. Это очевидно даже из аргументации самого А. Печчеи. В подтверждение своих предложений он приводил высказывание исполнительного директора ЮНЕП М. Стронга, заявившего, что физическое размещение ресурсов на территории страны не является основанием для признания ее суверенитета над ними. Показательно, что вскоре после этого заявления миллиардер М. Стронг пересел из кресла высшего чиновника ООН в кресло директора Канадской нефтяной корпорации. Разумеется, М. Стронг аргументировал свою позицию тем, что его страна несет особую ответственность и должна сыграть особую роль в создании эффективной системы управления мировым обществом. А. Печчеи безусловно присоединялся к этой позиции и обобщал ее: «Сейчас только еще начинают понимать, что взять на себя руководство и показать пример в этой области должны относительно богатые и сильные государства»[201]. В качестве объектов интереса богатых и сильных государств А. Печчеи перечислял ресурсы морского дна, земельные ресурсы континентов. В наши дни цели и мотивы богатых и сильных государств в отношении мировых природных ресурсов стали вполне понятными. Достаточно вспомнить хотя бы современные межгосударственные споры о праве на разработку недр и континентального шельфа Арктики.

Суть проблемы в том, что А. Печчеи так и не решил, какая социальная сила должна стать субъектом глобальных перемен к лучшему. Он раз за разом отвел такие варианты, как: власти, бюрократические учреждения, группы давления, иерархические системы. Причина – защита этими акторами частных интересов: групповых, классовых, национальных. В противовес им А. Печчеи пытался найти такого субъекта, который представлял бы все человечество сразу. И он утверждал, что «в один прекрасный

[200] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 284.
[201] Там же. С. 286.

день» потребуется «создание некоего единого всемирного мозгового треста», «генерального штаба человечества»[202]. Но вряд ли претензии подобного «мирового правительства» будут положительно оценены и признаны «подчиненным» человечеством. Ведь сама модель господства – подчинения выросла из того прошлого, от которого хотят уйти.

А. Печчеи выделил основные области реализации гуманизма: промышленную, социально-политическую, научно-техническую. И социально-политическое измерение гуманизма А. Печчеи, как известно, подверглось наибольшей критике. Конечно, противоречивость концепции А. Печчеи бросается в глаза. Он декларирует революционные изменения и предлагает применять «только исключающие насилие методы и подходы»[203]. Уместен ли в таком случае термин «революция»? В известном смысле, трактовка А. Печчеи социальной справедливости как доступности благ и раскрытия способностей созвучна принципу «от каждого по способности, каждому по труду». Но главное в социальной позиции А. Печчеи – реформистский подход в духе популярной во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. на Западе доктрины «общества всеобщего благосостояния». Он полагал, что основой общественных отношений и главным пунктом нового общественного договора должен стать гарантированный социальный минимум благ для всех. Подобная – без сомнения гуманистическая – программа реализовывалась целым рядом социал-демократических и социалистических правительств стран Запада и потерпела неудачу, закончившись неоконсервативным поворотом на рубеже 1970–1980-х гг. У неоконсерваторов были по-своему справедливые контраргументы: социальная политика «общества всеобщего благосостояния» породила целые слои, жившие на государственные пособия и не стремившиеся работать, а чрезмерное налоговое бремя подрывало экономический рост. Сегодня эти проблемы не только не ушли в прошлое, но осложнились межнациональной составляющей. Ведь в числе лиц, живущих на пособия, оказываются мигранты. Количество их растет, завязываются тугие узлы проблем преступности, ксенофобии, нетерпимости, взаимного расизма. А. Печчеи высказывал сочувствие этническим и культурным меньшинствам, оказавшимся в пределах национальных госу-

[202] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 295.
[203] Там же. С. 224.

дарств, подчеркивал, что государства несправедливо лишают меньшинства тех самых прав, которые присвоили себе. История последних десятилетий показала, что борьба меньшинств против прерогатив государственного суверенитета не разрядила, а запутала международную обстановку, стала источником новых конфликтов. Реальные социальные процессы сложнее, чем формулы «общественного договора», – будь то во времена Руссо, будь то в наши дни.

В критике итальянским мыслителем «парадигмы роста» отчетливо прослеживается гуманистический мотив. Он писал о «столь необходимом в нашем материалистическом мире возрождении гуманных и гуманистических ценностей и идеалов»[204]. Мыслитель прямо связывал неравенство с абсолютизацией целей роста. Вместо ускоренного роста А. Печчеи предлагал равномерный рост. Он подчеркивал, что, несмотря на решение многих проблем с помощью «политики изобилия», «источники человеческой неудовлетворенности не перестают существовать, если спрятать их за грудами товаров»[205]. Анализ А. Печчеи приобретает психологическое измерение и становится созвучен логотерапии В. Франкла с ее идеей об обострении смысложизненной потребности по мере удовлетворения базовых потребностей человека[206]. Итальянский гуманист выделил дополнительный аспект темы, обратив внимание, что «даже в странах, где не обеспечен еще социальный минимум для значительной части населения, растет неудовлетворенность смыслом и содержанием развития»[207]. Если не учитывать целевого измерения развития человечества, оно будет «бездумно расточать ресурсы планеты, не обеспечивая при этом полного и разумного использования человеческих возможностей»[208]. Поэтому распространенное понимание концепции Римского клуба о «пределах роста» как о технофобской теории неточно: он призывал с помощью экологических ограничений материального роста сосредоточить внимание на культурном росте.

Критика политики роста любой ценой связана у А. Печчеи с критикой технократизма. Она во многом стала источником

[204] Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 172.
[205] Там же. С. 151.
[206] Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 366 с.
[207] Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 231.
[208] Там же. С. 150.

концепции устойчивого развития. В своих последних работах А. Печчеи подчеркивал, что человеку «во многих случаях завтра придется заплатить за выгоды сегодняшнего дня»[209]. В связи с этим он призывал человечество учитывать не только экономический, но философский, этический и религиозный смысл своих действий. А. Печчеи советовал человеку и человечеству не слишком доверять своему технологическому превосходству, не «бросаться вперед по всем путям, которые это превосходство открывает, не задаваясь вопросом о том, куда они могут его увести»[210]. Технократизм как принцип политики и экономики чреват опасно непредсказуемым будущим.

Целый ряд гуманистических идей А. Печчеи сохраняет свое значение сегодня. А. Печчеи подчеркивал, что остановить стремительное движение человечества навстречу гибели может лишь новый гуманизм, основанный на идее улучшения человеческих качеств всех жителей планеты. Отметим попутно, что сегодня в биоэтике улучшение человека понимается как “enhancement”, иначе говоря, совокупность модификаций природной основы человека. Излишне говорить, что А. Печчеи был выше подобных притязаний и вместе с основателями мировых религий и другими великими гуманистами из истории человечества считал, что улучшение – это исключительно духовное преображение человека. В своей последней книге А. Печчеи прямо высказался по поводу новейших трансгуманистических притязаний в духе “enhancement”. Он писал: «Когда природа реагирует не так, как хотелось бы человеку, он создает гибриды[211] или манипулирует генами, вообразив, что способен подменить ее собой или даже улучшить ее, не имея, однако, для этого ни опыта, ни терпения, которыми природа всегда пользовалась в процессе эволюции. Никто не может предвидеть возможные последствия этого»[212]. А. Печчеи принимал только те улучшения человека, которые связаны с совершенствованием управления «неорганическим телом человека».

По-прежнему актуален тезис А. Печчеи: «Человек подчинил себе планету и теперь должен научиться управлять ею»[213]. Этот

---

209 *Печчеи А.* Сто страниц для будущего // Будущее в настоящем. М., 1984. С. 28.
210 Там же. С. 28.
211 См.: *Кожевникова М.* Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии. М.: ИФРАН, 2017. 151 с.
212 *Печчеи А.* Сто страниц для будущего // Будущее в настоящем. М., 1984. С. 28.
213 *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 211.

тезис, можно сказать, специфичен именно для его варианта гуманизма, в котором особый акцент, возможно по причинам биографического характера, делался на проблемах управления. А. Печчеи не просто алармистски критиковал научно-технический прогресс. Он сформулировал критерий приемлемости изменений, которые прогресс несет с собой: должны поощряться только те изменения, которые находятся в пределах способности человека к адаптации. Ведь ныне человек вынужден приспосабливаться не только к естественной, но и к техногенной среде.

Глубокой является мысль А. Печчеи о том, что современная промышленная система формирует избыточные потребности. В отношении современной науки А. Печчеи придерживался в общем-то справедливого мнения, что она не прибавила человеку мудрости. Продолжает сохранять свое значение и мысль А. Печчеи о том, что пора переходить от концепции общества, ориентированной на удовлетворение человеческих потребностей, к такой, где «главной целью стало бы самовыражение и полное раскрытие возможностей и способностей человеческой личности»[214]. А. Печчеи связал понятия качеств и способностей человека, интерпретируя качества как способности вносить вклад в удовлетворение потребностей. Мысль А. Печчеи о том, что «истинно справедливое общество придает, как правило, гораздо меньше значения нуждам чисто материального характера, ибо вся совокупность господствующих в нем мотивов развития, критериев и стимулов лежит в иной сфере»[215], роднит автора с идеями основоположника утопического коммунизма Томас Мора. Ведь его утопийцы жили, одевались и питались скромно не из-за уравниловки, как пишут критики коммунистических идеологий, а потому что не считали стремление к материальным благам главным в жизни человека. Разумное самоуправление и соблюдение человеком чувства меры – требование гуманизма во все века – от Платона до наших дней.

А. Печчеи констатировал пагубное отставание мышления человека от изменяющегося реального мира, писал о необходимости сознательной целенаправленной деятельности всего человечества, но в практических вопросах ограничивался морализаторством вроде критики «эгоизма, жадности, ощущения власти

---

[214] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 229.
[215] Там же. С. 220.

над другими, гордости обладания и т.д.»[216]. Он писал о «необходимости качественно новых норм взаимоотношений между людьми, основанных на принципах солидарности и сотрудничества»[217], игнорируя то обстоятельство, что подобные нормы не могут иметь реальной поддержки при капитализме. Социальные отношения, основанные на эгоизме, А. Печчеи предполагал исправить с помощью «изменений в сердцах самих людей»[218].

В последней книге «Сто страниц для будущего» А. Печчеи, по существу, выразил сомнение в исходных основаниях новоевропейской цивилизации. Он назвал устаревшей западную модель политической демократии с ее выборами и чередованием партий, поскольку данная модель «не обеспечивает саму основу демократии – плодотворное равновесие»[219]. Столь же гиперкритично А. Печчеи высказался в отношении рыночной экономики. Он писал: «Действие механизма спроса и предложения также потеряло свою эффективность. Нехватка некоторых ресурсов, анархия валютных систем, галопирующая инфляция, политика монополий и олигополий и растущее вмешательство государства на национальном и международном уровнях изменили и извратили до неузнаваемости эту игру спроса и предложения. Зачастую цены диктуются политическими интересами или подвергаются в большой степени различным манипуляциям, устанавливаются не по законам рынка. Они более не являются производной величиной, а исходным слагаемым, а напичканные рекламой покупатели более не имеют свободы выбора. Ни производители, ни потребители, ни само общество более не могут доверять классической “невидимой руке”, которая, как они думали, вела их к состоянию коллективного оптимума. Часто вместо этой “руки” они обнаруживают “черный ящик”, пинающий их ногами»[220]. Иными словами, именно рыночное общество лишает человека свободы и подрывает демократию. Ныне, если допустить инверсию формулировок Ф.А. фон Хайека, не социалисты, а те, кто продолжает верить в рыночный фундаментализм, проявляют «пагубную самонадеянность» и идут «дорогой к рабству». Налицо явная эволюция воззрений А. Печчеи по сравнению с книгой «Человече-

216 *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 167.
217 Там же. С. 196.
218 Там же. С. 197.
219 *Печчеи А.* Сто страниц для будущего // Будущее в настоящем. М., 1984. С. 29.
220 Там же. С. 30.

ские качества». Признание А. Печчеи всеобщего образования и полной занятости основополагающими требованиями социального минимума делают его концепцию близкой к социалистической мысли. Показательно, что в третьем докладе Римскому клубу, составленном под руководством лауреата Нобелевской премии Я. Тинбергена, идеальный новый международный порядок был охарактеризован как «гуманистический социализм».

Главное, что нам хотелось бы отметить – А. Печчеи пересмотрел свое понимание роли элит и народных масс в истории и будущем человечества. Мы видели, что ранее он возлагал надежды относительно централизации глобального управления на богатые страны и международные корпорации. В конце жизни он пришел к выводу, что вопросы будущего требуют «участия всего человечества на всех его уровнях, а роль главного действующего лица была отведена народу. Примат народа необходим, так как элиты могут играть ценную роль авангарда, стимулятора, первопроходца, но они могут и выродиться»[221]. Вывод – чрезвычайно симптоматичный! По существу, А. Печчеи здесь отдал приоритет в процессах глобализации массовым демократическим движениям. Так он полагал возможным решить вопрос о переходе к приоритету видового сознания над национальным или классовым и к глобальному планированию при сохранении локального своеобразия. Нельзя сказать, чтобы проблема демократических движений, борющихся с «миром белым, богатым и мужским»[222] за разнообразие и равноправие, была до конца продумана. Сегодня, когда борьба расовых и сексуальных меньшинств стала главным идеологических трендом, ее издержки видны особенно отчетливо. А. Печчеи возлагал преувеличенные надежды на молодежь, как на активную и не интегрированную в устаревший социум группу. Но молодежь взрослеет, а решение проблем человечества вне интеграции в практическую жизнь невозможно. Тем не менее тенденция эволюции мировоззрения А. Печчеи в сторону демократических движений несомненна.

Рискнем предположить, что выбор этот не случаен, и был продиктован тонким анализом рисков научно-технологического развития на том ограниченном материале, который имелся к началу 1980-х гг. Вероятно, А. Печчеи понимал всю степень опасности попадания научных технологий, могущих изменить при-

[221] *Печчеи А.* Сто страниц для будущего // Будущее в настоящем. М., 1984. С. 36.
[222] Там же. С. 40.

роду человека, в руки узкой группы лиц, обладающих властью и влиянием. Тем существеннее позиция, которую занял А. Печчеи, когда привел в ее пользу следующий аргумент: «Группа ученых может поставить плохо подготовленное общество перед лицом таких открытий, применение которых приведет к необратимым всесокрушающим последствиям»[223]. Пионерские исследования биотехнологий на границах неизведанного проводятся именно в высокоразвитых странах в силу высокой капиталоемкости. Они немыслимы без контроля и поддержки со стороны государства и корпораций. В наши дни, в эпоху COVID-19, мы стали свидетелями подтверждения опасений итальянского гуманиста. Наука сама по себе давно уже глобальна. При этом глобальность науки имеет локальный центр в США, где финансовое и иное обеспечение лабораторий осуществляется на необходимом для прорывного развития уровне. В китайских микробиологических лабораториях, в том числе и в Ухане, работали американские консультанты и кураторы. США оказывали этим лабораториям различную поддержку. Наши российские микробиологи высшего класса годами работают в американских лабораториях просто потому, что у нас таких исследовательских возможностей нет. Само существование этих лабораторий немыслимо без государственной поддержки и государственного регулирования. Когда же риски биотехнологических разработок становятся явью, мы наблюдаем взаимные обвинения американских и китайских микробиологов и представителей властей, взаимные попытки найти виновных в другой стране, угрозы вменить тому или другому государству денежные иски за заражение людей со всей планеты. Представители властей США называют уже конкретные суммы, и трагедия людей становится инструментом «большой» политики и геополитики. Но политики в этой ситуации продолжают мыслить категориями старого мышления.

А. Печчеи возлагал на новый гуманизм надежды на решение глобальных проблем человечества. Это роднит его учение с философскими идеями академика И.Т. Фролова. В последних работах А. Печчеи писал, что для того чтобы спасти себя и планету, человечеству нужна вдохновляющая идея, способная повернуть устремления человека с материального на духовное. «Только новый гуманизм может совершить это почти чу-

[223] *Печчеи А.* Сто страниц для будущего // Будущее в настоящем. М., 1984. С. 36.

десное превращение, предопределить возрождение духовного в человеке», – утверждал А. Печчеи[224]. Как и И.Т. Фролов при разработке философской концепции перестройки, А. Печчеи выделял, наряду с научно-просветительским, также социально-политическое измерение нового гуманизма. Ведь вопрос о том, как осуществить глобализацию ненасильственным путем, оставался главным нерешенным вопросом в доктрине итальянского мыслителя. Он полагал, что новый гуманизм сможет «направить к мирным и конструктивным формам социально-политическую реыолюцию»[225].

Мы имеем уникальную возможность сопоставить развитие идей итальянского и русского мыслителей-гуманистов, пришедших к формулированию «нового гуманизма». Группа по изучению творческого наследия академика И.Т. Фролова Института философии РАН обнаружила русское издание «Человеческих качеств» А. Печчеи с пометками И.Т. Фролова. Чрезвычайно интересно проследить, какие мысли основателя Римского клуба нашли отклик у основателя Института человека.

Симптоматично, что именно И.Т. Фролов стал одним из организаторов уникальной встречи ученых, связанных с Римским клубом, организованной ЮНЕСКО. Научная конференция «Наука и техника на службе развития: роль правительственных и общественных организаций» прошла в Киеве в июне-июле 1989 г. Интерес к Киеву как к месту проведения конференции был вызван необходимостью осмыслить последствия аварии на Чернобыльской АЭС. В ходе подготовки конференции И.Т. Фролов встречался с членами Римского клуба Б. Гаврилишиным, А. Шаффом, приезжавшими в Москву для обсуждения научной программы и ключевых докладов конференции. На конференции в Киеве обсуждались проблемы социальной и гуманистической эффективности и опасности технологических новшеств и взаимодействия внутри макросистемы «наука – техника – общество – природа». В конференции участвовали генеральный директор ЮНЕСКО Ф. Майор, президент Римского клуба профессор А. Кинг. И.Т. Фролов выступил на конференции с докладом «Человек, наука, гуманизм: новый синтез».

Собственно говоря, идейная перекличка А. Печчеи и И.Т. Фролова становится очевидной сразу по прочтении их ра-

[224] Печчеи А. Сто страниц для будущего // Будущее в настоящем. М., 1984. С. 42.
[225] Там же. С. 43.

бот. А. Печчеи писал о том, что человеку пора «научиться предвидеть и предупреждать любые нежелательные последствия своей деятельности, предотвращать вольное или невольное злоупотребление достигнутым»[226]. И.Т. Фролов в беседе с членами молодежной организации Пагуошского движения ученых говорил: «Общество вправе требовать от ученых, чтобы мы реагировали на негативные явления, связанные с прогрессом, и научились предусматривать их. Я не раз призывал учёных: давайте констатировать эти опасности не постфактум. Давайте их упреждать. Иначе будет поздно»[227]. А. Печчеи писал о взаимозависимом мире и необходимости перестройки политического мышления. Именно эти тезисы развивал И.Т. Фролов в работах 1980-х гг. и проводил в тех текстах, которые он готовил для президента Горбачева в качестве его помощника[228]. Совпадает у обоих авторов и формулировка о человеке как цели. А. Печчеи писал, что его концепция ставит в центр человека и его образ жизни, что человек – центр всех проблем и событий. И.Т. Фролов неоднократно подчеркивал, что человек – центр системы глобальных проблем. Особенно впечатляет тождественность формулировки, к которой пришли оба выдающихся гуманиста, характеризуя наше переломное время. В начале книги «Человеческие качества» А. Печчеи констатировал: «Все беспорядки и кризисы нашего времени есть одновременно и причина, и следствие неприспособленности человечества к новой реальности»[229]. Завершая книгу, А. Печчеи делал вывод: «Сущность этой новой реальности начинает сейчас все яснее осознавать большая часть рода человеческого»[230]. И.Т. Фролов говорил в лекции на XIX Всемирном философском конгрессе: «Конечно, сегодня новая реальность заставляет по-новому оценить многое из того, что утверждалось ранее в неоправданно категорической форме. Это относится к философским вопросам перспектив человека и человечества в условиях глобальных проблем и угроз»[231]. Или – буквальное совпадение формули-

---

226 *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 36.

227 *Фролов И.Т.* На радость или на горе? // Комсомольская правда. 1989. 27 июля.

228 *Фролов И.Т.* Новое мышление и новый гуманизм // Академик Иван Тимофеевич Фролов: Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. М., 2001. С. 512–519.

229 *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 67.

230 Там же. С. 291.

231 *Фролов И.Т.* К постижению человека, разумного и гуманного // Свободная мысль. 1993. № 13. С. 79.

ровки, когда речь идет о возможных последствиях достижений НТР: «На радость нам или на горе», – пишет А. Печчеи[232], «На радость или на горе?» – называет свое интервью И.Т. Фролов[233]. Даже перечень основных аспектов проблематики приоритета человека у обоих мыслителей совпадает: А. Печчеи писал об этическом, философском и гуманистическом обновлении всемирной мысли, И.Т. Фролов – о научно-философском, социально-этическом и нравственно-гуманистическом аспектах проблемы человека и его будущего. Наконец, в сфере методологии налицо синхронность движения мысли авторов. И.Т. Фролов известен как инициатор комплексного, междисциплинарного подхода к исследованию глобальной проблемы человека и его будущего. А. Печчеи в книге «Сто страниц для будущего» писал, что необходим поиск такой методологии, которая бы позволила комплексно проанализировать глобальные проблемы, дать возможность связать их системно, ища решения, которые учитывают их в целом.

И.Т. Фролов высоко оценивал гуманистическую устремленность идей А. Печчеи и докладов Римскому клубу, считая ее более важной, чем те или иные их недостатки и ограниченности. Он внимательно следил за эволюцией идей в книгах А. Печчеи от «Человеческих качеств» до «Ста страниц для будущего». И.Т. Фролов практически синхронно откликался на публикации А. Печчеи. В частности, в статье «Человек и человечество в условиях глобальных проблем» в журнале «Вопросы философии» (1981. № 3) он проанализировал лекцию А. Печчеи «Перед лицом беспрецедентных вызовов: человечество в восьмидесятые годы» (1980) и статью «На пути к катастрофе» (1981). В этих произведениях итальянского мыслителя И.Т. Фролов отметил мысль о том, что для человека управление самим собой – предпосылка для управления миром в целом. Мы отмечали выше, что именно эта идея является ключевой для решения проблемы снятия социального отчуждения. И.Т. Фролов солидаризировался с мнением А. Печчеи, что глобальную проблематику надо анализировать не абстрактно, а с позиций человеческого существа. Особый интерес вызывала у русского марксиста идея А. Печчеи, что современный человек еще не завершен. Ведь в концепции И.Т. Фролова одну из основополагающих позиций

[232] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 211.
[233] *Фролов И.Т.* На радость или на горе? // Комсомольская правда. 1989. 27 июля.

занимала мысль Маркса о том, что человек находится в «абсолютном движении становления».

В экземпляре книги А. Печчеи «Человеческие качества», имевшейся в библиотеке И.Т. Фролова, отмечен закладкой именно раздел, посвященный гуманизму. Особо выделена мысль, которой этот раздел открывается: «Только Новый Гуманизм способен обеспечить трансформацию человека, поднять его качества и возможности до уровня, соответствующего новой возросшей ответственности человека в этом мире»[234]. В качестве важной И.Т. Фролов пометил мысль А. Печчеи «о единстве мира и целостности человечества в эпоху глобальной человеческой империи»[235]. И.Т. Фролову были близки три основных аспекта нового гуманизма А. Печчеи: чувство глобальности, любовь к справедливости, нетерпимость к насилию. Он подчеркнул мысль итальянского гуманиста о необходимости человеческой революции. Нет сомнения, что И.Т. Фролов интегрировал перечисленные идеи в своих текстах 1983–1985 гг., в которых он разрабатывал научную программу Института человека и представил свою интерпретацию учения Маркса как направленного прежде всего на освобождение человека и решение общечеловеческих проблем. И.Т. Фролов отметил для себя высказывания А. Печчеи о единстве и взаимозависимости мира, о целостности человечества в эпоху глобальной проблематики. Он учитывал эти мысли А. Печчеи при разработке учения о глобальных проблемах и формулировании нового политического мышления. Важным посчитал И.Т. Фролов положение А. Печчеи о новом положении человека в мире. Это было созвучно его идеям о новой роли человека в условиях НТР. И. Т. Фролов подчеркнул в книге А. Печчеи тезис о том, что «только тот прогресс и только такие изменения, которые соответствуют человеческим интересам и находятся в пределах его способности к адаптации, имеют право на существование и должны поощряться»[236]. Проблема биологической и социальной адаптации занимала И.Т. Фролова еще во время работы над кандидатской диссертацией о причинности и целесообразности в живой природе и получила новые измерения, когда он обратился к глобальным проблемам человечества. Среди политических идей А. Печчеи

[234] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 211.
[235] Там же. С. 214.
[236] Там же. С. 239.

И.Т. Фролов выделил мысль о том, что условием нового международного порядка является перестройка внутриполитической структуры в рамках отдельных государств. Подобная последовательность потом заработает в СССР в годы перестройки.

Именно в годы перестройки, разрабатывая концепцию нового гуманизма, И.Т. Фролов вновь обратился к личности и идеям А. Печчеи. В 1989 г. И.Т. Фролов провел «круглый стол» в редакциях журналов «Вопросы философии» и «Коммунист» на тему «Человечество и цивилизация на пороге нового тысячелетия». В дискуссии тогда приняли участие писатель Д.А. Гранин, футуролог Э.А. Араб-Оглы, демограф Д.И. Валентей, математик Н.Н. Моисеев, физик Е.П. Велихов, философ В.А. Лекторский, психолог В.П. Зинченко, митрополит Кирилл. В ходе обмена мнениями о человеке как самоцели истории И.Т. Фролов сказал: «Рассматривая проблемы формирования новых форм гуманизма как реакции на обострение глобальных проблем, целесообразно вспомнить важную мысль, высказавнную А. Печчеи. Вопрос о новом гуманизме он связывал с проблемой человека. А. Печчеи считал, может быть, гипертрофированно, что развитие мира ставит человечество на грань самоуничтожения, и единственный выход видел в изменении самого человека, его морали, нравственности, сознания, что и может привести нас к спасению. Горячо поддерживаю эту идею»[237].

Аурелио Печчеи навсегда вошел в историю человечества, осмысление и решение проблем которого он сделал смыслом своей жизни. Он сотрудничал с советскими и российскими учеными, с руководителями Института системных исследований[238]. Какие-то из идей А. Печчеи остались утопией, какие-то стали прозрением и подтверждаются событиями XXI века. Человечество пока что не решило основную проблему, поставленную А. Печчеи: научиться управлять собой и своей деятельностью, чтобы не допустить катастрофического развития событий в планетарном масштабе. А. Печчеи искал решение глобальной проблемы чело-

[237] Коммунист. 1989. № 15. С. 70.

[238] См.: Социализм и наука / [Д.М. Гвишиани, С.Р. Микулинский, И.Т. Фролов и др.]; Под ред. С.Р. Микулинского, Р. Рихты. М., 1981. 422 с.; Экологическая пропаганда в СССР / [И.Т. Фролов, В.А. Лось и др.]; под ред. Д.М. Гвишиани. М., 1984. 125 с.; Социализм и прогресс человечества / [Д.М. Гвишиани, В.В. Загладин, И.Т. Фролов и др.]; под ред. И.Т. Фролова. М.., 1987; Римский клуб / сост. Д.М. Гвишиани и др. М. 1997. 384 с.

века и его будущего на позициях нового гуманизма. Это делает его учение современным и близким нам.

M.I. Frolova

Global Humanism of Aurelio Peccei

Abstract. The article considers the theoretical concept of the first president of the Club of Rome, Aurelio Peccei. The main attention is paid to his humanistic ideas. It is shown that A. Peccei considered the key to solving global problems to be the globalization of thinking, overcoming social, national, religious, state barriers and conscious and purposeful unification of all mankind in order to organize the management of planetary development. Peccei justified the thesis that global dangers are associated not with slowing down, but with accelerating progress, and that the troubles of humanity are rooted in its success. The weak sides of A. Peccei's humanism are criticized.

Keywords: A. Peccei, globalization, the Club of Rome, humanism

Е.И. Ярославцева

Постнеклассические практики – точки роста и опоры в аутопоэзисе человека

Аннотация. **Научное знание, междисциплинарный дискурс цифровой гуманитаристики, становится в современном обществе все более значимым, показывая необходимость постнеклассического подхода к практике создания перспектив социального развития. Совершенно очевидно, что человечество на новом этапе преобразований, где наибольшее значение приобретает активность самого человека. Возникает потребность в комплексе таких коммуникаций, где каждый может реализовать себя через эффективные практики сбалансированного взаимодействия. Интерактивность связей через цифровые устройства и эффективно развивающиеся социальные сети создали новые параметры развития, что меняет практику и пространство самореализации.**

Ключевые слова: **наука, постнеклассические практики, целостный человек, аутопоэзис, коммуникации, цифровые сети, риски**

Научное знание, которым мы пользуемся не только в исследовательских целях, но и для более широкой культурно-образовательной деятельности, опираемся на него даже в обычных ситуациях, является, по ощущению многих, очень важной точкой опоры не только в развитии каждого субъекта как человека, но и всего общества. При этом, безусловно, наука не может открыть все тайны и заранее решить все проблемы. Она – инструмент действия человека, проявляющая его мировоззрение и отношение к жизни, устремленность в будущее. Современный инструмент – постнеклассические исследовательские практики.

Появление современных цифровых Hi-tech инструментов, которые активно осваивает человек, становится условием и причиной возникновения новых практик, поведения в аутопоэзисе индивида, влияет на его деятельность и самопонимание. Человек ищет новые точки опоры и готов к нестандартным решениям. И,

важно заметить, это выявляет одно из слабых мест его личностного развития: являясь естественным природным существом, получая свои ресурсы как дар, он не может оценить то, что имеет, не понимает ещё сути жизни и того, ради чего можно ей рисковать. Молодое поколение как динамичная группа, показывает в социальных сетях, насколько высокими оказываются риски публичных коммуникаций, когда блогеры ради привлечения подписчиков устраивает игры, где конечный результат – смерть. Но, поскольку многим детям не известны страхи, особенно в сетях, при нахождении дома и, следовательно, не ощутимы границы допустимого, то, значит, им не хватает культуры, а также актуальных знаний.

Полюс науки – гуманитарные знания

Наука со времени своего возникновения стремилась все глубже познать окружающий мир, однако человек был вынесен за её пределы – он был элиминирован ради более четких выводов и результатов, что обрело название «сциентистский подход». Постепенно и человек становился предметом познания, породив, в дополнение к естественно ориентированному, гуманитарное, антропологическое знание, воплотив определенное методологическое противоречие, которое стало источником постоянных дискуссий, например «физиков» и «лириков». Закономерно, что и до сих пор не удалось сложить целостного представления о человеке, творящем культуру и знания.

Кризисы социального развития не позволяли создать устойчивый образ человека, но сохранили его главное свойство – устремленность в будущее. На основе расширения своего интеллектуального потенциала человек становится существенным фактором формирования глобальных цивилизационных преобразований и оказывается в центре внимания. Развитие современного человека становится уже не просто задачей семьи, общества, это уже и задача системы наук. Проблемность его развития подчеркнул акад. В.А. Смирнов, выступая на международной конференции – XX Фроловских чтениях 2020 г., сказав, что «человек как целое – исчез… он стал одной из вещей внешнего мира, стал предметом, объектом манипуляции…» «Мы должны признать огромную ответственность гуманитарных наук, социологии, психологии и философии, человек перестал быть челове-

ком, а стал объектом манипуляции и технологий… Задача философии вернуть человека как синергийное существо»[239].

Важно также, чтобы это произошло не просто в понятийном поле знания. Ощущение целостности необходимо и самому человеку, который должен при любом функциональном расширении помнить, что он естественный организм, порожденный природой, и ему, как точку опоры для собственного мышления, приходится самостоятельно формировать мировоззрение философско-гуманитарного уровня.

Гуманитарные вопросы науки – это не периферия, а её центр. Они не могут решаться теми методами, которые вырабатывались на ранних этапах формализации знания и развития экспериментальных доказательств. Человек не может быть объектом естественно-научных экспериментов, несущих безусловный риск. Однако и мысленное, интеллектуальное конструирование ничего, кроме ментального тренинга, мало что дает, поскольку человек слишком поздно достигает зрелости. А обретая мудрость, он уже понимает, что силы уже не те, открывая для себя известную поговорку «Если бы молодость знала, если бы старость могла!» Здесь как раз выявляется противоречие, которое трудно решить без постнеклассического подхода, который закладывался в гуманитарном знании уже давно.

Ведущей тенденцией в этом случае является внутренне проявляющийся интерес науки к самому человеку-исследователю, а если говорить конкретнее, то сам ученый как исследователь начинает осознавать серьезность своего дела, выполняемых им задач как научных, требующих специальной организации. В своем первоначальном стремлении к знанию человек желает, как можно быстрее получить результат, не задумываясь о его цене, что говорит об отчужденности человека от своего труда, соответствуя классическому требованию об элиминации. Но, как писал в XX веке акад. И.Т. Фролов, когда наука имела уже достаточно высокий гуманистический потенциал, «современная наука становится все более «человечески измеримой», т.е. соотносимой с человеческими качествами и потребностями, выражаемыми не только в «конечном счете», в виде социальных целей и резуль-

[239] *Смирнов А.В.* Международная конференция «Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы» (XX Фроловские чтения) Режим допуска URL: [Электронный ресурс] https://www.youtube.com/watch?v = SjTszJu5wI4 (дата обращения 26.04.2021).

татов, но и непосредственно[240]. Иными словами, непосредственные эмоционально-нравственные и морально-этические реакции человека уже не воспринимались как научно нейтральные. Более того, важной тенденцией научного исследования становилась этическая проблематика, которая все глубже входила в эпистемологическую практику, деятельность ученых.

По существу, именно обеспокоенность недостаточными усилиями в этой области лежала в основе создания исследовательского направления – комплекса наук о человеке и академического Института человека РАН. Получение результатов, которые «в конечном счете» говорили о пропущенных рисках, не могло устраивать ответственных исследователей. Важно было найти позицию, где «человеческое измерение» можно было бы применять как можно раньше. Как последовательный и опытный исследователь, И.Т. Фролов доказывал, что «требование учета особенностей человека и обеспечение надлежащих условий исследования, это факторы… объективно необходимые»[241]. Это не только не вредит объективности получаемой картины, но и проявляет особенности научного знания – глубокую связь с обществом и сопряженность с жизнью социума, без чего знание будет отражать развитие человека абстрактно, с большой долей риска.

В науке XX века все больше отмечался «человеческий фактор», который показывал своеобразное оценочное разделение. Признание человека по умолчанию становилось аргументом для внесения поправок и включения человека в орбиту формирования научного знания и одновременно делало как бы «виноватым» в усложнении создаваемой картины мира. Включение человека в результаты научных наблюдений было своеобразным вызовом, обращенным к традиции классического формата, показывающим, что необходим иной методологический подход, требующий создания глубоких человекоразмерных сопряжений, новых интеллектуальных решений. Хотя стоит заметить, что выражение «человеческий фактор» благополучно перешло в третье тысячелетие и стало достаточно распространенным, показывая, что в подобной терминологии существует определенная заинтересованность: этой причиной можно оправдать

---

240 *Фролов И.Т.* , *Юдин Б.Г.* Этика науки. Проблемы и дискуссии. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с. (Из наследия ИТ.Фролова.) С. 19
241 Там же. С. 20.

негативные результаты плохо организованных научных исследований.

Сам же сциентистский подход обрел новое дыхание при стремительном развитии цифровых технологий. В сетевом сообществе продвигалась и стала в молодежной субкультуре популярной идея выхода за пределы биологической природы, когда человек «рассматривается как экспериментальный объект, как биологический материал или как машина для применения новых технологий. Трансгуманизм... провозглашает в качестве "права человека" упразднение самого человека. Его цель – преодолеть человеческую природу для достижения качественно нового состояния – "нового тела" и "нового интеллекта"... создания искусственного существа»[242]. Эта концепция привлекала некритически мыслящих представителей молодого «поколения Z», а также людей, ищущих бессмертия, вечной жизни. Конечно, здесь серьезно проявляют себя мотивы по формированию активных потребителей цифровых гаджетов, «умных» по определению; разных категорий геймеров и блогеров, ориентированных на использование компьютерных технологий и виртуальных коммуникаций. Многие уже утратили потребность в непосредственном общении и уже не мыслят себя в реальном жизненном пространстве непосредственных отношений, но заинтересованы только в аудиовизуальном общении через сети и вебкамеру, которое резко сужает человеческие возможности. Но это мало кого беспокоит, поскольку для рынка это идеальные потребители, которые не задают лишних вопросов, а довольствуются новейшими мифами и обещаниями.

Динамизм целостности

Безусловно, это рискованные условия жизни! Именно для понижения этих рисков необходимо создавать более здоровый формат использования цифровых технологий. Делая акцент на этой стороне проблемы становления человека, на необходимости усиления развивающего потенциала, новейших техно-решений, становится понятен сдвиг научной парадигмы. Постнеклассическая практика может, обеспечивая

[242] *Четверикова О.Н.* Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. М.: Кн. мир, 2018. С. 33.

продуктивный для человека формат науки, также «исследовать некоторые методологические принципы и возникающие здесь философско-мировоззренческие проблемы»[243]. Современная наука требует не только комплексного формата, но и методологических подходов нового уровня, а именно человекоразмерности, о которых говорил в своем исследовании научной методологии акад. В.С. Степин, полагая, что новый тип рациональности будет опираться на «представления об объектах действительности как исторически развивающихся "человекоразмерных" системах, обладающих "синергетическими" свойствами»[244].

В рамках этого подхода российские ученые практически всегда стремятся реализовать традиционный для отечественной науки философско-методологический подход: они опираются на принцип рассмотрения проблемы в максимально широком контексте, который охватывает объект не только во внешнем, но и во внутреннем плане. Так, на взгляд академика И.Т. Фролова, «науку следует понимать, как такую форму жизни и развития культуры, для которой характерна не только *внешняя* обусловленность, но и *внутренняя* значимость. Конечно, наука служит (по крайней мере, должна служить) обществу, и человеку; но она является и полем реализации сил, способностей и устремлений общественного человека»[245].

Феномен целостности, задаваемый природой, трудно воспроизвести в некоторой когнитивной модели природосообразности, интеллектуально прототипировать его. Однако думается, что его можно реализовать через понимание *целостности как внутренне-внешней коммуникации,* то есть когда человек в своём поведении формирует навыки интерактивного, динамичного сопряжения внешне-внутренних процессов жизненного цикла. Иными словами, ему не приходится отказываться от того, что он видит во вне и чувствует внутри себя. Важно, что его сенсорная система восприятия[246] способна создавать динамичный и при этом сбалансированный образ, который становится его личностным пространством ориентации, которое,

[243] *Фролов И.Т. , Юдин Б.Г.* Там же. С. 21.
[244] *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 680.
[245] *Фролов И.Т. , Юдин Б.Г.* Там же. С. 35.
[246] *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

собственно говоря, сопрягает раскрывающийся внутренний потенциал с вновь созданными в культуре технологиями развития. Именно поэтому человек испытывает потребность в динамизме, ему нужны рефлексия и постоянная коррекция связей с миром, понимание задачи собственной балансировки – всякое расширение[247], лишая его прежних поведенческих стандартов, через нервную систему обеспечивает способностью выстроить новые внутренние связи.

Важно заметить, что усложненная природная целостность не некое монолитное устройство, а расширенное ментальными образами личностное знание, интеллектуальный конструкт или букет состояний, которыми человек наполнен и способен управлять, а нередко и распоряжаться. Человек может углубляться в себя или заниматься решением задач на внешнем контуре коммуникаций – это не может ему вредить, а также не становится помехой другим, способным к адаптивному поведению. В определенном смысле такие динамичные формы сосуществования могут быть продуктивны и межсубъектное взаимодействие становится благоприятной средой для сонастройки личных творческих ориентиров.

Однако творческий процесс, деятельная активность порождают большую ответственность, поскольку создание нового для всеобщего пользования может оказаться непродуктивным или чрезмерно рискованным, как, например, принципиально новые сети цифровых сред и коммуникаций, которые воспринимались многими не восторженно, а критически, видя в них очень много рисков. Сетевые потоки информации стали основной формой ускорения взаимодействий, показав, что они могут породить как положительные, так и отрицательные результаты. Поэтому важно, чтобы творчество было реализовано не просто на внешнем контуре, в системе знания или культуры – оно должно быть продуктивно для саморазвития человека, быть значимо для внутреннего обогащения. При любом обретении новых возможностей каждому важно помнить, что он исходно часть экосистемы, является целостным организмом и выращивает в себе те потенции, которые у него заложены природой. Он способен самостоятельно развивать свои таланты, понимая их и как как *точку опоры,* и как *точку роста*.

[247] *Маклюен Г.М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека. Understanding media. М.: Жуковский, КАНОН-пресс, Кучково поле, 2003.

Точки роста и опоры – сопряжения человека

Многие современники понимают, что достаточно часто являются свидетелями кризисных явлений, чувствуя ускорение социальных трансформаций в культуре, социуме. Происходят взаимоисключающие процессы в развитии субъектов разного уровня: не только глобальные расширения коммуникаций в социуме, но и повышение значимости оценок человека, относительно событий внешнего мира ставших предметом его сознания. И в этот период сдвига, а точнее, кризисной «сшибки»[248] нормативов, практически все будут стремиться делать еще больше попыток использования имеющихся возможностей, чтобы увеличить свой ресурсный потенциал.

Конечно же, в такие периоды у человека наиболее остро проявляется творческая энергия, когда он сопрягает свои таланты и опыт, создавая новые, даже самому себе неведомые лакуны развития. В определенном смысле творчество человека сродни иммунитету, когда он не просто защищается от нападений, но бережет свои силы, и даже стремится их приумножить. Организм сам находит выход из положения, особенного тогда, когда загоняет себя в тупик, в кризисное состояние. Безысходная ситуация, как ни парадоксально, заставляет создавать концентрацию своих ресурсов и самому генерировать идеи, выбирать направление развития, создавать новое поведение. Человек часто противостоит тому, чего и знать не может, поскольку является лишь почкой на древнем древе жизни, которая только готова распуститься. Фактически уже этим он соприкасается с вечностью! Именно поэтому он имеет возможность встречи с подсказкой от внутренних онтологических потенций, если, конечно, не игнорировал реальный объективный мир, который существует независимо от него, но дает ему жизнь, опыт собственного аутопоэтического развития и раскрывает ресурсы.

Владея инструментами развития, созданными человеческой культурой, индивид способен строить новые системы связей, интеллектуально настраиваясь на те возможности, которые ему по силам. И, можно заметить, что такими малыми делами человек, по существу, форматирует природу, выстраивает с ней свою индивидуальную траекторию коммуникации, которые в целом

[248] *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Академ. проект; Трикста, 2013. С. 506.

составляют сложную вязь и переплетения, с ослабевающей или усиливающейся коммуникацией.

Постнеклассический формат научного знания, как концептуально более сложный, изучает не просто объект, а всегда – процесс коммуникации, при котором возможно рассматривать природу и человека как находящиеся в сопряжении, в виде коммуникативной пары. Развивающийся индивид, по существу, становится в природе катализатором изменений, а также особым параметром динамичных гуманитарных трансформаций. Он не только породил свою культуру, его деятельность оснастилась инструментами, а также – рефлексией, областью осознаваемого научного исследования, которое открывало человеку риски собственной деятельности в природе.

Научные модели, включив в себя человека, становятся более продуктивным исследовательским инструментом, позволяя выстраивать перспективу, соразмерную динамично изменяющемуся человеку. Таким образом, человек объективно проявляет себя как параметр порядка. Это принципиальный момент, который даёт возможность наблюдения за кооперативным, синергетическим эффектом взаимодействия, который в ином случае ускользает. Сближение потенциала природного объекта с потенциалом человека создает новое системное пространство, а также соответствующее функциональное состояние. Как можно предположить, возникающее соотношение в постнеклассической науке можно не только наблюдать, но и создавать, а также используя его в исследовательских целях. Методологические решения на основе коммуникативно-синергетического подхода, включающие в себя человека, позволяют работать с принципиально открытой в своих изменениях системой. Они дают возможность моделировать не результат, что требуется для классического подхода, а точки роста, т.е. изменения исследуемой области и мониторить возникающие риски.

Стоит заметить, что исследования биологов, готовивших космонавтов, показали, что без опоры, имеющей вполне морфологическую основу[249], невозможно осуществление космических полетов. Расслабление в невесомости, ощущение свободы, как ни парадоксально, несет в себе серьезные риски для человека,

[249] *Козловская И.Б.* Гравитационные механизмы в двигательной системе. [Электронный ресурс] Режим допуска URL: http://univertv.ru/video/biology/chelovek/gravitacionnye_mehanizmy_v_dvigatelnoj_sisteme/ (дата обращения 24.04.2021).

вплоть до невозможности вернуться в нормальное гравитационное состояние на Земле, поскольку мозг, организм в целом, начинает стремительно сокращать ресурсные затраты, меняя модель адаптации и поведения. Именно поэтому космонавты должны специально, занимаясь на тренажерах, поддерживать необходимую нагрузку на все группы мышц, чтобы иметь возможность вернуться к своим родным.

В заключение можно сказать, что идеи самоизменения человека могут развиться в положительном направлении, когда он научится замечать в себе и понимать как значимые те трансформации, которые приносят скорость, напряженность связей «человек–природа», сопряженность с экосредой, поскольку технические цифровые среды – это лишь фон, на котором развертывается потенциал человека, переходящего в космос, литосферу, где человек еще не бывал.

Литература

1. *Козловская И.Б.* Гравитационные механизмы в двигательной системе. [Электронный ресурс] Режим допуска URL: http://univertv.ru/video/biology/chelovek/gravitacionnye_mehanizmy_v_dvigatelnoj_sisteme/ (дата обращения 24.04.2021)

2. *Маклюен Г.М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека. Understanding media. М.; Жуковский, КАНОН-пресс Ц, Кучково поле, 2003.

3. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс1985.

4. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М.: Академический проект; Трикста, 2013.

5. *Савельев С.В.* Сергей Савельев в Институте философии РАН 1.11.2013 [Электронный ресурс] Режим допуска URL: https://yandex.ru/video/preview/?text = савельев%20в%20ИФ%20РАН&path = wizard&parent-reqid = 1619277821360801–1248091818133781839600223-production-app-host-sas-web-yp-139&wiz_type = vital&filmId = 1448778650657336l635 (дата обращения 24.04.2021).

6. *Смирнов А.В.* Международная конференция «Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы» (XX Фроловские чтения). Режим допуска URL: [Электронный ре-

сурс] https://www.youtube.com/watch?v = SjTszJu5wI4 (дата обращения 26.04.2021).

7. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

8. *Четверикова О.Н.* Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. М.: Книжный мир, 2018. 384 с.

9. *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки. Проблемы и дискуссии. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с. (Из наследия И.Т.Фролова.)

E.I. Yaroslavtseva

Post-Nonclassical Practices – Points of Growth and Support in Human Autopoiesis

Abstract. Scientific knowledge, interdisciplinary discourse of digital humanities, becomes everything in modern society more significant, showing the need for a post-nonclassical approach to the practice of creating prospects for social development. It is quite obvious that humanity is at a new stage of transformations, where the activity of the person himself acquires the greatest importance. There is a need for a complex of such communications, where everyone can realize themselves through effective practices of balanced interaction. The interactivity of communications through digital devices and effectively developing social networks have created new development parameters that change the practice and space of self-realization.

Keywords: Science, post-nonclassical practices, whole person, autopoiesis, communications, digital networks, risks.

Авторы

Белкина Галина Леонидовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Тел.: + 7 (495) 697–90–67.
E-mail: mariafrolov@yandex.ru

Белялетдинов Роман Рифатович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Тел.: + 7 (495) 697–90–67.
E-mail: roman_rb@mail.ru

Бирич Инна Алексеевна – доктор философских наук, профессор, кафедра философии и социальных наук, ГАОУ ВО МГПУ. Адрес: 129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, к. 1.
E-mail: BirichI@mgpu.ru

Бузгалин Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономии МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник, Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте.
E-mail: buzgalin@mail.ru

Ван Цзялян (КНР) – докторант Марксистской академии Университета Фудань, Шанхай, Китай.

Веряскина Валентина Петровна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, доцент. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Тел.: + 7 (495) 697–90–67.
E-mail: vpveryaskina@gmail.com

Воронин Андрей Алексеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, сектор гуманитарных экспертиз

и биоэтики, Институт философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Тел.: + 7 (495) 697–90–67.

E-mail: 79031019500@yandex.ru

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России.

E-mail: ogaman@mgimo.ru

Гнатик Екатерина Николаевна – доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов, факультет гуманитарных и социальных наук, кафедра онтологии и теории познания.

E-mail: ekaterinagnatik@rambler.ru

Го Лишуан (КНР) – профессор Марксистской академии Университета Фудань, Шанхай, Китай.

Гринберг Руслан Семёнович – член-корреспондент РАН, доктор эеономических наук, директор Института экономики РАН.

E-mail: ea3@inecon.ru

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович – академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: + 7 (495) 697–90–67.

E-mail: guseynovck@mail.ru

Дайсон Фримен Джон (1923–2020) – английский и американский физик-теоретик, один из создателей квантовой электродинамики.

Данилов-Данильян Виктор Иванович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института водных проблем РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Губкина, 3.

Тел.: +7 (499) 135 5456.

E-mail: vidd38@yandex.ru

Камалиева Ирина Рифатовна – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Южно-Уральский государственный университет (ЮУРГУ).

E-mail: irina.kamalieva@yandex.ru

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, эксперт Российской академии наук, вице-президент Академии геополитических проблем.

E-mail: geokefeli@mail.ru

Корсаков Сергей Николаевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Тел.: + 7 (495) 697–90–67.

E-mail: snkorsakov@yandex.ru

Курило Любовь Федоровна – доктор биологических наук, заведующая лабораторией генетики нарушений репродукции, ФГБУ «МГНЦ» РАМН.

E-mail: kurilo@med-gen.ru

Лекторский Владислав Александрович – академик РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Тел.: + 7 (495) 697–90–67.

E-mail: lektorsky@mail.ru

Майленова Фарида Габделхаковна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Тел.: + 7 (495) 697–90–67.

E-mail: farida.mailenova@gmail.com

Малинецкий Георгий Геннадьевич – доктор физико-математических наук, заведующий отделом математического моделирования нелинейных процессов, Институт прикладной математики имени М.В. Келдыша РАН.
E-mail: gmalin@keldysh.ru

Михайлина Светлана Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ». Адрес: 124498, Россия, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.
E-mail: mikhaylina_s@mail.ru

Недорезов Вадим Георгиевич – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, культурологии и социологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Россия, г. Оренбург.
E-mail: nvad@yandex.ru

Нестик Тимофей Александрович – доктор психологических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Россия, Москва, ул. Ярославская дом 13, корп. 1.
E-mail: nestik@gmail.com

Панченко Ольга Григорьевна - кандидат философских наук, доцент, старший методист, ФГБОУ ДО «Федеральный центр дополнительного образования и организации отдыха и оздоровления детей», Россия, г. Москва.

Писарчик Леонид Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, культурологии и социологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Россия, г. Оренбург.
E-mail: leonidtp@yandex.ru

Попова Ольга Владимировна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Тел.: +7 (495) 697–91–09.

E-mail: J-9101980@yandex.ru

Смирнов Андрей Вадимович – академик РАН, доктор философских наук, директор Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Тел.: + 7 (495) 697–90–67.

E-mail: asmirnov@iph.ras.ru

Тхостов Александр Шамилевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой нейро- и патопсихологии, МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: tkhostov@gmail.com

Фролов Иван Тимофеевич (1929–1999) – российский и советский философ, академик АН СССР (РАН), основатель и первый директор Института человека РАН.

Фролова Мария Ивановна – научный сотрудник, сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики, Институт философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Тел.: + 7 (495) 697–90–67.

E-mail: mariafrolova1@yandex.ru

Фудзии Ёити (Япония) – приглашенный лектор, колледж Фукуока. Адрес: Япония, 818–0193, преф. Фукуока г. Дадзайфу, Годзё, 4–16–1.

Тел. 092–922–4034.

E-mail:youichifujiikyushu@gmail.com

Хаят Сабина Шаукатовна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория генетики нарушений репродукции, зам. председателя этического комитета, ФГБУ «МГНЦ» РАМН.

E-mail: sabina_hayat@mail.ru

Хен Юлия Вонховна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН.

E-mail: hen@iph.ras.ru

Хёрц Герберт (ФРГ) – доктор философских наук, профессор, почетный президент Берлинского научного общества имени Лейбница.

E-mail: herbert.hoerz@t-online.de

Чумаков Пётр Михайлович – член-корреспондент РАН, доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией, Институт молекулярной биологии имени В.А. Энгельгардта РАН.

E-mail: chumakovpm@yahoo.com

Ярославцева Елена Ивановна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, сектор философских проблем творчества, Институт философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Тел.: + 7 (495) 697–90–67.

E-mail: yarela15@mail.ru

Authors

Belkina, Galina L. – PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

E-mail: mariafrolov@yandex.ru

Belyaletdinov, Roman R. – PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 109240, Russia, Moscow, ul. Goncharnaya, d. 12, b. 1.

Phone: + 7 (495) 697–91–09. Cell: +7(916)367–39–03

E-mail: roman_rb@iph.ras.ru

Birich, Inna A. – DSc (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Religious Studies of GAOU IN «The Moscow City Pedagogical University». Address: Russia, 129226, Moscow, 2nd Selskokhozyaystvenny Drive, 4, to. 1

E-mail: BirichI@mgpu.ru

Buzgalin, Aleksander V. – Doctor of Economics, Professor, Moscow State University, Leading Researcher, SY Vitte Institute of New Industrial Development.

E-mail: buzgalin@mail.ru

Chumakov, Peter M. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, MD, PhD, DSc (Biology), Professor of Molecular Biology and Molecular Medicine, Chief Scientist and Head of a Laboratory,V.A. Engelhardt Institute of Molecular Biology, Russian Academy of Sciences

E-mail: chumakovpm@yahoo.com

Danilov-Danil'yan, Viktor I. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director, Institute of Water Problems (RAS). Address: 3 Gubkina str., Moscow, 119333, Russia. Tel .: +7 (499) 135 5456.

E-mail: vidd38@yandex.ru

Dyson, Freeman John (1923–2020) – British-American theoretical physicist, one of the creators of quantum electrodynamics.

Frolov, Ivan T. (1929–1999) – philosopher, Full Member of the Russian (Soviet) Academy of Sciences.

Frolova, Maria I. – Research Fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 109240, Russia, Moscow, ul. Goncharnaya, d. 12, b. 1. Tel .: + 7 (495) 697–91–09.

E-mail: mariafrolova1@yandex.ru

Fujii, Youichi (Japan) – Invited Lecturer, Fukuoka College. Address: Japan, 818–0193, pref. Fukuoka, Dadzaifu, Godze, 4–16–1.

Tel. 092–922–4034.

E-mail:youichifujiikyushu@gmail.com

Gaman-Golutvina, Oxana V. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc (Political Science), Chair of Comparative Politics Department of MGIMO-University,Professor of HSE, President of Russian Political Science Association.

E-mail: ogaman@mgimo.ru

Gnatik, Ekaterina N. – DSc (Philosophy), Professor, Department of Ontology and Epistemology, RUDN University, Moscow, 6 Miklukho-Maklaya Str.

Tel. +7–985–784–44–75.

E-mail: ekaterinagnatik@rambler.ru

Guo Lishuang (China) – Professor, Marxist Academy, Fudan University, Shanghai, China.

Grinberg, Ruslan S. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director, Institute of Economics (RAS)

E-mail: ea3@inecon.ru

Guseinov, Abdusalam A. –Full Member of the Russian Academy of Sciences, DSc (Philosophy), Professor, Principal Research Fellow, Scientific Leader, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 109240, Russia, Moscow, ul. Goncharnaya, d. 12, b. 1.

Tel.: + 7 (495) 697–90–67.

E-mail: guseynovck@mail.ru

Hörz, Herbert (Germany) – DSc (Philosophy), Professor, Honorary President of the Berlin Leibnitz Scientific Society.

E-mail: herbert.hoerz@t-online.de

Kamalieva, Irina R. – PhD (Philosophy), Assistant Professor, Department of Philosophy, South-Ural State University.

E-mail: irina.kamalieva@yandex.ru

Kefeli, Igor F. – DSc (Philosophy), Professor, Director, Center for Geopolitical Expertise, North-West Institute of Management (RANEPA); Vice-President, Academy of Geopolitical Problems. St. Petersburg, Russia.

E-mail: geokefeli@mail.ru

Khayat, Sabina Sh. – PhD (Biology), Senior Research Fellow, Laboratory of Genetics of Reproductive Disorders, Federal State Budgetary Scientific Institution «Research Centre for Medical Genetics» (RCMG), Russian Academy of Medical Sciences.

E-mail: sabina_hayat@mail.ru

Khen, Julia V. – DSc (Philosophy), Main Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

E-mail: hen@iph.ras.ru

Korsakov, Sergey N. – DSc (Philosophy), Assoc. Prof., Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

E-mail: snkorsakov@yandex.ru

Kurilo, Lubov F. – DSc (Biology), Professor, Head of the Department, Federal State Budgetary Institution «Research Centre for Medical Genetics».

E-mail: kurilo@med-gen.ru

Lektorski, Vladislav A. – Full Member of the Russian Academy of Sciences, DSc (Philosophy), Professor, Principal Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 109240, Russia, Moscow, ul. Goncharnaya, d. 12, b. 1.

Tel .: + 7 (495) 697–90–67.

E-mail: lektorsky@mail.ru

Malinetskiy, Georgy G. – DSc (Physics and Mathematics), Professor, Head of the Department of Mathematical Modelling of Non-Linear Processes, Keldysh Institute of Applied Mathematics, Russian Academy of Sciences.

E-mail: gmalin@keldysh.ru

Maylenova, Farida G. – DSc (Philosophy), Leading Research Fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Tel: +7(916)144–06–74

E-mail: farida.mailenova@gmail.com

Mikhaylina, Svetlana A. – PhD (Philosophy), Associate Professor. Department of philosophy, sociology and political science, National Research University of Electronic Technology «MIET», Moscow, Russia. Address: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1.

E-mail: mikhaylina_s@mail.ru

Nedorezov, Vadim G. – PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Culturology and Sociology; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», Orenburg, Russia.

E-mail: nvad@yandex.ru

Nestik, Timofey A. – DSc (Psychology), Professor of RAS, Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology, Federal State-Financed Institution, Institute of Psychology RAS, Moscow.

E-mail: nestik@gmail.co

Panchenko, Olga G. – PhD (Philosophy), Assistant Professor, Senior Methodologist, Federal Center of Additional Education and Organisation of Recreation and Health Improvement of Children, Moscow.

Pisarchik, Leonid Y. – PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Culturology and Sociology; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», Orenburg, Russia.

E-mail: leonidtp@yandex.ru

Popova, Olga V. – DSc (Philosophy), Leading Research Fellow, Head of the Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 109240, Moscow, ul. Goncharnaya, 12, 1.

Phone: +7 (495) 697–91–09.

E-mail: J-9101980@yandex.ru

Smirnov, Andrey V. –Full Member of the Russian Academy of Sciences, DSc (Philosophy), Professor, Director, Institute of Philoso-

phy, Russian Academy of Sciences. Address: 109240, Russia, Moscow, ul. Goncharnaya, d. 12, b. 1. Tel .: + 7 (495) 697–90–67.
E-mail: asmirnov@iph.ras.ru

Tkhostov, Alexander Sh. – DSc (Psychology), Professor, Head of the Department of Neuro- and Patopsychology, Moscow State University.
E-mail: tkhostov@gmail.com

Veryaskina, Valentina P. – DSc (Philosophy), Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 109240, Russia, Moscow, ul. Goncharnaya, d. 12, b. 1. Tel.: + 7 (495) 697–90–67.
E-mail: vpveryaskina@gmail.com

Voronin, Andrey A. – DSc (Philosophy) Leading Research Fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 109240, Russia, Moscow, ul. Goncharnaya, d. 12, b. 1. Tel .: + 7 (495) 697–90–67.
E-mail: 79031019500@yandex.ru

Wang Jialiang – doctorant, Marxist Academy, Fudan University, Shanghai, China.

Yaroslavtseva, Elena I. – PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Department of Philosophical Problems of Creativity, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 109240, Russia, Moscow, ul. Goncharnaya, d. 12, b. 1. Tel.: + 7 (495) 697–90–67.
E-mail: yarela15@mail.ru

Аннотированный список книг издательства
«Канон+» РООИ «Реабилитация»
вы можете найти на сайте
kanonplus.ru
Заказать книги можно, отправив заявку по электронному адресу:
kanonplus@mail.ru

Научное издание

Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы

Ответственный за выпуск *Ю.В. Божко*
Оформление *Б.Г. Клюйко*
Компьютерная верстка *Б.Г. Клюйко*
Корректор *Ю.В. Анисова*

Подписано в печать .
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 31. Уч-изд. л. 25,1.
Тираж 1000 экз. (первый завод 300)
Заказ .

Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация»
111672, Москва, ул. Городецкая, д. 8, корп. 3, кв. 28
Тел./факс +7(495) 702-04-57.
E-mail: kanonplus@mail.ru
Сайт: http://www.kanonplus.ru